

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2022

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

**Всероссийская научная конференция
с международным участием**

Часть вторая

**Санкт-Петербург
2023**

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета всероссийской
научной конференции с международным участием

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ имени А.И. Герцена,
заместителя председателя научно-методического совета
Центра истории парламентаризма МПА СНГ
А.Б. Николаева

Рецензенты: П.Н. Гордеев, доктор исторических наук, старший научный
сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) ИИСН РГПУ
им. А.И. Герцена; С.Е. Руднева, доктор исторических наук, профессор
Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

Т13 Таврические чтения 2022. Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность. Всероссийская научная конференция с меж-
дународным участием. С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря
2022 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. —
СПб.: Астерион, 2023. — Ч. 2. — 244 с.

ISBN 978-5-00188-391-3
ISBN 978-5-00188-393-7 (Часть 2)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2023

ISBN 978-5-00188-391-3
ISBN 978-5-00188-393-7 (Часть 2)

СОДЕРЖАНИЕ

«НЕПРИМИРИМЫЕ ДРУЗЬЯ» (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. ГУЧКОВА И П.А. СТОЛЫПИНА)

ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. П.А. Столыпин и попытка создания правоохранительского блока на выборах во II Государственную думу	7
СОЛОВЬЕВ К.А. П.А. Столыпин и Дума	13
СЕЛЕЗНЕВ Ф.А. Царь и парламент: П.А. Столыпин и А.И. Гучков в их взаимоотношениях с Николаем II	23
ГАЙДА Ф.А. П.А. Столыпин и А.И. Гучков: два медведя в одной берлоге	28
ХОЛЯЕВ С.В. Эксплуататор мифа	34

ДИСКУССИЯ

И.В. ЛУКОЯНОВ	42
Ф.А. ГАЙДА	43
И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК	45
Ф.А. ГАЙДА	46
С.В. КУЛИКОВ	46
И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК	48
Д.В. АРОНОВ	51
И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК	52
Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ	52
И.К. КИРЬЯНОВ	55
Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ	55
И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК	55
Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ	55
К.А. СОЛОВЬЕВ	56
С.В. ХОЛЯЕВ	59
И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК	61
С.В. ХОЛЯЕВ	61
С.М. ЛЯНДРЕС	62

К.А. СОЛОВЬЕВ	62
С.М. ЛЯНДРЕС	63
К.А. СОЛОВЬЕВ	63
С.М. ЛЯНДРЕС	64
И.В. ЛУКОЯНОВ	64
С.М. ЛЯНДРЕС	64
В.А. ДЁМИН	65
Д.В. АРОНОВ	67
С.В. КУЛИКОВ	67
М.Г. АЛМАЗОВ	68
И.В. ЛУКОЯНОВ	69

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ (1917–1918 гг.)

КАЛАШНИКОВ В.В. О некоторых вопросах истории становления советского парламентаризма в России в 1917 году	71
---	----

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СССР (1989–1991 гг.)

НОВИКОВА И.Ф. К вопросу о конституционных основах советского парламентаризма	90
ЯЛЫШЕВ Р.А. Новый Союзный договор на четвертом съезде народных депутатов СССР	96
БАБУРИН С.Н. Идеология Союзного договора в 1922 и 1991 гг.: деформация политических смыслов	102
ЛУКАШИН А.В. «Подпишем договор, если получим союзный статус». Фактор автономных республик в подготовке нового Союзного договора в 1990–1991 гг.	112

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«СЪЕЗДЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА И СУДЬБА СССР (ИЮЛЬ 1990 — АВГУСТ 1991)»

Е.А. ТАРАСОВА	120
В.Б. ИСАКОВ	120
С.Н. БАБУРИН	121
В.Б. ИСАКОВ	122
Д.А. ЛУКАШЕВИЧ	124
Е.А. ТАРАСОВА	127
Д.А. ЛУКАШЕВИЧ	127
А.Б. НИКОЛАЕВ	127

С.Н. БАБУРИН	127
С.Н. БАБУРИН	128
В.В. КАЛАШНИКОВ	128
А.Б. НИКОЛАЕВ	128
В.В. КАЛАШНИКОВ	128
Д.А. ЛУКАШЕВИЧ	129
А.М. ОБОЛЕНСКИЙ	130
Р.А. ЯЛЫШЕВ	130
В.Б. ИСАКОВ	131
Р.А. ЯЛЫШЕВ	132
В.В. КАЛАШНИКОВ	133
А.Б. НИКОЛАЕВ	133
С.Н. БАБУРИН	133
В.Б. ИСАКОВ	134
А.М. ОБОЛЕНСКИЙ	135
С.Н. БАБУРИН	140
А.М. ОБОЛЕНСКИЙ	143
С.Н. БАБУРИН	143
А.М. ОБОЛЕНСКИЙ	143
С.Н. БАБУРИН	143
А.В. ЛУКАШИН	144
Д.А. ЛУКАШЕВИЧ	145
В.В. КАЛАШНИКОВ	146
Р.А. ЯЛЫШЕВ	147
А.В. ИЛЬИН	148
Е.А. ПАШКОВСКИЙ	149
С.Н. БАБУРИН	150
В.Б. ИСАКОВ	150
А.Б. НИКОЛАЕВ	150

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СТРАНАХ СНГ

ЕВДОКИМОВ А.В. Карьерные траектории нижегородских депутатов Государственной Думы и Совета Федерации I созыва (1993–1996 гг.)	151
УЗЛОВА И.В. Совет Федерации I созыва: проблема назначения судей Конституционного Суда РФ	154
РУДЕНКО М.В., ОНОПКО О.В. Парламентаризм в Донецкой Народной Республике: исторические этапы и тенденции развития	162

ЧИКАЛОВА И.Р. Парламент Республики Беларусь в первое десятилетие независимости: вопрос женского представительства.....	170
СМАЛЬ С.В. Социальная политика в программах парламентских партий России и Казахстана: опыт контент-анализа	177

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

КАЛИНИНА Е.Ю. Кортесы в Кадисе 1808–1813 гг. и конституция 1812 г.: мифология испанского конституционализма и парламентаризма	186
ПЕТЕЛИН Б.В., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Е.С. Трансформация партийно-политической системы ГДР в процессе объединения Германии: конец 80-х — начало 90-х гг. XX века	194
ТАМБИ С.А. Евроскептицизм в эстонском парламенте.....	200
КАТКОВА Е.П. Собрание в политической системе современной Северной Македонии (1991–2022 гг.)	207

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ РАССКАЗЫВАЮТ...

ОБОЛЕНСКИЙ А.М. Убийство СССР (эпизод так называемого ГКЧП).....	214
--	-----

ПРЕЗЕНТАЦИИ УЧАСТНИКОВ «ТАВРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ»

ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. О монографии «Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022»	227
ЛЯНДРЕС С.М., БАЖАНОВ Д.А., БОКАРЕВА Л.С., ГАВРОЕВА Е.С., ТРИБУНСКИЙ П.А. О сборнике «Государственная дума и революция»	229
ИСАКОВ В.Б. О книге «Президентские выборы в России 1996. Как избирали Б.Н. Ельцина. М.: Книжный мир, 2022. 334 с.»	232
СЕЛЕЗНЕВ Ф.А., ЕВДОКИМОВ А.В., СОРОКИН А.А. Презентация выставки «Нижегородцы и Государственная дума: история и современность»	234
Сведения об авторах	237
Список сокращений и аббревиатур.....	242

«НЕПРИМИРИМЫЕ ДРУЗЬЯ» (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. ГУЧКОВА И П.А. СТОЛЫПИНА)

П.А. СТОЛЫПИН И ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ПРАВООКТАБРИСТСКОГО БЛОКА НА ВЫБОРАХ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры Отечественной истории
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: Omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается попытка премьер-министра П.А. Столыпина во время второй думской избирательной кампании создать предвыборный блок правых и октябристов для получения лояльного к правительству большинства в Государственной думе. Однако этот план П.А. Столыпина натолкнулся на непреодолимые идеологические разногласия в идеологической сфере между «Союзом 17 октября» и монархическими организациями — Союзом русского народа и Русской монархической партией (еврейский вопрос, полномочия Думы, избирательная система и т.п.). Препятствием к заключению предвыборного соглашения стали также личные амбиции партийных лидеров, не желавших идти на компромисс ради победы на выборах. И хотя в нескольких городах региональным организациям правых и октябристов все же удалось заключить предвыборные соглашения, это не смогло принципиально изменить исход избирательной кампании: ее результаты оказались разочаровывающими и для октябристов, и для правых, и для правительства, что и предопределило судьбу II Государственной думы, оказавшейся еще более оппозиционной по сравнению с предыдущей.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, А.И. Гучков, Вторая Государственная дума, избирательный блок, «Союз 17 октября», Русская монархическая партия, Союз русского народа.

Итоги первой думской избирательной кампании не устроили ни октябристов, получивших всего 16 мест, ни правых, хотя и получивших 9,2% голосов избирателей на предварительных этапах, тем не менее, не сумевших провести в Думу ни одного своего кандидата. Те же несколько депутатов, которых некоторые историки относят к правым, всего лишь обозначили свои правые взгляды при обсуждении некоторых вопросов в Думе, отнюдь не рискуя называть себя монархистами в революционной «Думе народного гнева». Еще

больше результаты думских выборов, давших явное преимущество оппозиции, не устроили правительство, в особенности его нового главу П.А. Столыпина, стремившегося к налаживанию конструктивного взаимодействия с представительным органом. Именно ему, наверно, первому в нашей истории, пришла в голову мысль для контроля над законодательной ветвью власти создать «партию власти», которая после прохождения в Думу создаст «фракцию власти». Правительству необходимо было только найти политическую силу, готовую исполнить эту функцию, и с помощью административного ресурса помочь ей пройти в Думу. Выбор правительства пал на «Союз 17 октября». Однако показанные партией результаты в первой думской избирательной кампании не позволяли надеяться на решительный успех и во второй. Проблему мог решить избирательный блок, например, с монархистами. Последние, не блеснув на первых выборах, к этому времени значительно усилились, в первую очередь, за счет Союза русского народа (СРН), создавшего отделы в сотнях населенных пунктов (только в Волынской губернии более 600¹), в т.ч. и крупных: Одессе, Киеве, Ярославле и др., что давало некоторые надежды в предстоящей избирательной кампании. Весьма кстати в начале сентября 1906 г. состоялся съезд председателей отделов СРН, резолюции которого, ввиду отсутствия самодержца, отдыхавшего на яхте в шхерах Балтийского моря, были представлены П.А. Столыпину. Премьер-министр «очень любезно принял депутацию в числе более 30 человек и долго с ними беседовал, заверяя, что он вполне солидарен» с монархистами, «чем многих и убедил». После чего П.А. Столыпин предложил союзникам (членам Союза русского народа) войти в избирательный блок с «Союзом 17 октября», правда, попросив присутствующих «не оглашать слышанного от него»². Однако руководители всех 55 представленных на монархическом съезде местных организаций СРН накануне как раз обсуждали этот сценарий избирательной кампании и единогласно отвергли его. Не поддержал ее и Главный совет Союза. Камнем преткновения оказался еврейский вопрос. «Союз 17 октября стоит за равноправие евреев», — возмущалось «Русское знамя»³. Спустя две недели газета разъяснила свою позицию: «Вступать в „блок“ с партией „17 октября“ Союзу [русского народа] нет ни малейшего основания, и вряд ли этот „блок“ сможет повлиять на выборы в желательном для него смысле... Не нам вовсе нужен этот „блок“, а октябристам, которые отлично сознают, что они без посторонней помощи проникнуть в Думу не могут, так как, с одной стороны, они не пользуются, как Союз Русского Народа, сочувствием народных масс, а с другой — в применении всякого рода тактических приемов они не дошли еще до той степени виртуозности, как партии, стоящие левее их»⁴.

Практически одновременно с попыткой вовлечь в соглашение с октябристами СРН П.А. Столыпин попытался добиться участия в этом блоке и Русской монархической партии (РМП). В первой половине сентября состоялась его встреча с председателем РМП В.А. Грингмутом, на которой премьер-министр заявил своему собеседнику, «что выборы в новую Думу будут производиться по тому же закону, как и в первую, с тою только разницей, что тогда правительство совсем устранилось от выборов, а теперь — наоборот, будет

¹ Центральный государственный архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 442. Оп. 658. Д. 95, ч. 5. Л. 20.

² Соколов В.П. Страшная правда: обзор управления П.А. Столыпина. СПб., 1907. С. 13.

³ Русское знамя. 1906. 21 ноября. № 287.

⁴ Русское знамя. 1906. 6 декабря. № 300.

стараться, чтобы выборы дали хороших людей», и попросил помочь ему¹. Не без сомнений В.А. Грингмут согласился «помочь» правительству. Речь, вероятно, и здесь шла о создании проправительственного правооктябристского блока, к формированию которого обе политические силы подталкивали еще и их собственная электоральная слабость, ярко проявившаяся в первой думской избирательной кампании, а также обоюдное желание не допустить доминирования в новой Думе либеральной оппозиции, оставившей своих конкурентов далеко за флагом на прошедших выборах.

Рассказывая генеральше А.В. Богданович о предложении П.А. Столыпина, В.А. Грингмут высказал и свое мнение о возможном партнере по избирательному блоку председателе партии октябристов А.И. Гучкове: «... ничего в нем нет выдающегося — пустой человек»². В свою очередь, лидер октябристов выразил свое отношение к правым в частном письме к своему соратнику по партии Ю.Н. Милютину: «Истиннорусские люди совсем погубят просто русских»³. Спустя некоторое время взаимные претензии А.И. Гучкова и В.А. Грингмута были перенесены в публичную сферу. Так, лидер октябристов в интервью корреспонденту «Нового времени» заявил: «Я лично только тогда не возражал бы против блока с монархистами, если бы эти последние... Как бы выразиться поточнее? — Ну, почистились бы что ли...». Председатель Русской монархической партии отплатил А.И. Гучкову той же монетой: «Против вас, — сказал он, — мы решительно ничего не имеем; когда вы к нам придете, мы вам будем очень рады, но только сначала всем вам надо очень и очень почиститься»⁴. Журналист оппозиционной газеты «Владимирец» иронизировал по поводу этого инцидента: «Я не берусь, конечно, судить, в какой мере вообще возможен этот „банный блок“, но полагаю, что ни Петрушка-октябрист, ни Петрушка-монархист ни на какие уступки идти не склонны», и значит, «будущий историк русского парламента, отмечая неудачу правых партий при выборах во вторую Государственную думу, получит возможность сказать: если бы г. Грингмут не отверг мочалки октябристов, а г. Гучков не отринул веника монархистов, то ход русской истории мог быть и иным...»⁵.

Лидер октябристов на общем собрании партии, состоявшемся в Петербурге, «произнес обширную речь, в которой коснулся и Монархической партии». Он заявил, что в принципе видит в монархистах союзников, но «не теперь, а на другой день после выборов». В настоящее же время соглашению с ними мешает «сложность их состава», в который «вошли элементы, ранее состоявшие на службе реакции, охранявшей узкоклассовые интересы и темноту народную... враги мирного разрешения наиболее болезненного крестьянского вопроса...». «Видя, что на охрану Самодержавия становятся теперь элементы, доведшие его до катастрофы, я боюсь их», — такими словами завершил свое выступление А.И. Гучков⁶.

В ответ В.А. Грингмут предложил лидеру октябристов ознакомиться с программой РМП, в которой черным по белому записана цель партии: «всячески содействовать широкому распространению народных школ», то есть

¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 401.

² Там же.

³ Патрикеева О.А. Правые на выборах во II Государственную думу: поиски союзников в предвыборной борьбе // Клио. 2003. № 3. С. 88.

⁴ Владимирец. 1906. 15 декабря. № 111.

⁵ Там же.

⁶ Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1910. Вып. 4. С. 253.

борьба с той самой «темнотой народной»¹. По поводу второго обвинения В.А. Грингмут также выразил удивление: «Кто же как не монархисты требовали не насильственного, а мирного разрешения крестьянского вопроса?» Вероятно, Александр Иванович просто «изволил перепутать монархистов с социалистами», высказывал предположение председатель РМП. «Странная ошибка для серьезного государственного человека», — удивлялся В.А. Грингмут. Высказался председатель РМП и об «элементах», доведших «самодержавие до катастрофы», которых так боялся А.И. Гучков. В.А. Грингмут успокоил лидера октябристов: «Граф Витте, доведший Самодержавие до катастрофы, в списках Монархической партии не значится». А в программных документах Русской монархической партии, продолжал ее председатель, записано: «Государственная служба должна стоять высоко и честно: слугами Царя могут быть лишь лица, свято, строго и бескорыстно исполняющие свой долг пред Самодержавным Царем и Отечеством»².

В этой полемике В.А. Грингмут не преминул указать и на особый статус октябристов в партийной системе России (за что они позже получили прозвание «партии последнего правительственного распоряжения») — статус «партии власти». «Союз 17 октября», указывал лидер монархистов, с самого момента своего возникновения «не переставал быть предметом особенно нежного попечения со стороны теперешнего Петербургского Правительства. „Союз“ этот выставлялся и до сих пор выставляется в Петербурге как идеальный образец русской политической партии, на которую-де только и может опереться Правительство во второй Думе, а потому всем „правым“ партиям ставилось и доселе ставится в патриотический долг отречься от своих убеждений и содействовать победе „Союза 17 октября“ на предстоящих выборах»³.

Изначально главным препятствием для создания избирательного блока Русской монархической партии и «Союза 17 октября» был еврейский вопрос. Однако вскоре список претензий правых к октябристам расширился, и 9 января 1907 г. В.А. Грингмут предложил своим потенциальным союзникам провести открытые дебаты («диспут») с участием 100 человек от каждой партии, чтобы те могли оправдаться по обвинениям: «1) в полном равнодушии к Православной Церкви; 2) в желании ограничить Самодержавие Русского Царя, и 3) в стремлении предоставить евреям неограниченное равноправие во всей России». По его мнению, «эти три вопроса кладут такой резкий предел между всеми существующими в России партиями, с одной стороны, и монархистами — с другой, что ни о каком слиянии правых с октябристами и речи быть не может»⁴. Но при этом В.А. Грингмут подчеркнул, что «Монархическая Партия не „перчатку бросает“ „Союзу 17 октября“, а приглашает его на серьезное обсуждение своих программ»⁵.

Такое стремление правых к диалогу с октябристами В.А. Грингмут объяснял двояко. С одной стороны, он уверял, что в рядах октябристов много «тайных или бессознательных монархистов», которых следует привлечь на свою сторону⁶, с другой — утверждал, что правые, «исполняя Манифест 17 октября», просто обязаны добиться наилучшего результата в предстоящей избирательной кампании, и потому «Монархическая партия... не только

¹ Там же.

² Там же. С. 255.

³ Московские ведомости. 1907. 10 января. № 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 290.

не отказывается от участия в выборах в новую Думу, но и усердно приглашает своих членов к этому участию, дабы по чистой совести содействовать победе действительно „лучших“ людей, насколько это возможно при существующем избирательном законе, негодность которого признана единогласно как самим Правительством, так и всеми без исключения партиями, конечно, по весьма различным причинам. Из дурного закона может выйти только дурная Дума, но пусть Правительство вполне и окончательно убедится, что дурная Дума, которую, несомненно, придется вторично разогнать, получится от дурного избирательного закона, а не от нерадения и злой воли монархистов. Монархисты должны быть совершенно чисты от подобных упреков, дабы негодность избирательного закона и безусловная необходимость коренного его изменения стали совершенно очевидными даже и Петербургу»¹.

Однако Центральный комитет «Союза 17 октября» на заседании 11 января 1907 г., «обсудив приглашение Центрального бюро „Русской Монархической партии“ к совместному обсуждению их программ и способов объединения действий обеих организаций, пришел к единогласному решению отклонить это приглашение»², что дало В.А. Грингмуту повод заявить, что «октябристы увильнули», и возложить на них вину за возможную победу на выборах «кадетов» и «трудоуиков»³. Таким образом, намечаемый главой правительства блок правых и октябристов не состоялся по причине непреодолимых идеологических разногласий.

Член Главного Совета СРН В.П. Соколов по этому поводу не без удовольствия написал: задуманная П.А. Столыпиным политическая комбинация по созданию в Думе «послушного его дирижерской палочке конституционно-бесцветного большинства», разбавленного «для пикантности прений» на правом крыле «обманутой им кучкой монархистов», а на левом — «20–30 учтивыми кадетиками», не удалась. По мнению В.П. Соколова, премьер-министр не учел трех факторов: «наше [монархистов] неожиданное упорство и нежелание заключать блока» с октябристами, активное участие в избирательной кампании левых, бойкотировавших предыдущую Думу, и, наконец, «неверное представление о силах Союза 17 октября, основанное на сообщениях официальной и официозной печати, а, может быть, и на неверных министерских сведениях». Впрочем, писал В. П. Соколов, «вероятно... и на Столыпина находило сомнение. Но что ж ему было делать?! Открыто стать на сторону правых, снабдить их солидной денежной поддержкой? Но ведь тогда бы он рисковал тем, что монархистов будет большинство», а они «не потерпят конституционно-бюрократического строя»⁴ (так крайне правые называли политическую систему Думской монархии, главным «архитектором» которой являлся П.А. Столыпин).

Следует уточнить, что, говоря об «упорстве» правых, не желавших заключения блока с «Союзом 17 октября», В.П. Соколов имел в виду в первую очередь руководство СРН, печатный орган которого газета «Русское знамя» в номере от 9 января 1907 г., в разгар предвыборной борьбы, опубликовал циркуляр Главного совета с написанием о постановлении состоявшегося в сентябре 1906 г. съезда представителей отделов «о том, чтобы не вступать ни в какие предвыборные соглашения ни с октябристами, ни с какими-либо другими

¹ Московские ведомости. 1907. 10 января. № 7.

² Московские ведомости. 1907. 14 января. № 11.

³ Там же.

⁴ Соколов В.П. Указ. соч. С. 13–14, 15.

партиями, преследующими цели, не совместимые с задачами Союза». В циркуляре подчеркивалось, что октябристы «помимо «конституции ... стоят за так называемое „равноправие“ иудеев, которое, как вы сами знаете, будет вовсе не равноправием, а владичеством иудеев над русским народом». Характерно, что этим циркуляром руководство СРН признало, что не в силах повлиять на позицию местных организаций, и возложило на них вину за возможные последствия блока с октябристами: «Помните вы, которые идете с ними в соглашение, что если в Государственной думе пройдет закон о „равноправии“ иудеев, то этот великий грех перед родным нашим народом будет лежать тяжелым камнем на вашей совести»¹.

Тем не менее, некоторые отделы Союза русского народа нарушили этот грозный циркуляр, вступив в соглашение с октябристами. Предвыборные блоки были созданы в Киеве, Казани, Туле, Рязани, Екатеринославе, Воронеже, Витебске, Симферополе, Уфе, Вятке², Двинске, Могилеве, Минске, Кременчуге, Севастополе, Харькове, Полтаве, Павлограде и Вышнем Волочке³. Во Владимире соглашения достигнуть не удалось, но в избирательном списке владимирских союзников из пяти кандидатов три (!) принадлежали к партии октябристов⁴. На собрании Владимирского отдела СРН, проходившем 27 января 1907 г., объяснить такой шаг со стороны Союза взялся некто «беспартийный», заявивший, «что это произошло не оттого, чтобы существовало предвыборное соглашение, так как оно на самом деле не состоялось, и не оттого, чтобы эти кандидаты участвовали в обоих союзах, а оттого, что Союз русского народа, сознавая всю важность предстоящего момента, отбросил партийное самолюбие и не желал дробить голоса»⁵. Председатель СРН А.И. Дубровин вынужден был объяснить подобное поведение региональных отделов наличием в рядах октябристов «массы членов, которые веруют также, как и чистые монархисты»⁶.

Таким образом, разногласия в идеологической сфере (еврейский вопрос, полномочия Думы, избирательная система и т.п.), а также межличностные конфликты партийных лидеров правых и октябристов не позволили П.А. Столыпину создать избирательный блок «Союза 17 октября» и монархических организаций, способный бороться за победу на Думских выборах. И хотя на региональном уровне дело обстояло несколько иначе, и в некоторых городах предвыборные соглашения правых и октябристов все же были заключены, это не смогло принципиально изменить исход избирательной кампании: ее результаты оказались разочаровывающими и для октябристов, и для правых, и для правительства. Вторая Дума, «Дума народного невежества», получилась уже не оппозиционной, а откровенно революционной, что и предрешило ее судьбу.

¹ Русское знамя. 1907. 9 января. № 5.

² Ромов Р.Б. Правомонархическое движение на выборах во II Государственную думу (1907 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. № 5. С. 30, 32, 33.

³ Патрикеева О.А. Указ. соч. С. 90.

⁴ Владимирский край. 1907. 25 января. № 20.

⁵ Владимирский край. 1907. 31 января. № 25.

⁶ Правые партии. Т. 1. С. 268.

П.А. СТОЛЫПИН И ДУМА

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор

Школы исторических наук

факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

главный научный сотрудник

Института российской истории РАН,

Москва, Россия;

e-mail: kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена взаимодействию правительства П.А. Столыпина и депутатского корпуса II и преимущественно III Думы. Ставится вопрос о характере политической системы, складывавшийся в результате такого сотрудничества. Характеризуется отношение Столыпина к конституционализму и парламентаризму, значение Государственной думы для его программы реформ. Выявляются причины неустойчивости формировавшейся модели взаимодействия властей.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, Государственная дума, Совет министров, реформы.

Историки любят «вечные» темы. Одна из них — неизменный конфликт власти и общества в России Нового времени. В думские годы он спадал и накалялся в пространстве одного здания и даже помещения. Это был первый общенациональный политический театр, где в течение пяти лет действовал один главный актер и постановщик — премьер-министр России П.А. Столыпин. Здесь он выступал, и его слова помнят до сих пор. Здесь о нем говорили. И эти слова тоже помнят, подчас забывая их авторов (например, известнейшее словосочетание «столыпинский галстук»). Здесь, в Думе, 6 марта 1907 г. была прочитана правительственная декларация. Депутат Второй Думы С.Н. Булгаков вспоминал: «В Государственной думе на меня произвел сильное впечатление своей личностью, смелостью, своеобразной силой слова (особенно на фоне жалкой брехни) Столыпин. Я совершенно не сочувствовал его политике, но я сохранил веру, что он любит Россию и, в конце концов, не солжет»¹. За время работы во Второй Думе П.Б. Струве кардинально изменил свое мнение о Столыпине. Изначальный скепсис и недоверие сменились почти что восторгом. В 1908 г. в частных беседах он говорил: «Столыпин выдается своей силой воли и тем, что у него есть идеи. К тому же он прекрасный оратор... Столыпин был лучшим оратором во Второй Думе»². Струве и в дальнейшем чрезвычайно высоко оценивал премьер-министра, считая его «самым крупным государственным человеком послереволюционной, конституционной России»³. Ораторский талант главы правительства никто не ставил под сомнение — и справа, и слева. Князь В.П. Мещерский язвительно замечал, что Дума именно потому существует, что премьер Столыпин неожиданно для многих открыл у себя ораторский талант⁴.

¹ Булгаков С.Н. Дела и дни. М., 2008. С. 392.

² Кизеветтер Е.Я. Дневник // ОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Д. 1. Л. 230 об.

³ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 73.

⁴ Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 87.

Столыпина помнят, но историография предпочитает напоминать о нем, прежде всего, в юбилейные годы. Так случилось в 2012 г., так должно было произойти в 2022 г. ... И все же всякий раз, когда упоминается эта звучная фамилия, она неизменно вызывает острую реакцию и ожесточенные споры. По словам В.А. Маклакова, «в литературе о Столыпине больше преувеличений и страстей, чем справедливости. Это удел крупных людей. У современников к ним или „восхищение“, или „ненависть“; правду им воздаст только потомство»¹. До сих пор историография упорствует, связывая имя Столыпина исключительно с аграрными преобразованиями². Однако у Столыпина было многое детищ. Одно из них — это как раз Дума, функционировавшая и после т.н. «третьеиюньского переворота». Как бы это ни казалось парадоксальным, издание соответствующего положения о выборах — важная реформа столыпинского кабинета. Нет сомнений, что принятое решение отнюдь не способствовало демократизации избирательной системы. Однако вопрос тогда стоял совсем не о расширении избирательных прав, а о нечто другом: быть ли законодательному представительству или нет? Занимавший на тот момент должность товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановский впоследствии вспоминал, что к июню 1907 г. был подготовлен проект, согласно которому вместо одной Думы создавалось сразу несколько областных, которые, разумеется, не могли даже претендовать на роль законодательного органа власти³. Правительство все же настояло на сохранении именно законодательной Думы и, вместе с тем, изменило конструкцию власти.

Конструкция власти — это не только (и, может быть, даже не столько) писаное законодательство, это в огромной мере их социальное содержание⁴. Положение о выборах 11 декабря 1905 г. подразумевало весьма искаженную, но все же в основе своей славянофильскую модель единения царя с самыми широкими слоями населения⁵. В июне 1907 г. в избирательное законодательство был внесен элемент прагматизма. Теперь делалась ставка на конструктивное взаимодействие с цензовыми слоями общественности: представителями земства, различных корпораций, региональных элит. Это были отнюдь не простые для правительства переговорщики. Напротив, ключевые инициативы кабинета Столыпина обсуждались в представительных учреждениях годами. Многие из них так и не вышли из стен Таврического или Мариинского дворца. Те, что в итоге получили одобрение законодателей, были заметно отредактированы⁶.

Возникает закономерный вопрос: зачем правительству и лично Столыпину столь строптивая и капризная Дума?

Этот вопрос тем более правомерен, что премьер-министр всячески подчеркивал значение депутатского корпуса.

¹ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. М., 2006. С. 13.

² См.: П.А. Столыпин. Библиографический указатель / Сост. В.М. Шевырин. М., 2002; П.А. Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 727–730.

³ Письмо С.Е. Крыжановского В.Н. Коковцову 29.10.1929 // Bakhmeteff archive (BAR). Kryzhanovskii coll. Box. 2.

⁴ Лоу С. Государственный строй Англии. М., 1910. С. 54.

⁵ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 241.

⁶ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. М., 2016. Т. 3. Вторая половина XIX — начало XX вв. С. 328–334; П.А. Столыпин: Программа реформ: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 707–708, 717–718, 736.

Следуя славянофильской традиции, П.А. Столыпин интерпретировал понятие «парламентаризм», скорее солидаризируясь с его противниками. Он полагал, что в 1905–1906 гг. по воле императора в России был установлен конституционный порядок, который, однако, не соответствовал парламентарной модели управления, осуществленной, например, в Англии, Франции и многих других странах Западной Европы. По мысли премьер-министра, он в наибольшей степени соответствовал модели дуалистической монархии, реализованной в Германии и Австро-Венгрии. В августе 1906 г. Столыпин объяснял британским журналистам: «В Англии судят с английской, то есть с парламентской, точки зрения. Между тем, нужно отличать парламентаризм от конституционализма. У нас есть только конституционализм, как и в Германии или даже Американской республике»¹.

С точки зрения Столыпина, парламентаризм и не мог быть осуществлен в России, так как это предполагало бы решительный отказ от традиционных политических институтов, в т.ч. от самодержавия. Председатель Совета министров считал, что и после 1906 г. источником права оставался император, который провозгласил новый государственный порядок и гарантировал его осуществление. Следовательно, Россия оставалась страной монархического суверенитета. В то же время политическая доктрина парламентаризма тяготела к концепции народовластия, декларировавшей народный суверенитет или, по крайней мере, отрицавшей монархический².

Столыпин не сомневался в том, что политическая система, функционировавшая согласно Основным законам 23 апреля 1906 г., строилась на строгом соблюдении принципа разделения властей, который фактически отрицался сторонниками парламентаризма, отстаивавшими гегемонию законодательных собраний. В Российской империи депутаты не могли вмешиваться в сферу компетенции исполнительной власти, которая, в свою очередь, создавала для представительных учреждений благоприятные условия для законотворчества. «Законодательная власть должна быть строго отграничена от исполнительной. Не забудьте, что наш нынешний строй — строй конституционный, а не „парламентарный“. Это очень важно установить», — заявлял П.А. Столыпин в интервью в сентябре 1906 г.³.

По его мнению, благодаря строгому соблюдению принципа разделения властей представительные и административные учреждения не препятствовали работе друг друга, а, напротив, содействовали совместному успеху и, следовательно, общему благу. При этом в рамках сложившейся политической системы использовались сильные стороны как законодательной, так и исполнительной власти. Министры, обладавшие опытом государственного управления, должны были эффективно решать вопросы административного характера, в то время как депутаты, представлявшие различные общественные интересы, выступали в качестве компетентных экспертов при разработке законопроектов, в т.ч. подготовленных правительством. Эта политическая модель предполагала тесное взаимодействие ветвей власти. «Разве можно

¹ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 469.

² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 345.

³ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 479. В марте 1907 г. П.А. Столыпин возмутил отказ председателя Думы Ф.А. Головина предоставить слово премьер-министру на пленарном заседании нижней палаты. 18 марта 1907 г. в этой связи С.Н. Сыромятников писал И.Я. Гурлянду: «Для нас указ — Пруссия и Америка, а не Франция, где палата имеет в министрах своих приказчиков» (Письмо И.Я. Гурлянда С.Н. Сыромятникову 18.03.1907 // РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 331. Л. 14).

работать производительно, если между правительством и палатами соглашение недостижимо?» — задавался вопросом П.А. Столыпин в интервью П.А. Тверскому в феврале 1907 г.¹.

При этом одна из основных задач правительства Столыпина — упрочение представительного строя в России, что предполагало сравнительно долгий этап совместной продуктивной работы законодательной и исполнительной власти. Только благодаря силе привычки, прецедентам, получившим значение закона, законодательное собрание могло стать неотъемлемой частью государственного аппарата. Иными словами, перспективы представительного строя могли быть определены лишь на практике, что требовало известной смелости от властей пойти на такого рода эксперимент. «Сначала посадим, а там будущее покажет, суждено ли возрасти русскому народному представительству, подняться до высоты или расползтись вширь, а то и вовсе не найти почвы для своей жизни»².

Премьер, министры подчеркивали чрезвычайно уважительное отношение к депутатскому корпусу. Столыпин тщательно готовился к собственным выступлениям в Думе. Его триумфальные речи, произнесенные в этих стенах, — плод усилий всего Министерства внутренних дел. «Департаменты и канцелярии досконально изучали предмет, составляли из кипы документов доклады, проверяли всевозможные данные, цитировали законодательства свои и иностранные и, наконец, представляли министру самые существенные выжимки их этого богатейшего материала. Не раз Столыпин требовал дополнительных сведений; всегда это бывало срочно, часто поздно ночью; вызывали в Департамент даже под утро», — вспоминал сотрудник Департамента общих дел МВД С.Н. Палеолог³. Столыпин был доступен для народных избранников. Характерен случай, когда депутат-кадет О.Я. Пергамент запросил аудиенцию у Столыпина в 11 утра, а в 2 часа получил записку, что премьер готов его принять в 4 часа вечера⁴. Столыпин установил общее правило, что министры должны принимать народных избранников в первую очередь, а лишь затем всех остальных. В итоге губернаторы с завистью и неприязнью смотрели на депутатов, которые в министерских канцеляриях не задерживались в очереди, а смело шли в кабинет руководителя ведомства⁵. Весьма примечательно, что при всех издержках законотворческой работы Столыпин крайне высоко оценивал результаты работы Третьей Думы. Он полагал, что если бы Четвертая Дума походила бы на Третью, то идея народного представительства окончательно упрочилась бы в России.

Значение Думы для правительства обуславливалось сразу множеством обстоятельств.

Благодаря наличию Думы (да и реформированного Государственного совета) правительство обрело хоть какую-то субъектность. Оно получало свободу маневра между Таврическим, Мариинским дворцами, Царским Селом. Без этого политического театра Совет министров мало бы отличался от прежнего Комитета министров. Столыпин был убежден, что после формирования объединенного кабинета в октябре 1905 г. о Совете министров можно было

¹ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 501.

² Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг.: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 408.

³ Палеолог С.Н. Около власти: Очерки пережитого. М., 2004. С. 27.

⁴ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 118.

⁵ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 127.

говорить как о государственном учреждении, представлявшем исполнительную власть и обладавшем собственной политической волей, чьи функции нельзя было свести к простому администрированию¹. В частности, об этом свидетельствовали принципиально новые полномочия, которыми обладала коллегия министров по сравнению с дореформенными временами. Эти предоставленные законодательством прерогативы требовали от правительства принятия решений чрезвычайной важности. 1 апреля 1911 г. Столыпин доказывал членам Государственного совета: «Правительство не является теперь исключительно высшим административным местом, ведущим текущие дела, ему присвоены теперь и другие задачи политического свойства. Ведь на правительстве лежит важная ответственная задача — в исключительные минуты представлять Верховной власти о необходимости роспуска законодательных учреждений, о необходимости принятия чрезвычайной меры»².

Дума открывала двери публичной политики, что подразумевало и наличие политиков, способных предлагать программы, проекты на будущее. Само наличие законодательного представительства создавало ситуацию реформ. Столыпин был политиком революционного времени. Но можно сказать иначе, вопреки его убеждениям, представлениям, деятельность кабинета, — это логическое продолжение революционного времени.

Для Столыпина революция — это не массовые беспорядки, не социальное движение, это, в первую очередь, крушение власти в силу ее внутренней слабости и несостоятельности. В сущности, само беспомощное правительство и провоцировало кризис. Оно не могло развернуться ни назад, ни вперед. Оно бездействовало в растерянности, по инерции поддерживая прежние порядки и тем самым вызывая раздражение всех вокруг. Этим пользовались леворадикальные круги. Но не они играли ведущую роль в революции. Анархия, обеспеченная правительственными решениями (а точнее их отсутствием), была самой благоприятной средой для социалистических партий всех оттенков. Порой им даже удавалось придать чаще всего неосознанному недовольству широких масс хоть какое-то целеполагание или, по крайней мере, заявить о нем на страницах газет.

Благодаря этому могло показаться, что революция носит организованный характер, что власти противостоит соразмерная сила социалистической оппозиции. Столыпин полагал это мифом, не соответствовавшим реальному положению дел. Не стоило в этом вопросе излишне доверять революционной интеллигенции: она чересчур склонна к саморекламе. Столыпин отталкивался от своего личного саратовского опыта: он тогда столкнулся с массовым движением, террористическими актами, забастовками, демонстрациями, революционными партиями, отдельными представителями общественного движения. По его наблюдениям, разворачивался стихийный процесс, у которого не было координирующего центра. Это были, прежде всего, локальные беспорядки, которые чаще всего проявлялись в неуважении к законам и правительственной администрации. Их участники были далеки от политики и редко могли

¹ Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств: В 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 125, 147, 149, 152; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 164; Флоринский М.Ф. К истории взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями власти в России в период думской монархии // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы. СПб., 2006. С. 20–32; Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 126–145.

² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 348–349.

сформулировать хоть какие-то политические требования. Да, это было массовое явление. Однако оно складывалось воедино усилиями центральной печати и, в первую очередь, ужасом, охватившим чиновников на всех этажах государственного аппарата. Профессиональные революционеры в меру своих скромных сил пытались воспользоваться сложившимся положением, придать ускорение начавшемуся процессу, но они при всем желании не могли управлять им. «Все горе в том, что в настоящее время все политические партии, как бы они ни назывались, еще не кристаллизованы (*cristallises*). Это неуравновешенные массы, которые приводят в беспорядочное движение еще бессознательные силы. Вместо разрешения текущих задач проповедуется покушение на человеческую жизнь и законы. Анархисты бросают бомбы, конституционные демократы призывают население к отказу от рекрутского набора и уплаты налогов, черная сотня участвует в погромах, массовых избиениях евреев... Что может сделать правительство с такими господами?» — отмечал П.А. Столыпин в интервью в сентябре 1906 г.¹

Социальное неудовольствие присутствует так или иначе всегда и везде. Оно конвертируется в политический кризис тогда, когда власть не соответствует имеющимся вызовам. По мысли Столыпина, правительство просто не может считаться таковым, если оно утратило инстинкт самосохранения, если оно перестало бороться за свое существование. В 1905 г. могло закрасться сомнение относительно способности действующей власти нести бремя ответственности. Революционные потрясения в значительной мере объяснялись как раз растущей дезорганизацией управленческого аппарата. Восстановление порядка подразумевало обретение властью творческого потенциала, способности генерировать идеи, формировать повестку на будущее. Без этого самый совершенный репрессивный аппарат беспомощен. Правительство, которое не уважают, не может рассчитывать на лояльность даже высокопоставленных государственных служащих. Говоря о событиях 1905 г., П.А. Столыпин подчеркивал: «Осенью в прошлом году можно было говорить с некоторой правдоподобностью о революции. Тогда все основы власти, все принципы, на которых покоился старый порядок вещей, были одновременно подорваны, и ничего не было создано для их замены. В селах и весях под покрытием этой растерянности бушевала ужасная жакерия. Да, в течение этого периода можно было опасаться непоправимых бедствий. Теперь употребление громких слов, таких как анархия, жакерия, революция, мне кажется, преувеличенным»².

Финал революции — это не череда виселиц или стопка смертных приговоров, это дееспособное правительство, которое идет вровень с событиями, а, может быть, даже опережает их. Иными словами, Совет министров должен был выйти на публику с готовой программой действий. Этот чрезвычайной важности шаг подразумевал институционализированное представительство: проще говоря, Государственную думу. Иными словами, парламентские дебаты — важный и необходимый механизм, в том числе, выхода страны из революции.

Столыпин отнюдь не отрицал значения репрессивной политики. Она нужна, но как составная часть правительственного курса, нацеленного на системные реформы. Те, в свою очередь, подразумевали преобразования государственного строя, на которые власти так и не отважились в течение всего XIX в. Это обозначало упущение политического строя, провозглашенного Манифестом

¹ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 480.

² Там же. С. 477.

17 октября 1905 г. В интервью П.А. Тверскому в феврале 1907 г. П.А. Столыпин так комментировал правительственную политику в 1906 г.: «Положение не допускало колебаний и бесконечных программных препирательств; нужно было действовать, тушить пожар, а не раздувать его бесплодными, безнадежными спорами. Не этим путем, только ярким, осязательным проявлением авторитета власти можно было остановить дальнейшее развитие анархии в стране и начать укрепление нового строя, как он был определен Манифестом 17-го октября и новой редакцией основных законов. Только это и было моей задачей и целью, как я их понимал и понимаю»¹.

До этого десятилетиями Россия шла к революции. Путь обратно должен был быть не менее протяженный во времени. Стране предстояло преодолеть ряд системных заболеваний, что подразумевало программу лечения под контролем правительства. Это значит, что исполнительная власть должна была сохранить стратегическую инициативу. В противном случае ситуация вышла бы из-под контроля. Функционирование политической системы как раз обеспечивалось непрерывным движением правительственного аппарата. Стоило ему затихнуть или просто снизить нагрузку, как вроде бы складывавшаяся система распадалась на мало связанные друг с другом элементы. И в итоге дремлющие демоны недавней революции отходили бы от спячки и открывали глаза... 5 марта 1911 г. на аудиенции у императора Столыпин доказывал: «За пять лет [я] изучил революцию и знаю, что она теперь разбита, и моим жиром можно будет еще пять лет продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет»².

Столыпин хорошо помнил, что видел в Ковно, Гродно или Саратове. Ему крестьянское движение было известно не из отчетов Департаментов полиции. Он с ним сталкивался сам. Сам общался с крестьянами или недовольными горожанами. Столыпин доподлинно знал, что многое зависит от губернатора, а в масштабах всей страны — от правительства. Это позволяло ему интерпретировать революцию как состояние глубокого политического кризиса, которым было поражено, в первую очередь, само правительство. Ради восстановления порядка оно должно было вернуть доверие к себе, убедить сограждан в своей способности эффективно действовать во имя общего блага. «Ныне надлежит принять за безусловно руководящее указание, что правительство твердо стоит на почве непоколебимого желания проводить намеченные монаршею волею реформы, но в то же время ставит своим величайшим долгом во что бы то ни стало охранять закон и общество от преступных посягательств. Все без изъятия местные власти должны проникнуться сознанием, что высшею политикою руководит правительство, а не органы подчиненного управления, и что прямою неустрашимую их обязанностью является твердая решительная деятельность по исполнению своих прямых функций», — говорилось в секретном циркуляре П.А. Столыпина губернаторам от 15 августа 1906 г.³.

Представительные учреждения — это, помимо всего прочего, экспертиза правительственных инициатив, в которой участвовали отнюдь не только депутаты или члены Государственного совета, но и стоявшие за ними группы интересов. Это была сложная и отнюдь не бесконфликтная процедура, которая вовлекала в законотворческий процесс относительно «широкие» слои элитных групп.

¹ Там же. С. 495.

² Там же. С. 492.

³ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 149.

Можно с известной долей парадоксальности утверждать, что реформы с Думой проходили с «великим скрипом», но без Думы были бы в принципе невозможны¹.

Налаживавшееся сотрудничество меняло социальную подоплеку политического процесса. Формировались горизонтальные связи между чиновниками и общественными группами (в сущности, лоббистскими объединениями). Результатом совместной деятельности правительства и депутатского корпуса стало складывание политического класса, который интегрировал в себя и бюрократов, и народных избранников, и не только их.

Но вырисовывавшаяся картина была не в светлых тонах. Это была дорога преодоления одного кризиса путем создания предпосылок для другого. Ведь в Думе разыгрывалась не комедия, а драма, где многое зависело от рока. Помимо Столыпина у политического театра начала XX в. был, по крайней мере, еще один режиссер-постановщик. Он был заметно более властный и капризный. Это была история и судьба. Политическая система России, как и прежде, оставалась многослойной. В ней было много центров силы. Далеко не все они стали частью политического класса. Например, едва ли это можно сказать в отношении императора и его ближайшего окружения. Можно обозначить, по крайней мере, три «болевые точки», характерные для той политической системы (в действительности их было заметно больше).

В Российской империи не был прояснен вопрос о статусе Совета министров. Был ли это в полном смысле объединенный кабинет? Кто представлял исполнительную власть перед лицом законодательных учреждений: сам Совет, отдельные министры или премьер? Столыпин не строил по этому поводу иллюзий...

Необходимость принятия самостоятельных политических решений ставила перед Советом министров насущную задачу выработать консолидированную точку зрения всех подотчетных ему ведомств, которую бы министры солидарно отстаивали как в законодательных собраниях, так и перед императором. Иными словами, лишь при наличии разработанной программы действий можно было говорить о существовании объединенного кабинета министров в России, когда «правительство, которое имеет убеждение, имеет идеалы, не только верит в то, что делает, оно делает то, во что верит»². Такая программа предполагала общее понимание министрами стратегии развития страны и необходимости соответствующих тактических приемов для достижения поставленных задач. «Правительство, — говорил П.А. Столыпин 24 мая 1908 г. на заседании Государственной думы, — не может всецело поддаться чувству возмущения, оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами... Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее П. с первых дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды; оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие, которые оно и решило проводить и планомерно, и последовательно»³.

¹ Соловьев К.А. Думское законотворчество в 1906–1914 гг.: организация экспертизы // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г.: Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2 ч. СПб., 2014. Ч. 1. С. 138–145.

² Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 349.

³ Там же. С. 151.

Это значит, что правительство должно было формироваться председателем Совета министров или, по крайней мере, по согласованию с ним. Однако, на практике часто происходило иначе. Например, в июле 1906 г. лично Николай II настоял на утверждении И.Г. Щегловитова в должности министра юстиции. Товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов был назначен вопреки мнению Столыпина¹. Аналогичная ситуация имела место и в связи с назначением в 1911 г. обер-прокурором Св. Синода В.К. Саблера². В итоге некоторые из министров активно противодействовали столыпинскому курсу (П.С. Шванебах³, А.Н. Шварц⁴ и др.), другие (А.В. Кривошеин, С.В. Рухлов, П.А. Харитонов)⁵, блокируясь друг с другом, содействовали прохождению отдельных устраивающих их мер. Министр финансов В.Н. Коковцов всегда занимал в Совете министров независимую позицию, часто вступал в дискуссию со Столыпиным, высказывал свое несогласие с ним во время аудиенций у императора⁶.

В итоге главы ведомств в большей степени зависели от верховной власти, чем от председателя Совета министров, что ставило это учреждение в двойственное положение, осознаваемое и самим Столыпиным. В интервью П.А. Тверскому в феврале 1907 г. он утверждал: «Ошибочно думать, что русский кабинет, даже в его современной объединенной форме, есть власть: он только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которой ему приходится работать»⁷.

Межведомственная война продолжалась и после 1906 г. И депутаты принимали в ней самое деятельное участие. Например, они выступали союзником Военного министерства в его конфликтах с Министерством финансов. Так, 16 декабря 1910 г. в министерском павильоне Таврического дворца А.И. Гучков консультировал военного министра В.А. Сухомлинова и его помощника А.А. Поливанова относительно характера предстоявшего думского обсуждения кредитов военному ведомству⁸. Между Коковцовым и председателем Бюджетной комиссии Думы М.М. Алексеенко установились прочные деловые отношения, основанные на общности подходов и даже сходстве характеров. «В психике обоих было нечто общее — большая осторожность, расчетливость, любовь к законности, — вспоминал депутат-октябрист Н.В. Савич. — Мне казалось, что они недолюбливали друг друга, но очень ценили корректность установившихся между ними отношений. Министр финансов находил в председателе Бюджетной комиссии деятельного сотрудника в проведении той линии финансовой политики, которую он считал единственно правильной»⁹.

Наконец, политическая управляемость думских фракций находилась на очень низком уровне. Депутаты плохо представляли, что такое фракционная дисциплина. Подчас это делало голосование депутатов мало предсказуемым.

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. 3. С. 11; *Палеолог С.Н.* Около власти: Очерки пережитого. М., 2004. С. 166–167.

² Письмо А.Н. Шварца М.Д. Шварц 12.08.1911 // ОР РГБ. Ф. 338. К. 1. Д. 46. Л. 47.

³ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 98–104.

⁴ Письмо А.Н. Шварца М.Д. Шварц 12.08.1911 // ОР РГБ. Ф. 338. К. 1. Д. 46. Л. 47.

⁵ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 78.

⁶ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916 гг. М., 1924. С. 46.

⁷ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 494.

⁸ *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 90.

⁹ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 36.

Правительство тратило много сил на достижение договоренностей, но не всегда это приносило искомый результат¹.

И при этом за скобками осталось множество других вопросов, например, о политических партиях, которые в значительной своей части плохо вписывались в складывавшуюся политическую систему.

Ее архитектура не была во всем продуманной. Это было запутанное строение, в котором многое говорило о прежних эпохах. Главное его достоинство заключалось в том, что оно возникло отнюдь не на обломках. Впоследствии, уже в эмиграции, В.А. Маклаков рассуждал о природе кризисных явлений, которые переживала Россия в начале XX в. Их можно было преодолеть путем поступательных преобразований, терпеливо реформируя один элемент системы за другим, в то же самое время не порывая с уже имеющейся традицией. Маклаков полагал, что именно этим путем шел Столыпин. Другие дороги были чреваты катаклизмами. «Россия, — писал Маклаков, — была как одно из подгнивших зданий, которые могут стоять, покуда их не начали реформировать, но как только это начинается, они неминуемо рушатся до самого конца; было бы глупо разбирать, кто в этом виноват: фундамент ли, балки ли, здание ли. Виноват разве только тот, кто некстати затеял ремонт или, вернее, те хозяева, которые его не сделали вовремя...»².

Политическая жизнь поздней Российской империи развивалась путем встрясок, которые представляли собой периодически случавшиеся кризисы. Это был динамично растущий и развивающийся организм. Он создавал возможности, но вместе с тем и риски, оказывавшиеся в итоге непомерными в обстоятельствах Первой мировой войны.

¹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 167–187.

² «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 / Под ред. О.В. Будницкого. В 3-х т. М., 2002. Т. 3. С. 164.

ЦАРЬ И ПАРЛАМЕНТ: П.А. СТОЛЫПИН И А.И. ГУЧКОВ В ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С НИКОЛАЕМ II

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор
Института международных отношений
и мировой истории (ИМОМИ)

Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: fseleznev@mail.ru

Аннотация: В статье оценивается соотношение политического и личного в треугольнике Николай II — Столыпин — Гучков. По мнению автора, действия Столыпина были направлены (через создание серии прецедентов) на трансформацию российской политической системы по британскому образцу. Схожие цели преследовал и Гучков, стремившийся к ограничению власти монарха и расширению полномочий парламента. Лидер октябристов хотел, чтобы Государственная дума не только участвовала в выделении денег на военные нужды, но также решала вопросы, по закону являвшиеся прерогативой одного царя (развитие армии, ее структура, назначение командного состава). В обозначенных вопросах Гучков находил поддержку у П.А. Столыпина. Монарха это раздражало, из-за чего периодически возникали конфликты Николая II и Столыпина.

Ключевые слова: Государственная дума, П.А. Столыпин. А.И. Гучков, Николай II, третьиононьская система, дуалистическая монархия, Российская империя.

Дуалистическая монархия, возникшая в России в ходе революции 1905–1907 гг., состояла из четырех «сдвоенных» элементов (двухпалатный парламент — верховная власть). Каждый из них (император, совет министров, Государственный совет, Государственная дума), как справедливо отмечает Ф.А. Гайда, являлся субъектом формирования государственной политики¹.

Однако отечественная историография преимущественно рассматривает взаимодействие лишь двух субъектов из четырех (Государственная дума — правительство). Это характерно, например, для новейшей коллективной монографии «Российская империя между реформами и революциями» (2021)². Политической роли монарха в ней, как и в других современных исторических трудах, уделено явно недостаточно внимания.

Между тем, как возникновение, так и разрешение политических конфликтов в рамках дуалистической системы 1906–1916 гг. во многом зависело от личных контактов между царем, премьер-министром, руководителями законодательных палат. Поэтому соотношение политического и личного в треугольнике Николай II — Столыпин — Гучков требует более глубокого осмысления.

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 33.

² Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М., 2021.

По мнению М.Ф. Флоринского, опиравшегося на эмигрантское интервью А.И. Гучкова, данное Н.А. Базили, на отношение монарха к П.А. Столыпину «ощущито повлияли» результаты встречи Николая II с Эдуардом VII в Ревеле в июне 1908 года. Английский король тогда всячески проявлял интерес к российскому премьеру, не упускал ни одной возможности с ним поговорить. Столыпин оказался в центре внимания британских журналистов. Все это, как можно понять из изложения М.Ф. Флоринского, вызывало раздражение Николая II¹.

Однако, на наш взгляд, ближе к истине П.С. Кабытов, считающий, что ухудшение отношений царя и Столыпина назревало постепенно, будучи вызвано периодически возникавшими в Думе дискуссиями, затрагивавшими прерогативы монарха².

Определенные нотки охлаждения можно уловить уже в записке императора, адресованной Столыпину 9 ноября 1907 года. В ней шла речь о приеме императором личного состава только что открывшейся III Государственной думы. Вопреки просьбе Столыпина царь посчитал, что «теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила в смысле возлагаемых мною на нее надежд для совместной работы с правительством»³.

Действительно, III Дума хотя и не была настроена так воинственно по отношению к монарху, как две ее предшественницы, но и она с самого начала своей работы начала предпринимать покушения на полноту его власти, очерченной Основными законами Российской империи. Так 10 ноября 1907 г. парламентарии образовали комиссию по государственной обороне, в то время как, согласно Основным законам, эта сфера находилась в ведении императора. Не случайно Николай II в 1907–1908 гг. неоднократно выражал недовольство наименованием указанной комиссии. Уже своим своим названием она вторгалась в сферу прерогатив царской власти⁴. Между тем Столыпин в конце 1907 — начале 1908 гг. активно сотрудничал с комиссией по государственной обороне, посещал ее заседания сам и принуждал к этому других министров⁵.

Казалось бы, это должно было гарантировать правительству лояльное отношение как названной комиссии, так и Думы в целом к важным для исполнительной власти оборонным законопроектам. В 1908 г. к таковым, прежде всего, относился вопрос о выделении средств на постройку новых сверхмощных океанских кораблей — дредноутов. Личную заинтересованность в положительном решении этого вопроса проявлял сам Николай II. Однако с подачи комиссии государственной обороны 24 мая 1908 г. Государственная дума отклонила кредиты на строительство четырех линкоров на Балтике. Император очень остро воспринял это решение парламентариев. 25 мая он в записке Столыпину выразил резкое недовольство Думой «за ее слепое и ничем не оправдываемое отклонение кредита на воссоздание флота», причем «как раз накануне прибытия короля английского»⁶.

¹ Флоринский М.Ф. Николай II и кабинет П.А. Столыпина // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв. СПб., 2006. С. 353.

² Кабытов П.С. Последний реформатор российской империи. Самара, 2006. С. 176–177, 179–180.

³ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1923. Т. 5. С. 115.

⁴ Чирков А.А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.): Дисс. ... к. ист. н. М., 2016. С. 48.

⁵ Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 170–171.

⁶ Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1923. Т. 5. С. 118.

Таким образом, голосованием 24 мая 1908 г. Дума нанесла чувствительный удар по самолюбию императора, удар тем более болезненный, что он был нанесен в трехлетнюю годовщину Цусимской катастрофы и накануне визита в Россию британского монарха.

24 мая 1908 г. произошло еще одно событие, в перспективе заметно ухудшившее отношение Николая II к Столыпину. В этот день Государственная дума утвердила не только ассигнования на содержание Морского Генерального штаба, но и штаты названного учреждения, приложенные к смете в информационных целях.

Казалось бы, мелкий, этот вопрос имел принципиальное значение с точки зрения разграничения полномочий монарха и парламента. С одной стороны, статьи 14 и 96 Основных законов относили устройство вооруженных сил к исключительной компетенции монарха. В то же время статья 31 Учреждения Государственной думы предоставляла в ее ведение издание штатов, стало быть, и штатов военных структур¹. Налицо было противоречие, устраненное верховной властью в свою пользу. Совет министров, опираясь на статью 96 Основных законов, 6 февраля 1907 г. записал в Особом журнале, что изменения штатов военного или военно-морского ведомств, не вызывающие новых расходов, производятся в порядке верховного управления. Иначе говоря, они, минуя Думу, должны были сразу предоставляться Советом министров на подпись царю. 2 марта 1907 г. Николай II утвердил этот журнал. Таким образом, депутаты 24 мая 1907 г. игнорировали царский акт 2 марта 1907 г. и явочным порядком попытались расширить свои prerogatives в оборонной сфере.

Столыпин в этой ситуации оказался на стороне парламентариев. Сначала он проталкивал думский вариант законопроекта о Морском генеральном штабе через Государственный совет, а потом попытался угрозой своей отставки вырвать согласие на его принятие и у монарха. Однако Николай II отказался пойти навстречу премьер-министру, как он часто делал ранее. 25 апреля 1909 г. царь вернул одобренный обеими законодательными палатами законопроект с резолюцией «Не утверждаю»².

В.А. Демин полагает, что монарх сделал это «по инициативе правой группы Государственного совета и председателя верхней палаты М.Г. Акимова»³. Не отрицая важную роль в этом конфликте правых из Государственного совета, мы, все же, не стали бы преувеличивать их влияние в этом вопросе на Николая II. Нам ближе позиция В.С. Дякина, по мнению которого конфликт из-за Морского генерального штаба принял столь острые формы, во-первых, поскольку стал «вопросом престижа и влияния» премьер-министра (поддержавшего в данной ситуации Государственную думу), а, во-вторых, «потому что касался особенно ревниво охраняемых царизмом prerogatives верховной власти в военных вопросах, обнажив постоянную боязнь реакции утратить контроль над армией»⁴. Иными словами, конфликт имел для царя принципи-

¹ Белов Ю.С. Права верховной власти в области военного управления и «министерский кризис» 1909 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 376–377.

² Дякин В.С. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 236–262.

³ Демин В.А. Взаимодействие П.А. Столыпина и III Государственной думы // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к столетию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва, 28–30 сентября 2011 г. / [ред.-сост. Н.Ф. Гриценко]. М., 2012. С. 33.

⁴ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 136.

альный политический характер, ибо речь шла об урезании его полномочий в пользу Думы. При этом, как прекрасно показал С.В. Куликов, император почеловечески продолжал симпатизировать главе кабинета¹.

Личная преданность Столыпина Николаю II также не подлежит сомнению. Но в политическом плане они все более отдалялись. Во многом происходило это под влиянием А.И. Гучкова. Интенсивность их контактов одной деталью ярко осветил К.А. Соловьев: «Гучков и Столыпин перезванивались несколько раз в день»².

Столыпин и Гучков, с одной стороны, поддерживали теплые личные отношения, а с другой — являлись политическими единомышленниками, причем острее их политического союза было направлено против Николая II. Именно так характеризовал описанную ситуацию А.Я. Аврех. Этот советский историк полагал, что «существовал сговор Столыпина с октябристами по вопросам военной политики» с целью «захватить прерогативы монарха в области внешней и военной политики и поделить их между Думой и кабинетом»³.

Более того, накопленный в историографии материал позволяет сделать вывод о том, что Столыпин пытался узурпировать прерогативы императора не только в сфере внешней и военной политики, но и в других областях государственного управления⁴.

В чем же конкретно заключалась эта «узурпация»? Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что Столыпин фактически взял в свои руки назначение на высшие государственные посты, являвшееся исключительным правом монарха. В итоге «наиболее распространенный вариант» правительственных назначений принял по оценке Ф.А. Гайды такой вид: «инициирование того или иного кандидата со стороны премьера». Причем, по крайней мере, дважды (при назначении министром просвещения Л.А. Кассо и министром иностранных дел С.Д. Сазонова) Столыпин просто ставил царя перед фактом⁵.

При этом кандидаты царя (или кого-то другого, поддержанные императором) наталкивались на открытую неприязнь председателя совета министров. Так произошло с В.А. Сухомлиновым. Идея сделать его в 1909 г. военным министром принадлежала Николаю II. Со Столыпиным царь ее не обсуждал. По нашему мнению, именно поэтому председатель совета министров сразу невзлюбил Сухомлинова. Напряжение между ними быстро нарастало. Столыпин хотел, чтобы главы всех ведомств любые спорные вопросы согласовывали с ним, не ища поддержки у императора. Но Сухомлинов иногда действовал в обход премьера, пользуясь правом всеподданнейшего доклада. Это раздражало Столыпина, который, случалось, возбужденно говорил военному министру, что тому нельзя вести особую от совета министров политику⁶.

¹ Куликов С.В. Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество? // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: к столетию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва, 28–30 сентября 2011 г. / [ред.-сост. Н.Ф. Гриценко]. М., 2012. С. 100–103.

² Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 406.

³ Аврех А.Я. Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 22, 28.

⁴ Селезнев Ф.А. Современная историография о взаимоотношениях Николая II и Столыпина // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 4 (48). С. 69–72.

⁵ Гайда Ф.А. Николай II и третьейюньская система (1907–1917) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1 (5). С. 115–116.

⁶ Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020. С. 59.

Действовать автономно от правительства Столыпин не позволял даже министру иностранных дел А.П. Извольскому (в том числе в период Боснийского кризиса), а также морским министрам. В результате напористых действий Петру Аркадьевичу удалось «усилить свой личный контроль и контроль кабинета за деятельностью Военного и Морского министерств, а также Министерства иностранных дел». И это «едва ли импонировало Николаю II»¹.

Еще один факт: из столыпинского законопроекта о преобразовании губернского управления составителями была исключена статья о губернаторах как «блюстителях неприкосновенности верховных прав самодержавия». Текст новой статьи, по сути, подразумевал превращение губернатора в представителя не верховной власти в лице монарха, а «высшего правительства», по сути же — председателя совета министров. Энергичный протест против новой редакции закона выразил вологодский губернатор А.Н. Хвостов, «стараясь выставить на вид свою исключительную преданность престолу»². С этого времени Николай II начал явно ему благоволить³.

По сути, действия Столыпина были направлены (через создание серии прецедентов) на трансформацию российской политической системы по британскому образцу, когда монарх не принимает открытого участия в политической жизни, предоставляя эту возможность премьер-министру.

Схожие цели преследовал и лидер октябристов, стремившийся к ограничению власти монарха и расширению полномочий парламента. Гучков хотел, чтобы Государственная дума не только участвовала в выделении денег на военные нужды, но также решала вопросы, по закону являвшиеся прерогативой одного царя (развитие армии, ее структура, назначение командного состава). В обозначенных вопросах Гучков находил поддержку у П.А. Столыпина. Монарха это раздражало, из-за чего периодически возникали конфликты Николая II и председателя совета министров.

¹ Флоринский М.Ф. Указ. соч. С. 353.

² Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подг. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 132–133.

³ Куликов С.В. Назначение Алексея Хвостова управляющим МВД: предыстория и механизм // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 76–78.

П.А. СТОЛЫПИН И А.И. ГУЧКОВ: ДВА МЕДВЕДЯ В ОДНОЙ БЕРЛОГЕ

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук, доцент,

доцент исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова,

ведущий научный сотрудник

Отдела новейшей истории

Русской Православной Церкви ПСТГУ,

Москва, Россия;

e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: Актуальность темы определяется тем, что отношения премьера П.А. Столыпина и лидера основной проправительственной партии А.И. Гучкова определяли перспективы развития третьеиюньской системы в первые годы ее существования. Между тем, последующие свидетельства Гучкова об этих отношениях всегда зависели от политической конъюнктуры. Эти свидетельства значительно повлияли на историографическую традицию. Автор статьи приходит к выводу, что октябристская партия и ее думская фракция в 1907–1911 гг. находились в сильной зависимости от председателя Совета министров. Поначалу эта взаимосвязь была закреплена тесными партнерскими отношениями Столыпина и Гучкова. Кризис этих отношений на рубеже 1910–1911 гг. происходил, в основном, по причине поведения Гучкова. Однако, это поведение не устраивало большинство его собственной фракции, что в итоге привело к временному устранению Гучкова от думских дел в марте 1911 г. Конфликт с премьером имел все шансы закончиться примирением в пользу Столыпина.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Совет министров Российской империи, Николай II, П.А. Столыпин, А.И. Гучков.

А.И. Гучков неоднократно менял показания касательно своих отношений с председателем Совета министров П.А. Столыпиным. Сразу после смерти премьера в сентябре 1911 г. лидер октябристов на заседании ЦК указывал, что эти отношения с 1907 г. всегда были прочными, мартовский кризис 1911 г. был вызван «волею свыше», и что «разрыв» с октябристами стал для Столыпина «тяжким ударом»¹. Однако сами октябристы отрицали даже факт разрыва — в силу объективных факторов. На заседании ЦК 17 октября 1911 г. А.И. Звегинцев утверждал: «Сама смерть П.А. Столыпина не могла изменить общей государственной политики, ибо она находила поддержку в большинстве Г. Думы»². Однако, вспоминая события 1911 г. после Февральской революции, Гучков отмечал: «В сущности, Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти»³.

¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 334–335. 16 сентября 1911 г.

² Там же. С. 344.

³ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 252.

Как бы то ни было, октябристская партия заняла центральные позиции благодаря третьеиюньскому перевороту 1907 г., инициированному П.А. Столыпиным. В ходе стабилизации политической ситуации октябристская партия как централизованная организация стала распадаться. Активность партии была сосредоточена в Государственной думе, партийную фракцию возглавил А.И. Гучков. Стремясь не потерять связь с электоратом, октябристы развивали критику власти по вопросам обороны и церковного управления. Эти сферы считались выходящими за пределы премьерских полномочий, тем самым П.А. Столыпин выводился за рамки этой критики. Между тем, становился неизбежным конфликт партии с монархом. Двойственная активность октябристов способствовала укреплению партии националистов. Стремление Столыпина создать себе двухпартийную опору в лице националистов и октябристов привело к тому, что в марте 1910 г. премьер выступил инициатором избрания Гучкова председателем Думы¹. Однако конструкция не была слишком прочной. Журналист И.И. Колышко отмечал: «По свойствам своего характера (лукавство, сдержанность, бретёрство) Алекс.[андр] Иванович будет скорее держать Думу за шиворот, чем за сердце. Ну, а держа за шиворот, редко внушают жизнерадостность...»².

Самому Гучкову такое назначение позволяло усилить личные позиции, а также в силу права всеподданнейшего доклада установить прямой контакт с императором³. Теснейший неформальный контакт — письменный и телефонный — был установлен им со Столыпиным, причем он осуществлялся по несколько раз в день⁴. В результате в конце 1910 г. между правительством и октябристами было достигнуто соглашение правительства и думского большинства по военно-морской программе⁵. Контролируя октябристов, Гучков также претендовал и на надфракционную позицию. Он находился в дружеских отношениях с лидером группы центра П.Н. Крупенским, который был «термометром думского большинства»⁶, «отличался необычайной живостью, энергией и изобретательностью», все парламентские новости узнавал первым и был главным думским информатором Столыпина⁷. При этом, в целом Гучков не намеревался отказываться от прежнего октябристского курса в парламенте.

Комбинация была разрушена в ноябре 1910 г., после того как Гучков разгласил конфиденциальную информацию о личном свидании российского и германского императора в Берлине. Николай II был оскорблен подобным поведением⁸. После этого царь считал Гучкова «личным врагом» и прямо го-

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 37–40, 59–62.

² Баян-Рославлев [Колышко И.И.]. Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913. С. 145. См. о личности и характере А.И. Гучкова: Седова Я.А. Октябрический режим: В 2 т. М., 2018. Т. 1. С. 183–200.

³ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М. Виттенберга. М., 2001. С. 71–72.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Савич Н.В. Воспоминания / Общ. ред. и вст. ст. Н.Н. Рутыча; Биографич. справоч. А.В. Терещука. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 45.

⁶ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 135.

⁷ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 181–182.

⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С. 80–82.

ворил это министрам¹. Вскоре Дума приняла во втором чтении законопроект о начальной школе, похоронив церковно-приходские школы². 12 декабря Столыпин написал Гучкову довольно резкое письмо по поводу инцидента, произошедшего в думской комиссии по городским делам (в ее заседании октябрист И.В. Годнев обвинил в некомпетентности председателя совета по делам местного хозяйства МВД Н.Н. Анциферова), в котором проявилось явное охлаждение отношений премьера и октябристов³. 5 января 1911 г. Громобой опубликовал в «Голосе Москвы» передовицу «Последние иллюзии», где говорилось: «Пора недомолвок и компромиссов прошла. И на смену ей наступает иная пора — новой организации общественных сил. Если нельзя ждать помощи извне, наступает пора самопомощи»⁴. 25 января под председательством Гучкова состоялось межфракционное совещание о плане сессии: было сформировано левоцентристское большинство⁵.

26 февраля при обсуждении сметы МВД (правительство на заседании отсчитывало) Шидловский раскритиковал административные репрессии, которые, по его заявлению, октябристы не намерены были «покрывать». В речи И.В. Годнева звучали утверждения о взяточничестве в Департаменте полиции и необходимости урезать его ассигнования. Милюков неожиданно даже взял слово и выразил радость по поводу эволюции октябристов⁶. «Голос Москвы» вынужден был признать, что прения по бюджету «далеко вышли за пределы обсуждения бюджета по существу и приняли общеполитический характер». Далее шла следующая тирада: «Критику политики Министерства внутренних дел в Г. Думе следует рассматривать как верное отражение настроения на местах. Это простое эхо обывательского эха, вопля людей, безнадежно застрявших в пучине бесправия. То обстоятельство, что в критике правительственной политики приняли участие группы, лояльность которых вне спора и сомнений, группы, вовсе не склонные играть в оппозицию ради оппозиции, показывает, что недовольство современным положением охватило и пославшую их среду, умеренную в своих требованиях и желаниях. <...> Куда же мы идем? Неужели назад, к тому времени, когда правительство и общество представляли собою два враждебных и вечно воюющих лагеря? Не будет ли это приближением и повторением уже пережитого однажды страшного государственного краха? Нельзя не считаться с общественным мнением, нельзя не учитывать его настроений, если, конечно, не смотреть на общество, как на врага внутреннего, которого непременно надо покорить»⁷. Осведомительное бюро отмечало, что в Думе причинами такого поведения октябристов были переориентация Столыпина на националистов, падение престижа Думы и лично Гучкова накануне выборов, в чем октябристы и сам Гучков склонны были обвинять премьера⁸.

¹ Барк П.Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 180. С. 82.

² Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. СПб., 1910. Ч. I. Стб. 2204–2216.

³ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 450–452.

⁴ Голос Москвы. 1911. 5 января.

⁵ Новое время. 1911. 26 января.

⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 2986–2995.

⁷ Голос Москвы. 1911. 1 марта.

⁸ Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.В. Лукьянова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти: источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 115.

Конфликт произошел в связи с провалом законопроекта о западном земстве в Государственном совете. При этом ситуация хорошо продемонстрировала возможность октябристов. Гучков инициировал спешное повторное проведение проекта через Думу¹. Но Столыпин пошел на трехдневный роспуск палат с целью проведения законопроекта по 87-й статье. Для Думы роспуск оказался полной неожиданностью². Октябристское ядро было возмущено³. 12 марта состоялось заседание октябристского бюро: было решено голосовать против законопроекта, если он будет проведен по 87-й статье, что «сразу приподняло настроение фракции». Гучков считал борьбу неизбежной, иначе «тогда наша роль сведется к нулю»⁴. Между тем, в октябристских кругах царило убеждение, что «коренная ошибка» Столыпина крылась именно в том, что он не сговорился с Гучковым⁵. Гучков действительно был «крайне недоволен», что Столыпин прервал сессию без предварительной договоренности с ним⁶. «Голос Москвы» проповедовал «суровый и энергичный протест», но утверждал, что сам Столыпин «либеральнее своей политики». Как считалось в октябристских кругах, конфликт «закончился поражением правых как раз в ту минуту, когда они готовы уже были торжествовать победу. <...> Положение П.А. Столыпина, по-видимому, прочнее, чем когда-нибудь». Выражалась надежда на продолжение прежнего курса⁷. Премьер принял делегацию октябристов в составе М.В. Родзянко, П.В. Каменского и Ю.Н. Глебова (Гучков на эту встречу, конечно, не поехал). Октябристы выразили протест, чем Столыпин был «очень удивлен». Ночью они опять посетили премьера и привезли ему резолюцию фракции, на что Столыпину оставалось только выразить сожаление, потому что решение уже было принято на Высочайшем уровне⁸. Как считали октябристы, Столыпиным «все советы Гучкова и его искательство отвергнуты с оттенком даже пренебрежения»⁹. После этого председатель Думы официально подал в отставку¹⁰.

На заседании октябристского ЦК было решено внести спешный запрос о незакономерности действий Столыпина, однако вопрос о сложении октябристами депутатских полномочий был отложен на сутки¹¹. Заседание было очень бурным, но единой позиции не было¹². «Голос Москвы» выступал против сложения полномочий, напоминая, что партия «никогда не была партией мирного сопротивления»¹³. В конце концов ЦК проголосовал против сложения, но за переход в оппозицию, что неизбежно провоцировало раскол фракции¹⁴. Сам Гучков подал в отставку. 18 марта его единогласно избрали председателем фракции¹⁵. Для открытой демонстрации своего настро-

¹ Там же. С. 121.

² Там же. С. 127.

³ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 81.

⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 31–35.

⁵ Из кулуаров Государственной думы. С. 127.

⁶ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 81.

⁷ Голос Москвы. 1911. 13 марта.

⁸ Там же. 15 марта.

⁹ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 83.

¹⁰ Голос Москвы. 1911. 15 марта.

¹¹ Партия «Союз 17 октября». С. 324–325.

¹² РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. ЛЛ. 37–38.

¹³ Голос Москвы. 1911. 15 марта.

¹⁴ Из кулуаров Государственной думы. С. 126.

¹⁵ Голос Москвы. 1911. 19 марта.

ения октябристы планировали обратиться к правительству с запросом. В октябристских кругах ходили разговоры, что уклонение Столыпина от спешного ответа на запрос приведет к тому, что они в ответ не проголосуют за строительство четырех дредноутов, что планировалось в рамках Морской программы¹. Как указывало «Новое время», сам характер запроса фактически означал переход октябристов к требованию «ответственного министерства»². «Русские ведомости» полагали, что октябристы после своих шагов должны теперь добиваться отставки Столыпина или роспуска Думы, что представлялось более вероятным³.

Однако вскоре в самой октябристской фракции начался сбор подписей за пересмотр принятых решений⁴. Сам Гучков решил отбыть из столицы⁵. 20 марта накануне перевыборов председателя Александр Иванович был принят Столыпиным. Гучков «вынес впечатление, дающее мало надежды на то, что политический кризис будет улажен», и захотел «на некоторое время» отойти от политической жизни⁶. В разговоре со Столыпиным лидер октябристов сказал: «Вы некоторый урон нанесли нашей молодой русской конституции, но главный — это то, что вы сами себе нанесли удар. Если раньше с вами считались, как с человеком, имеющим большой вес, то это, по-моему, политическое хакири»⁷. 27 марта Гучков отбыл на Дальний Восток⁸. Однако Струве верно отметил, что своим отъездом он как бы доказывал незначительность для него происходивших событий⁹. Поведение Гучкова и фракции вели к тому, что конфликт в результате должен был уладиться¹⁰.

Успокоение произошло слишком быстро. По результатам кризиса проигравшими себя чувствовали только октябристы, однако большинство фракции настоящим виновником поражения могло считать лично Гучкова¹¹. «Голос Москвы» писал: «„Оппозиционная“ печать предается безудержному ликованию по поводу конституционного или, лучше сказать, антиконституционного промаха, сделанного г. Столыпиным. <...> Эта печать выражает величайший страх, как бы инцидент не уладился и как бы вновь не наладилась правильная работа в Г. думе»¹². Избранный председателем Думы М.В. Родзянко был давним знакомым Столыпина¹³. В большинстве своем октябристы не мыслили себе полного разрыва со Столыпиным. Именно поэтому 7 мая октябристская

¹ Из кулуаров Государственной думы. С. 127.

² Новое время. 1911. 22 марта.

³ Русские ведомости. 1911. 15 марта.

⁴ Из кулуаров Государственной думы. С. 129.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ Голос Москвы. 1911. 22 марта.

⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С.М. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993. С. 112.

⁸ Голос Москвы. 1911. 25 марта.

⁹ Струве П. Еще один «кризис» на политической сцене // Русская мысль. 1911. № 4. II паг., С. 163–164.

¹⁰ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 83. 23 марта.

¹¹ Струве П. Еще один «кризис» на политической сцене // Русская мысль. 1911. № 4. II паг., С. 163–165.

¹² Голос Москвы. 1911. 19 марта.

¹³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.

фракция приняла решение о консолидированном голосовании под угрозой удаления из своего состава¹.

Таким образом, октябристская партия и ее думская фракция находились в сильной зависимости от премьера П.А. Столыпина. Эта взаимосвязь была закреплена тесными отношениями Столыпина и Гучкова. Они стали серьезно портиться на рубеже 1910–1911 гг. Основную роль в расхождении играл А.И. Гучков. Его собственную фракцию эта тенденция, в целом, не устраивала. Результатом стало фактическое (и добровольное) устранение Гучкова в марте 1911 г. от участия в текущих делах. Фракция в большинстве своем была настроена на восстановление отношений с премьером. Сам Гучков, очевидно, тоже склонялся к такому варианту, что и должно было произойти осенью 1911 г. или несколько позднее. После смерти Столыпина об отношениях с ним Гучков рассказывал в зависимости от политической конъюнктуры.

¹ Голос Москвы. 1911. 8 мая.

ЭКСПЛУАТАТОР МИФА

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры Гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета,
Ярославль, Россия;
e-mail: holyaevsv@yustu.ru

Аннотация: В исторической науке сформировалось представление об Александре Ивановиче Гучкове как верном последователе П.А. Столыпина, его правой руке. Этот образ принес лидеру октябристов немало бонусных очков, повысивших его авторитет в обществе, тогда как в действительности им всегда двигали исключительно личные интересы. Насколько жесткую позицию ни занимал бы по отношению к верховной власти и лично к императору Николаю II Гучков, он объяснял это всегда исключительно государственными интересами. Единственный раз он проявил по-настоящему государственную позицию в 1906 году, когда решительно поддержал столыпинскую политику борьбы с радикальными оппозиционно-революционными партиями внутри Союза 17 октября. В результате этого демарша осенью 1906 года он возглавил Союз. В дальнейшем успешно продвигался в парламентской сфере, поднявшись в 1910 году до положения председателя Государственной думы. Здесь-то и выявились истинные цели лидера октябристов. В 1911 году, в ключевой момент российской истории, когда возникала реальная возможность создания проправительственной коалиции в Государственной думе, Гучков не поддержал Столыпина, сорвав единственный предреволюционный шанс на сближение оппозиции с властью. После этого впереди для всех партий оставалось лишь скатывание в оппозицию. Но и самого Гучкова на его дальнейшем пути ожидали лишь одни разочарования, приведшие его в итоге к эмиграции и полному политическому краху. Выбор, сделанный им в 1911 году, стал его основным поражением. Однако отказ Гучкова поддержать Столыпина кардинально менял их личные взаимоотношения, и потому останься жив осенью 1911 года Столыпин, они неизбежно превратились бы в главных политических противников. А значит, хотя Гучков и не имел никакого отношения к гибели Столыпина, чисто тактически она оказалась выгодной для него и позволила ему в течение еще нескольких лет сохранять имидж государственного человека.

Ключевые слова: А.И. Гучков, П.А. Столыпин, Государственная дума, Союз 17 октября, 1911 год, 1917 год.

В предфевральский период А.И. Гучков имел твердую репутацию верного столыпинца. Именно она являлась основой его авторитета и давала ему возможность вступать в диалог с представителями различных государственных органов при подготовке планировавшегося им в 1917 году государственного переворота. Логика такого отношения к нему разных «государевых людей» была понятна. Если уж «столыпинец» Гучков не может лично терпеть Государя, значит, гиря реально дошла до пола. Его дело правое, и ему надо помогать в борьбе с правительством. Но являлся ли таковым в действительности наш герой, и соответствовал ли ему в полной мере данный образ?

А.И. Гучков принимал активное участие в деятельности Союза 17 октября и возглавил его правое крыло с ноября 1905 года. Осенью 1906 года

в Союзе произошел конфликт. Заявление А.И. Гучкова о необходимости поддержки октябристами правительства Столыпина и правильности роспуска I Государственной думы вызвало несогласие лидера партии Д.Н. Шипова. Он заявил о выходе из Союза и переходе в партию мирного обновления, которая выполняла роль буфера между кадетами и октябристами, занимая промежуточное положение. Ее образовали, с одной стороны, члены Союза 17 октября П.А. Гейден и М.А. Стахович, продолжавшие оставаться в его рядах вплоть до самого завершения рассматриваемого конфликта, и бывший кадет Н.Н. Львов, вышедший из прежней партии сразу же после роспуска I Государственной думы. Партия занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами¹.

Ранее, летом 1906 года, во время председательства Шипова, в Союзе, казалось, намечался серьезный сдвиг влево. Октябристы были готовы пойти на сближение с кадетами, и, как шаг в этом направлении, они предполагали объединиться с партией мирного обновления. Такой шаг воспринимался тогда как неизбежный. Даже кадетская «Речь» сообщила 24 августа, что вскоре состоится общепартийный съезд партий мирного обновления и Союза 17 октября. Причем, прекратить существование после их слияния должен был Союз 17 октября: члены Союза намеревались перейти в партию мирного обновления. На воззвании об объединении стояла подпись и самого Гучкова².

Однако опубликованное в том же номере «Речи» заявление Гучкова вызвало раскол в октябристской среде. Центральный комитет Союза, рассмотрев в трех заседаниях, 14, 15 и 18 сентября, спор Гучкова и Шипова, почти единодушно высказался в пользу Александра Ивановича. Поскольку правительство Столыпина приступило к решительному подавлению революционного движения, Союз 17 октября не может примкнуть к неистовой травле этого правительства, которую развернули крайне левые партии³. Огульные нападки на правительство, подчеркнул ЦК, способны поколебать в народном сознании государственное начало и этим надолго задержать конституционное развитие России⁴.

С уходом Шипова планы слияния отпали, и октябристы взяли твердый курс на совместную работу с правительством. 29 октября 1906 года, олицетворяя его, Гучков стал председателем Союза и занимал этот пост в течение всего дальнейшего периода существования партии. Уход Шипова не изменил либеральной природы партии. Наоборот, с этого времени появилась надежда на сотрудничество правительства с либеральной партией, а у либералов — шанс на приобщение к власти. Большинство партии поддержало курс Гучкова. Лишь несколько человек ушли вместе с Шиповым⁵.

Другим крупным шагом в карьере А.И. Гучкова стал уход 15 марта 1911 года с поста председателя Думы. Это произошло в тот период, когда премьер П.А. Столыпин распустил на несколько дней обе законодательные палаты по 87 статье Основных законов, чтобы провести прямым правительственным распоряжением закон о введении земств в западных губерниях России, побывавшийся им совместно с октябристами. Мотивацию своих действий

¹ Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября // Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 196.

² Там же. С. 197–198.

³ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. ЛЛ. 83, 84.

⁴ Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября. С. 203.

⁵ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 71–72.

Александр Иванович объяснил в личном письме Петру Аркадьевичу от 12 марта. В нем действия Столыпина оценивались как тяжкий удар по самостоятельности законодательных учреждений¹.

Гучков и его партия отказались от поддержки Столыпина в тот момент, когда сложилась уникальная ситуация: Николай II, удалив из Государственного совета двух противников главы правительства, не мешал ему продолжать реформаторскую деятельность. Становилось возможным проведение конституционных преобразований против воли радикалов слева и справа, кадетов и черносотенцев.

Разумеется, согласие октябристов поддержать курс премьера не гарантировало успеха. Задуманная Столыпиным программа широкой демократизации местного самоуправления могла завершиться неудачей. О сложностях положения Столыпина при дворе говорил позднее сам А.И. Гучков в знаменитой речи на партийной конференции в ноябре 1913 года².

И все же премьер постарался обеспечить максимально благоприятные условия для реализации проводимой им политики. Действуя, как сильный тактик, он отвоевал у Союза русского народа правый фланг в Государственной думе. Образование партии националистов и отделение от СРН обновленческого крыла обеспечивали ему достаточную поддержку, по крайней мере, у правых депутатов Думы, для радикализации правительственного курса. Правильность его тактического предвидения подтвердило то, что в кризисной ситуации с роспуском Думы его действия были поддержаны, наряду с фракцией Всероссийского национального союза, одним из лидеров обновленческого крыла СРН Н.Е. Марковым³.

Октябристы никогда не имели полного контроля над Думой и, по словам Гучкова, были всего лишь сильным меньшинством⁴. Решительные действия Столыпина по принятию закона о земствах в западных губерниях давали им последнюю надежду на продолжение реформ и вхождение в новый проправительственный думский блок. Других возможностей для усиления партийных позиций в парламенте у них больше не будет. Впереди, вплоть до самой революции, оставалось только скатывание в оппозицию.

К тому же отрицательно относились к октябристам и левые партии. Господство октябристов, полагали они, привело страну к полной общественной придавленности и политическому застою при продолжении социально-экономических процессов, мощно двинутых вперед «недолгими днями первых всплесков открытой революции»⁵. Социал-демократы полагали, что борьба Столыпина с Дурново за влияние на Николая II и даже борьба Гучкова с Дубровиным «будет не борьбой классов... а лишь борьбой клик... внутри правящей шайки»⁶. При таком отношении к себе различных оппозиционных и революционных партий, включая кадетов, октябристам в случае открытого разрыва с властью было невозможно рассчитывать на обретение лидерства в разгорающемся противостоянии.

¹ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 693. Л. 1.

² Цит. по: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 165.

³ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 40; Омелянчук И.В. Правые партии и П.А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 73.

⁴ Тейда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003 С. 78.

⁵ РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 319. Л. 13.

Решение марта 1911 года, принимавшееся Гучковым в состоянии озлобления, имело серьезные последствия для всех либеральных сил. С уходом П.А. Столыпина осталось мало легальных оснований для равноправного сотрудничества либералов с властью: отношения между правительством и различными партиями постепенно приобретут враждебный характер. Позднее в оппозицию перейдут не только октябристы, но и националисты¹.

Большинство представителей российского либерализма были не способны к созидательной государственной деятельности. Единственным политиком в их рядах, обладавшим потенциалом крупного государственного деятеля, являлся А.И. Гучков. В 1906 году Александр Иванович совершил мужественный поступок, поддержав власть в критический для нее момент. Союз Гучкова с Николаем II объективно укреплял режим. В том, что в дальнейшем этот союз прекратился, есть доля вины и Николая II². Но это не снимает ответственности с Гучкова, личные обиды для которого оказались выше государственных идей.

Со смертью Столыпина в октябристских рядах преобладало разочарование от незавершенности реформ, которые намеревался осуществить Столыпин. Один из партийных лидеров, С.И. Шидловский, от имени октябристской фракции заявил, что «за истекшие пять лет деятельности в этой Думе мы кроме разочарования ничего не получили»³. Однако октябристы сами во многом были виноваты в своей участи, так как, отказавшись от сотрудничества, предложенного главой правительства, заблокировали малейшую возможность последующих изменений в государственном строе Российской империи.

Критическое отношение октябристов и Гучкова к роспуску Думы нельзя объяснить одними придирками к чисто процедурному вопросу. Решение Гучкова прекратить сотрудничество с властью объяснялось грезом накопившихся у него претензий. Примерно в 1910 году у него резко ухудшились отношения с Николаем II. Начало раздоров с императором следует отнести к 1908 году, когда А.И. Гучков выступил с открытой критикой порядка управления, сложившегося с 1905 года в военном ведомстве, где с созданием нового органа — Совета государственной обороны — из-под контроля военного министра вышли генерал-инспекторы родов войск и начальник Генерального штаба. Все они, будучи великими князьями, принадлежали к императорскому Дому⁴. Окончательно сформировалось у Гучкова отрицательное отношение к государственному руководству империи после того, как он, став председателем Государственной думы, получил право прямого доступа к монарху, но его доклады не произвели серьезного впечатления на Николая II⁵.

В марте 1911 года А.И. Гучков не хотел вступать в долгосрочные соглашения с националистами. Его раздражало подозрение кадетов, что инициатором возможного блока октябристов с националистами является он сам как председатель Думы. Конституционные демократы были уверены, что октябристы

¹ Размолodin М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010. С. 153.

² Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 311–312.

³ Цит. по: Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 97.

⁴ Афанасьев Г.Ю. Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и ее общественно-политический резонанс: выигрыши и просчеты // Таврические чтения-2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 183–184, 189, 190, 191.

⁵ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 51.

станут на сторону правящего, по их мнению, правительственного курса и поддержат русскую национальную фракцию¹.

Стратегический курс Союза 17 октября в послестолыпинский период определялся на упоминавшейся конференции 8 ноября 1913 года. Главной фигурой на совещании явился, конечно, официальный лидер Союза А.И. Гучков, потребовавший на нем от партии объявления об открытом переходе в оппозицию к правительству. «Государственная дума и, в частности, Союз 17 октября самым ходом вещей вынуждены перейти к оппозиционной тактике в отношении данного правительства и данного правительственного состава...»².

Настроения в партии были не столь однозначными. Правой позиции, жестко осуждающей линию Гучкова, придерживалась резолюция Тверского отдела, направленная перед конференцией в ЦК. «... всякая борьба „центра с кабинетом“ не соответствовала бы... уставу Союза, учрежденного для борьбы и с революцией, и с реакцией, ибо совместная работа с правительством и после смерти Столыпина вполне возможна и необходима...»³.

Гучков потерпел на конференции крупное поражение, не убедив в своей правоте большинство партии. Это окончательно определилось на заседании ЦК 6 декабря 1913 года, когда выяснилось, что во фракции произошел раскол. На заседание прибыли председатели новых фракций М.В. Родзянко и М.М. Алексеенко, сообщившие Гучкову, что он как председатель ЦК не правомочен руководить октябристской фракцией, поскольку не является членом Думы⁴. Раскол фракции наглядно подтвердил, что радикализм Гучкова партией пока не одобрялся. Его сторону в конфликте заняли всего 22 депутата, образовавшие фракцию Союза 17 октября⁵. Позиции октябристов в Государственной думе и политической жизни страны вследствие раскола сильно слабели.

Показательно, что А.И. Гучков являлся единственным российским политиком, желавшим войны в период Сараевского кризиса. В те дни в письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову он писал: «мы предадим Сербию... ибо мы раньше и, прежде всего, предали Россию»⁶. С первых дней войны, когда большинство политиков, по крайней мере публично, поддерживали иллюзию «национального единения», Гучков, находившийся до летнего кризиса 1915 года не у дел, был настроен непримиримо. Содержалась в июльском письме 1914 года и личная программа Гучкова по отношению к российской власти, ярко проявившаяся позднее в предреволюционном конфликте. Программа заключалась в признании необходимости свержения существовавшей власти: видимо, октябрист видел тогда в министре иностранных дел ее типичного представителя. «Теперь одна моя надежда на то, что... (переполнится — С.Х.) чаша терпения русского народа, и опрокинет он вас с себя, сколько вас ни есть»⁷. Гучков не ожидал, что среди тех, кого скинет революция с поста-мента, окажется и он сам.

¹ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 116, 117.

² ГА РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 43. Л. 18.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Вишиневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 161.

⁵ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьей и юнкерской системы. Л., 1988. С. 152; Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Октябристы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 125.

⁶ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 696. Л. 1 об.

⁷ Там же. ЛЛ. 1 об.–2.

Силы, сплотившиеся вокруг Гучкова, были настроены враждебно против лично императора¹, вследствие чего Гучков намного превзошел Милокова по степени непримиримости. Ранее Гучков рассматривал Милокова как революционера, желавшего совершить в России бунт, а себя воспринимал защитником устоев. Теперь все изменилось. По замечанию Гучкова предреволюционный Милоков хотел всего лишь «потрясти основы», чтобы наверху сменилась группа лиц. Это была борьба за исполнительную власть, и, как пишет Гучков, «какая-нибудь комбинация с Кривошеиным» вполне удовлетворила бы оппозиционеров из Думы².

А.В. Кривошеин, в прошлом соратник Столыпина, стремясь консолидировать Государственную думу и правительство, добивался в ходе войны у Николая II права сформировать правительство с участием думских деятелей. При стремлении к созданию нового правительства он ориентировался на Милокова и полагал, что правительство с ним останется лояльным к монарху³. Александр Иванович признавался в подготовленных им воспоминаниях, что Кривошеин намеревался и ему доверить в этом кабинете место военного министра. Отказываться от вхождения в данное правительство он не собирался, но включение в него не изменило бы его планов, нацеленных на персональное отстранение от власти Николая II. Жажда мести делала Гучкова радикальным⁴.

Шедшая за Гучковым группа видела себя главным наследником власти в случае ее падения, так как за ней стояли могущественный класс промышленников и симпатии значительной части офицерско-генеральского корпуса действующей армии. «Группа все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности в самом ближайшем будущем дворцового переворота...»⁵. Единственный выход им виделся в отстранении Николая II от власти⁶.

В 1927 году в письме к известному либерал-патриоту, стороннику идеи Великой России, экскадету П.Б. Струве, Гучков страстно писал о том вреде, который принесло России увлечение революцией ее элитарным слоем. «Каким первоклассным человеческим материалом располагала Революция в своей борьбе против Власти! И притом в неправом деле. Ибо Власть при многих своих недостатках была права, а Революция при многих своих достоинствах была неправа. И поэтому революционная, террористическая борьба против этой власти была неправым делом»⁷.

Казалось, то было запоздалое раскаяние. Но нет, себя Александр Иванович ни в чем виноватым не считал, ведь он всегда был против революции. Хотя на самом деле никто из либеральных деятелей не сделал столько для ее торжества, как Гучков. И сейчас решительный в прошлом борец с терроризмом призывал вести борьбу с Советской Россией, используя террористические

¹ Там же. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. Л. 9.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993. С. 16.

³ Гайда Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад // Родина. 2010. № 10. С. 90, 93.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117. ЛЛ. 9–10.

⁵ Там же. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 116.

⁶ Гибель монархии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников. М., 2000. С. 481.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.

методы: «... никогда еще в истории вообще, а в частности в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России»¹.

Но террор оставался скорее запасным вариантом: основные надежды Гучков возлагал на подготовку еще одной, второй, интервенции. В период реальной интервенции Гучков установил тесные отношения с самым непримиримым по отношению к большевикам членом английского кабинета, военным министром У. Черчиллем. Тот намеревался первоначально пойти по самому радикальному пути, направив в Россию регулярные силы английских и французских войск. Но, столкнувшись с противодействием, от этого плана ему пришлось отказаться. «Мы не в состоянии поддерживать такую власть, которая находится под подозрением, что она преследует реакционные цели»². Тем не менее, Черчилль не отказался от мысли обострить гражданскую войну и шел возможным сделать это за счет самих русских.

Черчилль предложил составить армию вторжения из русских военнопленных, освобожденных в Германии, но не успевших выехать из Западной Европы. Предполагалось, что новая армия в 30 тысяч человек внесет перелом в войне в пользу антибольшевистских сил. Из этих людей, специально отобранных бы англичанами, 25 тысяч намечалось отправить в Архангельск, а 5 тысяч в Прибалтику. Выбирать, по мнению Гучкова, было из кого: среди русских военнопленных в Западной Европе насчитывалось до 8 тысяч офицеров и свыше 300 тысяч нижних чинов³.

Все это сильно напоминало замысел, возникший у Черчилля в 1945 году, когда после завершения Второй мировой войны он готовился использовать в возможной войне против СССР немецких военнопленных. Планы Черчилля тогда сорвала твердая позиция Советского правительства⁴.

В середине 1920-х годов Гучкову показалось, что вторая интервенция может стать явью. Международная обстановка, по представлениям Гучкова, изменилась коренным образом. Для некоторых стран, в частности Англии, борьба с московским большевизмом стала вопросом актуальным. Если Советский Союз укрепитесь, наступит конец если не Англии, то, по крайней мере, Британии. «Все эти условия дают основание думать, что наши русские активные группы и новые русские активные планы, применяющиеся в новой обстановке, складывающейся в Европе вокруг „русского вопроса“, могут встретить обновленный интерес и среди правительств, и среди политических партий, и среди иных групп». Период разочарования после неудач в борьбе с московским большевизмом, по его мнению, подходил к концу⁵. Поразительные метаморфозы происходят с патриотами, когда ими овладевает страстное желание свергнуть главу государства. В результате они оказываются в одном союзе с внешними, враждебными России государствами, каковыми уже давно на начало второй четверти XX века являлись те же британцы.

Однако Гучков сильно переоценивал свое значение «среди русских групп». Он больше не был тем безоговорочным лидером оппозиции, каким являлся перед Февралем. Об этом говорит отношение к нему монархистов — сторонников великого князя Николая Николаевича. Конечно, их отношение перед

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. Д. 70. Л. 6.

³ Там же. ЛЛ. 8, 9.

⁴ Холяев С.В. Аромат сакуры. Противостояние СССР в 1945 году сговором Германии с Западом // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 165, 166.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 15. ЛЛ. 39–40.

Февралем к верховной императорской власти не сильно отличалось от тогдашней позиции Гучкова, но именно это и вменялось ими теперь в вину Гучкову. В еженедельнике Высшего монархического Совета от 16 августа 1925 года утверждалось, что нельзя допустить повторения «мрачной памяти парламентского прогрессивного блока 1916 года, в смуте коего погибли многие правые, сдуру поверившие в искренность и патриотизм Милюкова, Гучкова и им подобных»¹.

Весь путь А.И. Гучкова показывает, что отстранение императора стало для него самоцелью. Характерно высказывание А.И. Гучкова, показывающее истинные цели оппозиционной деятельности либералов. «Черт с ней, с победой, лишь бы скинуть царя!»². Такая озлобленность копилась в Гучкове, когда-то преданном стороннике Николая II, довольно давно. По утверждениям С.В. Куликова, впервые Гучков заговорил о возможности дворцового переворота еще в январе 1911 года, то есть при жизни Столыпина, а к осени 1916 года, по признаниям члена ЦК Союза 17 октября кн. А.В. Оболенского, стал «открытым злобным революционером», непримиримо настроенным лично против Николая II³.

В заключение необходимо признать: основное поражение Гучков потерпел в 1911 году, когда не поддержал, а по сути предал из-за личных амбиций того, чьим верным сторонником считался тогда и в последующем. Поддержки тогда он Столыпина, впереди его ждала успешная государственная карьера. Однако и поворот 1911 года не был случаен. Основными виновниками поражения Столыпина являлись вовсе не его противники, а те, кого он считал своими единомышленниками — октябристы и лидер Союза А.И. Гучков. Когда Николай II спас провалившийся в Госсовете столыпинский законопроект, Гучков ушел в отставку с поста председателя Думы. Исследовательница А.Я. Седова комментирует этот эпизод следующим образом: «Разумеется, не нарушение закона волновало Гучкова. Такая решительная поддержка Государя была блестящим успехом Столыпина на том пути, на котором круто поскользнулся сам Гучков. Государь поддержал Столыпина, а не его; вот что его возмутило»⁴.

Поэтому в итоге получается, что смерть Столыпина выгоднее всего была Гучкову, сохранившемуся в общественном сознании союзником Столыпина, а не его противником. Она предопределила его стремительную, но мнимую оппозиционную карьеру, обернувшуюся полным жизненным фиаско и драматичными последствиями вследствие этого для российской государственности в целом. Не вызывает сомнений: останься жив осенью 1911 года П.А. Столыпин, они неминуемо оказались бы самыми злейшими непримиримыми противниками. И, может быть, судьба империи в феврале 1917 года сложилась бы совсем иначе, ведь не вызывает сомнений, что Петр Аркадьевич всецело был бы тогда на стороне императора. Хотя, конечно, к гибели Столыпина Гучков никакого отношения не имел и иметь не мог.

¹ Там же. Д. 210. Л. 1 об.

² Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе февральской революции // Российская история. 2012. № 1. С. 70.

³ Там же. С. 70, 73.

⁴ Седова А.Я. Великий магистр революции. М., 2006. С. 26–28.

ДИСКУССИЯ

Модератор — Игорь Владимирович Лукоянов

И.В. ЛУКОЯНОВ

Уважаемые коллеги, мы плавно перетекаем из одного пункта повестки дня в другой. На 16.20 у нас стоит дискуссия «Непримиримые друзья» (к 160-летию Гучкова и Столыпина).

Сама по себе формулировка этой проблемы или темы дискуссии носит немного провокационный характер. Разумеется, никакими друзьями они не были, но представляется, что эта формулировка отражает некоторую коллизию отношений двух крупных политических деятелей эпохи третьеиюньской монархии и впервые в истории Российской Империи отношений лидера политической партии и главы объединенного правительства, премьер-министра, что до этого не наблюдалось вообще. Разумеется, всякая круглая дата является поводом для очередного выплеска каких-то наработок, статей, крупных работ, но в данном случае, как представляется, было бы неправильно пройти совсем мимо этого события — 160 лет со дня рождения — и в то же время еще раз не обратиться к тематике политической истории третьеиюньской монархии. Потому что, несмотря на немалое количество сочинений на разных языках, далеко не все они одномерны, не все изучено на высоком уровне, и остается еще немало вопросов.

В этой формулировке есть возможность объединить два предмета. Первый — это личные отношения двух крупных политиков, второй — их политические контакты и отношения, потому что они тоже носили далеко не простой и неоднозначный характер.

Я уже сказал, что друзьями их, конечно, назвать сложно, но это люди, которые тесно взаимодействовали, начиная с эпохи II Государственной думы и практически до того момента, который называют обычно политической кончиной Столыпина — мартовского кризиса 1911 года, который серьезно изменил прежнюю политическую конструкцию.

Разумеется, мы выходим на очень широкую проблематику, если начинаем говорить о них за пределами чисто личных отношений как политических контрагентов, мы выходим на проблему политической судьбы третьеиюньской монархии в целом и ресурса ее политических возможностей. Нацеленная все-таки на проведение, пусть и ограниченного, но набора довольно серьезных реформ, она, тем не менее, уже за время III Думы исчерпала свой ресурс, и после 1910 года это не то что работа вхолостую, но довольно серьезные проблемы. Крупных реформ после этого так и не было задумано, тем более осуществлено.

Конечно, в эту политическую ситуацию вкладывается много чего. Это не только события, это и Государственная дума в целом, распределение политических сил, это и правительство, и проблема взаимодействия не только Думы с правительством, но и с Николаем II, и ряд проистекающих отсюда довольно интересных и сложных проблем.

Изначально мы предполагали, что в дискуссии примут участие так называемые основные участники, но это не означает, что всем присутствующим не будет дана возможность высказаться. Поэтому я предлагаю следующий порядок. У нас в списке семь человек, из них большинство представили заранее либо тезисы, либо тексты, отражающие их взгляды на этот вопрос, на эту проблему. Я, к сожалению, не знаю, были ли эти тексты заранее разосланы всем участникам. Если так, это только плюс, это значит, что выступающие могут лишь сказать что-то о заранее разосланном тексте. Семен Михайлович Ляндрес не представил текст, у него высокая загруженность в учебном процессе, он просто просил дать ему слово под конец дискуссии, чтобы как-то отреагировать на ее главные составляющие.

Но так как времени у нас предусмотрено чуть менее двух часов, то я предлагаю следующий порядок: предложить основным участникам дискуссии ограничить свои выступления примерно десятью минутами, чтобы у нас была возможность обменяться впечатлениями и дать слово тем, кто захочет выступить кроме основных участников.

Я не буду занимать ваше время, чтобы давать сейчас какие-то оценки либо предварять эти выступления, скажу лишь, что между Столыпиным и Гучковым существовали далеко не однозначные отношения, что личные отношения — это, возможно, одно, а их политические действия — это немного другое. Несмотря на то, что, с одной стороны, правительство в лице Столыпина предприняло серьезные усилия, чтобы сделать партию «Союз 17 октября» своей главной опорой в Государственной думе, эта опора вела себя далеко не как единственная и как безусловно поддерживающая все начинания правительства сила. Этот важный аспект сразу задал тон политических отношений октябристов и правительства и, вероятно, как-то коррелируется с личными отношениями Гучкова и Столыпина. То есть их неоднородность носит как личный, так и политический характер. Для историографии это важно, потому что на сегодняшний день мы не имеем однозначных оценок. Если о Столыпине известно, пожалуй, побольше, то о Гучкове есть, по сути дела, одна книга, изданная 25 лет назад, поэтому, к сожалению, Гучков в политическом отношении известен меньше. И нам, как я представляю, важно было бы вернуться к этим сюжетам с тем, чтобы, может быть, сформировать какие-то новые идеи и на основании их двинуть разработку политической истории третьеиюньской монархии вперед.

Все, спасибо, я больше не отнимаю время и предполагаю дать первое слово Федору Александровичу Гайде, который и представил нам, наверное, самый обстоятельный и развернутый текст по теме «Столыпин и Гучков».

Ф.А. ГАЙДА

Спасибо большое, коллеги.

В общем, очень кратко, по основным тезисам. Как я понимаю, действительно все желающие могли наши тексты прочесть. Мои главные положения такие.

Я считаю, что нам практически невозможно делать выводы о деталях взаимоотношений Столыпина и Гучкова по следующим свидетельствам Гучкова. По понятным причинам Столыпин потом ничего рассказать не мог, но то, что рассказывал Александр Иванович об этих отношениях, очень сильно зависело от политической конъюнктуры, в разное время складывавшейся.

Потому что он одно говорил после сентября 1911 года, а потом совершенно другое в более позднее время. Поэтому я бы на эти свидетельства не очень полагался и выстраивал бы картину на основании других источников, преимущественно синхронных, то есть тех, которые собственно относятся к 1907–1911 годам.

И на основании этого я могу сделать такие выводы.

Конечно, это, мне кажется, вполне очевидно, что октябристская партия получила господствующие позиции в Государственной думе, условное большинство, — условное, конечно же, благодаря Столыпину, благодаря, собственно говоря, его инициативе, которую обычно именуют переворотом 3 июня 1907 года. И собственно переворот по большому счету был направлен на выстраивание этого союза с октябристами для того, чтобы сохранить Государственную думу во всем ее существующем объеме полномочий, сохранить ее место в политической системе, но при этом путем изменений избирательного закона провести в Думу октябристов, чтобы именно им принадлежало центральное положение, и, соответственно, выстроить определенный законодательный процесс.

Столыпин в 1907 году, насколько мне представляется, еще имел такие взгляды на парламент, в соответствии с которыми он представлялся все-таки некоей опорой для правительства, опорой для самого Столыпина, и только потом его взгляды поменяются, и он начнет воспринимать парламент как некий инструмент собственной правительственной политики. То есть соотношение между Советом министров и Государственной думой, на мой взгляд, менялось по мере того, как сам Столыпин накапливал определенный политический опыт. И вот это изменение взглядов Столыпина на Государственную думу в значительной степени, конечно же, влияло на отношения между Столыпиным и Гучковым.

Сам Александр Иванович Гучков, который в 1907 году почувствовал себя лидером главной политической партии России, очень быстро перестает воспринимать свое положение как следствие определенных шагов Столыпина, он начинает чувствовать себя все более и более самостоятельно. То есть он достаточно быстро перестал исходить из того, что октябристы получили все, в общем-то, благодаря Столыпину; он действительно начинает воспринимать себя неким народным избранником с большой буквы — Избранник нации, народа, страны, а не избранник премьера, который осуществил переворот. И в результате Гучков начинает биться за самостоятельность. Ему принципиально важно было, с одной стороны, сохранять тесные отношения со Столыпиным, а с другой — тому же Столыпину, да и не только ему, а всей стране, даже и монарху на самом деле, всячески демонстрировать свою самостоятельность. И вот отсюда такая двойная игра Гучкова, во-первых, в некую такую принципиальность и самостоятельность, а во-вторых, при сохранении этих неформальных, закулисных, тесных отношений со Столыпиным.

Эта двойная игра неизбежно должна была потерпеть крах: скоро, то есть это ненадолго, и уже к 1910 году, она была исчерпана, вследствие чего Столыпин действительно начал выстраивать, условно говоря, двухпартийную систему, опираясь не только на октябристов, но и на националистов, что, естественно, вызывало понятную ревность со стороны Гучкова. Но при этом Столыпин, для того, чтобы все-таки эту ревность преодолеть, потому что ему с Гучковым все-таки нужны были нормальные деловые отношения, в результате

инициировал избрание Гучкова на пост председателя Государственной думы. Это Гучкову давало определенные преференции еще и в плане личного общения с императором.

К этому времени уже отношение Николая II к Гучкову было весьма критичным в силу поведения октябристской фракции в Государственной думе. Гучков на короткое время преодолел эту критичность со стороны царя, вроде как наладил какие-то отношения личные, но в конечном счете все достаточно быстро закончилось, и очень плохо, потому что этим личным доверием Александр Иванович пожертвовал, сливая в печать результаты интимных бесед с государем императором. В результате уже к 1911 году положение в отношениях между Столыпиным и Гучковым опять начинает обостряться. По большому счету уже с конца 1910 года на самом деле Гучков, на мой взгляд, искал повод для того, чтобы подать в отставку с поста председателя Государственной думы. На этом посту ему не было резона находиться после того, как его личные отношения с царем были испорчены.

Тем не менее, что получилось в конечном счете в 1911 году? Столыпин, как известно, вынужден был пойти на этот трехдневный роспуск, Гучков воспользовался этим, как поводом для того, чтобы подать в отставку, которая в общем-то уже фактически напрашивалась. Тем не менее, октябристская фракция, если посмотреть на ее поведение по результатам марта, сделала все, точнее, октябристское большинство сделало все для того, чтобы в конечном счете остаться фракцией проправительственной, а не оппозиционной. И Гучков это понимал: он не сможет сделать октябристов оппозиционной фракцией, да в общем-то и не хотел этого делать. В этом смысле он оказался в некотором тупике: для него и тесные отношения со Столыпиным стали невозможны, и одновременно с этим в оппозицию не перейдешь, потому что тупик потом, на следующих выборах провал будет. И в конечном счете он действительно на какое-то время устранился из игры для того, чтобы потом, через несколько месяцев, попытаться игру начать как бы заново, когда все уляжется. Ну, и собственно говоря, с этим связано его отбытие из Петербурга надолго весной 1911 года.

Далее, как известно, события совсем другим образом стали развиваться. Однако, повторяюсь, октябристская фракция достаточно долго была настроена на достаточно конструктивные взаимоотношения с властью. Результатом этого, как известно, стало избрание Родзянко на председательский пост.

На этом, пожалуй, все. Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо большое. Если есть короткие вопросы к Федору Александровичу, пожалуйста.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Федор Александрович, скажите: тактика Гучкова при выборах в IV Думу, когда он отказался идти по губернии, насколько я помню, это был сознательный шаг, чтобы продолжить свою политическую изоляцию, или он все-таки рассчитывал на победу?

Ф.А. ГАЙДА

Так его там прокатали. Как известно, он отказался от предвыборной агитации. Насколько я понимаю, он все-таки очень верил в свою звезду и считал, что его изберут при любых обстоятельствах, что он свой для первой городской курии Москвы, в результате чего не рассчитал силы и был забаллотирован. Мне кажется, это просто личный просчет на фоне такого большого честолюбия.

(И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК: Он хотел возвращаться?)

Да, конечно, он собирался возвращаться. У него долгое время выстраивались достаточно тесные отношения с Коковцовым. Он на самом деле исходил из того, что в принципе при любом раскладе можно попытаться поиграть в какие-то доверительные отношения с разными премьерами, кто бы ими ни был. Но не сложилось.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Итак, Сергей Викторович Куликов.

С.В. КУЛИКОВ

Уважаемые коллеги, конечно, то, что для сегодняшней дискуссии выбраны две эти личности, — не случайно, это объясняется не только тем, что в истекающем году 160 лет со дня их рождения, несомненно, что и Гучков, и Столыпин — ключевые фигуры, ключевые игроки, как сейчас говорят, для истории третьеиюньской системы, третьеиюньской монархии. И на их примере, как, пожалуй, ни на каком другом, видно применительно к этому периоду, насколько все-таки важна роль личности в истории.

Если, допустим, роль Столыпина более или менее становится ясной благодаря исследованиям последних лет, благодаря тому, что появилось много работ современных историков, посвященных ему, то, конечно, личность Гучкова в какой-то степени еще остается загадочной, поскольку появилась пока только одна полная его биография. Потом я бы еще отметил работы нашего коллеги, присутствующего здесь, Козодоя, работы тоже очень ценные, но они посвящены конкретному участию Гучкова в судьбах России в 1917 году и в эмиграции. Конечно, фигура Гучкова достойна того, чтобы ее изучать более пристально, чем это делалось ранее, потому что его личность в большей степени, чем личность Столыпина, воспринимается нами сквозь некоторые, не только историографические стереотипы, но и те, которые были свойственны восприятию современников Гучкова. Действительно, мы до сих пор во многом представляем его себе как некоего умеренного, умеренно либерального политика, мечты которого о мирной эволюции России разбились, скажем так, не по его вине. И даже в том, что он поехал принимать отречение Николая II, мы видим исполнение некоей роли, которую Гучков сам потом приписывал себе в тех самых воспоминаниях, о которых упоминал Федор Александрович Гайда. Конечно, во многом наше восприятие личности Гучкова, его деятельности является заложником этих воспоминаний, а между тем, конечно, повторяю, личность Гучкова много сложнее, чем тот образ, который создавал, в том числе, и он сам.

Прежде всего, надо отметить, что и для Гучкова, и для Столыпина была свойственна политическая эволюция. Это их сближало, с одной стороны, в течение какого-то периода, а с другой — эта эволюция потом их разъединила

и способствовала распаду того тандема, который они какое-то время составляли в парламентской истории России.

Как представляется, эволюция Столыпина проходила под знаком постепенного правления. Крыжановский пишет, что в Петербург Столыпин приехал, будучи назначен министром внутренних дел, будучи близким к левым октябристам. Но в течение нескольких лет он проэволюционировал, и мы знаем, что уже где-то в 1909–1910 годах он во многом идейно сближается с консервативными, очень консервативными либералами — это характеристика нашего коллеги Даниила Александровича Коцюбинского, а именно — с партией националистов.

И Гучков тоже эволюционировал. Мы знаем, что еще как гласный Московской думы он занимал довольно умеренную позицию, довольно консервативную, в том числе и в 1905 году. Мы знаем его выступление против автономии Польши, по рабочему вопросу. Но постепенно он в отличие от Столыпина эволюционирует в левую сторону. И итоги этой эволюции уже в полную силу проявились после кончины Столыпина, в период Первой мировой войны.

Хотел бы оспорить тезис, озвученный Федором Александровичем Гайдой, а именно: тандем Гучков–Столыпин дал некую трещину в 1910 году. Мне кажется, это произошло раньше, в 1909 году уж точно. Казалось бы, что тут такого, годом раньше, годом позже. Но мы знаем, что история третьеиюньской системы очень сложная, она сродни сложно организованному механизму, где важна каждая деталь, а тем более год, когда действительно за год происходили события, в иное время происходившие за десять лет, а может быть, даже за двадцать. Да, несомненно, что 1909 год стал водоразделом в их отношениях. Хотя, с другой стороны, совершенно верно, Столыпин даже после этого продвигал Гучкова в председатели Думы, и мы тут имеем совершенно точное указание, а именно: это дневник или воспоминания начальника канцелярии III Думы Глинки, из которых явствует, что действительно Гучков себя стал выдвигать в председатели Думы, исходя не только из своих собственных амбиций, но и учитывая прямую просьбу Столыпина. То есть, видимо, Столыпин таким образом хотел как-то, грубо говоря, приручить Гучкова, сохранить его фигуру в орбите той политики, которую проводил. Потому что, несомненно, Столыпин ценил Гучкова как личность, как политического деятеля, и он понимал, что уход такого человека из политики, которую проводил Столыпин, это будет, конечно, ударом по этой политике, ибо во многом на тандеме Гучков–Столыпин, собственно говоря, и базировалась та политика как в Думе, так и за ее пределами. Я бы даже сказал больше, что этот тандем во многом был ключом к успешному функционированию третьеиюньской системы в том виде, в каком она функционировала в III Думе. Я бы даже так сказал, что если бы этот тандем удался, то, возможно, судьбы не только третьеиюньской системы, но и России были бы другие. Однако тандем этот действительно в 1910 году уже определенно имел тенденцию к распаду, окончательно распад происходит в марте 1911 года.

И вот здесь возникает очень важный вопрос: почему же все-таки Гучков повел себя именно так, как он повел себя тогда, в марте 1911 года? Ведь фактически он предал Столыпина. Притом что Столыпин, настаивая на проведении закона о юго-западном земстве в редакции Думы по статье 87 (он

настаивал на этом перед императором), фактически действовал в интересах и Гучкова как председателя Думы, и лидера самой влиятельной фракции — октябристов, и в целом в интересах III Думы.

Представляется, что дело тут даже не только в том, что Гучков, как сказал Федор Александрович, уже созрел для того, чтобы окончательно дистанцироваться от Столыпина, но факт этого созревания — это все-таки не причина, а некий симптом. Одна из таких глубинных причин состояла в том, что Столыпин и Гучков представляли собой два типа, скажем так, две модели политического поведения в рамках третьейимюньской системы. И суть этих типов заключалась в том, что Столыпин в большей степени руководствовался рациональными мотивациями, а Гучков, конечно, имея и рациональную мотивацию, в конечном итоге подчинялся некоей, политической иррациональности, когда проявлялся его характер, который очень удачно охарактеризовал в своих воспоминаниях Сергей Юльевич Витте. То есть причины их политического расхождения находились вне политики в значительной степени.

Хотя, с другой стороны, были и чисто политические причины этого расхождения. Конечно, в том контексте, который существовал тогда в России, Столыпин и Гучков были либералами, но, конечно, либералами умеренными, не радикальными, не левыми, каковыми были кадеты. Столыпин был либералом, но не партийным либералом, а консервативным, и именно поэтому был либералом-прагматиком, и в нем в большей степени рациональность доминировала над иррациональностью. А вот Гучков в большей степени подчинялся каким-то доктринерским установкам, и в том контексте, в той ситуации он был, конечно, меньшим прагматиком и большим доктринером, чем Столыпин. В конце концов это для него оказалось более важным — не установление и не сохранение контакта со Столыпиным, а желание сделать эффектный жест, уйти, хлопнув дверью, что он и сделал в марте 1911 года, уйдя с поста председателя III Государственной думы и серьезно осложнив положение, в котором находился тогда его бывший друг Петр Аркадьевич Столыпин.

Спасибо за внимание.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо, Сергей Викторович.

Есть ли вопросы? Только, пожалуйста, кратко. Нет.

Тогда сейчас мы минуем Семена Михайловича Ляндреса, который еще не подключился к нам, и слово предоставляется Игорю Владимировичу Омелянчуку.

И.В. ОМЕЛЯНЧУК

Добрый день, уважаемые коллеги!

Тема моего выступления — «Триумвират (несостоявшийся) — Столыпин, Гучков, Грингмут и создание правооктябристской предвыборной коалиции».

Речь идет о выборах во II Думу. Результаты первой думской избирательной кампании не устроили, наверно, никого, кто был правее кадетов. Октябристы получили 16 мест, монархисты набрали 9 процентов голосов на предварительных этапах выборов, но в Думу не провели ни одного своего представителя. И, самое главное, правительство получило Думу «народного гнева», которая

совершенно его не устраивала. Контакта с народным представительством власти найти не удалось, или, может быть, недостаточно старательно искали. В итоге П.А. Столыпину, наверное, впервые в нашей истории, пришла в голову светлая мысль создать партию власти, провести ее в Думу, и там эта партия будет отстаивать интересы правительства, будет его, П.А. Столыпина, думской шпагой.

Кто же лучше всех сможет справиться с этой деликатной функцией? Казалось бы, очевидный вариант: правые, всегда декларировавшие верность престолу. Однако правые уже успели рассориться с П.А. Столыпиным, так как тот не отрицал законодательный характер Госдумы. Поэтому выбор главы правительства пал на «Союз 17 октября», который был ему идейно близок. Октябристы, выступая за самодержавие, в то же время стояли за Конституцию, против чего Столыпин в общем-то не возражал. Однако очень слабые для октябристов итоги предыдущих выборов не оставляли правительству особых надежд, что результаты на выборах во II Думу для «Союза 17 октября» могут существенно улучшиться. Выход был один — усилить будущую партию власти коалицией с электорально более успешным союзником.

Заключать предвыборный блок «налево», с кадетами, было не только невозможно, но и не рационально. Тогда встал вопрос о другой коалиции — справа. Справа были монархисты. Очень кстати в сентябре 1906 г. в Петербурге проходил съезд председателей отделов Союза русского народа. А так как Государь Император благоволил отдыхать где-то в балтийских шхерах, то резолюцию съезда было решено поднести самому Петру Аркадьевичу. К премьер-министру явилась депутация в составе тридцати человек, которой он заявил, что он сам правый, чем многих и убедил, как вспоминал член Союза русского народа В.П. Соколов. А дальше П.А. Столыпин заявил присутствующим, что на выборах надо идти в союзе с октябристами. И вот здесь все тридцать членов депутации возразили, что этот вопрос обсуждался на съезде, и там все пятьдесят пять избранных делегатов (точнее не избранных делегатов, а приехавших на съезд председателей местных отделов Союза русского народа) проголосовали против. Таким образом, главе правительства найти общий язык со съездом не удалось. А спустя некоторое время еще и Главный Совет Союза русского народа издал циркуляр, прямо запрещающий местным отделам на выборах вступать в коалицию с октябристами. Октябристы, говорилось в документе, во-первых, выступают за еврейское равноправие (монархисты придерживались прямо противоположных взглядов); во-вторых, октябристы, с одной стороны, не пользуются популярностью, как правые, а с другой стороны, не имеют той виртуозности (в негативном смысле), как кадеты, поэтому самостоятельно победить на выборах они ни при каких обстоятельствах не смогут. Следовательно, полагали лидеры Союза русского народа, блок нужен октябристам, а не правым. В результате идея с коалицией Союз русского народа — «Союз 17 октября» провалилась.

Тогда П.А. Столыпин с тем же предложением обращается уже к председателем Русской монархической партии, лидеру московских монархистов В.А. Грингмуту. Более того, премьер-министр рассказывает собеседнику о своей идее создать партию власти. Он сказал, что выборы во II Думу будут проходить по тому же закону, но с маленьким отличием: теперь правительство

будет вмешиваться в выборы, чтобы Дума дала хороших людей. П.А. Столыпин предложил В.А. Грингмуту помочь правительству. Последний, конечно, помялся немного, но в общем согласился (это все через дневник генеральши А.В. Богданович до нас дошло). Но та же генеральша свидетельствует, что, рассказывая ей об этом эпизоде, В.А. Грингмут заметил, что «Гучков — пустой человек». В общем, согласился председатель Русской монархической партии, только уступая просьбе П.А. Столыпина. С другой стороны, А.И. Гучков тоже в частном письме своему соратнику по партии Милютину написал таким каламбуром: «Скоро истинно русские люди [правые] погубят просто русских».

Как В.А. Грингмут, так А.И. Гучков про эти оценки, данные друг про друга, конечно же не знали, но буквально через две недели все это было вынесено на публику. Лидер октябристов в интервью газете «Новое время» заявил, что «мы не против блока с Союзом русского народа, но если бы они, как бы это выразиться поточнее, почистились бы, что ли». То есть (здесь я соглашусь с Сергеем Викторовичем) характер у него был прескверный. В.А. Грингмут отплатил той же монетой: «Мы тоже не против блока с октябристами, но если они тоже почистятся». Как иронизировал один либеральный журналист, перспективы этого «банного блока» оказались в тумане, «но если бы Гучков не отринул веник монархистов, а монархисты не отказались бы от мочалки октябристов, то ход русской истории был бы иной».

Вскоре А.И. Гучков на собрании партии заявил, что мы не против союза с Русской монархической партией В.А. Грингмута, но на следующий день после выборов. Потому, что сейчас соглашению с ними мешает наличие в их рядах реакционных элементов, защищающих узкоклассовые интересы и препятствующих мирному разрешению крестьянского вопроса. На охрану самодержавия встали те, кто довел его до катастрофы; вступать с ними в коалицию опасно, резюмировал А.И. Гучков. Тут уже В.А. Грингмут не выдержал. Будучи еще и редактором «Московских ведомостей», он на страницах своей газеты написал: «Кто как не мы за мирное разрешение крестьянского вопроса? [То есть без конфискации]. Наверное, нас господин Гучков перепутал с социалистами. Непростительная ошибка для серьезного политика. Во-вторых, спешу успокоить господина Гучкова: Витте, который довел самодержавие до катастрофы, в наших рядах не числится, поэтому он может смело с нами заключать союз».

Дальше В.А. Грингмут уже со своей стороны говорит, что для вступления в коалицию с октябристами и нам надо, чтобы последние ясно ответили на три вопроса, точнее на три обвинения. Первое — в равнодушии к делам Православной Церкви, второе — они не защищают самодержавие, и третье — они выступают за равноправие евреев. Давайте соберемся сто на сто, предложил он, и устроим дискуссию. Тысяча на тысячу, по его мнению, неприлично, это драка, а вот сто на сто — нормально, и можно будет выявить особенности программ монархистов и «Союза 17 октября». При этом В.А. Грингмут подчеркнул, что правые не перчатку бросают октябристам. Раз они серьезная партия, давайте будем корректировать наши программы, призывал он. Но А.И. Гучков при обсуждении этого предложения в среде однопартийцев заявил, что не следует соглашаться на него. Потом уже официально от имени партии октябристов последовал отказ от диспута с Русской монархической партией. «Октябристы увильнули», — выразился по этому поводу В.А. Грингмут.

Дальше все пошло своим чередом. Союз русского народа подтвердил циркуляром, что не будет поощрять согласие на блок своих отделов, а Русская монархическая партия после того, как «октябристы увильнули», тоже отказалась от каких-то серьезных шагов навстречу. Член Главного Совета Союза русского народа В.П. Соколов потом написал, что П.А. Столыпин собирался создать октябристскую думу, в которой будет «два-три монархиста» справа и «двадцать-тридцать учтивых кадетиков», то есть думу послушную. Но глава правительства просчитался. Во-первых, писал В.П. Соколов, он не учел наше нежелание заключать блок, во-вторых, он не учел активного участия левых в избирательной кампании, и, наконец, в-третьих, он неверно оценил силы октябристов, то есть на самом деле это был пузырь дутый.

В итоге избирательная кампания во II Думу по большому счету провалилась как для правых, так и для октябристов.

Почему же московские монархисты вообще согласились обсуждать возможность коалиции с октябристами? Во всяком случае не для того, чтобы симпатию А.И. Гучкову продемонстрировать, пояснил В.А. Грингмут. По его мнению «дурной избирательный закон» может породить только «дурную Думу». Поэтому «мы, монархисты, пойдем на выборы и сделаем все, чтобы туда провести как можно больше людей, чтобы потом правительство не сказало, что дурная дума получилась от нерадения монархистов — только от дурного закона. И, значит, дурной закон должен быть отменен».

Таким образом, если мы говорим о причинах неудачи попытки заключения предвыборного соглашения между правыми и октябристами, то в первую очередь следует указать на идеологические установки монархистов, конфликтовавшие как с партийной доктриной октябристов, так и с «конституционным» (по мнению правых) политическим курсом П.А. Столыпина. Кроме того, В.А. Грингмут опасался, что если II Дума в результате выборов окажется более или менее «смирной», то правительство не будет менять избирательный закон, а он считал, что это сделать необходимо. Следует также отметить и скверный характер А.И. Гучкова, который вел полемику со своими потенциальными союзниками в неприличном тоне.

Благодарю.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Вопросы? Нет. Тогда еще раз спасибо.

Д.В. АРОНОВ

Разрешите? Один вопрос все-таки назрел. Простите, не выдержал.

По ходу выступления у Игоря Владимировича несколько раз прозвучало, что этот блок не состоялся из-за того, что Гучков и «Союз 17 октября» выступали за равноправие евреев. Однако в известном двухтомнике протоколов партии октябристов, а, как известно, у октябристов было даже два центральных комитета — московский и питерский, этот вопрос обсуждался лишь единожды, и именно в контексте отрицания подобного равноправия для евреев.

В материалах работы коллегиальных органов «Союза 17 октября» были очень интересные вещи. Это второй аспект данной проблематики, и он связан с тем, что «Союз 17 октября» существовал, по сути, не в виде классической парторганизации, я даже очень сомневаюсь, что мы можем применить теорию Якова Моисеевича Острогорского о том, что это был кокус, в понимании

Острогорского и соответствующей политической практики и России, и других стран. По своей природе это был, по признанию самих октябристов, по сути, временный предвыборный союз, когда деятельность партии так или иначе оживлялась. Однако если говорить о них как о партии, то показать партийную природу очень сложно: два ЦК и прочее.

Но так или иначе на общем собрании руководства октябристов было принято решение о том, что в связи с началом избирательной кампании, чтобы не ставить в неудобное положение на местах руководителей местных организаций, вопрос о равноправии евреев не будет упомянут в партийной программе. Здесь, как мне представляется, нужна единая методология классификации политических движений. Нужна система критериев отнесения политических движений к тому или иному политическому лагерю на основании анализа их партийной программтики. При этом нельзя буквально следовать даже устоявшимся в архивной практике названиям.

В свое время в ГА РФ взял одно замечательное дело, там всего 12 страниц или 16, если считать машинописные дубликаты, которое называется «Проект конституции А.И. Гучкова». Однако, как выяснилось позднее, это никакой не проект конституции. Удалось, поймав совпадение фрагментов текста, показать, что это проект одной из промежуточных партийных программ октябристов, которых было несколько. Но в этих программах мы ничего не найдем про равноправие евреев. Поэтому мне думается, что именно на этом основании и продолжается мой длинный спор с любимым учителем Валентином Валентиновичем Шелохаяевым о том, что октябристы — это все же не либералы. Отрицание права равенства национальностей — это уже не либерализм, это уже что-то другое.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Я, с вашего позволения, отвечу и уточню. Монархисты дословно говорили так: «октябристы не высказались ясно против еврейского равноправия». То есть речь шла не о том, чтобы октябристы просто эту тему замолчали, это не устраивало правых, правые требовали «высказаться ясно». Октябристы этого не сделали и даже отказались от дискуссии. С точки зрения правых это было недопустимо.

Д.В. АРОНОВ

Совершеннейше согласен.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Тогда подводим черту, и слово Федору Александровичу Селезневу.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо.

Столыпин, кем он был по своим политическим взглядам? Я, наверное, соглашусь с Сергеем Викторовичем Куликовым полностью в том, что Столыпин — это либерал. Более того, он либерал не только по нашим оценкам. Он и сам себя ощущал конституционным министром, это цитата из его письма супруге, и он был нацелен на взаимодействие с парламентом. Причем не только с III Думой, но даже и со II.

И вот здесь я бы, наверное, вступил в полемику с Федором Александровичем Гайдой по поводу того, насколько третьейюньюский переворот и разгон II Думы связаны именно со Столыпиным как политиком. Ведь дело в том, что вопрос о создании нового избирательного закона был поставлен еще на исходе I Думы. Тогда Горемыкин давал такое поручение Крыжановскому. Крыжановский об этом писал в своих воспоминаниях и составил такой проект. Далее инициатором разгона Думы и издания нового закона, консервативного, еще до начала работы II Думы, был Шванебах — он пишет об этом в своих воспоминаниях. И, конечно, здесь Столыпин играет роль скорее защитника II Думы, даже после знаменитого инцидента Зурабова, когда была оскорблена русская армия одним из депутатов II Думы. Я полностью согласен с Кириллом Андреевичем Соловьевым, что для II Думы это была роковая красная черта, но с точки зрения Николая II. То есть для Николая II после инцидента Зурабова судьба II Думы была уже определена. Но не для Столыпина.

Вот как раз в свежем выпуске нашего замечательного сборника «Таврические чтения» прошлогодней конференции я пытаюсь показать, что в апреле–мае 1907 года Столыпин всячески защищает II Думу, пытаясь продлить ее жизнь, доказать Николаю II ее жизнеспособность, и ему это почти удается. Столыпин, видимо, надеялся, что ему удастся убедить царя пойти на продление полномочий II Думы, а для этого он, Столыпин, пытается отсечь левый думский фланг в лице социал-демократов, для чего инициируется дело социал-демократической фракции. Параллельно он ведет переговоры с кадетами весь май и даже в начале июня 1907 года. То есть он встречается регулярно с Гессеном, Струве, Челноковым, Маклаковым, и даже накануне роспуска Думы. Спрашивается: а зачем встречаться и уговаривать их согласиться на исключение депутатов социал-демократов? Зачем договариваться с ними о проведении каких-то законопроектов конкретных, если уже судьба Думы решена? Да потому что она была с точки зрения Столыпина еще не решена. И только когда Николай II рывкнул уже на Столыпина, тогда тому пришлось сделать то, что от него уже давно царем требовалось. Так появляется царский манифест от 3 июня.

Что дальше? III Дума. С ней-то, конечно, Столыпин готов был сотрудничать еще в большей степени. Там для него были гораздо более комфортные партнеры, чем кадеты — октябристы. И не случайно, конечно, что в III Думе взаимодействие Столыпина с парламентом принимает, с одной стороны, более интенсивные, с другой — более правильные формы. Часто цитируют Глинку о том, что Столыпин и Гучков ежедневно перезванивались. Это уже говорит об интенсивности их связей. Были ли они друзьями в личном плане? Тут, наверное, трудно какие-то давать оценки, но в политическом плане они, естественно, были единомышленниками. Их политический союз на что был направлен или против кого? На мой взгляд, он был направлен на трансформацию Российской Империи в государство типа британской монархии и, соответственно, был нацелен против Николая II, то есть на урезание полномочий с тем, чтобы российский император постепенно превратился в британского монарха по степени участия в политической жизни.

Такую оценку впервые высказал еще Арон Яковлевич Аврех — процитирую его мысль. Он писал, что «существовал сговор Столыпина

с октябристами по вопросам военной политики с целью захватить прерогативу монарха в области внешней и военной политики и поделить их между Думой и кабинетом». Я бы добавил еще, что и Гучков, и особенно Столыпин стремились захватить важнейшую прерогативу монарха, а именно назначение кадров, высших должностных лиц. И Столыпин этого в принципе добился. То есть он фактически взял в свои руки назначение на высшие государственные посты, что являлось исключительным правом монарха, как мы знаем, по основным законам Российской Империи. Столыпин, по сути, создает «кабинет Столыпина», где каждый министр является его единомышленником, и, что для нас очень важно, действовать автономно Столыпин не позволяет даже тем министрам, которые имели право всеподданейшего доклада, то есть могли напрямую обращаться к царю: министру иностранных дел и военному министру. Вот мы с коллегой Евдокимовым Артемом Владимировичем в биографии Сухомлинова и в документах, связанных с делом Сухомлинова, как раз показываем, что он стал объектом неприятия Столыпина во многом потому, что позиционировал себя как человек, который исключительно царю подчиняется, который апеллировал к Николаю II в ходе конфликтной ситуации в кабинете, что Столыпин считал недопустимым. Еще раз повторю, что действия Столыпина были направлены на то, чтобы через создание серии прецедентов трансформировать политическую систему России по британскому образцу.

И если мы посмотрим на те конфликты, которые часто возникают вокруг имени Столыпина и Думы в этот период времени, то мы видим, что суть каждого из этих конфликтов — стремление урезать полномочия монарха, начиная с того, что в III Думе образуется комиссия государственной обороны, хотя государственная оборона — исключительная прерогатива царя. Уже самим этим названием Дума вторгалась в область его компетенции. И есть у нас свидетельства о том, что Николай II регулярно выражал недовольство названием комиссии, не хотел, чтобы она так называлась, но Столыпин эту комиссию поддерживал, посещал ее и даже считал необходимым, чтобы и министры ее посещали, в том числе и военный. И вот когда Сухомлинов отказался от посещения, это стало как раз одной из причин его конфликта со Столыпиным.

Здесь можно перечислить эти конфликты. Наверное, на слух это будет не очень хорошо восприниматься. В тексте можно будет более подробно со всем этим познакомиться.

Конфликт по вопросам штатов Морского Генерального штаба (1908 год). Назначение штатов — это, казалось бы, решает Государственная дума, но военное и морское дело — прерогатива монарха. Монарх, выходя из этой коллизии, из этого противоречия, принимает специальный акт о том, что штаты военных учреждений, если они не требуют выделения новых средств из бюджета, это прерогатива монарха, а не Думы, тем не менее, Дума, по сути, игнорируя этот акт, утверждает штаты Морского Генерального штаба. Вопрос, казалось бы, мелкий, но принципиальный. Поэтому здесь Николай II был непреклонен.

В заключение хотел бы сказать, что личная преданность Столыпина Николаю II не подлежит сомнению. Столыпин не думал о каком-то перевороте или еще о чем-то подобном, но в политическом плане он все более от царя отдалялся и сближался с Гучковым. Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Есть ли вопросы? Да, пожалуйста.

И.К. КИРЬЯНОВ

Сегодня дважды прозвучало определение Столыпина как либерала. Федор Александрович, уточните, пожалуйста, что вы вкладываете в понятие либерал. И Сергей Викторович тоже.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо за вопрос. Что для меня в данном случае либерал? Не просто хороший человек. [Шум, оживление в зале.] Либерал в данном случае — сторонник конституции английского образца, то есть сторонник трансформации политической системы России таким мягким, постепенным путем в сторону конституционной монархии.

(Реплика: Консерваторы британские, они тоже...) [Реплики, говорят одновременно.]

Тожe молодцы.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Ясно, спасибо, давайте этот вопрос на дискуссию оставим.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Можно коротко совсем? Задам вопросы.

Во-первых, если Столыпина считать либералом, то кто тогда Витте? Радикал? Столыпин — конституционалист, так его даже правые называли, не называя либералом.

И второй у меня вопрос. Федор Александрович, вы говорите, что Столыпин до конца боролся за Думу, но Пуришкевич в том же салоне генеральши Богданович ходил страшно недовольный: Столыпин не распускает Думу. А через неделю или две он услышал от Столыпина то, что хотел: тот не распускает Думу, потому что она еще недостаточно дискредитировала себя в глазах общества. А дальше Пуришкевич получил задание (я так понимаю, от самого Столыпина, хотя этого мы не знаем) начать информационную атаку на Думу. И с 14 марта Столыпину и даже самому Николаю II сотнями идут телеграммы от имени отделов Союза русского народа с просьбой распустить крамольную Думу и погасить, наконец, «искры революционного пожара». Вообще, насколько я помню, перед тем, как II Дума собралась, в верхах разговор шел о том, что, если она окажется такой же революционной, как и предыдущая, придется менять избирательный закон. Может быть, все-таки Столыпин просто задержался с роспуском Думы, чтобы она действительно дискредитировала себя и появился достаточный повод для ее роспуска?

Благодарю.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо, Игорь Владимирович. Я с вами согласен в том, естественно, что для правых, для Союза русского народа, для черносотенцев было важно Думу дискредитировать как институт. И действительно кампания этих писем была на это нацелена. Но все-таки, как мне представляется, главным адресатом ее был Николай II, а не Столыпин.

(И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК: Половина писем была направлена Столыпину.)

Да, но, тем не менее, значительная часть и Николаю II тоже. Здесь есть, конечно, что обсуждать. Что касается...

(И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК: Пуришкевич прошел в Думу на деньги Столыпина, во II Думу, это его личное желание было. Поэтому как бы был в тот момент абсолютно человеком Столыпина.)

Сомнений в этом нет. То есть Столыпин хотел работать с парламентом и хотел, естественно, чтобы там были лояльные ему депутаты. Поэтому если была возможность провести своего человека, как это было с Пуришкевичем, это было замечательно. То есть...

(И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК: ... [говорит без микрофона] ... роспуск Думы ... поддержку обеспечивал ... Пуришкевич не сам по себе ...)

Здесь действительно этот вопрос требует привлечения дополнительных источников. Но я могу парировать чем? Все-таки эти встречи Столыпина с кадетами аж до 2 июня — чем мы их объясним? То есть он встречается с кадетами, говорит, что вы центр образуете, работоспособный центр, давайте мы сговоримся на амнистии, на аграрном вопросе даже, то есть он торгуется с ними. Зачем это делать, если он уже решил распускать Думу? Это какое-то совсем нелиберальное коварство. Или либеральное, наоборот.

(И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК: А может быть, это стратегия непрямых действий?)

Непонятна логика его действий.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Хорошо. Но такой вопрос, как Столыпин и Дума, давайте отложим на более широкую дискуссию. Спасибо за ответ.

Идем дальше. Кирилл Андреевич Соловьев.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Коллеги, сегодняшняя наша тема обсуждения так или иначе связана с двумя очень яркими персонами. На мой взгляд, это само по себе говорит о характере политической системы, которая таких людей могла выдвигать со стороны исполнительной со стороны законодательной власти. Так повернулась наша с вами дискуссия, что я буду вынужден пару слов сказать о Столыпине, о чем я особо не рассчитывал говорить, предполагая сконцентрироваться в огромной степени на Гучкове и «Союзе 17 октября». Ноотреагирую на то, что говорили Федор Александрович и Сергей Викторович. И тут два момента.

Первый. Все-таки я бы поостерегся называть Столыпина либералом. На этот счет можно, по крайней мере, привести множество его цитат с характерной, скорее для славянофилов, риторикой: об исторических основах власти, традициях, сохранении исторической власти как несомненной ценности. Имея в виду его логику взаимоотношений с императором, трудно предполагать, что он в данном случае лукавил, что эта риторика была наносной, для него не свойственной. Мне представляется, что он был вполне в этом смысле искренен. И его прежний опыт, прежние высказывания до того момента, когда он стал губернатором, то есть будучи предводителем дворянства ковенским уездным, губернским, свидетельствуют о том, что Столыпин был искренним монархистом, и его преданность царю и престолу она была для него органична, естественна.

Другое дело, что он привносит в нее новые черты, черты, как правильно говорил Игорь Владимирович, конституционализма. Он не случайно в дискуссиях с английскими журналистами подчеркивает: у нас не парламентарная модель, как в Англии, а конституционная, как в Германии и Соединенных Штатах Америки. Примечательно, что он Россию в данном случае сравнивает с США. Это, на мой взгляд, весьма и весьма любопытно. Но, признавая за политической системой либо уже существующий конституционный порядок, либо тенденцию к его установлению, он от этого либералом отнюдь не становится. Я бы сформулировал так, что он был консерватором, но консерватором торийского типа, такого английского образца, рассчитывающим на сохранение, с одной стороны, исторических основ власти, а с другой — представителя учреждения, обладающего законодательной властью, что было для него несомненной ценностью.

Теперь по поводу его отношения ко II Государственной думе. В самом-самом начале ее работы он общается с Василием Алексеевичем Маклаковым и произносит довольно характерные слова: «Вот тогда, когда работала I Государственная дума, все в ближайшем окружении императора утверждали, что разогнать Думу — это авантюра, а ведь сейчас, когда начинает работать II Государственная дума, все говорят, что сохранять эту Государственную думу — авантюра. А я вот буду на этой аванюре настаивать». Но это его позиция первых месяцев, а в апреле он будет говорить как раз вот то, о чем вспоминал Игорь Владимирович, о том, что надо ждать, когда эта Дума догниет. Но за это время многое изменилось. И позиция Столыпина тоже изменилась. Позиция императора, в конце концов, тоже менялась, и так или иначе Столыпин был вынужден с этим считаться.

Но все-таки наш с вами предмет обсуждения — это Гучков и Столыпин или, я бы сказал, Столыпин и те силы, на которые он мог опереться в Думе.

Яркость фигуры Гучкова в огромной степени, на мой взгляд, затемняет проблему, потому что Гучков — фигура в высшей степени харизматичная, очень яркая, самобытная, темпераментная, но при всем при том поставленная в очень жесткие обстоятельства того времени и, главное, в партийные обстоятельства.

«Союз 17 октября» — это одновременно и очень много, и очень мало.

Почему это очень много? Потому что это земская Россия, это представители не просто землевладения, а активного землевладения, укорененного в интересах губерний, уездов, заинтересованные в том, чтобы проводить свои законопроекты, например, об образовании, в стенах Государственной думы, обладающие немалым управленческим опытом, пускай на местном уровне, имеющие опыт участия в земских собраниях, прошедшие эту школу. Не случайно Евграф Ковалевский с гордостью говорил: «Все нас ругают, что мы — земское собрание. Да, но мы — большое, общероссийское земское собрание».

Но, с другой стороны, почему этого мало? Потому что «Союз 17 октября» — довольно слабо управляемая политическая сила.

Первое — о чем, собственно говоря, говорил Дмитрий Владимирович, и совершенно правомерно? «Союз 17 октября» не случайно создается как союз. В 1906 году, как известно, появляется Партия мирного обновления, которую основывают одни из бывших лидеров «Союза 17 октября», такие как Петр Александрович Гейден или Стахович. Кстати, Гейден, когда обосновывает необходимость создания Партии мирного обновления, жалуется своей супруге

на Гучкова и говорит, что Гучков тайно влюблен в Столыпина. Так он формулирует эту проблему. Обращаю ваше внимание: когда они создают Партию мирного обновления, они даже не думают выходить из «Союза 17 октября». У них эти две формы организации мирно сосуществуют: есть «Союз 17 октября» и есть Партия мирного обновления. Одно другому не противоречит. Потом оказывается, что противоречит. Но для основателей — октябристов — на первых порах это было совершенно не очевидно. И это к вопросу об управляемости теми, кто составляет «Союз 17 октября».

Второй важный момент — это идеологический разлад в объединении. Можно сколько угодно спорить о том, были ли октябристы либералами или нет. Проблема простая: часть из них были либералами, а часть из них не были. Но и это было бы слишком просто, если бы ограничиться этой характеристикой. Самое трудное заключается в том, что меньшинство из них были либералами, а большинство представляли правых, которые довольно слабо на местах отличались от правых монархистов или националистов. Но еще сложнее и интереснее то, что руководство — это как раз левое крыло партии, то есть малочисленное, активное, но все-таки оказывавшееся в меньшинстве по сравнению с правым большинством. В этом была интрига существования «Союза 17 октября», потому что лидирующие позиции составляли те, кто в огромной степени по многим вопросам были готовы сходить с кадетами. Условные Шидловский, Хомяков, Ключев во многом могут напоминать представителей правового крыла конституционно-демократической партии, но это отнюдь не относится к большинству «Союза 17 октября». И возникает вопрос: как этой сложной машиной управлять?

Это общедумская история, она в данном случае характерна отнюдь не для октябристов, а, наверное, для всех фракций. Это слабая степень дисциплинированности депутатов. «Союз 17 октября» не на каждом, но на многих фракционных собраниях принимает решение о необходимости солидарного голосования. Само по себе это примечательно. Более того, постепенно снижаются требования к солидарному голосованию. Смысл заключается в следующем. Если мы уж приняли решение о солидарном голосовании, то не голосуйте совсем уж против, воздержитесь в конце концов. И это тоже не работает. То есть на самом деле «Союз 17 октября», как, по сути дела, любая думская фракция, может быть, за исключением кадетов, не отличалась большой дисциплиной.

До поры до времени тот «механизм», который способствовал, но не к солидарному голосованию, а чему-то близкому к тому, это как раз темпераментная фигура Гучкова: его активность, как он бегаёт между депутатскими креслами, как дирижирует своей фракцией — все это даёт определенные плоды. Но ситуация меняется не в лучшую для октябристов сторону, когда Гучков уходит на пост председателя Думы. Фракционные заседания того времени демонстрируют: его упрощают софракционеры этого не делать, они чувствуют возможную опасность, а он, тем не менее, на этом настаивает. Это ставит октябристов в довольно сложное положение: они не очень понимают, кого выбрать в качестве председателя фракции, потому что такой очевидной фигуры, как Гучков, больше в их рядах, им так кажется, не было. В итоге управляемость «Союза 17 октября» только снижается.

В том числе это определяет непростые взаимоотношения правительства с Гучковым, необходимость искать компромисс, и не с Гучковым даже,

а вообще с октябристами, необходимость дополнительных подпорок, выстраивания партии власти, которая оказывается таковой лишь с высокой долей условности.

Отчасти это объясняется сложным характером А. Гучкова. Это нельзя отрицать. Но отнюдь не только этим. Проблема как раз в самом характере и партийной жизни, и политической системы Российской Империи к этому времени.

Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо большое. Вопросы?

Раз вопросов нет, тогда слово последнему нашему основному участнику, Сергею Владимировичу Холяеву.

С.В. ХОЛЯЕВ

Здравствуйте!

Выступаю уже шестым, получается можно подвести какие-то общие итоги. Но все-таки, если говорить о каких-то важных событиях, связанных с Гучковым, то здесь выступают две таких рельефных даты: это осень 1906 года, которую сейчас частично затронул Кирилл Андреевич, и, соответственно, 1911 год, который мы здесь уже очень активно обсуждали.

Надо сказать, что важную часть репутации Гучкова, которая сложилась у него в ходе его деятельности, составляла репутация верного столыпинца — именно таким воспринимала его определенная часть общества, и таким он старался показывать себя со стороны. То есть он хотел, чтобы таким его видели другие люди. Сам же он, как уже было сказано, никаким верным столыпинцем не был, а был, пожалуй, лишь верным гучковцем — человеком, который всегда хотел быть на первом плане. Как говорят в таких случаях, первым и на свадьбе, и на похоронах, чтобы всегда речь шла о нем. И вот эта репутация, которая сложилась у Гучкова, предопределила его дальнейшую карьеру, связанную уже с событиями Первой мировой войны и 1917 года.

Но все-таки очень важную роль Гучков сыграл именно осенью 1906 года. Собственно здесь произошел такой важный момент, что на стыке лета и осени, если брать старый стиль, а при новом стиле будет уже чистая осень, 24 августа 1906 года, в кадетском органе, в газете «Речь», было помещено сообщение о том, что скоро состоится общеимперский съезд, объединенный съезд двух партий — «Союза 17 октября» и Партии мирного обновления, о котором говорил Кирилл Андреевич. Но дело в том, что по итогам этого съезда прекратить свое существование должен был «Союз 17 октября». Таким образом, «Союз 17 октября», один из ключевых, если не главный союз дореволюционной третьеиюньской России, мог прекратить существование в 1906 году. И подпись Гучкова стояла наравне с подписями других членов «Союза 17 октября». Как уже было сказано, Партия мирного обновления включала в свои ряды бывших кадетов и октябристов: бывшего кадета Николая Львова и, соответственно, представителей «Союза 17 октября» Петра Гейдена и Михаила Стаховича. И в этом же номере «Речи» опубликовали заявление Александра Ивановича Гучкова о том, что он не согласен с общей политикой Союза и полагает, что либералы должны поддержать правительство Столыпина. И вот это заявление Гучкова разорвало «Союз 17 октября», и ожидавшееся объединение партий

не состоялось, а в Партию мирного обновления перешло всего несколько человек вместе с основателем «Союза 17 октября» Шиповым. И, таким образом, «Союз 17 октября» продолжил свое существование и впервые начал осуществлять опыт сотрудничества с правительством одной из либеральных, все-таки либеральных, партий.

Но эта дискуссия ведется уже очень давно, кто настоящие либералы, кадеты или октябристы. Есть точка зрения, что как раз именно октябристы являются настоящими либералами, а кадеты — радикалы. Есть обратная точка зрения, что именно кадеты — это либералы, а октябристы — более правая партия. Здесь уже много внимания этой теме посвящалось. Но суть заключается в том, что Гучков своим заявлением в итоге сохранил «Союз 17 октября».

Когда он предпринимал эти шаги, чего же он хотел? Был ли это его чистый порыв, или все-таки он хотел уже тогда продвинуться и стать первым в Думе? Здесь, конечно, было сочетание того и другого. Это был его чистый порыв: он реально возмущался политикой Шипова, но здесь находилось место и его личному честолюбию. Поэтому здесь было сочетание того и другого, что и предопределило в дальнейшем последующую картину. В итоге 29 октября 1906 года он возглавил «Союз 17 октября» и в ходе последующей политики Союза переместился с его правого фланга, на котором сначала находился, уже на левый фланг партийного курса.

О 1911 годе уже много сегодня говорилось. Но если мы проанализируем ситуацию, то получается, что его отказ поддержать Столыпина в марте был связан не только с тем, что нарушалась процедура, в чем заключалась официальная версия, а с его личным желанием быть первым, его обидой на то, что теперь Столыпин делал ставку на националистов, и поэтому личные мотивы играли у него очень существенную роль. Но ради справедливости надо сказать, что «Союз 17 октября» в целом все-таки поддерживал действия Гучкова в тот момент, поэтому здесь было бы неправильно все сводить к личным моментам, к личному восприятию Гучкова, хотя личное восприятие Гучкова здесь все же доминировало. И поэтому, как было сказано в одной из работ, которую мы читали предварительно, «Союз 17 октября» в дальнейшем был способен изменить свою точку зрения. Но что касается самого Гучкова, он уже отправился в путешествие на Дальний Восток.

И, таким образом, чем дальше шло время, тем все очевиднее становилось, что главный свой выбор, сделанный Гучковым в 1911 году, объяснялся той внутренней эволюцией, которая произошла еще, соответственно, до 1911 года. И в дальнейшем все последующие действия определялись этим отношением Гучкова. После 1911 года Гучков постепенно трансформируется в одного из главных, если не главного оппозиционера. И здесь можно вспомнить опять же слова Гучкова, которые приводит Сергей Викторович Куликов, описывая события Первой мировой войны, когда Гучков заключает: «Черт с ней, с победой, лишь бы скинуть царя!» То есть совершенно очевидно, что он уже ведет активную политику против власти. Но почему с ним идут на взаимодействие другие силы? На взаимодействие с ним они идут прежде всего потому, что у него репутация верного столыпинца, и у государевых людей возникает закономерная ассоциация, что уж если сам Гучков идет против царя, значит, гиря действительно дошла до пола, Гучкову следует помогать, и, соответственно, дело Николая II уже гнилое, и если мы пожертвуем лишь прерогативами царя

и самим монархом, мы сумеем сохранить основы государственности. То есть если бы у него не было такой репутации, то и генерал Алексеев, и другие представители государственной власти не строили бы с ним долгосрочных взаимоотношений.

Заканчивая, я хочу сказать об одной очень важной, на мой взгляд, вещи. Мы, конечно, знаем, что в 1911 году Столыпин фактически уже утратил власть, и намечалось его отправление в Сибирь, но исходя из этого он все равно оставался в политике, и если бы его не убили осенью 1911 года, в дальнейшем как раз эта коллизия Гучков — Столыпин могла приобрести совсем другие формы. При сохранении жизни Столыпина Гучков и Столыпин могли бы стать уже совсем непримиримыми противниками, поскольку было понятно, что Столыпин все равно продолжал защищать имперскую власть, а Гучков все более и более активно погружался в оппозицию. При этом я сразу хочу подчеркнуть, что никакого отношения к убийству Столыпина Гучков не имел, но ему как никому, пожалуй, смерть Столыпина оказалась выгодна в дальнейшем для успеха его политической карьеры.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Вопросы?

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Сергей Владимирович, если я правильно понял, вы сказали, что аргумент для сотрудничества с Гучковым в 1912 и в последующие годы был его имиджем верного столыпинца. Но, знаете, мне кажется, особенно для государственных людей, то есть чиновников, верный «коковцевец» в тот период было гораздо более весомым аргументом или верный «горемыкинец» несколько позже. Какой смысл чиновнику сотрудничать с «верным столыпинцем», когда Столыпин в последний год своего премьерства балансировал на грани отставки, а в 1912 году и вовсе был уже на том свете? Правильно ли я понял ваш аргумент, что сотрудничество бюрократии с Гучковым объяснялось именно этим?

С.В. ХОЛЯЕВ

Я имею в виду те правые силы, которые потом переходили все более и более активно к союзу с Государственной думой. Речь идет именно об этих силах.

(И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК: Это какие?)

Тот же генерал Алексеев, другие лица, которые все более и более отрицательно относились к Николаю II.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Хорошо. Но не очень, скажем так, я в это верю. Младотурки, как их называли, у них немножко другие идеи, мне кажется, были изначально...

С.В. ХОЛЯЕВ

Нет, но Гучков — один из самых больших радикалов. Гучков воспринимал себя большим радикалом, чем Милюкова. Известна его знаменитая фраза, что Милюков просто хочет сменить наверху группу лиц, а сам Гучков добивается полного отстранения от власти Николая II. Он даже утверждал, что если

бы его включили в правительство Кривошеина в качестве военного министра, то это не остановило бы его планов по смещению Николая II.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

С этим я согласен. Но здесь, мне кажется, верный столыпинец не идет к этой ситуации как характеристика. Хорошо. Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Это скорее дефиниция.

Итак, уважаемые коллеги, у нас завершились выступления основных участников, и я надеюсь, что к нам подключился сейчас Семен Михайлович Ляндрес.

Вы нас слышите? Семен Михайлович? Да, вы нас слышите, и мы вас слышим хорошо. Тогда, если вы готовы, то вам слово для реакции на услышанное вами в выступлениях наших коллег по поводу Гучкова и Столыпина.

С.М. ЛЯНДРЕС

Спасибо большое. Приветствую всех. К сожалению, мне дали неправильный код доступа, и я подключился к вам только полчаса назад. Так что я пропустил первые несколько докладов, к большому сожалению.

У меня вопросов больше, чем замечаний, поскольку все-таки я больше интересуюсь IV Думой и февралем, февральской революцией. Но вот в связи с докладом, выступлением, очень хорошим и интересным выступлением Кирилла Андреевича Соловьева, у меня возник такой вопрос к нему. И, может быть, это будет также и каким-то поводом для хотя бы небольшой дискуссии. И потом еще одно замечание.

Вопрос следующий. Мне очень понравилось то, как вы обозначили, охарактеризовали октябристов в смысле того, что были правые, были левые, но руководство, хотя, может быть, правых, так называемых правых, условно правых было больше, но руководство фракции в основном было в руках левых. А кем тогда считать Родзянко? Куда определить Родзянко, который стал, по-моему, следующим главой фракции после Гучкова? В частности, Родзянко в период его руководства фракцией октябристов, и уже дальше, если возможно, хронологически — Родзянко как председатель Государственной думы, особенно IV Думы, и, может быть, последний кусочек III Думы, когда он был. Вот можно так. А потом у меня еще один вопрос.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Спасибо большое. Мне кажется, то есть мне не кажется, а для октябристов было довольно очевидное обстоятельство, что Родзянко представлял как раз правое крыло «Союза 17 октября», и в этом была известная проблема, в том числе при определении кандидатуры нового председателя, потому что далеко не все в «Союзе 17 октября» хотели голосовать именно за Родзянко. В качестве компромиссного варианта рассматривался Алексеенко, который казался куда более приемлемым для руководства октябристов, но тот категорически отказался. Если бы случился Алексеенко в качестве председателя, то, наверное, ситуация была бы совсем другой для октябристов. Родзянко воспринимался именно как представитель правого октябристского большинства.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо.

С.М. ЛЯНДРЕС

Я могу продолжить?

(И.В. ЛУКОЯНОВ: Да-да, продолжайте.)

Но это вы касаетесь III Думы. А что дальше? И как тогда объяснить? Я считаю, что Родзянко не был правым, например, в период своего председательствования, но даже если он проводил, если можно так сказать, так называемую правую политику, то по-своему, вот насколько я его вижу. Тут, правда, сидит в зале, насколько я знаю, Екатерина Сергеевна Гавроева, ведущий специалист по Родзянко, но мое представление о нем следующее. Его симпатии, что ли, скажем так, были все-таки на стороне, может быть, даже левых октябристов, и, в общем-то, он с кадетами вполне ладил. То есть я не вижу ничего идеологического, чтобы его как-то разделяло принципиально, по каким-то большим трагическим вопросам с кадетами. Вот мое представление, что он вполне, во-первых, лавировал очень ловко, во-вторых, он не был таким вот правым; скажем, его поведение в феврале 1917 года, да и, начиная с 1916 года, было таковым, что я не могу считать его правым. Может быть, у него были твердые убеждения, но его политика была весьма гибкой. Он был самостоятельным и достаточно крупным политиком.

Допустим, если я прав, что он, скажем, и гибкий, и, может быть, даже скорее ... условно говоря, как тогда объяснить эти изменения, его метаморфозы некоторые, поскольку он считался, особенно в III Думе, правым среди октябристов, как вы сказали? Он считался правым, а что происходит потом? Как-то вы думали на эту тему? Есть ли у вас какие-то представления? Или я совершенно ошибаюсь?

И.В. ЛУКОЯНОВ

Кирилл Андреевич, попробуйте? Немножко вышли за пределы.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Да, вышли, но я попробую.

По результатам выборов в IV Государственную думу уже к 1913 году «Союз 17 октября» распадается на части. Родзянко оказывается среди земцев-октябристов, представителей октябристского большинства. При этом мне кажется, было бы совершенно неправильным абсолютизировать в данном случае понятия: правые, левые. Они очень условные. Речь ведь идет не о каком-то определенном политическом кредо, которого должны были обязательно придерживаться, а о понимании того, кому вы ближе, с кем вы готовы блокироваться. В огромной степени это и определяет политическую группировку того времени.

Я сейчас не хочу вдаваться в вопрос, почему октябристы воспринимались на тот момент как представители правого крыла, а, скажем, кадеты как представители левого. На мой взгляд, это относится в известной мере к генезису вообще партийной системы в 1905–1906 годах. Но если говорить не о делении на либеральные партии, а о размежевании внутри октябристов, то мне представляется, что здесь коренной вопрос: с кем вы готовы блокироваться, кто вам ближе в силу вашего социального опыта, представители

умеренно правых, впоследствии националистов, или представители конституционных демократов и прогрессистов. Для условного Шидловского ближе будет конституционно-демократическая фракция, для условного Родзянко скорее это будут представители будущих прогрессивных националистов.

Ситуация в корне начнет меняться в период Первой мировой войны, а в особенности в связи с формированием Прогрессивного блока. Мы найдем в переписке А.И. Савенко рассуждения на 1916 год о необходимости революции в России. Ничего подобного в переписке П.Н. Милюкова за этот период не будет. Более того, Милюков будет утверждать, что лучше поражение, чем революция. Иными словами, начинает складываться совершенно другая группировка, в огромной степени объясняющаяся конъюнктурой Первой мировой войны и ощущением необходимости политических изменений, охватившим представителей политического класса.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо.

С.М. ЛЯНДРЕС

Спасибо. Да, я говорю о политике, что называется, а не о диалоге в данном случае. Поэтому то, что Родзянко (в частности ваш пример) был с земцами и октябристами, ничего не значит, ему как председателю Думы необходимо было ладить со всеми.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Это все так, это все справедливо, но ведь надо иметь в виду — я просто на минутку вклинюсь, — что Родзянко в годы Первой мировой войны — это не столько фигура, которая является членом фракции октябристов, сколько глава Думы, которая начинает уже с конца 1914 года осторожно, усиливаясь, постепенно противостоять правительству, и в этом противостоянии меняются политические ориентиры, и он вдруг становится действительно одним из тех, кто ранее правительство поддерживал, а тут выступает против, то есть это придает его действиям неизбежно оттенок смещения влево. Я думаю, тут феномен еще общей ситуации, который выходит за рамки октябристской фракции самой по себе.

С.М. ЛЯНДРЕС

Спасибо. Я согласен совершенно. Игорь Владимирович, одно замечание сделаю и предоставляю уже слово коллегам, куда более знающим.

Я вот что хотел сказать. Я видел несколько таких кратких, что ли, абстрактных выступлений и многочисленные ссылки в работах почти всех присутствующих уважаемых коллег на воспоминания Гучкова: «Гучков рассказывает». Но почти никто практически, по-моему, за исключением Куликова, не пишет, что, в общем-то, это А.В. Смолин и я нашли и опубликовали эти воспоминания Гучкова, то есть это не абстрактные какие-то воспоминания без редакторов, хотя они были изданы в 1993 году «Вопросами истории» совершенно пиратски, не посоветовавшись с нами и так далее. Первое издание было в журнале «Вопросы истории» в номерах 7–12 за 1991 год. И там четко прописано, кто составитель, автор комментариев и т.д. В чем отличие

от переработанных уже в начале 1930-х гг. записей бесед с Гучковым? Переписал их в его воспоминания известный кадет Оболенский, и именно в таком урезанном, исправленном виде они были опубликованы в Милюковских «Последних новостях» в 1936 г. Просто буду признателен коллегам, если в будущем будут упоминать составителей, редакторов.

Спасибо большое.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Итак, уважаемые коллеги, у нас осталось немного времени. И мы переходим к общей дискуссии уже среди участников.

Есть ли желающие выступить, но по возможности кратко, не в пределах пяти минут.

Пожалуйста.

В.А. ДЁМИН

Хорошо, я постараюсь уложиться в пределах пяти минут, но не уверен в этом. Нам мой взгляд, предыдущие ораторы выступали несколько односторонне, сделав явный крен в смысле оправдания правительства и осуждения думской оппозиции, Гучкова, в частности. Я не большой сторонник думской оппозиции, но этот крен хотел бы исправить.

Прежде всего, речь идет о взаимодействии двух политиков, которые, естественно, преследовали каждый свои цели, поэтому у них было общее и были разногласия.

В частности, я бы не сказал, что Гучков был полностью обязан своим положением Столыпину. Когда готовилось положение 3 июня, ни Николай Александрович, ни Петр Аркадьевич, ни Сергей Ефимович не проводили анализ правых партий и не рассуждали, кому лучше дать перевес — октябристам, умеренно правым или крайне правым. Речь шла о том, чтобы просто нанести удар левым и дать большинство правым, а каким правым, это уж как получится. Поэтому Гучков выиграл выборы в соответствии с новыми правилами игры, которые писались не под него.

В последующем взаимодействие Столыпина и Гучкова действительно сыграло важную роль в работе III Думы, в обновлении страны, но нельзя сказать, что это взаимодействие полностью провалилось по вине Гучкова. В частности, Дума одобрила проект о старообрядческих общинах, о расширении их прав, которому Гучков огромное внимание уделял и пошел ради него на раскол октябристской фракции, а в последующем Государственный совет в этот законопроект внес существенные поправки в консервативном стиле, и правая рука Столыпина, сенатор Крыжановский, эти поправки одобрял.

Также я бы не возлагал лично на Гучкова всю ответственность за конфликт с Николаем II. Все-таки государь тоже должен был понимать, что он общается не с личным другом или придворным, а с председателем Государственной думы, с общественным избранником, который имеет известные обязательства перед своими избирателями.

Также я удивился, когда несколько ораторов сказали, что будто бы отношения Гучкова со Столыпиным ухудшились в 1910 году, когда в начале этого года Гучков, как известно, был избран по требованию Столыпина главой Думы, и в последующем в 1910 году между ними никаких конфликтов вроде бы никто не отмечал, и я таких не знаю. Поэтому...

И.В. ЛУКОЯНОВ

Было довольно резкое письмо Столыпина Гучкову в конце 1910 года, и это считается одним из водоразделов их отношений.

В.А. ДЁМИН

Я тут склонен поверить предположению Авреха еще, который, как известно, знаменитое высказывание Гучкова «нам придется с Государственным советом сосчитаться» интерпретирует как обещание Столыпина пересмотреть состав присутствующей части Государственного совета в начале 1910 года. Соответственно, Столыпин этого не сделал и, может быть, понимая, что не сделал, написал такое письмо. И вот эта невозможность пересмотра состава верхней палаты, на мой взгляд, и является водоразделом.

И тут дело уже не в западном земстве, еще до этого, в самом начале 1911 года, слушался законопроект о строительстве в Петербурге канализации мерами правительства за счет городского самоуправления. Законопроект в изначальном виде был для Думы в принципе неприемлем, а в думской комиссии был разработан компромисс более или менее приемлемый. Этот компромисс лично защищал Столыпин, тем не менее, проект был общим собранием фактически отклонен большинством в один голос, при этом Гучков голосовал в большинстве. Соответственно, вот с этого момента как раз и можно считать разрыв между ними сотрудничества.

Но все же несмотря на это Столыпин держал Гучкова в известных рамках, а как раз после 1 сентября Александр Иванович, грубо говоря, пошел вразнос, и, соответственно, именно в начале 1912 года, как известно, именно он поднял в Думе вопрос о влиянии Григория Ефимовича, тем самым, понятно, жестко объявил войну Государю.

И.В. ЛУКОЯНОВ

На самом деле это было в 1910 году. Он начал эту кампанию.

В.А. ДЁМИН

И после этой кампании Столыпин его в Думу в председатели предложил?

И.В. ЛУКОЯНОВ

Совершенно справедливо. Потому что Столыпин искал союзников в борьбе с Распутиным. Он не только к Гучкову обращался, там было много фигур.

В.А. ДЁМИН

Насколько мне известно, с 1910 года Распутине писалось в «Голосе Москвы» его сотрудниками. Это совсем не равно личному выступлению с трибуны Государственной думы. Такое выступление было именно в начале 1912 г., а не раньше.

Также, на мой взгляд, сотрудничество со Столыпиным действительно на карьере Гучкова повлияло весьма негативно. Не согласен с Федором Александровичем Гайдой: на мой взгляд, в 1912 году Александр Иванович сознательно, грубо говоря, пошел на рожон, поскольку до этого в том же 1912 году Государственная дума голосами основной части октябристов одобрила программу морского кораблестроения. Сам Гучков выступал против,

но даже ближайшие сотрудники вроде Звегинцева оказались за. То есть после этого Гучков понял, что ему не удастся занять в Думе то место, которое его устроило бы.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Итак, есть ли еще желающие взять слово?

Да, пожалуйста.

Д.В. АРОНОВ

Уважаемые коллеги, разрешите короткую реплику в течение буквально одной минуты.

Вы знаете, первая половина сегодняшнего дня немного довлеет над второй. В первой половине дня появилась тень в лице Михаила Сергеевича Горбачева, который, якобы, в декабре 1991 года, когда он уже не имел политического веса, когда им играли иные политические силы, чуть ли не решает, отправить «Альфу» или не отправить «Альфу» на свержение Президента России. К чему эта сентенция? У нас сегодня на круглом столе вдруг появился рыкающий на Столыпина Николай II, что явно выходит за рамки их известных отношений. Здесь соглашусь с Вадимом Александровичем Дёминым: мы явно избыточно ушли в личности, спасибо Кириллу Андреевичу Соловьёву, что он вернул нас в лоно матери католической церкви, т.е. политической истории. Думается, что именно там следует искать ответ на все эти наши терзания и метания относительно роли конкретных личностей в этом процессе.

Поэтому, мне кажется, что при анализе упомянутых событий, говорю, в частности, как автор статьи «Столыпин и Муромцев: незаконченный диалог», отношений двух исторических деятелей сослагательное наклонение неуместно. Поэтому не соглашусь с Вадимом Александровичем Дёминым. Когда мы говорим дважды «если бы», это уже не история; не могу также согласиться и с использованием выражения «если бы остался жить, то». Простите, но альтернативную историю давайте оставим за скобками нашей дискуссии.

Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. Еще?

С.В. КУЛИКОВ

А можно три слова?

(И.В. ЛУКОЯНОВ: Да, конечно.)

Просто Игорь Константинович Кирьянов мне тоже вопрос адресовал. Я хочу отметить, что, конечно, либерализм, консерватизм — это тоже понятия условные в том смысле, что все зависит от данного конкретного контекста, от данного места и времени. И, конечно, либерализм современный очень сильно отличается от того либерализма, который был 100 лет назад в России или в XIX веке. И, конечно, наше современное представление о современном либерализме было бы не совсем корректно экстраполировать на тот либерализм, который существовал 100 лет или 150 лет назад.

И конкретно относительно моего доклада. Я ведь говорил не о либерализме партийном, не о либерализме с партийным билетом, кадетской ли партии

или октябристской, а о непартийном либерализме, то есть о либерализме как о некоей непартийной идеологии, о некоей программе. И, несомненно, выполнявшая программу Манифеста 17 октября, и Гучков, и Столыпин, конечно, были в большей степени в том контексте и в то время либералами, нежели консерваторами.

И второй момент — это то, что второе ключевое слово, которое я употреблял, это эволюция. И, конечно, и Гучков, и Столыпин эволюционировал. Причем, конечно, в начале Столыпин был более либеральным, затем он стал более консервативным; и обратная эволюция у Гучкова — более консервативный, затем более либеральный, а впоследствии один из активных участников февральской революции.

Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо. У нас почти вышло отведенное время.

Извините, я не вижу. Да, пожалуйста. Тогда подойдите к микрофону.

М.Г. АЛМАЗОВ

Здравствуйте, коллеги!

У меня будет буквально пара слов.

Здесь много говорилось о том, что Александр Иванович Гучков в различные моменты своей карьеры был способен, мягко говоря, на нетрадиционные, нетривиальные поступки, в том числе очень жесткие, в существовавшей политической системе. И, учитывая сам ракурс обсуждения — взаимодействие Александра Ивановича с Петром Аркадьевичем, в общем, делался акцент на том, что в итоге Александр Иванович по большому счету проиграл. А вот я хотел бы чуть-чуть осветить более ранние этапы его политической карьеры и сказать, что он часто благодаря как раз вот этим нетрадиционным способам, таким предельно жестким шагам выигрывал.

В частности, Сергей Владимирович в своем выступлении упомянул его знаменитый демарш 24 августа 1906 г., который стал шоком для его коллег по партии, а в итоге это обернулось для Гучкова победой: он стал фактически ведущим лидером «Союза 17 октября». А я приведу более ранний пример. Собственно, вернувшись с Русско-японской войны в сентябре 1905 года, Гучков выступает на земском городском съезде, выступает очень жестко против польской автономии, и понятно, что большинство съезда против него. Но на этом съезде присутствует управляющий канцелярией московского генерал-губернатора Александр Александрович Воронин. Казалось бы, где Гучков, где Воронин? Но дело в том, что в декабре в Москву прибывает новый генерал-губернатор Федор Васильевич Дубасов, человек, мягко говоря, к административным делам не особенно склонный, Москвы не знающий и получивший от Витте задание наладить диалог с местной общественностью. И кого ему может предложить Воронин? Он ему предлагает Александра Ивановича Гучкова вместе с его братом, новым городским головой Николаем. То есть я к чему это привел? Что Александру Ивановичу действительно присущи были почти всегда вот такие жесткие ходы, эффективные, публично, как здесь упоминалось, и это до определенного момента приносило ему победу.

Я бы со своей стороны, наверное, предложил бы как-то эту черту политического поведения принимать во внимание, когда мы о нем говорим.
Спасибо.

И.В. ЛУКОЯНОВ

Спасибо.

Если больше желающих нет, то остались буквально одна-две минуты для завершения нашей дискуссии, подведения каких-то итогов.

Прежде всего, спасибо всем выступающим, что они подготовили тексты, изложили свои взгляды.

Наверное, не стоит это суммировать как-то идейно, единообразно. Очевидно, что выделяются несколько проблем и точек зрения.

Первая проблема — это проблема личных взаимоотношений. Она представляет большую сложность: источников не так много, мы эти личные взаимоотношения представляем довольно примерно. Это не был конфликт, это не была в полном смысле слова дружба, это было партнерство, сотрудничество, которое отнюдь не беспроблемно выглядело уже тогда.

Второй важный момент для дискуссии — это как бы ожидаемый момент, это то, что отношения двух крупных политиков неизменно при анализе смещаются в политическую плоскость, то есть мы говорим не о людях, мы говорим о политических силах и политических интересах. И тут взгляды участников несколько расходятся.

Большая часть дискуссанта все-таки выступает с той позиции, что и Гучков, и Столыпин — это политики, они отражают не столько личные симпатии и антипатии, сколько общую политическую ситуацию, ее сложность, попытку вписаться, поиск союзников, то есть чисто политические моменты в такой системе, как третьеиюньская монархия, когда появились политическая свобода, представительное учреждение и когда нужно было взаимодействовать власти исполнительной и власти законодательной.

Часть участников склонна проводить дефиницию в другом направлении, пытаясь подчеркнуть стоящие за Столыпиным и Гучковым некие политические базовые представления, личные взгляды, которые оцениваются по-разному, но, тем не менее, во вполне определенных выражениях, то есть либерал, не либерал, умеренный либерал, консерватор, между тем и другим. В принципе такой подход вызывает сразу массу вопросов, а самое главное — он плохо вписывается в фактическую историю, такие оценки легко опровергнуть примерами, которые уже здесь прозвучали, и трудно при определенных дефинициях дать на такие вопросы ответы.

Главная проблема, мне кажется, в другом. При слаборазвитости политической системы Российской Империи и сильной зависимости премьер-министра не от Государственной думы, а от политических партий и лично от царя говорить о его каких-то полноценных политических взглядах, которые бы он смело отстаивал перед царем, вероятно, не приходится. Ни один из премьер-министров не отличался в этом смысле твердостью, даже Витте. Столыпин был, возможно, более порядочен и последователен, но и он сдвигался, как хорошо известно, со своих планов и иллюзий ко все более и более осторожным позициям. Поэтому фигура премьера в Российской Империи — это не фигура либерала, либо консерватора, либо кого-то еще. Представляется, что политические партии в России, по крайней мере, умеренного типа, также не были достаточно оформлены, это не были вождистские партии однозначно. И сегодня

во многих выступлениях звучало, что партия октябристов довольно аморфная, рыхлая, не то чтобы она обязательно рассыпается, но, тем не менее, было не так уж много скреп, которые ее соединяли. Поэтому строго говорить о них как о либералах или консерваторах тоже не приходится. Наверное, эти моменты надо ставить во главу угла при оценке этих явлений.

Но вместе с тем мы по результатам даже этой небольшой дискуссии можем сделать очень интересное заключение. Несмотря на то, что написано много, несмотря на то, что деятельность Столыпина исследована, вероятно, более подробно, Гучкова — менее, целый ряд ключевых вопросов не имеет сколько-нибудь признанных ответов. Более того, они вообще не поднимались. Это интересно, это важно, это дает нам ресурс для размышлений и в то же время ставит на повестку дня необходимость более глубокой оценки третьиюньской политической системы. Это ведь не только примитивная машина по разработке и пропуску законопроектов, это сложные отношения и людей, и партий. И мне кажется, что тут есть над чем подумать. Поэтому я полагаю, что дискуссия в этом смысле свою роль сыграла.

Большое спасибо вам еще раз за участие. Если есть какие-то ремарки, то пожалуйста. Если нет, уважаемые участники, на этом мы заканчиваем сегодняшнее заседание.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ (1917–1918 гг.)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ В 1917 ГОДУ

КАЛАШНИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета «ЛЭТИ»
имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vvk2@mail.ru

Аннотация: автор рассматривает историю 1917 г. как процесс становления советского парламентаризма — перехода государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Подчеркивает решающую роль II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в превращении Советов в органы государственной власти. Отмечает факт реализации съездом принципа разделения законодательной и исполнительной власти, что нашло выражение в формировании двух органов — ВЦИКа и Совнаркома, которые обладали разными функциями и статусом.

Ключевые слова: революция в России 1917 года, советский парламентаризм, съезды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Октябрьское вооруженное восстание, роспуск Учредительного собрания.

Советская историография. В советской историографии Русской революции доминировала традиция, заложенная В.И. Лениным, которая включала в себя два основных положения: 1) в октябре 1917 г. большевики брали власть путем вооруженного восстания, отрицая «парламентские иллюзии», которые закрывали путь к победе; 2) власть Советов принципиально отлична от парламентаризма буржуазного типа не только классовым характером формирования, но и стремлением сделать Советы «работающей корпорацией» — обеспечить реальное участие депутатов в управлении государством с тем, чтобы устранить власть бюрократии. Эти два положения затрудняли историкам возможность говорить о парламентском пути большевиков к власти и советском парламентаризме как системе, созданной в октябре 1917 года. Главными символами Октября были выстрел крейсера «Аврора» и штурм Зимнего дворца, а не парламентская борьба партий на II съезде Советов¹.

¹ Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М. 1977; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. В 2-х кн. Л., 1967; Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987.

Тем не менее, советские историки прекрасно понимали решающую роль Советов в истории революции, роль II съезда Советов, который и дал большевикам власть, а также суть Советского государства, созданного этим съездом. Все авторы отмечали, что съезд создал два органа: 1) Совнарком как орган исполнительной власти, 2) ВЦИК — постоянный орган с высшими законодательными и контрольными функциями. Совнарком был поставлен под контроль ВЦИК. Этот главный принцип парламентаризма был закреплен в Конституции 1918 г., которая определяла функции ВЦИКа как «высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа». Согласно первой Конституции при Советах всех уровней для выполнения возложенных на эти Советы задач создавались *исполнительные комитеты* с «соответствующими *отделами*»¹. Таким образом, даже низовые Советы формировали исполнительные органы. Хорошо был известен и процесс формирования судебной власти, избираемой населением или местными Советами и *отделенной* от законодательной и исполнительной. Этот принцип был закреплен в декрете СНК «О суде», принятом 5 декабря 1917 г. Иными словами, советские историки понимали, что Ленин (не отказываясь от идеи постепенного перехода к «работающей корпорации», к «государству-коммуне») в октябре 1917 г. реально создал государство Советов на основе принципа разделения трех ветвей власти и приоритета законодательной власти над исполнительной. Тем не менее, термин «советский парламентаризм» историки Октябрьской революции практически не использовали. В эпоху «перестройки» ситуация изменилась: появился термин «советский парламент». Одним из первых этот термин стал использовать московский историк Е.Н. Городецкий, который в книге «Рождение советского государства» сослался на тот факт, что ВЦИК 2-го созыва употреблял в своих документах термин «советский парламент», например, в резолюции от 4 ноября, где была четко прописана верховная роль ВЦИК над Совнаркомом².

Постсоветская историография. Для постсоветской историографии 1990-х гг. было характерным принятие на вооружение концепций, созданных консервативными западными историками в эпоху «холодной войны». Советское государство и советская демократия стали трактоваться в терминах теории «тоталитаризма». Тем не менее, и в постсоветский период историография революционного 1917 г. была представлена настоящими учеными, стремившимися к объективному изучению этой сложной эпохи. Особо отметим петербургских историков Б.Д. Гальперину, О.Н. Знаменского и В.И. Старцева, которые продолжили работу, начатую в советский период при участии рано ушедшего из жизни Ю.С. Токарева, и осуществили качественное издание и научное комментирование важнейших источников: протоколов, стенограмм, отчетов, резолюций, постановлений общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, сыгравшего ключевую роль в борьбе за власть Советов в 1917 г.³ Эти документы с большой силой раскрывают историю революции как историю постоянного роста авторитета Советов и формирования советского парламентаризма. Анализ документов говорит о том, что

¹ Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918; Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 550–564.

² Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. М., 1987. С. 101, 103.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. В 4-х т. Л.; М., 1991–2003.

превращение Советов в органы государственной власти являлось практически неизбежным результатом развития революции.

Проблема разных вариантов развития парламентаризма в постфевральской России была впервые поставлена А.Б. Николаевым и О.А. Поливановым в докладе, сделанном на конференции, организованной В.И. Старцевым в 1993 г. в РГПУ имени А.И. Герцена. Авторы говорили о «*трех возможных линиях*» развития парламентаризма в России в 1917 г.: думской, советской и общественно-правительственной». Существенной разработки проблема трех линий тогда не получила, но авторы сделали ряд важных замечаний по поводу потенциала каждой из них. Отметим замечание о том, что в 1917 г. «реально существовали настроения и даже убеждения как среди эсеров, так и среди меньшевиков в том, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а позднее ЦИК Советов первого созыва — это орган народного представительства, парламент, а Временное правительство является лишь исполнительным органом». Авторы подчеркнули и тот факт, что «в ряде случаев Петроградский Совет реально выполнял функции парламента». Они признали, что «Советы могли создать советский парламент (революционный) ... без особых усилий в случае необходимости»¹.

Позже Николаев, занимаясь историей Февральской революции, выдвинул тезис о *думско-советской власти*, которая возникла в дни Февральской революции и обеспечила ее быструю победу по всей стране². Вопрос о перспективах развития советского парламентаризма историк специально не рассматривал, но видел его важность. Он вынес проблему трех линий или трех альтернатив развития парламентаризма в 1917 г. на дискуссию, организованную в юбилейном 2017 году. Дискуссия проходила в рамках «Таврических чтений» — международной конференции по проблемам парламентаризма, которые ежегодно проводит Центр истории парламентаризма при Межпарламентской ассамблее государств-участников СНГ.

В ходе дискуссии мнения разделились. По мнению московского историка Ф.А. Гайды, парламентаризм в 1917 г. «потерпел поражение, поскольку заложенный в нем принцип политического компромисса оказался несовместим с принципом революционного насилия»³. Пермский историк И.К. Кирьянов считал некорректным использование понятия «советский парламентаризм» применительно к истории Советского государства. О советском парламентаризме, созданном в октябре 1917 г., он говорил лишь как о «ситуационном моменте, который не мог продолжаться долго»⁴.

Автор настоящей статьи в ходе упомянутой дискуссии сформулировал тезис о советском парламентаризме как доминирующей и победившей альтернативе и подчеркнул важность феномена советского парламентаризма как одной из ключевых черт Октябрьской революции⁵. В докладе «На пути к советскому

¹ Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 22, 24, 26, 28, 30.

² Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2-х т. СПб., 2017.

³ Гайда Ф.А. Был ли шанс у российского парламентаризма в 1917 году? // Таврические чтения 2017. Сб. научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 2. С. 6.

⁴ Кирьянов И.К. Прерванная история: неизбежная судьба российского парламентаризма в 1917 г. // Там же. С. 15–16, 55.

⁵ Калашников В.В. Какой шанс и у какого парламентаризма был в России в 1917 году? // Там же. С. 11–12.

парламентаризму» автор более подробно обосновал свою точку зрения, рассмотрев события революционного 1917 года как процесс превращения Советов в органы государственной власти¹. Однако в докладе многие сюжетные линии были лишь намечены. Эти недостатки автор частично устранил в ряде статей 2018–2022 гг., а также в главах книги «Русская революция: ключевые решения» (2021)². В настоящей статье позиция автора представлена в более завершенном виде, хотя проблема далеко не исчерпана и нуждается в дальнейшей разработке. Лимитированный объем статьи заставил ограничить рассмотрение истории советского парламентаризма только рамками революционного 1917 года и январскими решениям III Всероссийского объединенного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Судьба советского парламентаризма весной 1918 г. и в годы Гражданской войны будет рассмотрена отдельно.

* * *

Процесс становления советского парламентаризма в 1917 г. состоит из ряда ключевых этапов. Рассмотрим эти этапы, исходя из того, что сами события 1917 г. хорошо известны, и значение имеют только их историографические оценки, которые могут быть различными.

Советы как первоисточник власти. Первым этапом можно считать процесс формирования Петросовета и «думско-советской власти» в Февральские дни. Как уже отмечалось, проблема «думско-советской власти» в историографии была поставлена А.Б. Николаевым. И этот термин более точно выражает ситуацию февральских дней, чем термин «двоевластие», в котором акцент сделан на противостояние, а не на сотрудничество между Петросоветом и Временным комитетом Государственной думы (ВКГД). В рамках нашей исследовательской задачи наиболее важным является сделанный Николаевым акцент на роль Петросовета как одного из двух *источников власти* Временного правительства. Историк подчеркнул тот факт, что Временное правительство первого состава и его программа были результатом *соглашения* ВКГД с лидерами Петросовета.

Развивая этот сюжет, отметим, что в Обращении, согласованном с Исполкомом Петросовета и опубликованном утром 3 марта в газете «Известия», ВКГД формально выступал как единственный источник формирования Временного правительства. В Обращении говорилось, что именно ВКГД *присутствует* «к более прочному устройству новой *исполнительной власти*» и «*назначает*» Временное правительство³. Петросовет как второй реальный источник власти в Обращении не упоминался. Однако роль Петросовета была публично зафиксирована в том же номере газеты «Известия», который содержал информацию о заседании Петросовета от 2 марта, на котором обсуждались итоги переговоров Исполкома Петросовета с ВКГД по вопросу о формировании правительства и условиях его поддержки⁴. Из информации с очевидностью следовало, что правительство образовано с согласия Петросовета и на основе принятой общей программы. С скромная роль, которую отвел себе Петросовет при составлении Обращения, была обусловлена тем, что он был органом, представлявшем интересы рабочих и солдатских депутатов лишь одного города, хотя и столичного, в то время как ВКГД представлял думских

¹ Калашников В.В. На пути к советскому парламентаризму // Там же. Ч. 1. С. 220–229.

² Калашников В.В. Русская революция: ключевые решения. СПб., 2021.

³ Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 3 марта. С. 1.

⁴ Там же. С. 4.

депутатов, избранных по всей стране. Тем не менее, 8 марта Исполком Петросовета принимает постановление «Об отношениях к правительству», в котором в одностороннем порядке присваивает себе функции «осведомления» Правительства «о требованиях революционного народа, ...воздействия на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля над их осуществлением»¹.

Важную роль Петросовета как органа, способного оказать «воздействие» на Временное правительство, продемонстрировал Манифест «К народам всего мира», который был принят 14 марта эсеро-меньшевицким большинством депутатов. Манифест содержал призыв к народам «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран» и «взять в свои руки решение вопроса о войне и мире»². Призыв нашел свое выражение в лозунге «мир без аннексий и контрибуций», с которым Временное правительство формально было вынуждено согласиться. В Декларации от 27 марта правительство заявило об отказе «от захвата чужих территорий» и выступило за «утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»³. Ранее позиция правительства была иной. В «Обращении к населению страны» от 7 марта говорилось: «Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения». Таким образом, 14 марта Петросовет навязал правительству позицию по важнейшему внешнеполитическому вопросу. Попытка министра иностранных дел П.Н. Милюкова особой нотой подтвердить союзникам верность Временного правительства прежним договоренностям обернулась правительственным кризисом и отставкой Милюкова.

В конце марта — начале апреля 1917 г. в Петрограде прошло Всероссийское Совещание Советов, на котором были представлены 139 Советов рабочих и солдатских депутатов, 13 тыловых воинских частей, 6 армий и 27 отдельных соединений и частей фронта. Совещание приняло решение об условной поддержке Временного правительства в том случае, если «оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции, и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений»⁴. Совещание предписывало правительству «разрешить две неотложные задачи: 1) планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав все производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства; 2) отчудить (от слова «отчуждение» — В.К.) всю сверхприбыль в пользу наций и ограничить все виды капиталистического дохода строго определенными нормами»⁵. Совещание избрало десять представителей от областей и шесть от армии и флота в исполком Петроградского совета, превратив его тем самым в центральный орган Советов страны вплоть до созыва Всероссийского съезда.

Таким образом, Петросовет, не претендуя на государственную власть, уже в марте превратился в источник, *формирующий программу* правительства по ключевым вопросам. Тот факт, что кадетское большинство Временного

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Документы и материалы. Т. 1. Л.: Наука, 1991. С. 204.

² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 марта.

³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 444–445.

⁴ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 293.

⁵ Там же. С. 305–306, 308.

правительства реально не соглашалось с программой Петросовета, говорил только о том, что конфликт Советов и буржуазного правительства был запрограммирован. Отметим, что все мартовские решения принимались в условиях доминирования правых социалистов в руководстве Советов и готовности петроградских большевиков искать компромисс с меньшевиками и даже обсуждать вопрос об объединении двух фракций в единую РСДРП, поскольку прежние разногласия считались изжитыми. Ленин до 3 апреля находился в эмиграции, и его позиция, выраженная в мартовских письмах, не разделялась Каменевым и Сталиным, которые с середины марта стали главными лидерами большевиков в Петрограде.

Советы как органы власти. Важнейшим этапом в истории становления советского парламентаризма является принятие VII Всероссийской (Апрельской) конференцией РСДРП (б) ленинской трактовки Советов как органов государственной власти нового типа. Вернувшись в Россию, Ленин в «Апрельских тезисах» заявил о «необходимости перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов», которые оценивались как «*единственно возможная форма революционного правительства*». Ленин так определил суть государства нового типа: «Не парламентарная республика ..., а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»¹.

Не менее важным было и решение конференции бороться за власть мирными средствами, делая ставку на большевизацию Советов. Ленин признал: «пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти»². Иными словами, большевики избрали парламентский путь к власти, но в рамках советского парламентаризма.

Первая коалиция: роль Советов. Запрограммированное столкновение Временного правительства и Петросовета произошло в связи с упомянутой нотой Милюкова от 18 апреля (1 мая), в которой вместо инициатив по заключению мира подтверждалась готовность «довести мировую войну до решительной победы»³. Текст ноты прямо противоречил Декларации правительства от 27 марта. Эсеры стали обсуждать возможность сформировать правительство без кадетов. Однако не решились на такой шаг. «Каждый день, — говорил В.М. Чернов, — усиливает нашу позицию. ... Мы, несомненно, знаем, что боремся за власть. ... Свергнуть-то всегда можно, но пробил ли час?»⁴. В итоге договорились, что правительство «разъяснит» ноту в духе Декларации. Тем не менее, Исполком 21 апреля принял постановление: «признать, что *ни один крупный акт* правительства не может быть принят *без согласия* Совета р. и с.д.»⁵. Иными словами, Петросовет еще раз и более резко заявил о своем праве на постоянный контроль за действиями Временного правительства.

Однако этого оказалось мало. События на улице развивались так опасно, что 27 апреля Г. Е. Львов обратился к председателю Петросовета Н.С. Чхеидзе с предложением о «расширении» состава правительства путем «привлечения к ответственной государственной работе новых активных творческих сил

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 113–118.

² Там же. С. 147.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 20 апр.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 2. СПб., 1995. С. 245.

⁵ Там же. С. 293–294.

страны». Петросовет высказался не за «расширение», а за создание коалиции на принципиальной основе. Одним из условий было устранение со своих постов П.Н. Милюкова и военного министра А.И. Гучкова.

Пятого мая была принята Декларация коалиционного кабинета, которая заявляла о готовности решить два главных вопроса революции так, как требовали Советы¹. Именно Петросовет определил содержание майской правительственной программы, которая противоречила линии кадетов. Исполком Петросовета первым опубликовал проект правительственной декларации в «Известиях» накануне официальной публикации и сделал особое заявление об условиях вхождения социалистов в состав Временного правительства:

1) министры-социалисты «признают себя ответственными перед Петроградским Советом Р. и С.Д. и обязуются отдавать ему отчет во всех своих действиях», 2) их «пребывание в составе правительства возможно лишь при условии энергичного проведения в жизнь» согласованной программы². При формировании коалиционного правительства Петросовет выступил как единственный публичный источник власти: в правительственной декларации ни о каких других источниках уже не упоминалось.

Вскоре роль Советов как источника власти была закреплена Всероссийскими съездами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Первый съезд крестьянских Советов. Успех становления власти Советов решающим образом зависел от ее поддержки крестьянством, т.е. основной массой населения страны. И уже в марте начинается процесс создания крестьянских Советов на уровне волостей и уездов, а в ряде случаев — на уровне губерний. Так, уже 18 марта состоялось учредительное собрание Московского губернского Совета крестьянских депутатов. Активную роль играл возродившийся Всероссийский крестьянский союз, который в середине марта обратился к Временному правительству с просьбой разрешить организацию Всероссийского Совета крестьянских депутатов и получил согласие³. Характерно, что речь шла об организации именно *Совета* крестьянских депутатов по явной аналогии с Советами рабочих и солдатских депутатов. С такой же инициативой выступили делегаты Всероссийского съезда кооперативных союзов, проходившего в Москве 25–28 марта. На тот момент кооперативы охватывали свыше 10 млн крестьян. Съезд постановил содействовать организации волостных, уездных и губернских Советов крестьянских депутатов с «Всероссийским Советом крестьянских депутатов во главе». Такая организация была признана кооперативным съездом «самою целесообразною формой массовой крестьянской организации в данный момент»⁴. Отметим, что в селах крестьяне не видели разницы между Советами и традиционными мирскими органами крестьянского самоуправления, поэтому Советы создавались на волостном, уездном и губернском уровнях.

Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов начал свою работу 4 мая в Петрограде. Среди делегатов лидировала партия эсеров, которая располагала 537 мандатами, около 140 делегатов были беспартийными, 90–100 мандатов имели меньшевики и эсдеки-интернационалисты,

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 6 мая.

² Там же.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 15 марта.

⁴ Советы крест. депутатов и другие крест. организации. Т. 1. М. 1929. С. 125.

9 мандатов — большевики. Кроме того, большевик М.В. Фрунзе возглавлял группу беспартийных делегатов из Белоруссии в составе 14 чел.¹

Восьмого мая съезд принял резолюцию, которая одобряла создание коалиции и подчеркивала, что Совет «признает министров-социалистов своими представителями в правительстве, *ответственными* перед Советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов до Учредительного собрания». Съезд отклонил резолюцию, предложенную Фрунзе, в которой говорилось, что съезд видит в коалиции «лишь *промежуточную* ступень к переходу всей полноты власти в руки трудового народа, в лице Всеросс. Совета кр., раб. и солд. деп., к созданию которого следует приступить немедленно»².

Важнейшим результатом работы съезда стало постановление по аграрному вопросу. В нем под давлением рядовых делегатов было записано, что уже до Учредительного собрания «все земли без исключения должны перейти в ведение земельных комитетов» с правом последних определять порядок обработки и уборки полей, укоса лугов и т.п.³. Постановление фактически превращало земельные комитеты в главные органы власти в деревне, поскольку наделяло их правом распоряжаться землей. В дальнейшем они и играли эту главную роль, превращаясь в Советы крестьянских депутатов или выступая как аналоги таких Советов.

I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся в июне. Реальную расстановку сил на съезде лучше всего показали результаты выборов в состав центрального исполнительного органа — ЦИК: 123 меньшевика, 119 эсеров, 58 большевиков, 13 «объединённых социал-демократов», 7 прочих. Председателем ЦИК был избран меньшевик Н.С. Чхеидзе. Основным вопросом съезда стал вопрос о коалиционном правительстве, и в ходе обсуждения стало ясно, что многие делегаты рассматривают коалицию с кадетами как временный компромисс. В этом отношении съезд рабочих и солдатских депутатов существенно отличался от крестьянского съезда. Меньшевик И. Церетели, главный идеолог коалиции, сразу осознал опасность таких настроений и, стремясь их нейтрализовать, описал процесс развития революции как процесс постепенного и естественного откола от революции тех слоев буржуазии, которые вначале шли «как будто бы по линии развития революции». Среди уже отброшенных Церетели назвал «империалистские слои буржуазии, как Миллюков, Гучков». Тактику социалистов Церетели представил следующим образом: «идти вперед и вести всех тех, кто способен идти вперед, и в тот момент, когда те или другие слои отстают, в этот момент отрываться от них и продолжать поступательное движение вперед. Вот в этом смысле мы говорим о поддержке Временного Правительства в целом»⁴. Съезд встретил эту трактовку рукоплесканиями, веря в то, что таким образом и будет преодолена коалиция с буржуазией. Однако на деле Церетели использовал такую трактовку для того, чтобы съезд отверг предложение большевиков о формировании правительства из советских партий. Церетели назвал его шагом, который ведет к гражданской войне и победе контрреволюции⁵.

¹ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. М., 1996. С. 32–33.

² Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. С. 136.

³ Там же. С. 147.

⁴ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов М.; Л., 1930. Т. I. С. 271, 273.

⁵ Там же. С. 275.

Такая тактика позволила добиться одобрения съездом программы коалиционного правительства («за» голосовали 543 делегата, «против» — 126 при 52 воздержавшихся).

По вопросу о войне и мире съезд, с одной стороны, поручил правительству *обеспечить быстрое заключение демократического мира*, а с другой — высказался в пользу проведения наступления на фронте. Большевики безуспешно убеждали делегатов в том, что наступление закроет возможность быстрого заключения мира и усилит внутреннюю контрреволюцию¹. Начавшееся вскоре наступление показало, что большинство солдат не поддержало это решение съезда. Доминировала другая формула: фронт держать, в наступление не идти². Солдаты Западного фронта фактически отказались наступать. Солдаты Юго-Западного фронта действовали более активно, но, понеся первые потери, быстро отступили до государственной границы: не хотели удерживать территорию, захваченную у Австро-Венгрии.

Решения I съезда Советов вызвали недовольство рабочих и солдат Петрограда и других крупных центров, что показали многотысячные демонстрации 18 июня. Они прошли под лозунгом «Вся власть Советам».

Июльские дни: поражение Советов? Успех июньских демонстраций привел к тому, что в начале июля радикальная часть рабочих и солдат столичного гарнизона решила использовать демонстративный выход кадетов из коалиции как веский повод для формирования правительства из советских партий. Отвечая на эти настроения, рабочая секция Петросовета вечером 3 июля приняла по предложению Л.Б. Каменева резолюцию, в которой говорилось: «Ввиду кризиса власти рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский съезд Советов р., с. и кр. д. взял в свои руки всю власть». Получив известия о том, что ряд заводов и полков под влиянием анархистов уже вышел на улицу с требованием перехода власти к Советам, рабочая секция решила присоединиться к выступлению с тем, чтобы придать ему мирный характер³. Поздно ночью ЦК большевиков принял аналогичное решение, поскольку партия оказалась перед выбором: либо уйти в сторону и потерять авторитет среди своих радикальных сторонников, либо возглавить стихийное движение и дать ему понятные требования. Утром 4 июля ЦК опубликовал листовку, в которой говорилось: «... пусть Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки. Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем *мирной и организованной демонстрации до сведения заседающих сейчас исполнительных комитетов Всероссийского Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов*»⁴. Вопрос о взятии власти большевиками не ставился и не обсуждался.

Правые силы спровоцировали перестрелки на улицах Петрограда, что позволило правительству обвинить большевиков в попытке захвата власти, разгромить их штаб и арестовать часть активистов с согласия правых социалистов. Позицию правых социалистов хорошо выражает совместная прокламация, которую выпустили ЦИК Советов Р. и С. Д. и Исполком Советов Кр. Д. Они так изображали события: «Вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат

¹ Правда. 1917. 20 (7) июня.

² Пролетарская революция. 1927. № 2–3 (61–62). С. 245–246.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. М., 2003. Т. 4. С. 18, 22–23.

⁴ Пролетарская революция. 1926. № 4. С. 72.

вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей»¹.

Отказавшись передать власть Советам, правые социалисты по причине ухода кадетов фактически оказались у власти: главой правительства стал Керенский, который издал правительственную декларацию от 8 июля, объявив о готовности уже в сентябре созвать Учредительное собрание и незамедлительно принять важные шаги в вопросах о земле и мире. ЦИК Советов дал этому кабинету неограниченные полномочия, определив его как «правительство спасения революции». Тем самым ЦИК выступил в роли парламента — источника формирования правительства и определения его программы. Однако вскоре Керенский стал искать компромисс с кадетами. В результате 22 июля была создана новая правительственная коалиция с кадетами на платформе, которая перечеркивала декларацию от 8 июля.

Ленин уже 10 июля оценил «июльские дни» как поражение Советов, которые превратились в «фиговый листок» контрреволюции, и призвал партию готовиться к вооруженному восстанию в обход эсеров-меньшевистских лидеров Советов, сняв на время лозунг «Вся власть Советам». ЦК большевиков занял более гибкую позицию и отказался снять прежний лозунг, учитывая возможность большевизации Советов и борьбу за власть в рамках советского парламентаризма². «После июльского поражения, — отмечал Сталин, — между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе Советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания *вне Советов*, ... считал, что Советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. Центральный Комитет и VI съезд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключенным оживление Советов. Корниловское выступление показало, что решение *было правильно*»³.

Государственное совещание. После провала июльского наступления на фронте идея установления военной диктатуры доминировала в кругах российской буржуазии. Ее целью был разгром большевиков, Советов, солдатских комитетов, передовых отрядов рабочего класса в лице пролетариата двух столиц. К августу с кандидатурой в диктаторы правые силы определились. Речь шла о генерале Л.Г. Корнилове, которого Керенский назначил верховным главнокомандующим. Первоначальный замысел состоял в том, чтобы установить диктатуру под прикрытием Государственного совещания, которое Керенский собрал в Москве 12 августа. В начале августа Корнилов приказал перебросить на подступы к Москве и Санкт-Петербургу 3-й казачий конный корпус и Дикую дивизию. В дни Совещания к столице прямо выдвигался казачий полк. Правые встретили Корнилова как «спасителя России». Однако Керенский власти не отдал, получив поддержку со стороны войск московского гарнизона и его командующего А.И. Верховского. Корнилов побоялся начать мятеж и уехал в Ставку. Всю интригу событий, связанных с подготовкой созыва и работой Государственного совещания, раскрыл в своей недавней монографии А.Б. Николаев⁴.

¹ Лидак О. Июльские события 1917 года // Историк-Марксист. 1927. № 4. С. 3–32.

² Калашиников В.В. Русская революция: ключевые решения. С. 253–254.

³ Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 6. С. 340–341.

⁴ Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб., 2022.

В рамках нашей темы важно отметить, что Керенский собирал совещание представителей всех общественных организаций в надежде вывести правительство из-под контроля со стороны ЦИКа и Исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Такая поддержка ему была необходима в связи с тем, что в конце июля он, как уже было сказано, отказался от одобренной Советами программы 8 июля и фактически принял программу кадетов. Любопытно отметить, что цель Керенского откровенно и жестко сформулировал донской атаман А.М. Каледин. На совещании он от имени 12 казачьих войск приветствовал Временное правительство в его решимости освободиться «от давления партийных и классовых организаций»¹. Однако Керенский не смог решить эту задачу, оказавшись перед угрозой корниловского мятежа. Его реальной опорой могли быть только эсеров-меньшевистские Советы. Совещание не приняло общей резолюции, но наибольшее число сторонников набрала компромиссная Декларация «объединенной демократии», которую подготовили лидеры меньшевиков и эсеров, выступавшие от имени ЦИК и Исполкома. В декларации, с одной стороны, говорилось о необходимости осуществления программы 8 июля, а с другой — правые социалисты, по сути, поддержали политику коалиционного правительства Керенского, отступившего от этой программы. При этом они подтверждали свой отказ превратить Советы в органы государственной власти². Совещание не укрепило Временное правительство. А.Б. Николаев, пожалуй, прав, сделав вывод о том, что главным итогом стал «политический вакуум», который складывался вокруг правительства Керенского³.

Мятеж Корнилова и большевизация Советов. Двадцать шестого августа Корнилов предложил Керенскому отправить правительство в отставку и прибыть в Могилев. В ответ Керенский потребовал, чтобы Корнилов сдал должность верховного главнокомандующего. Корнилов отказался и обвинил правительство в том, что оно «под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба»⁴. Это заявление Корнилова ясно показывало его отношение к Керенскому, Советам и большевикам. Перед угрозой военной диктатуры все социалисты сплотились и сформировали Комитет народной борьбы с контрреволюцией на паритетных началах. Советы и солдатские комитеты стали главной силой, остановившей мятеж. На фронтах были арестованы офицеры и генералы, которые проявили себя как сторонники корниловского мятежа. Казачьи части и полки Дикой дивизии, которые генерал Крымов направил на Петроград, остановились сразу, как только узнали, что их ведут на столицу против воли Советов. Мятеж провалился без выстрела.

Поздно вечером 31 августа общее собрание Петросовета приняло проект резолюции, предложенный Каменевым, о создании нового правительства из советских партий без участия кадетов. В сентябре Петросовет возглавил перешедший к большевикам Л.Д. Троцкий. Аналогичный процесс прошел в Москве, где главой Совета рабочих депутатов стал большевик В.П. Ногин. Процесс большевизации Советов шел по всей стране...

¹ Там же. С. 319.

² Там же. С. 294–297, 322.

³ Там же. С. 370.

⁴ Browder R.P., Kerensky A.P. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961. Vol. 3. P. 1573.

Понимая смысл нараставшего процесса, правые социалисты отказались созвать в сентябре II Всероссийский съезд Советов р. и с. д., заменив его Демократическим совещанием, состав которого был сформирован в ущерб Советам¹. Официальной целью совещания было создание «подотчетной власти», способной обеспечить созыв Учредительного собрания. Ленин выступал против участия большевиков в работе совещания и призывал использовать его для начала восстания. ЦК большевиков отклонил эту позицию и в ходе совещания предложил эсерам и меньшевикам два варианта действий: 1) создать правительство на базе Советов (Троцкий), 2) создать правительство из представителей всех демократических организаций, представленных на совещании (Каменев). Выступая от имени фракции большевиков, Каменев заявил: «Мы, конечно, не можем отказаться от своей точки зрения, от того, что власть должна быть *создана Советами*, но так как вопрос должен быть решен сегодня, мы, большевики, считаем *однородное демократическое министерство*, созданное на Совещании, единственно возможным, *до Съезда Советов*, и обеспечивающим ... мирное развитие революции. Такому министерству никаких угроз слева не будет»². Иными словами, большевики официально предлагали эсерам и меньшевикам сформировать правительство на более широкой базе, чем Советы, и брали на себя обязательство мирным парламентским путем бороться за власть на съезде Советов. Если бы правые социалисты приняли такое предложение, история России пошла бы иным путем. Совещание отвергло предложение большевиков и передало вопрос о власти выделенному органу — Временному Совету Республики (Предпарламенту), в который вскоре по настоянию Керенского были включены и кадеты, вошедшие и в правительство.

Итоги Демократического совещания вызвали широкое недовольство делегатов низовых Советов, и под их давлением эсеро-меньшевистский ЦИК был вынужден назначить созыв II съезда Советов на 20 октября. Большевики были главными организаторами этого давления. Важную роль в этом сыграла резолюция Петросовета, принятая по предложению Троцкого 22 сентября и требовавшая немедленного созыва II съезда Советов³. 24 сентября в Петрограде состоялось расширенное совещание членов ЦК РСДРП (б), Петроградского комитета (ПК) и большевиков — делегатов Демократического совещания. Участники признали Советы «боевыми классовыми организациями, переход власти к которым становится лозунгом дня», и также потребовали созыва съезда «в кратчайший срок»⁴. Такова была позиция большевиков на конец сентября: они видели свою цель в том, чтобы добиться перехода власти в руки Советов на II съезде, т.е. в рамках советского парламентаризма.

Однако 10 октября позиция изменилась: ЦК принял курс Ленина на проведение восстания до съезда, который ранее отвергал.

Курс на восстание. Следует выделить две основные причины, которые позволили Ленину добиться принятия своего курса. Во-первых, уже 27 сентября в бюро ЦИК выступил меньшевик Дан с предложением отсрочить съезд Советов, после чего ЦИК начал кампанию по срыву съезда, привлекая Исполком крестьянских Советов и те армейские комитеты, которые находились

¹ На I съезде Советов р. и с. д. в июне было решено созывать Всероссийский съезд не реже одного раза в три месяца.

² Известия. 1917. 21 сентября.

³ Рабочий путь. 1917. 24 октября.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 71.

под влиянием правых социалистов. Н.Н. Суханов, явный противник большевиков, тем не менее, признавал, что лидеры ЦИК «съезд *срывали* и ничем не стеснялись при этом», поскольку «было очевидно, что съезд их устранил совсем с *политической* арены», а правым социалистом было важно провести выборы в Учредительное собрание, находясь во главе всей системы Советов¹. Таким образом созыв съезда Советов до проведения выборов в Учредительное собрание оказался под вопросом.

Во-вторых, после создания Предпарламента Керенский уже не считал себя зависимым от решений II съезда Советов. Более того, по настоянию кадетов премьер объявил о *совещательном* характере и Предпарламента. Иными словами, и решения Предпарламента не определяли судьбу Временного правительства, и вместо «подотчетной власти» возникло «безответственное правительство». В такой ситуации 5 октября ЦК большевиков принял предложение Ленина о выходе из Предпарламента, обвинив правых социалистов в «принципиальном признании *безответственности* Керенского» и согласии на правительственный блок с кадетами².

10 октября 1917 г. Ленин добился от ЦК большевиков согласия поставить вооруженное восстание в повестку дня. Ленин стремился провести восстание с тем, чтобы взять власть, провозгласить декреты о земле и мире и с этим политическим капиталом идти на съезд Советов и на выборы в Учредительное собрание. ЦК принял резолюцию, в которой говорилось о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», и предлагалось большевикам именно «с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы». Однако резолюция не содержала прямого решения о проведении восстания *до открытия* II съезда Советов и оправдывала восстание необходимостью защиты революции от удара «второй корниловщины», «несомненного решения русской буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам» и т.п.³. Иными словами, восстание мыслилось как оборонительная акция, поэтому ряд членов ЦК полагали, что для восстания нужен весомый повод в виде реального выступления контрреволюции.

Против резолюции, предложенной Лениным, открыто голосовали только Каменев и Зиновьев, которые 11 октября направили закрытое письмо ПК, МК и ряду крупных областных комитетов РСДРП с критикой позиции Ленина. В нем они также признавали необходимость восстания в ответ на выступление контрреволюции, но считали, что буржуазия не решится на такое выступление. Авторы письма предлагали партии бороться за власть парламентским путем на съезде Советов и Учредительном собрании: «Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем»⁴. Письмо стало причиной созыва нового расширенного заседания ЦК, которое прошло 16 октября с участием видных большевиков: членов ПК, Военной организации, Петросовета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников и др. Позицию большинства участников дипломатично выразил А.А. Иоффе: «Резолюцию (ЦК от 10 октября — В.К.) нельзя понимать, как приказ выступать, это есть отказ от тактики удержания от выступления и признание возможности и обязательности восстаний при первом

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин; Пг.; М., 1923. Кн. 7. С. 29–30.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП (6). С. 76–77.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 87–92.

подходящем случае»¹. В итоге совещание подтвердило резолюцию от 10 октября, но о необходимости восстания до съезда Советов, как считал Ленин, в резолюции вновь прямо не говорилось. Речь шла о том, что «ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»².

Упоминание о Совете весьма показательно: реальным инструментом восстания мог быть только Петросовет во главе с Троцким. Отметим, что в протоколах заседания ЦК от 10 и 16 октября нет упоминаний о позиции Троцкого, который в публичных выступлениях всегда представлял действия большевиков как защиту революции и съезда Советов. Эту позицию Троцкий излагал 11 октября на съезде Советов Северной области. Ленин предлагал превратить этот съезд в орган восстания, но делегаты даже не обсуждали такую возможность. Они требовали перехода власти к Советам на съезде³.

Дорога к съезду Советов. 18 октября в Смольном состоялось закрытое собрание представителей полковых и ротных комитетов Петроградского гарнизона. Большинство выступавших заявляли о недоверии Временному правительству, но исходили из того, что выступление должно быть ответом на действия контрреволюции⁴. Это мнение солдат определило дальнейшие действия Петросовета и ЦК большевиков. Вечером 18 октября Троцкий на общем собрании Петросовета заявил: «Буржуазии известно, что Петроградский Совет предложит съезду взять власть в свои руки, предложит воюющим народам демократический мир, дать крестьянам землю. И они пытаются обезоружить Петроград, выведя из него революционный гарнизон, они спешат к моменту съезда вооружить, распределить все, что им подчиняется, чтобы все свои силы двинуть для срыва представительства рабочих, солдат и крестьян. ... Нужно постоянно *ожидать нападения* со стороны контрреволюции. Но при первой попытке наступления мы *ответим контрнаступлением*, которое будет беспощадным, и которое мы доведем до конца»⁵. Позже Троцкий объяснял свои слова об «ожидании нападения» тактикой прикрытия подготовки к восстанию до съезда, необходимой после открытого выступления Каменева против восстания в газете «Новая жизнь»⁶. Однако на деле ни Троцкий, ни партия большевиков не могли толкнуть гарнизон и рабочих Питера на вооруженное восстание накануне съезда Советов без веского повода. Сталин, который в кругах ЦИК Советов считался «умеренным» большевиком, 20 октября в газете «Рабочий путь» (под этим именем тогда выходила «Правда») писал: «Большевики дали клич: *быть готовым!* Вызван он обострением положения и *мобилизацией сил контрреволюции*, которая ... пытается обезглавить революцию, сдав столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выводя из нее революционную армию»⁷. Иными словами, Сталин так же, как и Троцкий, говорил о том, что большевики выступают только в ответ на действия контрреволюции. Осознавая реальную угрозу таких действий, Петросовет еще 12 октября создал Военно-революционный комитет (ВРК), комиссары которого были направлены на важнейшие заводы

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 102.

² Там же. С. 104.

³ Рабочий путь. 1917. 26 (13) октября. С. 9–13.

⁴ Рабочий путь. 1917. 2 ноября (20 октября). С. 8–9.

⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4. С. 538.

⁶ Новая жизнь. 1917. 18 октября.

⁷ Рабочий путь. 1917. 2 ноября (20 октября). С. 2.

и в части гарнизона. Они должны были парализовать действия контрреволюции. В принципе ВРК был готовым инструментом для восстания, но возможность его использования зависела от позиции солдат. 21 октября состоялось новое гарнизонное совещание, на котором по докладу Троцкого были приняты резолюция о поддержке ВРК и призыв к II съезду Советов взять власть и обеспечить народу мир, землю и хлеб¹. О проведении восстания до съезда Советов речи не шло.

21 октября состоялось заседание ЦК без участия Ленина, которое обсуждало порядок работы большевиков на съезде Советов (темы и тезисы докладов и т.п.). Вопрос о восстании не поднимался².

К этому моменту созыв II съезда Советов был уже предрешен, хотя 17 октября ЦИК перенес его с 20 на 25 октября, сославшись на то, что многие Советы не успели прислать делегации. 20 октября меньшевик Дан сделал последнюю попытку сорвать съезд, доложив на бюро ЦИК, что из 917 советских организаций якобы только 50 ответили согласием прислать делегатов³. Это было явной ложью, и ЦИК не решился вновь отложить съезд и провести его после выборов в Учредительное собрание.

Восстание. Однако Керенский накануне открытия II съезда Советов создал повод, который положил начало вооруженным столкновениям сил Совета и правительства. Премьер понимал, что съезд примет решение о переходе власти в руки Советов, и в ночь на 24 октября распорядился привлечь членов ВРК к уголовной ответственности и закрыть типографии, где большевики печатали свои газеты. Около 12 часов дня 24 октября Керенский выступил в Предпарламенте и от имени правительства, ссылаясь на факт создания и деятельность ВРК, заявил, что в столице сложилось «состояние восстания», и он без колебаний прибегнет к военной силе против большевиков: «те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации». Керенский прямо обвинял Ленина, Троцкого и комиссаров ВРК, созданного Петросоветом, в государственной измене. Потребовав от Предпарламента полной поддержки, он покинул Мариинский дворец⁴. Премьер направил в Ставку требование прислать надежные части с фронта. Днем юнкера захватили ряд мостов, ведущих в центр города. Все эти действия говорили о том, что Керенский съезду Советов власти не отдаст.

Шаги Керенского побудили большевиков привести в боеготовность верные воинские части и Красную гвардию. Отряды ВРК уже утром освободили типографию, а днем стали блокировать мосты со стороны рабочих кварталов и вытеснять юнкеров. ВРК выпустил заявление о том, что «корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский Съезд Советов», и опроверг слухи о том, что сам ВРК готовит «захват власти»⁵. Вечером 24 октября состоялось экстренное заседание Петросовета, на котором Троцкий так обрисовал ситуацию: «вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского Съезда Советов. Мы считаем, что

¹ Рабочий путь. 1917. 4 ноября (22 октября). С. 13.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП (6). С. 117–118.

³ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 31.

⁴ Известия. 1917. 25 октября; Речь. 1917. 25 октября (7 ноября).

⁵ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 278, 280.

Всероссийский Съезд Советов проведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить — 24, 48, 72 часа, и выступить против нас, то мы ответим контрнаступлением, *ударом на удар*, статью на железо»¹. Слова Троцкого, связывавшего вопрос о власти с решением съезда Советов, не были просто дипломатическим маневром: весь день ЦК большевиков придерживался оборонительной тактики, несмотря на письма Ленина с требованием немедленно взять власть.

Приход Ленина в Смольный около полуночи придал наступательный характер действиям большевиков. К утру отряды ВРК взяли под контроль вокзалы, Главный почтамт и Центральную телефонную станцию. Юнкера сдавали объекты без сопротивления, и их отпускали. Утром Ленин написал обращение, в котором объявлял о том, что власть в городе перешла в руки ВРК. Однако Временное правительство и все учреждения продолжали работать как обычно. Вопрос о власти оставался нерешенным, и Ленин требовал арестовать правительство, находившееся в Зимнем дворце. Дворец был захвачен в ночь на 26 ноября после серии вялых перестрелок и многочасовых переговоров, которые лидеры ВРК вели с его защитниками (казаками, юнкерами, ударниками). И только после того, как большинство защитников ушли или заявили о нейтралитете, В.А. Антонов-Овсеенко с группой матросов и красногвардейцев пересек площадь, вошел во дворец и произвел бескровный арест министров Временного правительства. Ни один из защитников Временного правительства не был убит². Защищавших дворец юнкеров отпустили под честное слово больше не выступать против советской власти.

Получив известия о начале штурма Зимнего дворца, противники большевиков обвиняли их в восстании до решения съезда. На обвинения ответил Троцкий: «Политическая формула этого восстания — вся власть Советам *через Съезд Советов*. Нам говорят: вы не подождите Съезда. Нет, мы-то стали бы его ждать, но Керенский не хотел ждать: контрреволюционеры не дремали. Мы, как партия, своей задачей считали *создание реальной возможности для Съезда Советов взять власть в свои руки*. Если бы Съезд оказался окруженным юнкерами, каким путем он мог бы взять власть в свои руки?»³.

Троцкий был прав. Восстание действительно стало ответом на действия Правительства, которое стремилось сорвать съезд. Отметим, что днем 24 октября это Правительство потеряло все остатки былой легитимности. Дело в том, что Предпарламент, выслушав Керенского днем 24 октября, после долгих споров отклонил резолюцию кадетов и принял резолюцию меньшевика-интернационалиста Ю. Мартова, которая отказывала правительству в безусловной поддержке: за — 123 голоса, против — 102, воздержалось — 26. Резолюция требовала немедленного издания декрета «о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры»⁴. За этим решением стояло невысказанное желание части умеренных социалистов избавиться от правительства Керенского, политика которого ослабляла их в борьбе с большевиками на открывавшемся съезде Советов и приближавшихся выборах в Учредительное собрание.

¹ Известия. 1917. 25 октября.

² Старцев В.И. Штурм Зимнего. Л., 1987.

³ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.; Л., 1928. С. 28.

⁴ Известия. 1917. 25 октября.

Второй съезд Советов. Штурм Зимнего был акцией, которая обеспечивала переход власти в руки съезда Советов, но не в руки большевиков. ВРК как орган многопартийного Петросовета брал власть для передачи съезду. Иных вариантов действий ни ВРК, ни Петросовет, ни ЦК большевиков не рассматривали. Они были невозможны по той простой причине, что съезд Советов начал свою работу вечером 25 октября уже до штурма Зимнего дворца, и обойти съезд большевики никак не могли и не хотели, видя свое большинство. Сам по себе арест Временного правительства не предвещал итогов работы съезда, хотя бескровный штурм Зимнего имел большое психологическое значение: показал делегатам съезда, что многотысячный гарнизон столицы на их стороне, а не на стороне правительства. Тем не менее, судьба выступления большевиков целиком и полностью зависела от решений съезда Советов. Если бы лидеры эсеров и меньшевиков, оказавшиеся в меньшинстве при избрании президиума съезда, не приняли решения об уходе, наиболее вероятным итогом стало бы создание коалиционного правительства из всех советских партий. И не факт, что именно Ленин стал бы его главой. Но лидеры правых социалистов решили подорвать легитимность съезда и призвали своих сторонников уйти. Ушли со съезда не более 50 человек, многие из которых вернулись, выступали, голосовали и вновь заявляли об уходе. Большинство рядовых эсеров и меньшевиков остались в зале, где теперь безраздельно доминировали вожди большевиков. Поведение лидеров эсеров и меньшевиков не было просто тактической ошибкой: они в принципе не хотели признать *Советы органами государственной власти*.

Позиция правых социалистов позволила Ленину реализовать его сценарий: были немедленно приняты декреты о земле, мире и формировании Советского правительства. Съезд объявил Советы государственной властью. Как уже было сказано, власть Советов по своей форме была парламентарной. Созданные два органа олицетворяли две ветви власти: законодательную (ВЦИК) и исполнительную (СНК).

Решения II съезда рабочих и солдатских депутатов были поддержаны в ноябре делегатами II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, на котором доминировали левые эсеры — союзники большевиков. После этого легитимность СНК была заведомо выше, чем свергнутого Временного правительства. Однако успех большевиков на съездах Советов не снимал проблемы Учредительного собрания. Прежняя позиция большевиков, критиковавших своих противников за стремление оттянуть созыв Конституанты, обязывала их провести выборы и открыть Собрание.

Роспуск Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание показали, что большевики, проиграв в крестьянской глубинке и в большинстве национальных районов, выиграли (опередив другие партии) в обеих столицах, в промышленных центрах, в целом по городскому населению и по армии, а также в губерниях, расположенных вблизи столиц, включая 9 русских губерний вокруг Москвы¹. Там, где простой народ получал информацию о том, что происходит в столицах, он голосовал за большевиков. Отметим и то, что уровень грамотности в городах и армии был существенно выше, чем в стране в целом, что отражает уровень осознанности выбора при голосовании. Иными словами, большевики поддержали самые организованные и грамотные слои русского народа (на Украине за большевиков проголосовало всего около 10%

¹ Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 174–175, 208, 212–213, 216, 228, 242, 243, 249.

избирателей, в основном — русские рабочие). Тем не менее, формально большевики выборы проиграли, и им был нужен весомый повод для того, чтобы распустить Собрание и обеспечить при этом активное или пассивное согласие масс.

Этот повод большевикам дали правые социалисты. Сразу после открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. большевики предъявили депутатам декларацию ВЦИК, первый пункт которой гласил: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»¹. Правозэсеровское большинство делегатов отказалось рассматривать Декларацию и вскоре объявило Россию республикой без упоминания о Советах. Большевики получили возможность обвинить правых социалистов в отказе признать Советы органами власти и уйти из зала из-за несогласия по ключевому вопросу.

Идея власти Советов к этому времени уже завоевала твердую поддержку не только большинства рабочих и солдат, но и крестьян. К концу декабря 1917 г. более половины волостных крестьянских Советов (53,5%) высказались за власть Советов, 30% настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5% волостей население колебалось (данные по 415 волостям). Распуск Собрания, не признавшего Советы государственной властью, сразу встретил понимание 11 губернских съездов крестьян (Вятский, Московский, Олонецкий, Орловский, Пензенский, Пермский, Тамбовский, Тверской, Самарский, Саратовский и Симбирский), которые прошли в январе и одобрили акцию большевиков². Во второй половине января III съезд рабочих и солдатских депутатов слился с III съездом крестьянских депутатов, и объединенный III Всероссийский съезд Советов отменил временный статус СНК, сделав советское правительство постоянным. Более того, на съезд прибыла делегация от 46 донских казачьих полков, которая признала власть Советов «настоящей верховной властью»³. Иными словами, ставка на Советы и здесь была ключевой в победе большевиков.

С формальной точки зрения Учредительное собрание было распущено большевиками совершенно законно: в силу отсутствия кворума на первом заседании и очевидной невозможности обеспечить этот кворум в последующие дни. В Учредительное собрание из запланированных 820 *были избраны* не более 767 депутатов. В начале заседания 5 января в зале Таврического дворца, по самым оптимистическим оценкам, присутствовало 410 депутатов⁴. В голосовании всегда участвовало заведомо менее половины тех, кто по закону о выборах должен был там находиться. В ключевом голосовании по Декларации, представленной ВЦИК, участвовало 383 депутата⁵. После отказа правых социалистов принять Декларацию ВЦИК около 140 большевиков покинули Таврический дворец. Кворум в виде простого большинства даже от числа избранных депутатов был потерян. Под утро за большевиками ушли три десятка левых эсеров. С учетом заявленного украинской делегацией решения не голосовать и не считать себя связанными решениями всероссийского Учредительного собрания в зале оставалось немногим более двух сотен

¹ Всероссийское Учредительное собрание. С. 4.

² *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 65.

³ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С. 82–83.

⁴ *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание. С. 309.

⁵ Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 64.

голосующих депутатов. В таком составе Собрание не имело права решать вопросы будущего страны.

Объединенный III съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был по своей сути более демократическим органом, поскольку он отражал интересы наиболее информированных, организованных и образованных слоев трудового народа.

* * *

Анализ истории образования Советского государства в особой форме парламентаризма, отличной от буржуазной, является важной задачей для историков, поскольку именно такой подход позволяет в правильной перспективе рассматривать всю дальнейшую историю СССР. Он позволяет выявлять причины свертывания советской парламентской демократии в условиях иностранной интервенции и гражданской войны, роль и особенности функционирования парламентских институтов в период НЭПа и на последующих этапах истории СССР. Такой подход необходим для объяснения причин возрождения и особенностей существования реального советского парламентаризма в 1989–1993 гг., а также причин его гибели в результате антиконституционного государственного переворота осенью 1993 г. Иными словами советский парламентаризм 1917 года является отнюдь не кратким «ситуационным моментом», а важнейшей чертой истории Октябрьской революции, служившей ориентиром для будущего развития советской демократии.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СССР (1989–1991 гг.)

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВАХ СОВЕТСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

НОВИКОВА ИННА ФЕДОРОВНА,

старший преподаватель
кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета «ЛЭТИ»
имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: novikova.i.f@mail.ru

Аннотация: В статье проанализированы внесенные в Конституцию СССР в конце 80-х гг. XX в. изменения, в том числе о легализации частной собственности, исключении положений о руководящей силе КПСС, введении поста Президента, создании Комитета конституционного надзора СССР. Конституционные новеллы в своей совокупности послужили основой для развития парламентаризма, который базируется на принципах верховенства закона, разделения властей, приоритета прав человека и гражданина. В настоящее время изучение вопросов формирования и функционирования парламентаризма является актуальным, поскольку правовое государство отличает обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: Конституция СССР, Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР, частная собственность, руководящая сила КПСС, Президент СССР, разделение властей.

Седьмого октября 1977 г. была принята Конституция СССР¹, получившая название Конституция развитого социализма. Полагаем необходимым отметить ряд некоторых принципиальных положений, которые нашли отражение в Основном Законе.

Конституция СССР отразила полновластие Советов народных депутатов как органов государственной власти, политической основы СССР (ст. 2). Так, установив, что вся власть в СССР принадлежит народу, Конституция СССР не только определила, что народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР, но и предусмотрела, что все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов. Указанное верховенство по отношению к иным органам объяснялось тем, что Советы являлись единственными выборными органами государственной политической власти, а все другие государственные органы были производны от Советов и им подчинены (например, исполнительные комитеты).

¹ Конституция (Основной Закон) СССР // Ведомости Верховного Совета СССР, 12 октября 1977, № 41, ст. 617.

В Конституции СССР в качестве универсального принципа организации государственной власти был утвержден принцип демократического централизма: выборность всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетность их народу; обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих. Согласно Конституции СССР демократический централизм сочетал единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело (ст. 3).

В СССР использовался так называемый ленинский принцип единства государственной власти (принцип объединения законодательной и исполнительной функций в едином выборном представительном органе), который отрицал принцип разделения властей. При этом Конституция СССР содержала следующий перечень видов государственной деятельности: законотворчество; исполнительно-распорядительная деятельность; правосудие (рассмотрение гражданских и уголовных дел); прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами; арбитраж (разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями органами государственного арбитража).

Согласно ст. 6 Конституции СССР руководящей и направляющей силой советского общества, ядром ее политической системы, государственных и общественных организаций являлась Коммунистическая партия Советского Союза, которая определяла генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР. Таким образом, Основной Закон закрепил как дуалистическую структуру власти, существовавшую в стране, так и отрицание многопартийности и права на политическую оппозицию.

Основой экономической системы Конституция СССР назвала социалистическую собственность на средства производства в двух формах: государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной (ст. 10).

В Конституции СССР был закреплен принцип социалистической законности как один из основных принципов деятельности государства. Согласно ст. 4 Основного Закона советское государство, все его органы действуют на основе этого принципа, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Следует отметить, что в Конституции СССР впервые предусматривалось право граждан обжаловать в суд действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, превышением полномочий, ущемляющие права граждан (ст. 58). В развитие указанного положения был принят Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан»¹. Однако он допускал обжалование только действий, единолично осуществленных должностным лицом. Право граждан обжаловать коллегиальные действия должностных лиц и органов государственного управления было предусмотрено в Законе СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права

¹ Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7287-XI «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан»// Ведомости Верховного Совета СССР, 1 июля 1987, № 26, ст. 388.

граждан»¹. Следует признать, что указанные законы дали толчок к формированию в стране гражданского общества, способного контролировать деятельность государства.

В Конституцию СССР были включены принципы, ранее не содержащиеся в Основных законах страны, в частности, принцип коллегиальности рассмотрения гражданских и уголовных дел (ст. 154), осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом (ст. 156), участия в судопроизводстве по гражданским и уголовным делам представителей общественных организаций и трудовых коллективов (ст. 162). Эти принципы были известны текущему законодательству о судостроительстве и судопроизводстве. Конституция СССР возвела их в ранг конституционных, связав с основными правами, свободами и обязанностями граждан СССР.

Кратко охарактеризовав принципиальные положения Конституции СССР, следует обратить внимание на то, что в указанный нормативный правовой акт было внесено большое количество изменений.

Наиболее значительны изменения, касающиеся создания представительных органов власти, легализации частной собственности, исключения положений о руководящей силе КПСС, введения поста Президента, создания Комитета конституционного надзора СССР.

Так, Законом СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР»² в систему высших органов государственной власти были внесены изменения: вместо Верховного Совета СССР были созданы два органа: Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР. Верховный Совет СССР сохранил прежнее название и деление на палаты: Совет Союза и Совет Национальностей, но существенно изменил правовой статус. Изменения установили, что Съезд народных депутатов СССР является высшим органом государственной власти СССР, правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР (ст. 108). Так, к ведению Съезда народных депутатов СССР было отнесено решение ключевых вопросов: принятие и изменение Конституции СССР, определение основных направлений внутренней и внешней политики СССР, утверждение перспективных государственных планов и важнейших общесоюзных программ экономического и социального развития СССР, утверждение в должности главных должностных лиц страны и др.

Наряду со Съездом продолжал действовать Верховный Совет СССР, который был постоянно действовавшим законодательным и контрольным органом власти в СССР, избираемым Съездом народных депутатов из числа народных депутатов СССР посредством тайного голосования сроком на 5 лет. Таким образом, Верховный Совет имел «необычный» парламентский статус: он был органом Съезда, был ему полностью подотчетен (ст. 111).

Указанным законом³ реформировалась и избирательная система: выборы предусматривали в качестве общего правила избрание части депутатов общественными организациями, число кандидатов в депутаты не ограничивалось,

¹ Закон СССР от 2 ноября 1989 г. № 719-1 «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1989, № 22, ст. 416.

² Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 7 декабря 1988, № 49, ст. 727.

³ Там же.

и в избирательные бюллетени могло быть включено любое число кандидатов (ст. 100). Следует отметить, что с целью обеспечения равных условий для каждого кандидата в народные депутаты устанавливалось, что расходы, связанные с подготовкой и проведением выборов народных депутатов, производятся за счет государства. Таким образом, выборы становились состязательными и альтернативными.

Деятельность Съезда народных депутатов внесла большой вклад в демократизацию политической жизни страны. Так, на III внеочередном Съезде (март 1990 г.) из преамбулы и ст. 6 Конституции СССР были исключены положения о руководящей и направляющей роли КПСС. Указанное обстоятельство в совокупности с положениями ст. 51 (в новой редакции) Конституции СССР о праве граждан объединяться в политические партии и общественные организации послужило основой для установления многопартийности в стране.

Изначально Конституция СССР устанавливала союзное ведение в отношении вопросов руководства экономикой страны и проведения единой социально-экономической политики (ч. 5 ст. 73). Впоследствии союзный законодатель признал экономическую самостоятельность союзных республик, установив, что основой формирования и функционирования общесоюзного рынка является самостоятельность предприятий, объединений, организаций и индивидуальных товаропроизводителей, осуществляющих свою хозяйственную деятельность в условиях состязательности и равноправия всех форм собственности с учетом антимонопольного и иного законодательства о рынке¹. При этом в ст. 10 Конституции СССР были внесены поправки², связанные с закреплением новой системы форм собственности: собственность советского гражданина, коллективная и государственная; устанавливалось, что государство создает условия, необходимые для развития разнообразных форм собственности, и обеспечивает равную их защиту. В ст. 12 была закреплена коллективная собственность арендных предприятий, коллективных предприятий, кооперативов, акционерных обществ, хозяйственных организаций и других объединений: регламентировалось, что коллективная собственность создается путем преобразования предусмотренными законом способами государственной собственности и добровольного объединения имущества граждан и организаций. Таким образом, конституционное признание коллективной собственности акционерных обществ фактически означало признание права частной собственности.

Еще одним источником, закрепившим переход СССР к рыночным отношениям, стал Закон СССР «О собственности в СССР»³, ст. 7 которого легализовала право частной собственности на средства производства.

Ослабление жестко централизованной социалистической экономики было связано с Законами СССР «О государственном предприятии (объединении)»⁴

¹ Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 18 апреля 1990, № 16, ст. 270.

² Закон СССР от 14 марта 1990 № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 12, ст. 189.

³ Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 11, ст. 164.

⁴ Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1987, № 26, ст. 385.

и «О кооперации в СССР»¹. Если первый предусмотрел полный хозяйственный расчет и самофинансирование государственных предприятий, то второй закон, признавший коллективную собственность граждан на средства производства, открыл путь к развитию частного предпринимательства.

Несмотря на принцип единства власти, Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР принял Закон СССР², согласно которому в Конституцию СССР была введена глава 15 «Президент СССР», регламентирующая, что Президент СССР, являющийся главой Советского государства, подлежал избранию на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Однако единственный Президент СССР Горбачев М.С. был избран 14 марта 1990 г. на указанном Съезде, то есть характер выборов не являлся прямым, что само по себе не способствовало приданию должного авторитета новому институту. Вместе с тем объявление Основным законом Верховного Совета СССР законодательным и контрольным органом и учреждение поста Президента СССР означало развитие принципа разделения властей.

Президент СССР будучи главой государства выступал гарантом соблюдения прав и свобод граждан, осуществлял высшее представительство во внешних сношениях. В числе основных полномочий Президента СССР: представление кандидатуры Председателя Совета Министров СССР; назначение и освобождение от должности министров (по согласованию с Председателем Совета Министров СССР); внесение в Верховный Совет СССР вопроса об отставке правительства; приостановление действия постановлений и решений Совета Министров СССР; право законодательной инициативы, подписание законов; созыв внеочередного Съезда либо сессии Верховного Совета СССР; постановка вопроса об избрании нового состава Верховного Совета СССР в случае неразрешимых разногласий между палатами.

В развитие интеграции Президента СССР с исполнительной властью был принят Закон СССР³, согласно которому сформирована новая структура исполнительной власти во главе с Президентом СССР. В соответствии с указанным законом Президент СССР возглавлял систему органов государственного управления и обеспечивал их взаимодействие с высшими органами государственной власти СССР. Вместо Совета Министров СССР вводился Кабинет Министров СССР, подчинявшийся непосредственно Президенту СССР, который формировал Кабинет Министров СССР с учетом мнения Совета Федерации и по согласованию с Верховным Советом СССР. В дальнейшем⁴ высшим представительным органом власти Союза ССР стал Верховный Совет СССР, состоящий из двух палат: Совета Республик и Совета Союза; вместо Кабинета Министров СССР был создан Межреспубликанский экономический

¹ Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-ХІ «О кооперации в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1988, № 22, ст. 355.

² Закон СССР от 14 марта 1990 № 1360-І «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 12, ст. 189.

³ Закон СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-І «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 1, ст. 3.

⁴ Закон СССР от 5 сентября 1991 г. № 2392-І «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 11 сентября 1991, № 37, ст. 1082.

комитет, в компетенцию которого входили координация управления народным хозяйством, согласованное проведение экономических реформ и социальной политики. Следует признать, что Президент СССР не смог скоординировать деятельность лидеров союзных республик и сохранить Союзное государство даже в виде конфедерации. Однако, идея должности президента как главы государства не исчезла вместе с распадом Советского Союза. В настоящее время институт президентства является атрибутом республиканской формы правления и одним из признаков демократического строя.

Доктрина парламентаризма предусматривает независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства. В ходе конституционных реформ был учрежден Комитет конституционного надзора СССР¹, который избирался Съездом народных депутатов СССР сроком на 10 лет из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, заместителя председателя и 21, а впоследствии 25² членов Комитета, включая представителей от каждой союзной республики. При выполнении своих обязанностей члены Комитета считались независимыми и должны были подчиняться только Конституции СССР. Комитет имел право:

- по поручению Съезда народных депутатов СССР представлять Съезду заключения о соответствии Конституции СССР проектов законов СССР и иных актов, внесенных на рассмотрение Съезда;

- по предложениям не менее одной пятой народных депутатов СССР, Президента СССР, высших органов государственной власти союзных республик представлять Съезду народных депутатов СССР заключения о соответствии Конституции СССР законов СССР и иных актов, принятых Съездом;

- по поручению Съезда народных депутатов СССР, по предложению Верховного Совета СССР дать заключение о соответствии указов Президента СССР Конституции СССР и законам СССР (ст. 124).

При выявлении несоответствия акта или его отдельных положений Конституции СССР или законами СССР Комитет конституционного надзора должен был направлять органу, издавшему акт, свое заключение для устранения допущенного нарушения. Принятие Комитетом такого заключения приостанавливало действие не соответствующего Конституции СССР или закону СССР акта или его отдельных положений, за исключением законов СССР, принятых Съездом народных депутатов СССР, конституций союзных республик. Однако, необходимо констатировать, что в этой модели конституционной охраны отсутствовало право граждан возбуждать дела о конституционности правовых актов, примененных в конкретном деле.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конституционные новеллы в своей совокупности послужили основой для развития парламентаризма, базирующегося на принципах верховенства закона, разделения властей, многопартийности, приоритета прав человека и гражданина, независимости судебной власти и ее взаимодействия с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства.

¹ Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-ХІ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 7 декабря 1988, № 49, ст. 727.

² Закон СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1989, № 29, ст. 572.

НОВЫЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР НА ЧЕТВЕРТОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

ЯЛЫШЕВ РЕНАТ АМИРУЛЛОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: renyal@mail.ru

Аннотация: Рассматривается обсуждение нового Союзного договора и путей сохранения единого федеративного государства на четвертом Съезде народных депутатов СССР. Анализируются причины, по которым подписание разработанного проекта оказалось невозможным. Делается вывод, что важнейшие причины торможения в работе над договором и невозможность быстрого подписания были связаны с позицией российского руководства во главе с Б.Н. Ельциным, которую поддержал ряд других республиканских лидеров, стремившихся укреплять суверенитет своих республик. На съезде рассматривались силовые сценарии наведения конституционного порядка в СССР и принято решение о проведении общесоюзного референдума по вопросу о сохранении единого государства.

Ключевые слова: СССР, перестройка, Съезд народных депутатов СССР, новый Союзный договор, Президент СССР, распад СССР, М.С. Горбачев.

17 ноября 1990 г. М.С. Горбачев выступил на сессии Верховного Совета СССР и сказал: «Проект Союзного договора в основном готов. Мы в кратчайший срок представим его Верховному Совету СССР и Верховным Советам республик. Пусть нас не пугают новоявленные борцы за суверенитеты... Народ надо еще спросить...»¹. 27 ноября проект был опубликован в СМИ.

Проект был представлен публично, несмотря на то, что российский лидер Б.Н. Ельцин в это же время вел жесткую линию против подписания договора. Находясь 19 ноября 1990 г. в Киеве, он сделал резкое заявление о том, что о Союзном договоре не может быть и речи до тех пор, пока не будут признаны суверенитеты республик².

Всю осень Ельцин продолжал работу по разрушению союзной вертикали и налаживанию межреспубликанских связей. Осенью республики перешли к заключению множества двухсторонних договоров, подменяя ими те механизмы, которые действовали в рамках единого союзного законодательства. Российская Федерация являлась лидером этого процесса. В ноябре–декабре 1990 г. были заключены договоры с Украиной, Казахстаном и Белоруссией. Окончательно ослабить Горбачева Ельцин решил при помощи заключения договора о союзе 4-х крупнейших республик на базе деклараций о суверенитете, то есть фактически на конфедеративной основе. Однако Горбачев узнал об этом и в последний момент сумел предотвратить подписание.

¹ Правда. 1990. 18 ноября.

² Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 119.

Следует отметить, что Ельцин тоже был вынужден маневрировать, так как большинство народных депутатов России выступали за сохранение СССР и подписание Россией нового Союзного договора. Но создав свою Комиссию по разработке предложений к проекту, российский съезд надолго задержал подписание договора.

Начало декабря принесло еще одно неприятное для М.С. Горбачева известие: от участия в работе над новым Союзным договором окончательно отказалась Грузия¹.

Четвертый Съезд народных депутатов СССР заседал с 17 по 27 декабря 1990 г. Преимущественно он был посвящен обсуждению вопросов о судьбе единого государства и работе над новым Союзным договором. Такой настрой задали депутатам председательствующий на съезде А.И. Лукьянов во вступительном слове².

Вопрос обсуждался крайне остро. В день открытия съезда депутат от Чечено-Ингушской АССР С.З. Умалатова обвинила М.С. Горбачева в развале СССР и потребовала поставить на голосование вопрос о «вотуме недоверия» Президенту СССР³. В ходе голосования Горбачев получил поддержку большинства народных депутатов, но за его отставку проголосовало примерно 400 человек. Этот эпизод отражал существенное падение авторитета Горбачева. По опросам анкеты «Человек года» в конце 1990 г. Горбачев имел рейтинг 19%, а Ельцин — 32%⁴.

На съезде все представители автономий вновь настаивали на участии автономных образований в договоре⁵. Председатель ВС Башкирской АССР М.Г. Рахимов говорил: «Мы считаем, что политика деления республик на первосортные и второсортные изжила себя»⁶. Еще жестче ставил вопрос руководитель Татарстана М.Ш. Шаймиев: «Татария должна подписать Союзный Договор вместе с другими республиками, подписать самостоятельно, как равная среди равных»⁷.

Такой напор автономий на съезде принес им результаты. Руководителей автономных образований включили в состав Подготовительного комитета для работы над проектом нового Союзного договора. Отметим, что российское руководство расценило этот шаг как очередную враждебную акцию, направленную на развал России⁸.

На съезде М.С. Горбачев вновь пытался найти компромиссный путь. Он высказался за то, чтобы «сохранить Союз... в преобразованном виде, на демократических принципах — при единстве суверенитета Союза ССР и суверенитета республик»⁹.

Акцент на необходимость сохранить суверенитет Союза ССР означал отказ от принятия позиции Б.Н. Ельцина и ряда других глав республик, которые

¹ Правительственная телеграмма Председателю Совета Национальностей ВС СССР Р.Н. Нишанову от Председателя Верховного Совета Грузинской ССР З.К. Гамсахурдиа от 08.12.1990 г. // ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 10. Д. 82. Л. 161.

² Четвертый Съезд народных депутатов СССР. 17–27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 1. С. 10.

³ Там же. С. 12–13.

⁴ Лантев И.Д. Власть без славы. М., 2002. С. 194.

⁵ Четвертый Съезд народных депутатов СССР ... С. 19, 207, 551.

⁶ Там же. С. 517.

⁷ Там же. С. 523.

⁸ Эпоха Ельцина: Очерки политической истории. М., 2001. С. 128.

⁹ Четвертый Съезд народных депутатов СССР. Т. 1. С. 82.

настаивали на конфедеративном характере нового Договора. Президент СССР решил нейтрализовать республиканский сепаратизм при помощи проведения всесоюзного референдума о сохранении СССР: «Я вношу на рассмотрение Съезда предложение — провести по всей стране референдум, чтобы каждый гражданин высказался „за“ или „против“ Союза суверенных государств на федеративной основе. Результат референдума в каждой республике и явится окончательным вердиктом...»¹.

Горбачеву пришлось «продавливать» решение о референдуме, но в итоге съезд его поддержал.

Вполне определенно М.С. Горбачев высказался по вопросу о «войне законов», которая явно вышла на новый уровень: «Впредь до заключения Союзного Договора, который окончательно определит правовой статус всех его участников, верховным законодательным актом, подлежащим безусловному исполнению, остается Конституция СССР»².

Несмотря на эти заявления, многие депутаты высказывали недовольство слабыми действиями Горбачева. Очень важным в этой связи было выступление лидера Казахстана Н.А. Назарбаева, который на съезде заявил о «параличе центральной власти»: «Если раньше политическое море лишь волновалось, то сейчас штормит, и очень крепко. И стоит ли удивляться, что, глядя на неуверенность рулевого, часть команды пытается перехватить управление, изменить курс? Другая спешит к спасательным шлюпкам, надеясь продолжить плавание автономно. А третья полна надежд вернуться к старым берегам, от которых мы не так далеко ушли»³. Назарбаев выступал за более решительный курс со стороны союзных властей и был активным сторонником заключения нового договора.

Поддержку Договору высказывали лидеры республик Средней Азии, но на их позицию влияла политика Б.Н. Ельцина. Президент Узбекской ССР И.А. Каримов: «Мы, товарищи, за Союзный Договор, мы за федерацию. Это твердая позиция республики. Но неприемлема, к сожалению, сама методика разработки проекта Договора „сверху вниз“...»⁴. В унисон Каримову выступили лидеры Туркмении и Киргизии⁵.

Прибалтийские депутаты искали способ выйти из состава СССР. Их позицию озвучил Председатель ВС Эстонии А.Ф. Рюйтель: «Мы убеждены, что без образования сначала действительно независимых государств невозможно вести речь о создании Союза»⁶.

Жестко высказался Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков: «Перестройку в том виде — я подчеркиваю это, — в котором она замышлялась, осуществить не удалось...»⁷. Он призвал срочно подписать Союзный договор для выхода из кризиса. Он демонстрировал недовольство Президентом СССР, так как в течение съезда правительству Н. Рыжкова пришлось уйти в отставку, поскольку 26 декабря был принят закон о создании вместо Совета Министров СССР Кабинета министров СССР, который формировался Президентом СССР.

¹ Там же. С. 83.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 103–106.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Там же. С. 266, 386, 418.

⁶ Там же. С. 167.

⁷ Там же. С. 280–288.

Резкой критике подверг политику М.С. Горбачева Б.Н. Ельцин. Он сказал: «Союзное руководство сегодня не имеет четкого политического курса на обновление страны. Внешне его действия носят характер импровизации, нереагирования на возникающие обстоятельства, бесконечного лавирования. Но за ними жесткая политическая логика, направленная на срыв суверенитетов республик, саботаж радикальных реформ. В результате мы имеем сегодня союзный центр „народного недоверия“. Центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима...»¹. Выступление Ельцина показывает, что он осознавал рост требований к Горбачеву применить силу против тех, кто нарушал Конституцию СССР и пытался представить эти требования как стремление Горбачева к установлению авторитарного режима. Именно так Ельцин прочитал решение о создании Совета Безопасности СССР и решение о преобразовании Совета министров СССР в Кабинет Министров при Президенте СССР.

В качестве альтернативного варианта выхода из кризиса Ельцин призвал союзные власти признать суверенитет республик и не вмешиваться в их внутренние дела; подписать решения о разделе полномочий и собственности между республиками и Союзом, а затем начинать работу над Союзным договором или вести эту работу параллельно. Основой для нового Союзного договора российский лидер предлагал сделать серию двухсторонних договоров между республиками, часть из которых уже была подписана².

Схожую позицию высказала группа из 33 депутатов от Украины устами депутата Л.И. Сандуляка. Он сослался на Постановление ВС УССР, в котором сказано, что до принятия новой Конституции независимого украинского государства рассмотрение вопросов нового Союзного договора преждевременно, и заявил, что одобрение проекта Союзного договора и порядка его заключения есть исключительная прерогатива парламента Украины и парламентов других республик, поэтому принятие любых решений по Союзному договору на четвертом съезде будет неправомерным.

Л.И. Сандуляк подчеркнул, что подписанный 19 ноября 1990 г. договор между УССР и РСФСР, в котором стороны признают государственный суверенитет друг друга, является надежной основой для новых и справедливых межреспубликанских и межнациональных взаимоотношений в СССР. В финале депутат сказал: «Не обновленный центр федерации, а содружество независимых государств — такова наша позиция, которую мы будем отстаивать»³.

Лидеры республик были несколько напуганы настроением депутатов, которые требовали решительных действий, и резкими заявлениями, которые впервые сделал Горбачев, уступая этим требованиям. Он впервые озвучил готовность ввести президентское правление, заявив, что «там, где ситуация приобретает особую остроту, где создается серьезная угроза безопасности государства и жизни людей, придется вводить чрезвычайное положение или президентское правление»⁴.

Реакцией на эти заявления стало выступление министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе: «Меня, прямо скажу, потрясли события первого дня работы Съезда. Нажатием кнопки решалась судьба не только Президента, но и перестройки и демократизации. Разве это нормально? Товарищи

¹ Там же. С. 295–296.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 380–381.

⁴ Там же. С. 334.

демократы в самом широком смысле этого слова разбежались, реформаторы ушли в кусты. Наступает диктатура... Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку...»¹.

Объективно уход Шеварднадзе был связан с целым комплексом причин: он подвергался резкой критике за свою деятельность как министр иностранных дел, и, возможно, в новом составе правительства должность министра иностранных дел уже не предназначалась ему. Свою роль сыграла и оценка ситуации в Грузии, отказавшейся подписать Союзный договор. Такой уход в отставку открывал для Шеварднадзе возможность побороться в будущем за лидерство в своей республике.

Про угрозу диктатуры говорил депутат В.К. Черняк из Киева: «В стране происходит государственный переворот — тихий, „ползучий“, правый, реакционный государственный переворот... Реакционеры, централисты и империалисты объединились и пошли в наступление. Во главе переворота стоит М.С. Горбачев. Возможно, он сам не знает об этом. Требуя для себя все новых и новых полномочий, он создает правовые основы для диктатуры (возможно, не для себя лично). Диктатура грозит со стороны Президента, диктатура грозит со стороны номенклатуры...»².

Ряд депутатов, понимая, что вопрос о подписании нового Союзного договора откладывается, пытались найти некий промежуточный вариант. Так, А.А. Собчак призывал лидеров республик и Союза срочно, на съезде, подписать хотя бы основные принципы союзного договора, которые не вызывают возражений, и заключить экономическое соглашение на 1991 г.³.

Собчаку возразил депутат из Западной Украины Г.М. Петрук-Попик, который заявил, что «для Украины независимость — это не только свобода, но и вопрос выживания». Он требовал не форсировать подготовку договора⁴.

В условиях такого многоголосия решающее значение имела позиция руководства России. Под конец работы съезда об этом прямо сказал И.А. Каримов: «РСФСР является объединяющей силой для всех республик..., если РСФСР будет центром, объединяющим все союзные республики, — будет Союз. Не будет этого центра — не будет никакого Союза»⁵.

Большинство участников съезда в итоге проголосовали за продолжение работы над Союзным договором и обозначили четкие рамки обсуждения. В Постановлении съезда говорилось о необходимости сохранить название СССР — Союз Советских Социалистических Республик, и работать над проектом договора о создании федеративного государства с единым центром⁶.

Съезд передал полномочия по разработке нового Союзного договора в Подготовительный комитет, состоявший из глав республик и автономных образований, Президента СССР, Председателя ВС СССР и Председателя Совета Национальностей ВС СССР.

На съезде было принято решение о проведении в СССР референдума по вопросу сохранения единого государства.

Народными депутатами был принят Закон СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР в связи с совершенствованием системы

¹ Там же. С. 410.

² Там же. С. 582.

³ Там же. С. 511.

⁴ Там же. М., 1991. Т. 2. С. 11.

⁵ Там же. М., 1991. Т. 3. С. 244.

⁶ Там же. С. 311–312.

государственного управления» от 26 декабря 1990 г. Помимо образования Совета Безопасности СССР и Кабинета Министров, по этому закону в стране появился пост Вице-президента СССР. Им на съезде избрали Г.И. Янаева.

В сложных переговорных условиях, преодолевая сопротивление республик, к ноябрю 1990 г. удалось подготовить первый проект нового Союзного договора. Он отражал все основные принципы федеративного Союза. Но этим проектом оказались недовольны и «демократы», и «консерваторы». Первые считали, что республикам по договору достается мало полномочий, вторые, наоборот, полагали, что он нанесет удар по единству государства.

Политика Б.Н. Ельцина, направленная на ослабление союзных структур, не позволила М.С. Горбачеву в 1990 г. быстро обеспечить принятие нового Союзного договора. В конце года подписание подготовленного проекта было фактически заблокировано позицией руководства России, поскольку этот проект предполагал сохранение федеративного характера нового союза, а Б.Н. Ельцин выступал за конфедерацию.

К концу года опасность распада страны стала настолько очевидной, что силы, заинтересованные в сохранении СССР как единого государства, стали требовать от Горбачева принятия решительных мер по защите Конституции СССР и единства страны. На четвертом Съезде народных депутатов Горбачев продемонстрировал определенную готовность принять жесткие меры. В то же время главным средством борьбы со своими оппонентами он избрал общесоюзный референдум.

С закрытием Съезда народных депутатов политический год в СССР закончился. Решение всех важнейших вопросов переносилось на 1991 год.

ИДЕОЛОГИЯ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА В 1922 И 1991 гг.: ДЕФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

БАБУРИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
народный депутат РФ 1990–1993,
главный научный сотрудник, научный руководитель
Центра интеграционных и цивилизационных исследований
Института государства и права РАН,
профессор Московского университета имени С.Ю. Витте,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Почетный академик НАН Киргизской Республики,
Иностранный член Академии наук Абхазии;
Москва, Россия;
e-mail: 1357343@mail.ru

Аннотация: Рассматривается вопрос о мировоззренческой динамике идеи Союзного договора, реализованной в 1922 г. в Советской России и использованной разными политическими силами СССР в 1988–1991 гг. при борьбе вокруг сохранения Советского Союза как единого государства. С применением сравнительно-исторического, формально-логического, аксиологического и других методов рассматриваются процессы подготовки союзных договоров в две различные исторические эпохи. Аргументируется тезис, что, если идеология Союзного договора 1922 г. была созидательной, это была идеология собирания разрушенного целого. Советский Союз имел необходимый внутренний потенциал для своего сохранения и дальнейшего развития. В 1991 г. идея такого договора была превращена в политическое прикрытие для разрушения СССР, хотя были и политические силы, пытавшиеся вернуть ей интеграционный смысл.

Ключевые слова: Союзный договор, Союз ССР, Российское государство, цивилизационный союз, федерация, право наций на самоопределение, традиционные духовно-нравственные ценности, конституция.

Вопрос об идеологическом наполнении политических и правовых понятий крайне важен, поскольку любое понятие ценно смыслом, внутренним нравственным зарядом, духовным энергетическим потенциалом. Если идеи, вырастающие из духовной и культурной традиции, бессмертны, то об идеологии как системе мировоззренческой взаимосвязи идей этого не скажешь. Идеология — явление скоропреходящее, напоминает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, она не живет дольше трех-четырех поколений, идеи же, меняя свои взаимосвязи и порой смыслы, из века в век задают систему нравственных и духовных координат¹. В полной мере это относится к идеям политико-правовым.

Союзным договором в 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик. Под лозунгом подготовки нового Союзного договора в 1991 г. он был разрушен. История в очередной раз подтвердила, что благими намерениями устилают дорогу в ад.

¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах / Сост. В.М. Теребихин. М., 2019. С. 119.

Политико-правовая реальность может быть похожа на ранее существовавшую, но она никогда не повторяет и не копирует прошлого. В основе любой идеологии лежат конкретные политические смыслы, любая идеология есть явление по природе своей в значительной степени политическое, решающее определенные задачи в обществе, прежде всего задачу легитимации определенного порядка¹. На примере идеи Союзного договора 1922 г. и 1991 г. роль меняющихся политических смыслов проявилась особенно ярко.

Создание Союза ССР в 1922 г. стало финалом революционного преобразования России, а сам СССР стал в XX в. вершиной развития Русской цивилизации. В 1991 г. лозунгом работы над новым Союзным договором историческую Россию разрушили.

Русь — Россия всегда была страной-цивилизацией, цивилизационным союзом славянских, угро-финских, тюркских и иных народов, скрепленных православной системой духовных ценностей и русским языком. Отсюда сегодняшнее понимание характера многонационального народа России или русской нации, которая есть понятие цивилизационное, а не этническое. Российское государство никогда не было государством мононациональным, оно всегда было государством, построенным на федеративных (союзных) принципах, имевших до 1917 г. форму имперской самоорганизации. Только в форме Империи или Союзного государства Россия и может благополучно существовать.

Идеология Союзного договора 1922 г. была созидательной, это была идеология собирания разрушенного целого.

В результате свержения Царя и Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Россию попытались подстроить под Европу, игнорируя чаяния и интересы русского крестьянства, заигрывая с национальной элитой окраин. Единое Российское государство перестало существовать, о своем самоопределении заговорили Украина, Финляндия, области Прибалтики и Закавказья, даже Сибирь с ее воспрянувшим областничеством. Февралисты попытались перековать Россию под западные буржуазные стандарты, сделать из России «европейское государство и общество», но народ этого не понял и не принял. Обрушился фронт, а потом и страна. На территории некогда могучей и прочной мировой державы воцарились хаос и этнический эгоизм некогда дружных народов.

Большевики, представляя Россию «тюрьмой народов», попытались построить новое счастливое общество всеобщего равенства и братства на отказе от «буржуазных» государства и права, от религии и нравственности, от семьи и других «родимых пятен» капитализма. Уже в Декларации прав народов России от 2(15) ноября 1917 г. они провозгласили раскрепощение не только крестьян, рабочих, солдат, но и народов, за которыми признали право на самоопределение вплоть до отделения. Но подчеркнули при этом, что все это — ради установления полного взаимного доверия². В январе 1918 г. в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа они повторили лозунг свободного союза свободных наций. Закрепили этот лозунг в первой советской конституции — Конституции РСФСР 1918 г. Однако, даже пролетарский террор не помог успеху этой попытки насильственного,

¹ Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2017. С. 20.

² Декларация прав народов России, 2 (15) ноября // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.

по туманным схемам К. Маркса, построения нового общества. Большевики отступили, перешли к НЭПу, «временно» признали необходимость государства. Опыт Русской революции и Конституция РСФСР 1918 г. имели всемирно-историческое значение, хотя попытка быстро осуществить светлое завтра и не удалась¹. Военный коммунизм как глобальный социальный эксперимент провалился². Большевики перешли к работе вдолгую, начав с воспитания нового человека. Понадобились культурная революция и ликвидация безграмотности.

Но вот как восстанавливать разрушенное государственное единство народов — это был вопрос. Изначально В.И. Ленин и его последователи были за традиционное унитарное устройство государства, против федераций. В.И. Ленин подчеркивал, что «признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа»³, отстаивал «не федеративный принцип, не образование мелких государств, как идеал, а всевозможное сближение наций, вред всякого отделения наций, вред культурно-национальной автономии, пользу демократического централизма, пользу крупнейших государств и союзов государств»⁴. Практика жизни им показала, что восстановление единого Российского государства на основе унификации невозможно. Даже внутри партии большевиков были сильны национально-сепаратистские настроения. Вот и сегодня можно ли себе представить, чтобы Белоруссия, Казахстан или Молдова вступили в Российскую Федерацию на правах ее субъектов?

Ориентировавшиеся на создание Российской Советской Республики, большевики попытались провозгласить федеративное устройство Советской России, но это лишь частично погасило территориальный и национальный сепаратизм. Тогда родилась идея Союза ССР и договорной федерации по национальному признаку, революционный напор пролетарской Красной Армии сил дополнил эту идею. И через десятилетия справедливо отмечалось, что отстоять Советскую власть, независимость Родины, окруженной сильными в военном отношении капиталистическими державами, «трудно было бы без теснейшего союза, без полного объединения военных, политических и дипломатических усилий братских республик»⁵. И была сконструирована государственная форма нового по экономической и социальной организации общества⁶.

¹ См., напр.: Centenario della Costituzione sovietica del 1918. Influssi nei paesi del Mediterraneo. Redazione degli Atti del III Seminario «Russia e Mediterraneo» / Roma: «L'ERMA» di BRETSCHNEIDER, 2021.

² См., напр.: *Бабурин С.Н.* Революционная консолидация общества: отказ от государства, вопросы религии, гражданства и политических прав граждан в Конституции РСФСР 1918 года // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 1. С. 16–28; его же. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 63–83.

³ Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) // Ленин В.И. ПСС. М., 1973. Т. 27. С. 255.

⁴ Ленин В.И. Материалы к реферату «Империализм и право наций на самоопределение» // Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 438.

⁵ Брежнев Л.И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974. Т. 4. С. 44.

⁶ *Братищев И.М.* Большая Россия (Советский Союз), ее формационно-цивилизационное своеобразие, уроки возвышения и развала // Россия — Запад — Восток: новая формационно-цивилизационная конфигурация мира: Коллективная монография / Под науч. ред. И.М. Братищева. М., 2021. С. 200.

Договор о создании Союза ССР от 30 декабря 1922 г. закрепил Союз как добровольное объединение равноправных народов, предполагающий для союзных республик полный суверенитет вплоть до свободного выхода из Союза ССР. На Западе с недоумением отмечали, что очень разные в этническом отношении и по степени национального сознания народы обрели в рамках СССР свою государственность, получив прочные предпосылки для своего экономического и культурного развития¹. Избранному впервые ЦИК СССР было поручено подготовить проект Конституции Союза ССР, принципы которой содержались в только что утвержденном Договоре.

Открывая Конституцию СССР 1924 г. Декларация об образовании Союза ССР провозглашала, что само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью². Пять наркоматов стали союзными: иностранных дел, обороны, внешней торговли, путей сообщения и связи. Еще пять — союзно-республиканскими: ВСНХ, продовольствия, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции. В центральном подчинении осталось ГПУ. Остальные по Договору остались за союзными республиками.

На момент принятия Конституции СССР 1924 г. в Союзе было четыре участника: РСФСР, Закавказская СФСР, Белорусская и Украинская союзные республики. Однако с продолжением советизации пространства прежней Российской империи республик вначале стало шесть, а затем семь: в СССР вошли Узбекская, Туркменская и Таджикская ССР.

Конституция СССР 1936 г. принципиально изменила ситуацию.

Во-первых, она закрепила существование уже 11 союзных республик. Без какого-либо дополнительного договора или референдума большевистским партийным усмотрением из состава РСФСР были выделены Киргизия и огромный Казахстан, объявленные самостоятельными союзными республиками, а Закавказскую Федерацию стали представлять в составе СССР три самостоятельных союзных республики: Армянская ССР, Азербайджанская ССР и Грузинская ССР.

Во-вторых, из договорной федерации Союз ССР был в 1936 г. конституционно трансформирован в федерацию конституционную.

Это очень важный момент. Он был усилен Конституцией СССР 1977 г., к тому моменту союзных республик было уже 15. Конституционный характер союзной федерации означает, что в 1991 г. юридически невозможно было правовым путем денонсировать некий «союзный договор»: такого договора юридически уже давно не существовало. Чтобы ликвидировать Союз ССР, нужно было менять Конституцию СССР в порядке, ею предусмотренном.

В течение всего периода существования СССР в основном законе государства было закреплено право союзных республик на выход (ст. 2 Конституции СССР 1924 г., ст. 17 Конституции СССР 1936 г., ст. 72 Конституции СССР

¹ См., напр.: *Бойффа Дж.* История Советского Союза. / Пер. с итал. И.Б. Левина. 2-е изд. М., 1994. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. С. 188.

² Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II Съездом Советов СССР 31 января 1924 г. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1924.htm>

1977 г.). Да, Закон СССР о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава Союза ССР, был принят только 3 апреля 1990 г., но он был принят. Действия «беловежских» заговорщиков преступны потому, что они грубо нарушили Конституцию СССР и конституции своих союзных республик, проигнорировали действовавший в тот момент закон, регламентировавший выход республик из СССР.

Идеология, использовавшая лозунг необходимости нового Союзного договора, была отличной от 1922 г. Более того, вокруг идеи нового Договора в 1989–1991 гг. развернулось острое противоборство. Среди причин — то, что вместо рождения нового мышления, о котором любил говорить Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, советское общество погрузилось в состояние сумеречного самосознания. Шатались цивилизационно значимые нравственные опоры, забывались или извращались привычные народные идеалы, а власть крепила сверху иллюзии людей об общечеловеческих ценностях и «общеевропейском доме».

Произнесение слов не означает того, что они непременно наполнятся подлинным содержанием. Произнесение слов совершенно не означает того, что смысл этих слов будет реализован¹. Идею союзного договора первыми выдвинули в 1988 г. народные фронты Прибалтийских республик, увидевшие в ней правовое воплощение центробежных тенденций, переросших в «парад суверенитетов»². Уже в начале работы Первого Съезда народных депутатов СССР представитель Литвы А.-М.К. Бразаускас поставил вопрос о реализации прав суверенных народов как основы создания правового сообщества в виде нового договора о Союзе ССР, что обеспечит, по его словам, гармонизацию отношений между союзными органами и органами власти союзных республик³.

Договор 1922 г. об образовании СССР был успешным компромиссом между центробежными и центростремительными силами, он соединил прелести суверенных национальных республик с достоинствами унитарного государства. С аналогичными помыслами мы, народные депутаты РСФСР консервативно-традиционалистской ориентации, попытались перехватить идею договора у прибалтийских сепаратистских движений, чтобы вернуть ей интегративный характер. В 1990 г. мы включились в борьбу за подписание нового Союзного договора, закрепив этот приоритет в п. 15 Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.⁴ и принятом на ее основе Постановлении первого Съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного Договора)» от 22 июня 1990 года № 63-I⁵.

¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах. С. 364.

² См., напр.: Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 4-е изд., стер. М., 2019. С. 768–770.

³ Первый Съезд народных депутатов СССР, 25 мая — 9 июня 1989 г.: Стеногр. отчет: В 6 т. М., 1989. Т. 2. С. 73.

⁴ См.: Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. № 22-1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9038679>

⁵ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного Договора)» от 22 июня 1990 года № 63-I [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102483742&backlink=1&&nd=102010236>

Договор об образовании Союза ССР был способом собирания разрушенной революцией исторической России. Идея нового Союзного договора для нас стала способом сохранения союзного государства, его перестройки.

Когда Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин стал вести двусмысленную политику в отношении СССР, то на Втором съезде народных депутатов РСФСР мы добились включения в повестку дня вопроса о новом Союзном договоре. Разразился скандал. Оказывается нам, того не ведая, довелось обрушить неофициальный сговор между «Демократической Россией» и «Коммунистами России» о том, что первые не будут настаивать на принятии Съездом антикоммунистического декрета о власти, предполагавшего люстрацию коммунистов, а вторые, со своей стороны, не будут инициировать поддержку Союзного договора. Что ж, необходимость сохранения союзного государства и его перестройки провозгласили мы, обеспечив ее поддержку большинством депутатов российского Съезда.

Мы добились одобрения Съездом Постановления об участии РСФСР в подготовке и принятии нового Союзного договора¹. Выступая 8 декабря 1990 г. по вопросу о принципах заключения Союзного договора, я призвал относиться к прошлому бережно, извлекая из него уроки, изучить опыт прошлого и не разрывать процесс совершенствования нашего национально-государственного устройства и сотрудничества народов, которые уже давно привыкли жить вместе². Напомнил народным депутатам, что контуры союзного договора были намечены уже в ходе гражданской войны двусторонними соглашениями новорожденных национальных республик, 30 декабря 1922 г. были подписаны Договор и Декларация о создании Союза ССР, но на этом процесс не закончился. Каждая из республик приступила к работе над договором, и только летом 1923 г. была одобрена союзная Конституция, состоявшая из двух содержательно дополненных частей: Декларации и Договора. И только тогда, когда прошел процесс ратификации высшими органами государственной власти всех республик, 31 января 1924 г., Конституция СССР была официально одобрена и вступила в силу³.

Но изначально провокационный подход к Союзному договору делал его ключом, открывающим ящик Пандоры⁴. Для М.С. Горбачева и его команды лозунг Союзного договора служил дымовой завесой, за которой они продолжали демонтаж единой страны. В течение осени 1990 — весны 1991 гг. ускорилась дискредитация Вооруженных Сил СССР и структур КПСС как главной силы, способной противостоять расчленению страны. Усилия лидеров коммунистов Латвии, Литвы, РСФСР, Азербайджана и других республик, пытавшихся сохранить страну и на республиканском уровне компенсировать недееспособность союзного центра, также дискредитировались. Есть важная

¹ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР «Об итогах обмена мнениями о принципах заключения Союзного договора» от 11 декабря 1990 г. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102483742&page=1&rdk=0&intelsearch=%CA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8++&link_id=53#I0

² Второй (внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР, 27 нояб. — 15 дек. 1990 г.: Стеногр. отчет: В 6 т. М., 1992. Т. 4. С. 92.

³ Там же.

⁴ См. подробн.: Бабурин С. Опять с нуля // Советская Россия. 1991. 2 июля.

правота мечтавшего отодвинуть КПСС от власти члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева в его утверждении о том, что партия «была морально расстреляна своим аппаратом, своим руководством»¹, но совершенно иная правота, чем та, которую имел в виду «архитектор перестройки». К «беловежским преступникам» следует отнести не только Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича. Подрыв устоев единого союзного государства с 1985 г. шел, что особенно трагично, из союзного центра, от высшего руководства КПСС. И не только за кулисами.

М. Горбачев в докладе 30 мая 1989 г. на первом Съезде народных депутатов СССР, напомнив о принципе национального самоопределения, который «был и остается одним из главных элементов национальной политики Коммунистической партии», публично призвал к существенному расширению прав союзных и автономных республик, к передаче на места все более широкого круга управленческих функций. Как, скажите, было понимать его отстраненно-провоцирующее заявление, что «в федеративном государстве должно быть четко определено, что относится к компетенции Союза, а что является суверенным правом республики, автономии»?² Что, ст. 73 Конституции СССР, содержащей обстоятельный перечень вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, ст. 74, 76, 77, дополнявших эту норму, и соответствующих статей конституций союзных республик было мало?

Советский Союз враги Русской цивилизации разрушали извне и изнутри. Роль в гибели СССР Президента СССР М. Горбачева особо значима. Во имя чего, например, Горбачев отдавал указания применять Вооруженные Силы в Баку, Вильнюсе, Тбилиси, а потом отмежевывался от людей, выполнивших его приказ? Так, в ночь на 13 января 1991 г. по указанию Горбачева штурмом была взята телевизионная вышка в Вильнюсе. Горбачев через своего помощника каждые полчаса требовал доклад о ходе операции, а когда вышка была взята, диктор сел в студию для оглашения якобы подготовленного в Москве указа Президента СССР о введении чрезвычайного положения в Литве, связь с Горбачевым и его помощником неожиданно прервалась. Руководители Интерфронта в Литве М.М. Бурокаявичус, Ю.Ю. Ермолавичус и выполнявшие приказ Московского Кремля советские военные поняли, что их обманули и предали. Утром Горбачев традиционно официально отмежевывался от защитников СССР.

А устранение Горбачевым коммунистических лидеров восточноевропейских социалистических стран, вплоть до свержения и убийства Н. Чаушеку?³

Иллюзии того, что М. Горбачев и его команда пытались не только сохранить, но и укрепить СССР, пока живы даже у серьезных и объективных исследователей⁴. Остается без внимания, что никакой «беловежской пущи» не состоялось бы, если бы накануне, 4 декабря 1991 г., при согласовании с Горбачевым между союзными республиками не было подписано соглашения

¹ Яковлев А. Избранные интервью: 1992–2005 / Сост. А.А. Яковлев. М., 2009. С. 15.

² Горбачев М.С. Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР. Доклад на первом Съезде народных депутатов СССР 30 мая 1989 г. // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1990. Т. 7. С. 582.

³ См. подробн.: Бабурин С.Н. Страж нации. От защиты Советского Союза — до невооруженного восстания РГТЭУ. 2-е изд. М., 2019. С. 234–247.

⁴ См., напр.: Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1. С. 264; Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 607–609.

о распределении внешних долгов СССР, о чем торопливо уведомили Запад. Б. Ельцин, от лица РСФСР подписавший обязательства РСФСР взять на себя 65% долгов СССР, сделал это за спиной Верховного Совета РСФСР. 8 декабря Горбачев задержал в Москве летевшего в Белоруссию Н.А. Назарбаева, сорвавшего весной 1991 предыдущую попытку Ельцина подписать соглашение о ликвидации СССР, а накануне, 7 декабря, «на всякий случай» обезглавил армию, уволив верного единству страны генерала армии В.Н. Лобова с должности начальника Генерального штаба. Как оценить категорическое пресечение Горбачевым двух попыток арестовать «беловежских» заговорщиков в ночь с 8 на 9 декабря?

Были, однако, и системные ошибки, которые советское общество начало исправлять (для того и была необходима Перестройка), но не успело, и они изнутри ослабили СССР, сыграли на руку разрушителям.

Возрождение идеи Союзного договора произошло в момент, когда к концу 1987 г. многие советские политики, а еще раньше хозяйственники стали осознавать, что едва ли не основной причиной экономического, да и политического торможения в развитии страны является гиперцентрализация власти и собственности на уровне Союза. При подавлении государством личности и любой инициативы это обнаружилось явно. В повестку дня встал вопрос о перераспределении собственности и компетенции между Центром, республиками и местными Советами, об ином статусе личности¹.

Эти ошибки могли и должны были быть исправлены в момент системного кризиса советского общества новым Союзным договором.

Первое — роковой революционной чертой советского социализма было отрицание духовно-нравственных ценностей общества, уходящих корнями в религиозную традицию народа. Агрессивная борьба с Церковью и верой вообще, попытка вслед за Западом убрать Бога из центра системы нравственных координат общества. Со времен Великой Отечественной войны ситуацию стали исправлять, однако возглавивший КПСС недобитый троцкист Н.С. Хрущев попытался вновь сделать атеизм религией общества. Не удалось, но и найти гармонию в отношениях общества, государства и религии в СССР не успели. В революционной Кубе баланс социализма с теологией национального освобождения нашли, потому социалистическая Куба устояла даже тогда, когда ее предали вожди советской Перестройки.

Интуитивно мы, тогдашние народные депутаты, отстаивавшие русские традиционные ценности, понимали, что Россию в ее современном многоэтническом, многоконфессиональном составе сформировало Православие как религиозная христианская духовность, что именно оно задало России особый цивилизационный импульс неэкспансионистского толка, укрепило государственность, дало язык общения и нравственный кодекс поведения, принятый всеми². Эта цивилизационная скрепа, расшатанная за десятилетия официального секуляризма, нуждалась в восстановлении.

Вторая изначальная ошибка большевиков не менее серьезна. Был ошибочно решен вопрос о собственности. Справедливо объявив частную собственность главным принципом капитализма, уничтожающим свободу и равенство людей, революционеры провозгласили землю, недра, природные богатства общественным достоянием. Ошибка была сделана потом, когда вместо наделения

¹ Бабурин С. Опять с нуля // Советская Россия. 1991. 2 июля.

² Кириченко О.В. Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия. СПб., 2020. С. 741, 744.

именно народа этой собственностью ее передали государству¹. При управлении народной собственностью от лица государства сформировался целый класс номенклатурной бюрократии, который к 80-м гг. захотел эту собственность присвоить и передать по наследству. Именно она, гнилая часть партийно-хозяйственной номенклатуры, и была заказчиком убийства СССР. Простой человек, человек физического и умственного труда, честный труженик, был лишен доступа к общенародной собственности в течение всего XX века. Да и в личной собственности он имел самые нелепые ограничения.

Исправить эту вторую ошибку мы, народные депутаты, попытались только в 1990–1991 гг., когда приняли закон РСФСР о приватизации государственного имущества с использованием именных приватизационных счетов. Доходы от природных богатств и использования государственной собственности должны были поступать на личный счет каждого гражданина нашей страны. Каждый человек получал экономическую независимость. Но такая форма приватизации, сами именные счета мешали воровать. Президент Б. Ельцин своим указом отменил этот закон сразу после кровавого разгона Съезда и Верховного Совета в 1993 г. и сделал упор на воровскую ваучерную приватизацию.

Русские люди, независимо от их конкретного этнического происхождения, — существа духовные. Потому укажу еще одну причину Русской трагедии конца XX века: общество лишили цели и смысла его существования и развития. Отвергнув эксплуатацию человека человеком, наши деды строили коммунизм. Конституция СССР 1977 г. начинается указанием, что высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества. При Н. Хрущеве в Программе КПСС, возможно из лучших побуждений, записали, что коммунизм будет построен в 1980 г. Когда 1980 г. пришел, а коммунизм не наступил, новой цели обществу так и не предложили. С реваншем в 1991–1993 гг. февралистов, вновь потащивших Россию и ее народ на Запад, упоминания о социализме отовсюду торопливо убрали, о капитализме в Конституции стыдливо не написали. Так что же за общество мы строим? В каком живем? Куда идем? Какого будущего хотим для наших потомков?

Советский Союз мог и должен был перейти на новую, более высокую ступень развития. Следуя своей евразийской парадигме, он имел необходимый внутренний потенциал стать общеевразийским государством правды². Но к лету 1991 г. идея Союзного договора была катастрофически деформирована не столько ее прибалтийскими инициаторами, сколько союзным центром. Какое исправление системных ошибок социализма?! О содержательной стороне духовно-нравственных отношений, отношений собственности, как

¹ См.: *Нерсисянц В.С.* Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 409–435; *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсисянца // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 44–56; *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 334–339; *его же.* Цивилитаризм и нравственное государство — русский выбор XXI века // *Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения благоверного князя Александра Невского и его роли в формировании основ государства, ставшего нашим общим домом* / Под ред. С.Н. Бабурина, А.М. Осавелюка. М., 2021. С. 20–31.

² *Скуратов Ю.И.* Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М., 2021. С. 58–59.

и о цели социального развития, в официально подготовленном с участием Горбачева проекте Договора даже не заикались. Главное, что намеревались легализовать 20 августа 1991 г. подписанием «союзного договора», — это трансформация единого Союзного государства в некую конфедерацию независимых государств во главе с М.С. Горбачевым. Выступление ГКЧП 19 августа 1991 г. сорвало официально намеченное убийство Союзного государства и хотя своим провалом не спасло СССР¹, продлило существование Союза ССР на полгода.

В середине 90-х гг. XX в. идея союзного договора, аналогичная устремлениям российских романтиков 20-х гг., возродилась в российско-белорусском сближении. 8 декабря 1999 г. был подписан двусторонний Договор о создании Союзного государства. Очень прискорбно, что за последовавшие после этого 20 лет политические смыслы союзного объединения вновь были деформированы, Союзного государства нет до сих пор.

¹ См.: Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик / Бабурин С.Н., Багдасарян В.Э., Ивашов Л.Г., Катасонов В.Ю., Маслов Д.В., Реснянский С.И., Степанян А.О., Сулакшин С.С. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6–41.

«ПОДПИШЕМ ДОГОВОР, ЕСЛИ ПОЛУЧИМ СОЮЗНЫЙ СТАТУС». ФАКТОР АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК В ПОДГОТОВКЕ НОВОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА В 1990–1991 гг.

ЛУКАШИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
заместитель начальника отдела использования документов
Российского государственного архива
социально-политической истории
Москва, Россия;
email: alexlukashin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается фактор автономных республик в ходе подготовки и обсуждения нового Союзного договора в 1990–1991 гг. На основе опубликованных источников и архивных материалов автор анализирует позиции руководителей Татарстана, Башкортостана и др. автономных республик по вопросу политических и экономических отношений между союзным центром и национальными республиками в обновленном Союзе. Особое внимание уделено проблемам участия лидеров автономных республик в новоогаревских совещаниях Подготовительного комитета по разработке Союзного договора в мае–июле 1991 г.

Ключевые слова: Союзный договор, автономные республики, Новоогаревский процесс, республиканские элиты, Союз Суверенных Государств.

К концу 1980-х гг. в СССР насчитывалось 53 национально-государственных или национально-административных образования (15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 округов). РСФСР включала в себя 16 автономных республик, 10 автономных округов и 5 автономных областей¹. Подобное разделение республик по политико-правовому статусу (рангу) впоследствии явилось серьезной проблемой в регулировании отношений между союзными и республиканскими властями.

По воспоминаниям генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, уже в середине 1988 г. он понимал, что деятельность партийного руководства в решении национальных проблем не должна сводиться лишь к принятию тактических решений с целью погашения возникающих очагов напряженности, что необходима смена подходов и выработка принципиально новой стратегии национальной политики².

Первый шаг в этом направлении был предпринят на XIX конференции КПСС (28 июня — 1 июля 1988 г.), по итогам которой была принята резолюция «О межнациональных отношениях», обозначившая ключевые принципы и основные направления деятельности КПСС в данной сфере. В резолюции признавалось, что потребности социально-экономического и культурного развития как отдельных республик, так и национальных групп ранее учитывались в недостаточной степени. Решение назревших национальных проблем виделось

¹ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 10–19.

² Горбачев М.С. Размышления о прошлом и будущем. М., 1998. С. 97.

в расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции союзных и республиканских органов, децентрализации власти, передачи некоторых управленческих функций на места¹.

В 1990 г. Верховный Совет СССР принял пакет законов, направленных на пересмотр системы экономических и политических отношений между союзным центром и субъектами федерации.

Изменение характера экономических отношений между союзным центром и национальными республиками было закреплено в законе СССР от 10 апреля 1990 г. «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик». В соответствии с ним автономные республики имели право владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами; принимать законы и другие нормативные акты, регулирующие условия хозяйственной деятельности на территории республики; на равных правах с союзными республиками формировать общесоюзный рынок и участвовать в свободном товарообмене².

26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», в соответствии с которым автономные республики признавались советскими социалистическими государствами и субъектами федерации — Союза ССР. Отношения автономных республик, автономных образований с союзными республиками, в состав которых они входили, определялись особыми соглашениями и договорами, заключаемыми в рамках Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик и настоящего Закона³. Таким образом, союзная правосубъектность была распространена и на автономные республики, которые отныне имели право делегировать часть полномочий Союзу ССР напрямую, в обход союзной республики, в состав которой они входили.

Вслед за союзными республиками в процесс суверенизации включились автономии, которые в обозначенный период явились объектом борьбы за власть и влияние между Союзом и Россией. После принятия Декларации о суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г. эта борьба обострилась и, по определению А.С. Барсенкова, стала проходить под лозунгом «Кто больше даст?», подогревая тем самым аппетиты местных национальных элит⁴.

Во время своих выступлений в Татарстане и Башкортостане в августе 1990 г. председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин, по сути, открыто призвал автономные республики к движению за независимость. В ходе своего выступления в Уфе он заявил: «Мы говорим башкирскому народу, народам Башкирии, Верховному Совету, правительству Башкирии: возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить. И мы согласимся с этой долей, с этим решением»⁵. Данное заявление послужило толчком к суверенизации автономных республик.

¹ XIX Всесоюзная конференция КПСС. 28 июня — 1 июля 1988 г. Стеногр. отч. в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 156.

² Законы, постановления и другие акты, принятые на третьей сессии Верховного Совета СССР. 4 февр. — 14 июня 1990 г. М., 1990. С. 104–107.

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 329.

⁴ Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М., 2001. С. 181–182.

⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007. С. 165–166.

С августа по октябрь 1990 г. большинство автономных республик в составе РСФСР с целью «выравнивания своего государственно-правового статуса»¹ приняли соответствующие декларации о суверенитете: Карельская АССР (9 августа), Коми АССР (11 октября), Татарская АССР (31 августа), Удмуртская республика и Якутская-Саха АССР (27 сентября), Чукотский автономный округ, Адыгейская автономная область (7 сентября), Бурятская АССР (7 октября), Башкирская АССР (11 октября), Калмыцкая АССР (19 октября), Марийская АССР (22 октября), Чувашская АССР (24 октября), Ямало-Ненецкий (17 октября) и Горно-Алтайский (25 октября) автономные округа, Иркутский регион (26 октября).

Декларации о суверенитете, принятые бывшими автономиями, во многом повторяли содержание деклараций, принятых союзными республиками. В частности, в Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики провозглашалось верховенство законов Татарской ССР (определение «автономные» в официальных документах с этого времени не использовалось — *А.Л.*) над российскими актами на территории Татарстана. Было отмечено, что данная декларация является основой для участия республики в подготовке и заключении нового Союзного договора². Аналогичные положения содержались в декларациях о суверенитете Башкирии, Чувашии и других республик в составе РСФСР.

12 июня 1990 г. в один день с принятием Декларации о суверенитете РСФСР произошло еще одно важное событие: на заседании Совета Федерации под председательством М.С. Горбачева было принято решение о создании рабочей группы по подготовке проекта нового Союзного договора. В ходе заседания Совета Федерации была предложена формула, касавшаяся названия реформируемого государства — «Союз суверенных социалистических государств»³. Впоследствии данное название было закреплено в обращении Верховного Совета СССР⁴. Замена слова «советские» на «суверенные» свидетельствовала о признании союзным руководством факта активной суверенизации как союзных, так и автономных республик. При этом М.С. Горбачев уделил особое внимание автономиям, предложив включить представителей автономных республик в состав комиссии по разработке нового Союзного договора⁵.

С 3 по 28 августа 1990 г. в Грановитой Палате Московского Кремля было проведено несколько консультативных встреч рабочих групп Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик (кроме прибалтийских), на которых обсуждалась концепция новых союзнических отношений⁶. По во-

¹ Из выступления Р.Н. Нишанова на Четвертом Съезде народных депутатов СССР. 19.12.1990 // Четвертый Съезд народных депутатов СССР, 17–27 декабря 1990 г. Стенографический отчет: [в 4 т.]. М., 1991. Т. 1. С. 348.

² Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики // К Союзу Суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. М., 1991. С. 286.

³ Заключительное слово М.С. Горбачева на заседании Совета Федерации. 12.06.1990 // Горбачев М.С. Собрание сочинений. М., 2011. Т. 20. Май–июнь 1990 г. С. 387.

⁴ Обращение Верховного Совета СССР «К высшим органам государственной власти союзных и автономных республик». См.: Правда. 1990. 16 июня.

⁵ М.С. Горбачев. Собрание сочинений. Т. 20. С. 390.

⁶ Первая подобная встреча состоялась между рабочей группой Верховного Совета СССР во главе с председателем комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей ВС СССР Г.С. Таразевичем и рабочей группой Верховного Совета РСФСР во главе с первым заместителем председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатовым. См.: Правда. 1990. 4 августа.

просу статуса автономий существовали разные мнения, но большинство республик сходились на том, что автономные республики должны подписывать Союзный договор в качестве государств, входящих в состав своих союзных республик¹.

Итогом этой работы стал проект Договора о Союзе Суверенных Советских Республик, опубликованный в газете «Правда» 24 ноября 1990 г. Каждая республика, входившая в состав Союза, по Договору признавалась суверенным государством и обладала всей полнотой власти на своей территории². Членство в Союзе было добровольным: республики могли войти в Союз непосредственно либо в составе других республик. Отмечалось, что отношения между республиками, одна из которых входит в состав другой, регулируются договорами и соглашениями между ними (ст. 1). Этот проект не был реализован по причине несогласия руководства союзных республик, в первую очередь, РСФСР.

3 декабря 1990 г. Верховный Совет СССР принял Постановление «Об общей концепции нового Союзного договора и предлагаемом порядке его заключения», в котором поддержал общую концепцию Договора и передал проект, представленный Президентом, на рассмотрение Съезда народных депутатов³. В свою очередь, представители РСФСР выступили с критическими замечаниями в отношении подготовленной концепции Договора, отметив, что обновленное союзное государство может быть конфедерацией либо иного рода союзом, но никак не федерацией.

25 декабря 1990 г. IV Съезд народных депутатов СССР (17–27 декабря 1990 г.) принял Постановление «Об общей концепции Союзного договора и порядке его заключения», в соответствии с которым для дальнейшей работы над проектом Договора было решено создать Подготовительный комитет (ПК) в составе высших должностных лиц субъектов федерации (т.е. союзными и автономными республиками — А.Л.), Президента СССР, председателя Верховного Совета СССР и председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР⁴.

Положительные результаты всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. послужили импульсом для возобновления работы над проектом Союзного договора. В конце марта 1991 г. Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о политических итогах референдума СССР и задачах партийных организаций. В принятом постановлении было отмечено, что необходимо закончить работу над Союзным договором в самое ближайшее время по причине активизации оппозиционных сил, стремящихся «...дезаурировать итоги референдума и перенести судьбоносные вопросы в трясину бесплодных дискуссий»⁵. Главным условием успешной работы по созданию нового Союзного договора признавалось объединение усилий всех республик.

4 мая 1991 г. у М.С. Горбачева состоялось рабочее совещание по Союзному договору с участием его помощников и советников.

¹ Из выступления Р.Н. Нишанова на совместном заседании Совета Федерации и Президентского Совета СССР 30–31 августа 1991 г. // Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 21. С. 508.

² Союзный Договор. Проект. 24.11.1990 // К Союзу Суверенных народов. С. 112.

³ Законы, постановления и другие акты, принятые на Четвертой сессии Верховного Совета СССР. 10 сентября 1990 г. — 16 января 1991 г. М., 1991. С. 173.

⁴ Четвертый Съезд народных депутатов СССР. 17–27 декабря 1990 г. Стенографический отчет в 4 т. М., 1991. Т. 3. С. 312.

⁵ Союз можно было сохранить. С. 218.

По вопросу статуса бывших автономий внутри обновленного Союза было высказано три основных варианта действий:

1) автономии подписывают Союзный договор в составе делегации РСФСР;
2) большинство автономий соглашаются войти в Союз в составе России, а оставшиеся 2–3 республики подписывают Союзный договор самостоятельно и устанавливают договорные связи с РСФСР;

3) автономии получают двойное полноправное членство в Союзе и РСФСР¹.

8 мая 1991 г. состоялась встреча М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, на которой было принято решение о том, что автономии будут подписывать Союзный договор самостоятельной делегацией внутри делегации РСФСР². М.С. Горбачев в ходе отчетного заседания подчеркнул необходимость ни на шаг не отступать от принципов, заложенных в совместном Заявлении «9+1»³, заявив о том, что для того, кто выступит против Заявления, это будет означать «политическую смерть»⁴.

Тема российских автономий получила свое развитие в ходе встречи М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина с руководителями автономных республик 12 мая 1991 г. Все вопросы, которые руководители российских автономий задавали Горбачеву и Ельцину, сводились, по сути, к одной проблеме: являются бывшие автономные республики членами обновленного Союза или нет? И если являются, то почему это не нашло отражения в Заявлении «9+1»? Ни союзный, ни российский лидеры конкретных ответов на данные вопросы в итоге так и не дали, ограничившись общими фразами о признании суверенитета автономий и стремлении учитывать интересы всех республик, входящих в состав Союза.

В ходе заседания председатель Верховного Совета Татарской ССР М.Ш. Шаймиев открыто заявил о намерении Татарстана войти в Союз в качестве самостоятельного государства⁵. На призыв Горбачева соблюдать принципы Заявления «9+1» председатель Верховного Совета Коми ССР Ю.А. Спиридонов возразил, что в этом Заявлении фактически «...узурпируются права Совета Федерации. Проигнорированы решения съездов СССР и РСФСР, результаты работы над Союзным договором, это означает что руководство Союза и России начало вести дело без нас [автономий]»⁶.

Рассматриваемая встреча явно продемонстрировала увеличение уровня амбиций бывших автономий, не желавших отныне оставаться в роли сторонних наблюдателей в процессе разделения властных полномочий в обновленном Союзе. Сложившаяся ситуация заставляла руководителей СССР и России считаться с мнением лидеров автономных республик и активно привлекать их к работе над проектом нового Союзного договора. Данные тенденции проявились в ходе заседаний Подготовительного комитета.

24 мая 1991 г. под председательством М.С. Горбачева в Ново-Огарево состоялось первое заседание Подготовительного комитета, в котором приняли

¹ В Политбюро ЦК КПСС... По дневниковым записям А.С. Черняева, В.А. Медведева и Г.Х. Шахназарова. М., 2008. С. 689–690.

² Союз можно было сохранить. С. 233.

³ Заявление 9+1 «О безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса» подписано 23 апреля 1991 г. на совещании с участием руководителей президента СССР и руководителей 9 союзных республик — участников референдума. Представители автономий не принимали участия в этом совещании.

⁴ Союз можно было сохранить. С. 234

⁵ В Политбюро ЦК КПСС... С. 693.

⁶ Там же. С. 692.

участие руководители 8 союзных республик и 18 автономных. Основная дискуссия в ходе заседания развернулась вокруг вопроса о членстве в Союзе, сводящегося к проблеме статуса бывших автономных республик: могут ли они считаться полноправными членами Союза и подписывать Союзный договор самостоятельно, или же они имеют право подписывать Договор только как государства, входящие в состав государств-учредителей Союза — бывших союзных республик.

Лидеры крупнейших автономных республик в составе РСФСР, такие как М.Ш. Шаймиев (Татарстан) и М.Г. Рахимов (Башкортостан), требовали предоставить им возможность подписывать Союзный договор на равных правах с союзными республиками, подчеркивая тем самым изменение своего политико-правового статуса. Шаймиев говорил: «Подпишем договор, если получим союзный статус. Мы должны быть в Союзе. Раз отказали нам, два отказали, теперь при преобразовании Союза мы не можем допустить это еще раз. Россия должна по мере их созревания рожать республики. Почему мы должны решать оборонные вопросы через Россию?»¹. В подобном ключе высказались Д.Г. Завгаев (Чечено-Ингушская Республика), В.Н. Степанов (Карелия), А.Х. Галазов (Северная Осетия), В.М. Коков (Кабардино-Балкария).

Ельцин подчеркнул, что наряду с заключением Союзного договора планируется подписать Федеративный договор между РСФСР и республиками, входящими в ее состав. Данное замечание имело большое значение, так как на тот момент участие в разработке Союзного договора для России было напрямую связано с заключением Федеративного договора².

17 июня 1991 г. в Ново-Огарево состоялось заключительное заседание ПК, которое по замыслу союзного руководства должно было завершить подготовительный процесс и открыть путь к скорейшему заключению Союзного договора. На данном заседании образовались три центра силы: Союз (Горбачев), союзные республики (Ельцин, Кравчук) и бывшие автономные республики (Шаймиев, Рахимов), каждый из которых отстаивал свои собственные интересы. «Союзники» выступали за укрепление суверенитета своих республик, а бывшие «автономисты», напротив, добивались большего равноправия³.

В ходе этого заседания руководители бывших автономий, в особенности А.М. Леонтьев (Чувашия) и М.Г. Рахимов (Башкирия), оказывали серьезное психологическое давление на М.С. Горбачева, утверждая, что президент СССР вместе с руководителями союзных республик всячески ущемляет права бывших автономий.

Леонтьев говорил: «У меня создается впечатление, что у нас в течение года, то, что мы здесь работаем, с каждым разом права автономных республик все больше и больше зажимаются... мы с вами в течение всего года говорили о том, что бывшие автономные республики являются суверенными государствами, что они являются равными участниками подписания Союзного договора, учредителями. И вдруг... оказывается, мы хотим лишить бывшие автономные республики даже тех прав, которые они имели по старой Конституции. Так зачем

¹ Союз можно было сохранить. С. 243.

² См.: Конова Т.Ю. Российский Съезд народных депутатов и реформа советской политической системы: Дисс. ... к. ист. н. М., 2002. С. 194.

³ Докладная записка В.Н. Кудрявцева, Г.И. Ревенко, Г.Х. Шахназарова М.С. Горбачеву об откликах на последний вариант Союзного Договора. 14.06.1991 // Архив Горбачева-фонда (АГФ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 18049. Л. 1.

мы тогда здесь, 16 республик, сидим?»¹. Своего коллегу поддержал М.Г. Рахимов, сказавший следующее: «В общем, Михаил Сергеевич, все выхлощено, для нас ничего не осталось. Почему? Вы на поводу союзных республик идете. Вы нас вообще не признаете. Абсолютно. Все в их руках»².

В ответ на это М.С. Горбачев в довольно жесткой форме высказал свое видение проблемы и даже пригрозил распустить Подготовительный комитет в случае повторения подобных заявлений. Он говорил: «Если вы заготовили для ответа нашему народу и нашему обществу, которое в этом вот состоянии находится, то давайте так скажем, что мы не пришли (к согласию)... Тогда я должен сказать: вот этот комитет — его надо распускать, распускать, и будет тогда уже другая система работать»³.

11–12 июля 1991 г. в Верховном Совете СССР состоялось итоговое обсуждение проекта Союзного договора. Верховный Совет предписал указать в проекте Союзного договора, что участниками его заключения и, соответственно, субъектами федерации являются как суверенные государства-республики, так и республики, входящие в них на договорных или конституционных основах⁴. Подчеркивалось, что каждая из республик обладает правом подписания текста Союзного договора, что означало окончательное признание союзным парламентом повышения политико-правового статуса бывших автономных республик. С целью согласования окончательного текста Договора было решено организовать в Ново-Огарево встречу полномочной союзной делегации с делегациями полномочных представителей республик.

23 июля 1991 г. в Ново-Огарево под председательством Президента СССР М.С. Горбачева состоялось расширенное совещание союзного руководства (союзную полномочную делегацию М.С. Горбачев так и не собрал — *А.Л.*) с руководителями полномочных делегаций национальных республик, посвященное окончательной доработке проекта Договора о Союзе Суверенных Государств⁵. Наибольшие споры вызвал вопрос о способах регулирования отношений между бывшими автономными республиками и союзными республиками, в состав которых они входят.

В результате многочасовых споров была принята компромиссная формулировка: «Государства, образующие Союз, входят в него непосредственно либо в составе других государств... Все они обладают равными правами и несут равные обязанности. Отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого, регулируются договорами между ними, Конституцией государства, в которое оно входит, и Конституцией СССР. В РСФСР — федеративным или иным договором, Конституцией СССР»⁶.

Большинство руководителей автономий в ходе совещания отстаивали право войти в Союз напрямую, а не в составе «своей» союзной республики.

¹ Протоколы «новоогаревских мудрецов» (II). Выдержки из стенографического отчета заседания Подготовительного комитета. 17 июня 1991 г. // Национальные интересы. 2001. № 4. Особая папка [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.ni-journal.ru/archive/2001/n_4_

² Там же.

³ Там же.

⁴ Верховный Совет СССР. Пятая сессия (18 февраля — 12 июля 1991 г.). Т. 22. С. 217.

⁵ Совещание длилось более 12 часов и закончилось далеко за полночь 23 июля, то есть фактически уже 24 июля 1991 г. См.: Правда. 1991. 25 июля. С. 1.

⁶ Договор о Союзе Суверенных Государств // Союз можно было сохранить. С. 271. Первоначально проект Договора о ССГ был опубликован в газете «Правда». См.: Правда. 1991. 15 августа.

Особенно непримиримую позицию по этому вопросу занял глава Татарстана М.Ш. Шаймиев, зачитавший в ходе совещания 23 июля особое мнение Верховного Совета Татарстана: «Татарская ССР, как суверенная республика, принявшая официальное решение о непосредственном самостоятельном подписании Союзного договора, заявляет о своем праве на полную квоту депутатских мест в Совете Республик Верховного Совета Союза ССР»¹.

Участники заседания 23 июля условились провести дополнительное рассмотрение проекта в Верховном Совете СССР и Верховных Советах союзных и автономных республик, после чего подписать его осенью 1991 г. на Съезде народных депутатов СССР.

Однако события 19–21 августа 1991 г. не позволили этим планам реализоваться. После выступления Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и последующим демонтажем партийных и государственных органов СССР бывшие автономные республики вышли из переговорного процесса и больше не принимали участия в разработке нового Союзного договора.

31 марта 1992 г. республики Российской Федерации, за исключением Татарстана и Чечено-Ингушетии, подписали «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации». В тот же день были подписаны «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» и «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации»². Все три договора вместе именовались как «Федеративный договор», заложившие основы принципов федерализма в России.

* * *

Новоогаревские совещания мая–июля 1991 г. продемонстрировали наличие серьезных амбиций у руководителей не только союзных, но и бывших автономных республик, не желавших мириться с ролью государств «второго сорта» и требовавших полноправного членства в обновленном Союзе Суверенных Республик.

В результате проблема статуса бывших автономий так и не была решена в рамках реформирования национально государственного устройства СССР и подготовки нового Союзного договора. Уже после разрушения СССР 31 марта 1992 г. был подписан Федеративный договор, зафиксировавший разграничение полномочий между автономными республиками и органами власти РФ. Этот договор, действующий по настоящее время, является одним из ключевых государственных нормативных актов в области регулирования федеративных отношений.

¹ Из новоогаревских заседаний. Ново-Огарево. 23.07.1991 // АГФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21592. Л. 4.

² Федеративный договор (Москва, 31 марта 1992 г.) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/federative/170280/#100>

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«СЪЕЗДЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА И СУДЬБА СССР (ИЮЛЬ 1990 — АВГУСТ 1991)»

Модераторы — Андрей Борисович Николаев и Екатерина Александровна Тарасова

Е.А. ТАРАСОВА

Добрый день!

Сегодня мы начинаем наш круглый стол, посвященный съездам народных депутатов в начале 90-х годов и судьбе СССР.

Сегодня мы продолжим обсуждение такой сложной и очень актуальной на настоящий момент темы, связанной с разработкой нового союзного договора. У нас будет несколько вопросов, которые мы обсудим в рамках этой темы.

Но сначала мне хотелось бы предоставить слово Владимиру Борисовичу Исакову для презентации его книги. Пожалуйста.

В.Б. ИСАКОВ

Книга вышла буквально накануне нашей встречи. Это четвертая часть моих «Парламентских дневников» того периода. Вышли три выпуска, а четвертый задержался в свое время по финансовым причинам — просто денег не хватило. Я выделил из этого «Парламентского дневника» все, что относилось к президентским выборам 1996 года, и опубликовал отдельной книгой.

На мой взгляд, это событие у нас недооценивается и в истории, и в политике, потому что, с моей точки зрения, не первые президентские выборы, а именно выборы 1996 года, были той развилкой, где решался вопрос, куда Россия повернет — к демократии или останется в русле авторитарного государства. Это тем более актуально, что мы сейчас вновь стоим перед аналогичной развилкой.

Я собрал в этой книге впечатления участников выборов о том, как они проходили. Конечно, они не такие яркие, как в книге Михаила Зыгаря¹ «Все свободно», где приведены просто сенсационные факты о жульничестве, взяточничестве, интригах. Моя книга — это парламентский уровень президентской кампании 1996 года. Но и на этом уровне многое видно. Это колоссальное внешнее давление, абсолютно незаконное использование зарубежной помощи. Это бесцеремонное, наглое и отвратительное давление на своих соперников, на других участников выборов, организационное давление в смысле

¹ Михаил Зыгарь включен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

перекрытия финансовых каналов другим. Это оголтелая кампания в средствах массовой информации. Я написал в книге, что в Россию всадили такой заряд ненависти на этих выборах, который долго не забудется. В ней — конкретные документы, на каком уровне тогда велась агитация.

На этих выборах по логике вещей Ельцин должен был проиграть, и я думаю, что он и проиграл на самом деле. Но у нас важно, не кто победил или проиграл, а как голоса подсчитали. Поэтому он остался у власти, остался еще на четыре года, и все эти четыре года страна продолжала сползать к кризису.

А был ли у событий другой вариант развития? Я поместил в книгу статью философа Фурмана, который как раз проанализировал, что было бы, если бы Россия повернула на демократический путь развития и пошла по пути, по которому пошли страны народной демократии. Это уже не мой текст, но он сочетается с моими размышлениями и их дополняет.

Вот эта книга, а электронный текст, коллеги, если будет интересно, я тоже вышло, вы его получите.

Спасибо.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо большое. Очень интересно.

Мы сейчас начинаем разговаривать о новом союзном договоре, и первый вопрос, который мы хотели обсудить: была ли необходимость разработки и принятия нового союзного договора, или возникшие проблемы в нашем государстве можно и нужно было решать по-другому?

Я хотела бы сначала предложить тому, кто хочет.

С.Н. БАБУРИН

Поскольку я уже выступал с докладом, традиционно ограничусь несколькими тезисами.

Прежде всего, союзный договор и идею союзного договора нужно рассматривать как один из способов сохранения единой страны. Не лучший способ, потому что оптимальным было бы, конечно, выполнить действующую Конституцию СССР. И мы, как и вся страна, на это рассчитывали на это и не могли понять, почему это не делается, почему союзный центр не выполняет своих прямых обязанностей. Это привело к тому, что политический авторитет в стране стал переходить от Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета на уровень союзных республик.

И вот тогда не только в Российской Федерации, но и Интерфронт в Прибалтике, аналогичные движения в других союзных республиках, выступавшие за сохранение единой страны, не уступали в своих масштабах и авторитете национальным фронтам, которые сказывались за разрушение. Отличие было в том, что Интерфронт поддерживался декларативно из центра, а Рух, народные фронты и все остальное, поддерживались финансово, организационно, и часть спецслужб Советского Союза работала на укрепление этих сепаратистских организаций. Почему? Расследование никто никогда не проводил. И поэтому, когда мы убедились, что почему-то Горбачев не предпринимает усилий сохранить Советский Союз, и даже через год, когда об этом заговорили в связи с назначением референдума о сохранении Советского Союза, то это была не заслуга Горбачева, а отчаянная попытка группы народных депутатов СССР заставить союзную власть получить новую легитимность.

У нас на II Съезде народных депутатов вопрос о союзном договоре вначале попытались вынести за скобки. В тот момент мы — это Владимир Борисович Исаков, другие депутаты наших фракций «Россия» и других — не знали, что за кулисами состоялся торг между «Демократической Россией» и «Коммунистами России». «Демократическая Россия» потребовала: «Мы не будем настаивать на рассмотрении и принятии декрета о власти (о котором много шумели на I Съезде, где предполагалась люстрация для тех, кто в КПСС состоял, чтобы запретить их брать на работу на госслужбу), но в ответ вы не ставьте вопрос о новом союзном договоре, пусть сыпется как сыпется». Мы, традиционалисты, это не знали, мы оккупировали, как нормальные молодые и буйные политики, тогда все микрофоны, и когда по второму кругу от каждого микрофона прозвучало: «Включить в повестку дня вопрос о союзном договоре», — вопрос был включен. Съезд принял короткое постановление о том, что Российская Федерация должна использовать этот механизм для сохранения страны. Основанием у нас была, как я уже говорил, Декларация о государственном суверенитете РСФСР, где было записано, что она является основой заключения нового союзного договора и сохранения Союза ССР.

Вот что было у нас на старте. А что получилось? Давайте обсуждать дальше.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо большое. Пожалуйста, Владимир Борисович.

В.Б. ИСАКОВ

На вопрос о том, был ли необходим новый Союзный договор, на мой взгляд, несколько раз постфактум ответил сам Горбачев в своих интервью, где он сказал, что его «дезинформировали», ему «неправильно объяснили», ему «неправильно доложили». У него были советники, которые говорили: «Новый Союзный договор не нужен. Надо идти конституционным путем, путем внесения изменений и поправок в действующую Конституцию на основе нормального конституционного процесса, обсуждения в законодательных органах Союза ССР, в республиках. Все это предусмотрено в случае внесения поправок в Конституцию». Я не знаю, какие факторы сработали, историкам надо это выяснить, но Горбачеву захотелось все и сразу, то есть одним ударом решить кучу проблем, разрушить старые ветхие постройки и начать создавать новое государство. И он втянулся в переустройство Союзной федерации на основе подготовки нового Союзного договора. Эту идею тогда активно пропагандировали так называемые «демократические силы», которые хорошо понимали, к чему это приведет. Таким образом, конституционный процесс пошел по договорному пути в формате создания нового Союзного договора. Значительно позже Горбачев понял, что путь был ошибочный, и об этом пожалел.

Сегодня, подводя итог со значительной исторической дистанции, я думаю, что можно извлечь несколько уроков из того, как проходил и какие результаты принес этот конституционный процесс.

Урок первый заключается в том, что конституционный процесс в форме договора таит в себе огромное количество препятствий, сложностей, завалов, конфликтов, а результат его абсолютно непредсказуем. У нас в стране нет культуры договора, у нас, извините, коммерческие договоры, иногда это чистое жульничество, они не соблюдаются, а уж тем более договоры

политические, — это игра в карты, подчас с непредсказуемым результатом. Недопустимо делать серьезные политические программы, проекты заложниками договорного процесса при отсутствии культуры компромисса, соглашения, взаимопонимания, устойчивой политической элиты, которая друг друга знает, ценит и понимает, ценит умного человека, независимо от цвета партийного билета. В этих условиях начинать договорный процесс — колоссальный риск. Это первый вывод.

Второй вывод. Беловежское соглашение — это полное, чистой воды жульничество. Подписанты сделали вид, что эти договоры живы, и, выйдя из Союзного договора, мы как бы отменяем союзную федерацию. Да простите! К этому времени уже действует Конституция государства, выход и преобразование федерации урегулированы нормами конституционного права. Сегодня об этом практически все докладчики говорили. И с этой стороны так называемое «возвращение к Союзному договору» и изобретение вот этого жеста: «Мы выходим из Союзного договора...» — это запуск мыльного пузыря на самом деле. Кстати говоря, Вискули — это же правительственная дача, она наспигована всеми средствами прослушки. И было понятно, о чем там говорят и к чему готовятся. Горбачеву говорили (и я надеюсь, что эти стенограммы будут когда-то опубликованы, говорят, что они есть), что арестуйте, немедленно арестуйте этих людей. Он не решился это сделать. Ткну тогда пальцем — и этот пузырь лопнул бы моментально, и никакого бы Беловежского соглашения не получилось. Вместо этого Договор стал сначала политической, а потом юридической реальностью, чугунным ядром, развалившим Советский Союз.

Начало конституционного процесса того типа, который инициировал Горбачев, запускает процесс повышения субъектами своих конституционных статусов. То есть ломаются, растворяются, рушатся конституционные скрепы, которые до этого соединяли власть и придавали ей определенную жесткость. Что начинает происходить? Каждое звено, каждый уровень системы государственного управления начинает повышать свой статус. Союзные республики пытаются «накачаться» правами, автономные республики подняться до уровня союзных, края и области подняться желательнее тоже до уровня союзных или хотя бы до уровня автономных республик. Запускается процесс, который в принципе не заканчивается никогда, пока не будет избран президент подъезда вашего дома. И то еще не факт, что эскалация повышения статусов на этом заканчивается.

В итоге в условиях отсутствия диалога и здравого смысла этот процесс полностью деформирует всю систему управления. Потому что каждому хочется быть важнее, особенно на фоне экономического кризиса, когда страна еще и экономический кризис переживает. Каждый хочет занять руководящее место, руководящую роль, получить права и полномочия, и конца и края этому не видно. В итоге, начинается «парад суверенитетов», когда союзные республики, потом автономные начинают повышать свой статус и пытаться занять какое-то новое место в этой системе.

Наконец, этот тип конституционного процесса ведет к колоссальной деградации всей системы управления, всей системы власти. Особенно потому, что принятие конституционных решений отрывается вообще от социальной и народной основы, оно становится карточной игрой первых лиц. Первые лица начинают азартно играть в перетягивание друг у друга полномочий власти, на которое народ смотрит с недоумением, не понимая, что происходит. Эта

картежная игра продолжается до тех пор, пока либо потолок не рухнет, пока либо кто-то этот картежный стол не перевернет. На завершающих этапах соглашений, подготовки целой серии договоров мы видим, что этот процесс выродился в верхушечные взаимоотношения, когда стороны, как картежники, пытались друг друга обжулить. Народ к этому «политическому процессу» уже никакого отношения не имел. Отрыв конституционного процесса от его социальной и народной основы ведет к колоссальной деградации всего политического процесса и заканчивается либо пустыми бумажками, либо ничем-нибудь, либо принятием документов, которые в ближайшее время опровергают жизнь.

Спасибо.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо большое.

Да, пожалуйста.

Д.А. ЛУКАШЕВИЧ

Уважаемые коллеги! Спасибо за слово.

Я, прежде всего, хотел сказать о теме перестройки в целом не потому, что я пытаюсь увести в сторону, а потому что, мне кажется, мы часто вырываем какие-то вопросы из контекста, и моя позиция просто не будет ясна, если я расскажу о Союзном договоре как таковом. Я в конце дам свою оценку.

Дело в том, что когда исследуют тему перестройки, разрушения СССР, то, на мой взгляд, допускают несколько методологических неточностей. Во-первых, особенно исследователи этим грешат, они смотрят стенограммы, аргументы, которые тогда приводились, и эти же аргументы приводят и сейчас — о привилегиях элиты партийной и так далее, как будто бы не было после этого еще тридцати лет, как будто бы Бжезинский не говорил о том, что, ребята, это великая шахматная доска, и вы на ней проигрываете, как будто бы не было цветных революций в странах постсоветского пространства.

Вторая проблема заключается в том, что опять же много вырывается из контекста. Мы отдельно Союзный договор рассматриваем, съезды народных депутатов. А если вырвать из контекста, мало что будет понятно.

И третье, самое плачевное, на мой взгляд: выводы даже ученых полностью повторяют выводы журналистов. То есть журналистика нам дала определенные стереотипы в оценке этого периода, и мы в такой наукообразной форме выдаем по существу те же самые выводы. А ведь очень много в перестройке противоречивого.

Вот, допустим, мы говорим сегодня о Союзном договоре. Долго не могли его заключить. Но если мы возьмем Германию, почему-то никто не спросил немцев, восточных, западных, а может быть, референдум провести, а хотите ли вы объединения Германии, а может быть, договор новый, а может быть, принцип «равные, но разные», а может быть, конфедерация — нет, объединить здесь и сейчас. Михаил Сергеевич был непреклонен. Тэтчер была против, а он за. Жалко, что не было такого рвения, когда нужно было сохранить свое государство. Противоречие? Да. Мы на него не обращаем внимания.

Взаимоотношения Ельцина и Горбачева. А кто, собственно говоря, сделал Ельцина, если не Горбачев? Мы помним выступление Ельцина на октябрьском

пленуме и в 1988 году на девятнадцатой партконференции, когда в общем-то Ельцина никто не хотел слушать, а Горбачев говорит: «Борис Николаевич, говори, говори, давай». Давайте снимем с дела Ельцина гриф «Совершенно секретно». Мы помним I Съезд народных депутатов, когда Ельцин не прошел в Верховный Совет, его не избрали депутаты, Казанник уступает свое место в нарушение и регламента, и юридического здравого смысла. Если кто-то не прошел, место вакантно, то тогда нужно повторные выборы проводить. Горбачев это инициирует и проводит его в Верховный Совет. Во время ГКЧП кого защищал Ельцин? Советский Союз? Нет, законно избранного Президента, Горбачева, своего же оппонента. Но как-то они очень странно оппонируют. Кого защищал Ельцин на V Съезде народных депутатов? Горбачева. Он говорил, что мы можем предъявить много претензий Горбачеву, но подчеркивал: претензий, но не счет.

И, удивительно дело, периодически открывался занавес того, что происходило в Советском Союзе, и вскрывались реальные пружины, которые в Советском Союзе действовали. Мы говорим, что в Советском Союзе перестройка была периодом демократизации. Хорошо. Осуждали Сталина, репрессии. Арестовали Чаушеску и его жену, скоростно организовали суд во дворе, вывели, расстреляли, на камеры записали — на глазах у всего мира. Казалось, демократы должны сказать: «Что вы делаете?! XXI век на носу». Как отреагировала наша демократическая элита? Поддерживаем — официальное заявление МИДа, конец декабря 1989 года. Разве это не противоречие? Противоречие.

Но чаще всего мы от этого отмахиваемся. И вот то, что вложили журналисты, публицисты, мы этому следуем.

На мой взгляд, мы должны, прежде всего, признаться самим себе, дать четкий ответ на то, что такое перестройка в СССР. На мой взгляд, это первая и к тому же успешная цветная революция. Даже бархатные революции в Восточной Европе в конечном счете были направлены против Советского Союза. И те, кто наблюдал за революциями цветными в Киргизии, Грузии, на Украине несколько раз (и последняя попытка в Белоруссии), не могли не заметить очень много схожего с тем, что было в период перестройки в Советском Союзе. Когда в Белоруссии в общем-то провоцировали войска на ответную реакцию и потом говорили: «Видите, вот режим до чего довел страну, он против народа поднялся», — как не вспомнить Советский Союз и то, что ругали солдат за то, что саперными лопатками они людей били? То есть вот этот механизм, который был задействован в Советском Союзе: он не только не изменился за тридцать лет, они даже не попытались его усовершенствовать. Если он работает, почему бы его не использовать? Все замечательно! Но механизм абсолютно тот же самый.

Единственная разница в том, что в странах постсоветского пространства цветные революции были направлены против президента как лица, концентрирующего максимальную государственную власть, а через него уже против государства, а у нас на стороне цветной революции действовал сам президент. Вот это максимальная разница. И предпринимались шаги, направленные на деформацию Советского Союза. Горбачев это знал. Достаточно почитать стенографические записи съездов народных депутатов СССР и РСФСР, как он проводил необходимые решения. Не было ни одного решения, направленного на сохранение социализма, укрепление Советского Союза, советской власти. Ни одного! Когда ему говорили, что нельзя создавать Центральный банк РСФСР, нужно отменять решение Ельцина, он прекрасно знал, что

Центробанк — это эмиссия, налоги, и он соглашался. Арест ГКЧП. ГКЧП поддержал кого и что? Государство. То есть они оказались оппонентами. Оппонентами чего, если они поддерживают государство? Значит, вы другой политики придерживаетесь.

И союзный договор, на мой взгляд, это один из шагов по ликвидации Советского Союза. Я не говорю, что изначальный шаг. Вот Сергей Николаевич выступил, говорил: «мы хотели сохранить». Да, но то, что использован он потом был как средство ликвидации СССР, в этом нет никакого сомнения. Если мы читаем текст каждого последующего проекта союзного договора, то увидим, что все меньше и меньше стен от единого союзного государства там оставалось. (Я уже завершаю.) Это, по существу, был бы аналог аморфного СНГ, то есть если бы было подписано это 20 августа 1991 года.

И даже сейчас как нам представляют? У нас многие события представляются превратно. В этом году Михаила Сергеевича не стало, и начали говорить: «Вот его обманули. Говорили, что распустят НАТО, что НАТО не будет расширяться на восток». Так здесь же и кроется ответ на главный вопрос. Если договорились, что НАТО не будет расширяться, значит, уже было понимание, что НАТО сохранится, а ОВД нет. Разве это не предательство?

То же самое и здесь. Нам часто говорят: «Союза не стало, потому что не заключили новый союзный договор». Но основной закон государства — это Конституция. Договор создает юридический эффект, юридическое лицо, и оно потом действует на основании устава; государство создает, потом оно действует на основании Конституции. Покупаем мы недвижимость, договор заключается, он исполняется, он прекращает свое действие, а юридический эффект-то права собственности сохраняется. Мы ведь не говорим, что права собственности нет, договор прекращен, это же глупость. И нам говорят, что Союза нет, потому что не смогли заключить новый Союзный договор. Но с точки зрения юриспруденции это означает новацию, то есть если не удалось заключить новый, а прежний не содержит срока его действия, это не значит, что никакого нет, это значит, что действует прежний. И когда они денонсировали в декабре 1991 года прежний договор, они тем самым это признали.

Они уже не знали, с какой стороны подойти к Советскому Союзу. Уже референдум о сохранении Союза провели, думали: республики проголосуют против. За! Прибалтика отказалась проводить. Почему? Если вы знаете, что Прибалтика выйдет из состав Советского Союза, первыми должны сказать: «Проведем». Отказались на своей территории. Знали, что люди выскажутся за. Приняли Закон о выходе, думали, что все начнут выходить. Не выходят. Когда референдум проводился, подсчет был по республикам. Мало кто обращает на это внимание. То есть если Украина проголосовала против, а Россия за, решение России в общую копилку не идет. И тогда официально говорили и Лукьянов, и другие, что это означает, что в тех республиках, которые проголосуют против Союза, будет задействован механизм выхода. То есть в апреле 1990 года был принят Закон о выходе, спросили: «Точно вы хотите быть в составе Союза?» Хотят. В марте 1991 года каждую республику опять персонально спросили. Хотят. Договор союзный? Все равно хотят подписывать.

И когда стало уже понятно, что ничего не действует, нужно было избавляться от съездов, просто пошли на беззаконие. И те, кто защищал Советский

Союз, — это путчисты, а те, кто его ликвидировал, оказались героями, это святая воля народа. Вот и получается, что когда на референдуме люди голосуют за сохранение Советского Союза, это не святая воля народа, а когда на республиканских референдумах, в частности на Украине, против Советского Союза, это святая воля народа. Я думаю, все очевидно.

У меня все.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо.

То есть вы считаете, что Союзный договор и разрабатывался как один из шагов по ликвидации Союза? Так я поняла?

Д.А. ЛУКАШЕВИЧ

Изначально замысла такого не было, но с учетом того, что мы берем политику, а прозвучала информация о новом Союзном договоре еще в актах Эстонии 1988 года, что за четыре года ничего не было принято, да, это так.

Приведу пример. Михаилу Сергеевичу нужно было ввести Съезд народных депутатов СССР. Члены Политбюро не понимали, для чего. За один месяц это обсудили и приняли решение. Ему нужно было ввести пост Президента СССР. Для этого созвали внеочередной III Съезд народных депутатов, чтобы пост один ввести. Это сделали очень быстро. А когда вставал вопрос о Союзном договоре, Михаил Сергеевич очень оказывался мягким, очень подвергался влиянию. Это было, когда касалось вопроса укрепления государства. А когда это касалось вопроса прямо противоположного: осуждения письма Нины Андреевой, объединения Германии, роспуска ОВД, перехода к рыночной экономике — Михаил Сергеевич не поддавался ничьему влиянию, он блестяще избавлялся от всех своих конкурентов: от Щербицкого, Романова, Громыко и от всех других. А вот во всем, что касалось укрепления государства, Михаил Сергеевич почему-то был вялым.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Вопрос. А кто все-таки первый инициатор возникновения этого первого проекта? Получается, что Эстония?!

С.Н. БАБУРИН

Нет-нет, Эстония — первый инициатор Декларации о выходе, она ни про какой Союзный договор не говорила. Союзный договор был порожден околоторговцевским окружением.

Е.А. ТАРАСОВА

Да, пожалуйста, Владимир Валерьянович.

В.В. КАЛАШНИКОВ

Спасибо. Коллеги, все вопросы...

С.Н. БАБУРИН

Я прошу прощения, Владимир Валерьянович. Вот обратите внимание на выступающего, потому что это один из последних секретарей ЦК КПСС. К сожалению, слишком поздно вы заняли этот пост и ничего не успели сделать. Но Горбачев, когда надо было уйти от темы, всегда ссылался на Калашникова, Мельникова, потому что они правильно говорили. Но вот, может быть, сейчас он нам скажет, откуда все это пошло.

В.В. КАЛАШНИКОВ

Вы знаете, после такой ремарки мне, конечно, трудно выступать в качестве защитника Горбачева. Но все-таки, в истории принято: истина дороже. А истина такая.

Во-первых, идея Союзного договора была подброшена от прибалтов, через Межрегиональную депутатскую группу. Никаких сомнений. Кто подбросил прибалтам, вопрос открытый. Говорили, что это сделали спецслужбы США. Вот такая версия есть, но она не доказана.

А.Б. НИКОЛАЕВ

А кто-нибудь пытался изучить происхождение и тайные пружины всего этого механизма?

В.В. КАЛАШНИКОВ

Год назад состоялась очередная международная петербургская конференция по ключевым проблемам историографии истории России. Она была немножко необычная, потому что мы приглашаем к участию только докторов наук, специалистов-историков, но мои молодые коллеги уговорили меня взять еще десятка полтора политиков, участников событий 1991 г., начиная от президента Киргизии А.А. Акаева, кончая главой парламента Белоруссии С.С. Шушкевичем, и вся палитра взглядов на процесс демонтажа СССР на конференции была представлена. Конечно, никто из серьезных историков не верит в версию о том, что Горбачев хотел развалить Союз, и что все, что у нас произошло, укладывается в концепцию «оранжевой» революции, или «зеленой», или цветной. Серьезные ученые в это не верят. И это правильно.

Не могу не возразить Сергею Николаевичу. Спецслужбы СССР никогда не поддерживали народные фронты, никогда их не создавали. Это тоже один из мифов. Работали они с ними? Работали, конечно. Спецслужба всегда работает с любой оппозицией, то есть они проникали в ее структуры, старались найти агентов влияния, но это всегда такая особая, двойная, игра. Вспомните Леха Валенсу в Польше. Он был агент спецслужбы. Казалось бы, должен был работать на польскую коммунистическую партию, на ПОРП. А во что превратилась эта работа?

Когда развалился СССР, в спецслужбах США была создана специальная комиссия. Материалы этой комиссии до сих пор не опубликованы. Рассматривали вопрос: почему мы не ожидали, что СССР развалится? Вот вам ответ на вопрос: была ли в СССР «оранжевая» революция? Оранжевая революция — это та революция, где внешний фактор играет решающую роль, ее делают извне, используя внутренние силы. У нас было все наоборот: внешний фактор в развале СССР играл минимальную роль. Он играл ее в долговременной перспективе... Наша интеллигенция, особенно столичная, постоянно слушала Би-Би-Си и «Голос Америки». Фактор пропаганды извне способствовал развалу СССР. Но не он определял ситуацию в стране...

Хотел ли Горбачев развалить Союз? Нет, не хотел.

(С.Н. БАБУРИН: С чего вы это взяли?)

А вы с чего взяли?

(С.Н. БАБУРИН: А я сейчас объясню.)

Не надо, потом объясните. Я говорю о том, что я видел, знал и могу отвечать за свои слова.

Был поставлен еще один важный вопрос: создал ли Горбачев Ельцина? Специально, как человека, который будет торпедировать процесс разрядки и приведет к развалу СССР. Ответ: Горбачев его не создавал. Однако своими действиями Горбачев создал обиженного политика, очень амбициозного, который переживал за то, что его вывели из состава Политбюро. После этого случился неприятный инцидент. Ельцин попытался якобы покончить жизнь самоубийством: 7 ноября 1987 г. после демонстрации он пришел на Старую площадь в свой кабинет, взял ножницы и ударил как бы в область сердца, но на деле просто порезал кожу. Его отвезли в больницу, перевязали и отпустили домой на следующий день. Члены Политбюро узнали о случившемся и вынесли вердикт: «не мужик, баба». Он это знал и никогда этого не простил, считая, что во всем виноват был один человек — Горбачев. Вот так он «создал» Ельцина. Была здесь реплика, что Горбачев якобы сделал Ельцина героем на Всесоюзной конференции КПСС в 1988 г. Не согласен. Горбачев грамотно вел себя на той партийной конференции. Там Ельцина не травили, ему дали выступить, и в ходе выступления ему хлопали рядовые коммунисты. А когда они ему хлопали? Когда он предлагал уничтожить все партийные привилегии. Весь зал хлопал. Возьмите стенограмму, посмотрите.

(Е.А. ТАРАСОВА: Владимир Валерьянович, давайте мы вернемся к Союзному договору.)

Да, к Союзному договору и даже шире — к съездам народных депутатов. Мы вообще ушли от этой темы. Самая большая проблема состояла в том, что народные депутаты России сразу потеряли контроль над лидером, которого они только что избрали главой парламента. И народные депутаты СССР тоже не контролировали своего лидера.

Только один пример приведу. В июне 1990 г. большинство народных депутатов России приняли Декларацию о суверенитете, не думая, что она приведет к развалу СССР как союзного государства. А в августе Ельцин едет в Ригу и там делает заявление: мы, возможно, будем участвовать в новом Союзном договоре, а может быть, и не будем, может быть, мы одну или две функции отдадим новому Союзу, а может, и не отдадим. Разве Ельцин получил на такую позицию согласие депутатского корпуса? Нет. И дальше все, что он делал, а сначала делал сам, потом через свою команду, которая была в меньшинстве, но очень грамотно управляла съездом, он проводил все свои решения, в том числе и договор с Украиной от 19 ноября 1990 г., который признавал территорию Украины, включая Крым.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Спасибо. Пожалуйста, Дмитрий Александрович!

Д.А. ЛУКАШЕВИЧ

Я прошу прощения, мне часто не верят, говорят, что этого не может быть. Основываюсь на документах. Декларация Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете Эстонской Республики от 16 ноября 1988 года. Цитата:

«Суверенитет Эстонской ССР един и неделим. В соответствии с этим дальнейший статус республики в составе СССР должен быть определен союзным договором». Вот то, о чем я говорил: с Прибалтики началось. Но потом сказать, кто именно, невозможно. Про съезды буквально еще пару реплик скажу.

Как проходили съезды? Выступает человек от Прибалтики: «Давайте обсудим Союзный договор». Выступают женщины: «Давайте обсудим положение с правами женщин в Советском Союзе». Выступает депутат: «Давайте введем частную собственность на землю». Михаил Сергеевич сидит, как изначально Председатель Верховного Совета, и говорит: «Товарищи, вот пятнадцать предложений внесено в повестку дня. Но вот депутат такой-то, депутат такой-то предложили обсудить вопрос введения частной собственности на землю и заключения нового Союзного договора. Давайте обменяемся репликами, мнениями». И таким образом удивительно начинался раскручиваться тот вопрос, который почему-то вредил Советскому Союзу.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Все, спасибо. Мы чуть-чуть попозже, может быть, еще к этому вернемся. Оболенский Александр Митрофанович, пожалуйста.

А.М. ОБОЛЕНСКИЙ

Хочу начать с того, что в буклете я представлен как народный депутат СССР, но там забыли кое-что добавить. В данном случае я выступаю в статусе председателя Комиссии Верховного Совета СССР по расследованию причин и обстоятельств попытки государственного переворота в СССР — дословно. Такой специальный закон был принят 31 августа 1991 года, Закон СССР.

Поскольку тема круглого стола, и меня попросили доклад приготовить именно о событиях июля–августа 1991 года, сосредоточиться на этом моменте, в данном случае это будет эпизод так называемого ГКЧП. Хотя в целом, чем дальше время идет от тех событий, тем более я в таком своем статусе прихожу к выводу, что в годы так называемой перестройки было организовано целенаправленное убийство нашей общей Родины.

Заранее прошу прощения, поскольку время ограничено, я это все это написал.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Александр Митрофанович, мы пока рассматриваем первый вопрос. Второй вопрос — про августовские события — будет следующим. Коллеги, наверное, еще не все высказались.

Пожалуйста, по первому вопросу, коллеги, есть?

Пожалуйста, Ренат Амируллович.

Р.А. ЯЛЫШЕВ

Спасибо большое за предоставленную возможность. Я постараюсь непосредственно на сформулированные вопросы ответить.

Во-первых, о необходимости договора, была ли таковая или нет. Конечно, если говорить про власти Советского Союза, про Горбачева в частности, они

хорошо осознавали, что этот сценарий наиболее опасный. Его они избегали до того момента, пока у них получалось, пока была такая возможность.

Природа договора — тут дискуссии большой не должно быть. Документы опубликованы. И то, что речь идет о том, что впервые вбросили официально представители Верховного Совета Эстонии, легко проверяется. Дальше, если глубже смотреть, становится сложнее. Откуда у эстонцев этот вопрос? Единственное, что мне более или менее попало на эту тему, это кандидатская диссертация в Москве, честно говоря, вылетела сейчас фамилия из головы, то ли Кремнев, то ли Сошнев, это можно найти, которая более или менее пытается роль спецслужб западных в теме появления этого предложения проанализировать. Но ответа там все равно ясного нет.

Теперь по поводу союзных властей. Конечно, пока предложения и даже настойчивые требования шли, скажем так, из Прибалтики только или из небольших республик, Горбачев, союзные власти вполне благополучно отбивались, хотя дискуссия разрасталась, проблематика, сопутствующие проблемы еще больше торпедировались. У него все это получалось до конца 1989 года, до первых дней 1990 года, когда непосредственно пошла уже серьезная кампания по выборам российских депутатов, и Борис Николаевич в нее ярко и мощно включился и взял на вооружение тот же тезис, что и прибалтийские представители, то есть идею нового Союзного договора. Вот здесь у союзных властей возникло понимание, что избежать не получится. И, как мне представляется, с января по март 1990 года союзные власти пересмотрели решение, они пошли как раз здесь на размен — пост Президента СССР и согласие дать республикам возможность участвовать, не то что участвовать, а согласился на разработку нового Союзного договора Горбачев. Вот здесь точка невозврата основная.

Все остальные сюжеты, на мой взгляд, носят более или менее второстепенный характер. Сама по себе тема Союзного договора понималась союзными властями как опасная, и Горбачев, пытаясь в формате многовариантных связей удержать Прибалтику, согласился на нее, а потом добавился российский фактор, который, в начале 1990 года они еще не рассматривали как критический, Ельцин еще ничего не выиграл; было представление, что Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, условно говоря, это железно, никаких других вариантов вообще не анализировалось, на мой взгляд, и Горбачев хоть и рисковал, но считал, что риск в общем-то обоснован, и ради удержания Прибалтики в итоге ситуацию не смог проконтролировать.

Спасибо.

В.Б. ИСАКОВ

Коллеги, тут процитированы некоторые документы. Мне тоже хотелось бы зачитать вам один абзац из Политического заявления Верховному Совету РСФСР, народным депутатам РСФСР, сделанного шестью руководителями Верховного Совета 21 февраля 1991 года. Его подписали все, кроме Хасбулатова. Вот только один абзац: «Далеко не однозначную оценку получили заявление Председателя Верховного Совета РСФСР — Ельцина (он тогда еще не был Президентом), сделанное им в Прибалтике, и подписанные там договоры. Значительная часть депутатского корпуса расценила его позицию как одностороннюю, несбалансированную, выражающую личную точку зрения Бориса Николаевича Ельцина. Особую тревогу вызвало его заявление о намерении создать свою российскую армию, воспринятое многими

как угроза. Со всей ответственностью заявляем, что эти политические акции были предприняты без согласования с Верховным Советом РСФСР и его Президиумом. Столь же произвольны и непредсказуемы заявления и действия Председателя Верховного Совета РСФСР по отношению его к Союзному договору. Игнорируя отчетливо выраженную волю III Съезда народных депутатов РСФСР, который принял заявление о работе над Союзным договором, — в принципе съезд поддержал эту идею и на тот момент согласился с ней, — Борис Николаевич Ельцин не желает замечать, что подобной политикой он разваливает не только Союз, но и Российскую Федерацию». Это заявление датировано 21 февраля 1991 года.

(Реплика: Владимир Борисович, историки знают и очень ценят вашу позицию и всех тех, кто подписал, очень ценят.)

Спасибо.

(Реплика: Это не Съезд принял?)

Нет-нет, это подписали шесть руководителей Верховного Совета РСФСР — все, кроме Хасбулатова.

(Реплика: Но III Съезд вы проиграли. По вине Горбачева.)

И по вине коммунистов, которые в тот момент заняли абсолютно невнятную позицию.

Е.А. ТАРАСОВА

Простите, пожалуйста, у нас вот еще по первому пункту остался один важный вопрос. На второй вопрос уже более или менее ответили — про отношение депутатов к этому... Да, мы видим. Здесь буквально по ремарке. Дадим оценку договору, который был подготовлен к подписанию 20 августа 1991 года.

Да, пожалуйста, Ренат Амируллович.

Р.А. ЯЛЫШЕВ

Два слова тогда в продолжение, я шел конкретно по вопросам. По поводу оценки депутатами еще маленькую ремарку.

Честно говоря, создается ощущение, что значительная часть депутатов вообще в казуистике, и в правовой, и в политической, не до конца разбирались, поэтому рассматривали многие сюжеты как некую плавающую реальность и часто даже вообще не осознавали, за что они голосуют, за или против чего голосуют. Вот есть ощущение, что с Союзным договором была такая ситуация.

Я бы поспорил с утверждением о том, что Горбачев направлял эти тематики на съезде. Если мы внимательно посмотрим стенограмму I Съезда народных депутатов СССР, то увидим, что даже радикалы типа Ландсбергиса прямым текстом с трибуны о новом Союзном договоре побаивались говорить, они говорили расплывчато о договорных принципах, о каких-то еще вот таких, скажем, обобщенных не прямых формулировках. А потом, конечно, динамика пошла вразнос, и о новом Союзном договоре все кому не лень заявляли.

Что касается оценки, именно к августу 1991 года проект договора, который был подготовлен, но был совершенно внутри себя противоречивый, там было все. Читаешь, хочешь сохранить, какие-то пункты находишь; читаешь, хочешь развалить, и основа — очень-очень большая почва для этого. Все как бы с 1991 года зависело, кто возьмет для реализации в руки этот

договор. По факту получалось, что даже без договора всю ситуацию в руки взяли республиканские руководители благодаря Борису Николаевичу Ельцину, в первую очередь, потому что в августе 1991 года даже радикально настроенные против СССР типа Гамсахурдия, украинского лидера Кравчука в общем-то отсылали в Москву телеграммы, что они с пониманием относятся к ГКЧП. Но выиграл Ельцин, и, соответственно, судьба договора была predetermined.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо.

В.В. КАЛАШНИКОВ

Хочу поддержать такую оценку договора. Действительно, из него можно было сделать все. Это не была чисто бракоразводная контора, как часто пишут. Все зависело от соотношения политических сил. Можно было и его превратить в документ, который потом позволял все проблемы решить. Поэтому было такое негативное отношение у многих сторонников сохранения СССР к акции ГКЧП. Они считали, что без Горбачева нельзя было этого делать. Члены ГКЧП решили по-другому, но провели свою акцию исключительно бездарно.

Хочу сделать еще одну маленькую ремарку. Я увидел последний вариант Союзного договора за три дня до его опубликования. До этого текст почти никто не видел. После ночной встречи Горбачева, Назарбаева и Ельцина в прежний проект договора были внесены изменения, которые и подтолкнули членов ГКЧП.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Спасибо. Сейчас я хочу с Ренатом Амирулловичем закончить разговор. Очень правильно вы сказали, что народные депутаты, и они здесь присутствуют отчасти, не всегда были готовы серьезно что-либо обсуждать, и это понятно — молодежь. Есть эмоции, желание сделать что-то лучше. Многие народные депутаты РСФСР были тогда молодыми людьми, сейчас они значительно опытнее и умнее. Тогда они были другими. И они, возможно, в какой-то своей части были не готовы к решению важных государственных вопросов.

Кстати, откуда взялся документ, о котором говорил только что Владимир Валерьянович, который никто не видел, и вдруг за три дня он появляется? Его кто-то ведь составил, и следы-то остались.

С.Н. БАБУРИН

Я прошу прощения, вы так высказались в адрес депутатов. Хочу отметить, что были те, которых, может быть, можно назвать болотом, но не надо всех уравнивать, были сторонники разрушения и противники. В чем Дмитрий Александрович Лукашевич не прав? Перестройка не была оранжевой революцией. Она начиналась как необходимая реформа страны. Произошла подмена ее смысла уже в ходе движения. Когда мы говорим о народных депутатах, — к серьезным историкам вернусь потом, почему серьезные историки не хотят оценивать факты серьезно, — хочу сказать сейчас, что съезд оказался заложником ситуации. Документ 20 августа — никаких иллюзий, я пришел

в депутаты, да, я не был многомудрым ветераном, но я был уже деканом юридического факультета. Для меня очевиден был пагубный смысл подготовленного проекта Союзного договора, поэтому мы добились созыва Конституционной комиссии (Комиссии по Союзному договору), чтобы запретить Б. Ельцину его подписание. Так что никаких иллюзий насчет этого договора не было. И не надо считать, что не понимали депутаты: многим невмешательство было выгодно. А кто-то уже тогда настроился делить собственность и в новой жизни жить припеваючи.

Е.А. ТАРАСОВА

Владимир Борисович, пожалуйста.

В.Б. ИСАКОВ

Уважаемые коллеги, мне хотелось бы немножко прокомментировать обстановку накануне подписания договора. Это август 1991 года. Верховный Совет РСФСР находится на каникулах. Хасбулатов отдыхает в Сочи. На хозяйстве остались Борис Михайлович Исаев, зампреда Верховного Совета, и я. И вот к нам поступает проект Союзного договора.

(С.Н. БАБУРИН: Владимир Борисович тогда — Председатель Совета Республики Верховного Совета.)

Меня через полгода после этого свергли, но это неважно.

Поступает проект Союзного договора, где сказано, за подписью Ельцина: направляем вам проект Союзного договора, подписание которого состоится 19-го августа. (Реплики: 20-го.) Да, на 19-е мы комиссию назначили, стало быть, 20-го.

Мы в некоторой растерянности, потому что комиссия, которая была создана в Верховном Совете, этого проекта не видела, не обсуждала. И вот на 20-е число уже назначено подписание нового Союзного договора.

Звоним Хасбулатову в Сочи. К телефону никто не подходит. Что делать в этой ситуации? Полномочий собирать Президиум и тем более Верховный Совет у нас нет. Мы посылаем с Борисом Михайловичем за своей подписью телеграмму, созываем депутатскую комиссию по рассмотрению проекта Союзного договора. Звонит не сам Хасбулатов, а его помощник и начинает нас ругать: «Да зачем вы это делаете? Да кто вас уполномочил? Этой комиссии уже не существует».

Тем не менее, телеграмма ушла, депутаты начали собираться. Обстановка в Верховном Совете — резкий раскол в депутатском корпусе. Часть депутатского корпуса говорит: «Да какой это Союз? Это какая-то гнилая конфедерация, даже не федерация, абсолютно бессильные центральные органы, у которых компетенции нет». Из проекта Договора исчезло вообще упоминание о Конституции РСФСР. Отношения внутри РСФСР согласно этому проекту Договора регулируются Союзным договором и Конституцией СССР. Мы ошалели: а Конституция РСФСР куда пропала из договора? Потом стало понятно, что это результат той торговли, как раз картежной игры лидеров, где сошлись на этой абсолютно абсурдной формулировке. Горбачев с ней тоже согласился.

Вторая группа говорит: «А зачем нам этот Союз? Мы не согласны. Это продолжение того бюрократического Советского Союза, ничего принципиально не меняется, остается Горбачев, это все для сохранения Горбачева, и бюрократии».

Это я вам две крайних позиции обрисовал. Между ними еще несколько промежуточных было. Положения проекта Договора начинают разбираться в прессе, развертывается жесткая дискуссия различных политических и депутатских групп.

Нам звонит уже сам Хасбулатов и говорит: «Молодцы! Молодцы, что собрали комиссию, что хоть как-то отреагировали на этот проект. На 19-е число назначаю депутатскую комиссию по рассмотрению Союзного договора. Я буду на ней председательствовать». Вот так выглядела ситуация накануне подписания нового Союзного договора, а что случилось 19-го августа, вы уже знаете.

Спасибо.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо большое.

Вот сейчас мы уже рассмотрели первый вопрос о новом Союзном договоре и перейдем ко второму важному вопросу, без которого мы не можем в принципе рассматривать Союзный договор и дальнейшую нашу историю, это события 19–21 августа 1991 года.

Хотелось бы дать слово Александру Митрофановичу Оболенскому, народному депутату СССР, председателю Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств попытки государственного переворота в СССР. Он подготовил большой доклад, который, я думаю, раскроет нам очень важные детали, такого эксклюзива мы не услышим.

А.М. ОБОЛЕНСКИЙ

Спасибо.

Заранее приношу извинения, потому что объем материала настолько большой, что я постарался ужать до 15 минут и написал текстовку, которой буду придерживаться.

Объявлением амнистии 23 февраля 1994 года на официальное расследование на уровне государственной власти событий июля–августа 1991 года хитроумно было наложено юридическое вето. Потребовалось 12 лет, чтобы председательствовавший на прерванном суде над участниками ГКЧП генерал-лейтенант юстиции Анатолий Тимофеевич Уколов рискнул огласить среди аккуратного интервью под видом личного мнения свою оценку дела ГКЧП. Я свел его интервью к трем ключевым позициям.

Следствие велось с заведомо обвинительным уклоном в пользу версии заговора, утвержденной властями Российской Федерации, и с организацией давления на суд.

Расследование было заведомо неполным, поскольку уклонилось от исследования роли Президента СССР Горбачева, без чего рассмотрение судом события, имеющего мировое значение, недопустимо.

Итогом завершения рассмотрения дела ГКЧП, весьма вероятно, было бы вынесение оправдательного вердикта всем обвиняемым.

Подчеркиваю: это мнение председателя официального суда над участниками ГКЧП.

Предлагаемая мною реконструкция развития событий на основе массы обнародованных «свидетельских показаний» (в кавычках), то есть в мемуарах и всяких проговорах (в интервью, выступлениях и т.п. публично зафиксированных сведениях), позволяет закрыть логические нестыковки многих

искренних попыток на общественном уровне разобраться в причинах трагедии СССР.

К июлю 1991 года политическая ситуация внутри страны определялась ожесточенной борьбой вокруг трех направлений национально-государственного реформирования СССР, которое собственно и было главной целью заветной Горбачевым перестройки.

Первое. Избранные в 1989 году, обладавшие всей полнотой новые органы представительной власти СССР (Съезд и Верховный Совет) были твердо нацелены на сохранение всех преимуществ единого мощного федеративного государства с постепенным аккуратным его реформированием. Это целый пакет новых законов был принят за два года.

Второе. Инициатор перестройки настойчиво проталкивал реформирование СССР в содружество небольших независимых государств, объединенных вокруг общего координирующего центра. Инициатор понятно кто.

Третье. Буквально навязывание Горбачевым своей модели реформирования СССР привело к активизации радикальных националистических настроений вокруг третьей модели, предусматривающей ликвидацию центра и разбегание республик в свободное плавание.

Мало того, что IV Съезд народных депутатов СССР в декабре 1990 года отправил на доработку разработанный в рамках второй модели под личным руководством Горбачева проект нового Союзного договора, он еще и подкрепил свою позицию решением о вынесении на референдум вопроса о необходимости сохранения СССР. Результаты референдума 17 марта 1991 года, казалось бы, юридически и формально решили спор сторонников трех направлений реформирования СССР в пользу первого варианта. Однако Горбачев не уступал.

12 июля 1991 года Михаила Сергеевича ждал очередной удар: Верховный Совет СССР фактически завернул на доработку очередной проект нового Союзного договора. Главным препятствием после этого на пути замыслов Горбачева стала закрепленная за Съездом народных депутатов СССР в Конституции СССР исключительная компетенция решения вопроса национально-государственного устройства СССР. То есть в правовом режиме он не мог это перешагнуть.

Между тем к середине июля 1991 года финансово-экономическое положение СССР было близко к катастрофе. Это прямо признавал тогдашний премьер-министр Павлов. Все надежды на получение срочной финансовой поддержки из-за рубежа руководство страны связывало с поездкой Горбачева на саммит «семерки» в Лондон. Однако условием выделения больших денег ему выдвинули ускорение проведения в СССР радикальных экономических и политических реформ. 23 июля того же года Михаил Сергеевич сделал последнюю безуспешную попытку согласовать требования Верховного Совета к проекту Союзного договора с националистическими аппетитами руководителей союзных республик и автономий. Этой же датой помощник Горбачева Анатолий Сергеевич Черняев помечает в своем дневнике прямо от него полученную информацию: «Знаешь, пришла информация, Буш после моего завтрака с ним в Лондоне сказал своим: „Надо переключаться на Ельцина“». Образно говоря, Михаил Сергеевич был поставлен в ситуацию выбора: потеря власти или отход от правовых методов реформирования страны.

Обратим внимание на следующее принципиальное обстоятельство. Обвинив членов ГКЧП в том, что они сорвали подписание Союзного договора

20 августа, ни следователи, ни дотошные журналисты, ни представители власти — вообще никто не задался вопросом, а что же за договор собирались подписать 20 августа. Ну, сегодня уже сказали, что никто его не согласовывал — ни на уровне Верховного Совета СССР, ни на уровне Съездов и Верховных советов союзных республик и так далее. Все говорит о том, что к последней его версии имеют отношение Горбачев, Ельцин и Назарбаев, три президента, и может быть, самые близкие помощники — Шахназаров, Ревенко. Именно они на закрытой встрече 29–30 июля согласовали между собой текст нового Союзного договора, договорились о поэтапной процедуре — подчеркиваю, это принципиально — его подписания — и распределили между собой роли в руководстве будущего Союза. Это закреплено на уровне официального следствия. По существу, на этой тайной «вечеринке на троих» было закреплено устное соглашение, можно назвать это заговором даже, об объединении административного ресурса трех президентов для внеправового, с игнорированием действующей Конституции и законов, изменения национально-государственного устройства СССР.

Особо обращает на себя внимание тот факт, что про тайный, даже для ближайших соратников Горбачева, заговор трех президентов было доложено Президенту США Бушу-старшему, который приехал с официальным визитом в Москву и 30 июля одобрил, а может быть, и утвердил их замыслы. Тогда же с его участием была определена и дата «дня икс» — 20 августа.

Одной из тем обсуждения трех президентов был вопрос о новом Союзе. Все три участника не скрывают, что главой правительства было решено поставить Назарбаева. Премьер-министр Павлов, естественно, отправлялся в отставку с упразднением практически всех союзных министерств, там Ельцин проговорился — около семидесяти. Все союзные министерства, кроме двух. Двоих они решили оставить: Крюкова и Язова — силовое обеспечение их заговора, таким образом.

Здравый смысл подсказывает, что за согласие подписать союзный договор Ельцин должен был получить нечто весомое. Что именно, об этом ни один из тройки заговорщиков не упоминает. Про Назарбаева отметили все, а вот о планируемой ими роли Ельцина в новом ССГ — никто! С учетом его амбиций предположительно не меньше, чем соуправление новым союзом суверенных уже государств, на равных с Горбачевым он бы не согласился. Итак, весьма вероятно, заговор трех президентов представлял собой акт неформальной капитуляции Горбачева в давней борьбе за власть с Ельциным. Проще говоря, поскольку Буш уже решил на Ельцина переходить, Михаил Сергеевич решил его опередить.

Поскольку взаимопонимание между тремя президентами было достигнуто, оставалось найти приемлемую форму претворения состоявшейся капитуляции в реальной жизни. История пока умалчивает об авторстве следующего оригинального хода трех президентов в виде утверждения процедуры поэтапного подписания нового Союзного договора под патронажем Президента еще существовавшего СССР. В результате на 20 августа было запланировано возникновение правовой коллизии — одновременного существования на одной и той же территории двух государств: старого СССР и нового ССГ, что открывало богатые возможности для юридического крючкотворства по оправданию любых неправовых действий.

Разумеется, такое состояние, образно говоря, шизофренического временного раздвоения государственности долго продолжаться не могло. Оно и не требовалось. Главное было создать предлог для псевдоправового устранения Съезда народных депутатов СССР, как главной преграды на пути горбачевского реформирования СССР. К примеру, как вариант, указом Президента СССР об его роспуске со ссылкой на возникновение новой политической реальности. Открывала процедура поэтапного подписания нового договора возможности для благовидного оформления капитуляции Горбачева с передачей власти Ельцину.

К примеру, один из вариантов. Ничто не мешало учредителям нового ССГ сразу после подписания нового Союзного договора оформить к нему приложение с возложением временно, до проведения первых выборов, исполнения обязанностей Президента ССГ из двух субъектов по совместительству на Президента РСФСР Ельцина, а полномочия Председателя Правительства ССГ также по совместительству на Президента Казахстана Назарбаева, и пасьянс сложился. Возможностей для последующего перевода под юрисдикцию ССГ союзных республик СССР, особенно при содействии Горбачева, у тройки заговорщиков было много. Не забудем также, что их план в целом был одобрен Президентом США. И, конечно, в данном случае я предложил лишь одну из версий заговора, но она в принципе очень логично на все последующие события ложится.

Отметим, что ни одна властная или правоохранительная структура ни СССР, ни союзных республик не предприняли ни одного действия, вытекающего из их полномочий, с учетом явной противозаконности обнародованного 2 августа замысла президентов (Горбачев по телевидению 2 августа выступал). А председатели верховных советов СССР и РСФСР в столь ответственный момент дружно отправились в отпуск. Так зримо проявило себя объединение административного ресурса заговорщиков. Обращает на себя внимание и смирение, с которым руководители органов высшей законодательной и исполнительной власти СССР, критически (и это мягко сказано) в письменной форме (видимо, для истории закрепляли) оценивая сам проект договора, который согласовали три президента, и который был опубликован, по-моему, 15 августа, тем не менее заявляли о необходимости его подписать. Здравый смысл подсказывает лишь одно разумное объяснение этой ситуации: руководители высшего ранга (СССР имеется в виду), обладая полнотой информации, лучше других осознавали, что страна действительно катится к пропасти, и пытались удержать ее, используя такой мизерный шанс, на краю.

В довершение 4 августа хитроумно удалился в отпуск в столь критически ответственный момент и сам Президент СССР. Все недоумевали, как он мог бросить страну. Как он заверяет, это не мешало ему издали держать на контроле вопрос всей подготовки к 20 августа, кое-чего он там добился, и вносить необходимые коррективы. С другой стороны, этот маневр обеспечивал возможность под благовидным предлогом избежать необходимости отвечать на неудобные вопросы. Перед отъездом, выслушав 3 августа на заседании Кабинета министров доклады о назревающей в экономике страны катастрофе, он успокоил их, цитирую: «Мы не позволим развалить Советский Союз и будем принимать все меры, вплоть до введения чрезвычайного положения». Рокковой ошибкой, если не хитрой уловкой Горбачева в реализации сговора трех президентов стало обнародование в выступлении по телевидению 2 августа

даты начала подписания нового Союзного договора. Оно сыграло роль своеобразного доноса противникам сохранения СССР.

Оставшийся в Москве Борис Николаевич Ельцин находился, с одной стороны, под прессингом сторонников полного разрушения СССР (все руководство «ДемРоссии» и так далее), а с другой — демократов в депутатском корпусе РСФСР (вот только что два представителя рассказывали, как они возмущались), которые требовали соблюдения процедуры и предварительного рассмотрения договора в Верховном Совете РСФСР. Вполне естественно, что в новых условиях неуверенность Ельцина привела к телефонному разговору с Горбачевым 14 августа; он состоялся, это подтверждено обоими участниками. Трудно предположить, чтобы Борис Николаевич обращался к нелюбимому им Президенту СССР за словами моральной поддержки, почти наверняка с его стороны было предложено со ссылкой на осложнение ситуации в Москве отложить дату подписания договора. Основанием для подводящего итог этому разговору лаконичного резюме Горбачева в его мемуарах, цитирую: «Нужно сохранять хладнокровие и продолжать подготовку к подписанию», — очевидно, должно было быть согласование президентами комплекса дополнительных мероприятий по обеспечению реализации намеченных ими планов, включая введение чрезвычайного положения в Москве. То есть, чрезвычайное положение, по моему выводу, было введено ГКЧП по согласованию между Горбачевым и Ельциным.

Обратим внимание: вывод о введении ЧП по согласованию с Президентом России требует переоценки совсем в ином виде событий попытки введения чрезвычайного положения. Я это оцениваю как трагикомедию, поставленную талантливыми режиссерами в последующие дни, 19–21 августа, на улицах Москвы.

За недостатком времени анализ этих событий вынужден опустить, полный текст доклада я передам в оргкомитет¹.

И в заключение. События прошли, наступило утро 22 августа, ключевое, дальше прошу обратить внимание. И, казалось бы, уже ничто не мешало двум президентам СССР и РСФСР, засучив рукава, «вернуть страну к нормальному конституционному развитию». Это я процитировал, как призывали в своем воззвании утром 19 августа руководители России. Это воззвание было подписано, напомним, Хасбулатовым, Ельциным и Силаевым. Однако к вечеру 22 августа выяснилось, что каждый из этих двух Президентов, не обращая внимания на предписанные законом и Конституцией процедуры изменения в таких случаях, принялся назначать своих сторонников на ключевые посты в силовых министерствах СССР. То есть 22 августа к вечеру в СССР было по два министра обороны, КГБ и прочих. Выяснение отношений между Президентами началось ночью, а закончилось утром следующего дня. Чем? Полной отменой Горбачевым своих указов и формальным назначением кандидатов, предложенных Ельциным. По свидетельству помощника Горбачева Черняева, после этого с Ельциным согласовывались абсолютно все назначения, сделанные формальным Президентом СССР.

Но этим череда унижений Горбачева в этот день только начиналась. Во время встречи с Ельциным он, нарушив закон, походя, подмахнул записку Бурбулиса с предложением блокировать управление КПСС, опечатав здание ее ЦК. После обеда для дачи объяснений вышел на трибуну Верховного Совета

¹ По решению оргкомитета доклад А.М. Оболенского публикуется во 2-й части сборника «Таврические чтения 2022» в разделе «Участники событий рассказывают...».

СССР и РСФСР. Как это происходило, коллеги могут сказать. Во время этой встречи торжествующий Ельцин глумливо и демонстративно подписал Указ о приостановлении деятельности российской компартии. Завершилось как бы возвращение страны к конституционному развитию объявлением 24 августа Горбачевым о сложении с себя полномочий Генерального секретаря ЦК и призывом к самому ЦК самораспуститься, а рядовым членам КПСС создавать новую партию. Завершил развал КПСС Ельцин, присвоив своим Указом 25 августа без суда и следствия, подчеркиваю, все ее имущество. Вся эта вакханалия беззакония двух президентов в период 22–25 августа детально проанализирована с правовых позиций (я все это опускал специально) Александром Владимировичем Островским, известным петербургским историком, в его книге «Глупость или измена? Расследование гибели СССР».

Мы же в заключение отметим еще одно венчающее учиненный разгром действие Горбачева. Его консультант Ревенко 24 августа собрал Кабинет министров СССР и объявил о его роспуске — всех сотрудников. Сам же Горбачев в тот же день создал не предусмотренный Конституцией СССР новый орган — Комитет по оперативному управлению народным хозяйством страны, возглавить который по согласованию с Борисом Николаевичем или по его требованию, не знаю, предложил Председателю Правительства РСФСР Силаеву.

Как видим, привезенный российской делегацией в качестве своеобразного трофея из Фороса в Москву Президент СССР Горбачев, послушно выполнив с нарушением Конституции и законов СССР все требования Ельцина по замене руководителей силовых ведомств, министерств сторонниками Президента России, фактически передав под его контроль управление всей экономикой Союза, самовольно ликвидировал союзную исполнительную власть — полностью. Униженно смирившись с разгромом и незаконным запретом КПСС, которую он возглавлял, он превратился в бутафорскую фигуру или заложника, возможно, прикрывающую, как фиговый листок, факт смены реальной власти в стране. Да, в СССР 25 августа еще функционировал конституционный орган представительной высшей власти — Съезд народных депутатов СССР, формально обладавший всей полнотой власти. Но он уже был лишен главного — структур для реализации его решений в практической жизни, исполнительной власти не было в СССР.

Завершить государственный переворот, спланированный междусобойчиком трех президентов 30 июля 1991 года, после этого, как говорится, оставалось делом техники. Но это отдельный разговор, как разрушался Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР.

Вот такое неутешительное резюме, может быть, в некотором роде для вас провокационное изложение, заранее извиняюсь. (Реплика Бабурина С.Н.: Блестящий доклад!) Но все, что я сказал, уверяю, подкрепляется соответствующими цитатами и так далее. Готов за все нести ответственность.

Е.А. ТАРАСОВА

Пожалуйста, Сергей Николаевич.

С.Н. БАБУРИН

Август 1991 года — это чудовищная инсценировка, и старшее поколение помнит, что Горбачев, вернувшись из Фороса, признался, что правду он не скажет никогда. Действительно, он так и не сказал правду. Но я не буду комментировать, а перечислю несколько фактов, почему не просто считаю Горбачева

главным разрушителем Советского Союза, я считаю его государственным изменником и подлецом. Я это говорил при его жизни и не собираюсь менять точку зрения сейчас. Почему?

Второго декабря 1989 года на Мальте была встреча Президента США и Президента Советского Союза. Там было обычное протокольное мероприятие, его встреча один на один с Бушем-старшим. На таких встречах по дипломатическому протоколу с каждым лидером рядом сидят помощник и переводчик. Встреча на Мальте отличалась тем, что на нее Горбачев пошел один, не взяв с собой не только помощника, но и переводчика. Когда Ю.А. Квицинский привлек мое внимание к этому инциденту, я попытался серьезно найти концы.

Повезло в 1995 году, потому что мне об этой встрече рассказал бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер. Мы встретились в Берлине, есть свидетели нашего разговора, поэтому спокойно это рассказываю. Я спросил Бейкера, помнит ли он ту встречу на Мальте. Он ответил: «Конечно. Потому что, когда вернулся к себе в каюту, у меня рука была синяя». Я уточняю: «В каком смысле?» — «А я себя щипал, не сплю ли я, потому что когда пришел господин Горбачев, первое, что он сказал, что советское руководство приняло решение ликвидировать Варшавский договор. А тема Варшавского договора не была заявлена на встречу глав государств. Мы попросили перерыв, оставили его одного пить кофе. Мы с Джорджем ушли, стали обсуждать, сумеем ли мы убедить европейцев ликвидировать НАТО и нужно ли нам НАТО ликвидировать. Мы пришли к выводу, что нам это не выгодно. Мы вернулись к Горбачеву и говорим: „А каковы ваши условия ликвидации Варшавского договора?“ Он отвечает: „Никаких условий“».

Напомню, что решение о ликвидации Варшавского договора было принято официально советским руководством лишь в 1991 году, в 1989 году это даже не обсуждалось на Политбюро.

Встречаясь в 1994 году, посещая под арестом находившегося лидера социалистической Болгарии Тодора Живкова, я спросил, что вот он много лет был союзником моей Родины, и сейчас, когда его обвиняют, что он превратил Болгарию в сателлит Советского Союза, мы какую-то помощь ему, юридическую, иную, оказываем? На что он сказал: «Меня в последний раз вспоминали в вашей стране, когда Горбачев организовывал мое свержение и арест. И когда меня с почетом проводили на пенсию, Горбачев вызвал человека, руководившего свержением Живкова, устроил ему разнос, почему Живков не арестован, почему он не обвинен. И тот вернулся из Москвы, дал указание меня арестовать и в чем-нибудь обвинить».

Не буду говорить, как он свергал руководителей Чехословакии, ГДР, других стран. Даже Миттеран попытался спасти ГДР. И французы обратились с просьбой организовать совместный визит в Берлин Горбачева и Миттерана, на что помощник Горбачева сказал: «У Михаила Сергеевича нет времени лететь в ГДР. Поэтому пусть все идет как идет». Это было уже после свержения Хонеккера. А когда он узнал, что Хонеккер без его ведома вывезен в Москву, то на Политбюро устроил матерный разнос Крючкову: зачем вы спасли Хонеккера, зачем он нам нужен.

Кроме того, когда вы говорите, правильно Дмитрий Александрович прочитал выдержку из Декларации Эстонии 1988 года о государственном суверенитете, но хочу, Владимир Валерьянович, сказать, 19 августа 1991 года все руководители националистических движений Советского Союза взяли

под козырек и подчинились ГКЧП, Ландсбергис и Гамсахурдия прислали телеграммы поддержки ГКЧП, именно за это их потом стали свергать, так вот, Рюитель, главный организатор принятия Декларации 1988 года, он еще жив, его можно спросить, он попросил выйти из здания парламента человека, который представлял там русское население, и стал объяснять, что ведь Декларацию 1988 года он принял по указанию из ЦК. Из ЦК! И КПСС, как вы понимаете, других ЦК не было. И что он понимает, что сейчас ситуация изменилась, но в Москве должны понять, что он нужен ведь для дальнейшего руководства республикой. И он успокоился, когда его заверили, что он останется Председателем Верховного Совета и сейчас, когда восстановлена Конституция СССР.

Я мог бы приводить другие примеры. Я только о спецслужбах. Не было никаких иностранных спецслужб. Вы правы, когда говорите, что основные проблемы были изнутри. В 1999 году в румынской тюрьме генерал Стэнкулеску, бывший министр обороны Румынии, дал показания, которые почему-то серьезных историков до сих пор не заинтересовали. Румыны сами провели расследование событий 1989 года и доказали, что это не Чаушеску, а Стэнкулеску, дал приказ стрелять по людям в Тимишоаре, а потом 21 декабря в Бухаресте. Он за это был осужден румынским судом. Так вот, находясь в тюрьме, он дал показания, что и приказ стрелять, и свержение Чаушеску, и инсценировку суда, и расстрел Чаушеску сразу после суда, хотя в приговоре было сказано, что у Чаушеску и его жены есть десять дней для обжалования приговора по закону, а их тут же вывели, вы помните, и расстреляли, так вот, он сказал, что делал это только потому, что рядом с ним были все время офицеры ГРУ, он делал это по указанию из Москвы, он боялся за свою жизнь. Кстати говоря, генерал Миля, министр обороны, почувствовал, что происходит что-то не то, был застрелен, чтобы не мешать проекту Москвы. И убийство генерала Миля было опять свалено на Чаушеску.

Я лично разговаривал с Е.М. Тяжельниковым, который был Чрезвычайным и Полночным Послом СССР в Румынии в то время, меня очень интересовало, как он оценивает те события. Так вот, он сказал, что перед самым началом, сразу после встречи 2–3 декабря на Мальте, его вызвали в Москву для консультаций, и все, что стало происходить в Румынии, для него было неожиданно. Это происходило с 16-го по 24-е число. Когда инсценировка народной революции в Румынии достигла апогея, в Москве не знали, что делать дальше, они получили 24 декабря 1989 года ноту Соединенных Штатов Америки за подписью Бейкера, что разрешение ситуации в Румынии отводится на полное усмотрение Советского Союза, вплоть до ввода туда войск. Хотя что — все на усмотрение Горбачева и СССР. И 25 декабря, только после получения этой ноты, состоялись инсценировка суда и убийство Чаушеску. Это все было сделано по указанию из Москвы.

Ни российской, ни международной реакции на откровения генерала Стэнкулеску нет. Точно так же, как до сих пор нет и других ответов. Я почему говорю: прокуратура где? Почему нет расследования, кто стрелял в армян от имени азербайджанцев и в азербайджанцев от имени армян в Карабахе? Кто организовывал Сумгаит? Могу сказать по Вильнюсу. Я закончу, потому что иначе это будет очень долго, преступлений было слишком много. События по штурму телебашни в Вильнюсе в январе 1991 года. Горбачев давал приказ применять армию в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, а на другой день всегда делал вид, что он тут ни при чем. В Вильнюсе было дано указание взять телебашню,

чтобы диктор зачитал Указ Президента СССР о введении чрезвычайного положения на территории Литвы. Каждые 30 минут Бурокаявичюс, первый секретарь ЦК Компартии Литвы, докладывал помощнику Горбачева или Горбачеву лично, как продвигается дело. Когда состоялся штурм, тогда диктор сел в студию, еще до инсценировок с трупами, которые привезли из морга чуть позже, чтобы изобразить погибших при штурме. Реально там погиб только офицер «Альфы», которого застрелили в спину. Когда диктор сел в студию и об этом доложили в Москву, с этого мгновения связь с Москвой у Бурокаявичюса прекратилась, и вот тогда они поняли, что их заманили и предали. А утром, если помните, Горбачев спросил: «Как? Какой штурм? Как они посмели без моего ведома? Что это такое?»

А август 1991-го — это символ циничной инсценировки, за которую, к сожалению, мы все слишком дорого заплатили. Поэтому дай бог, чтобы не только историки, но и компетентные органы, наконец, занялись расследованием всех тех событий. Вот Горбачев на меня обижался, что я с 1991 года требую расследования и его наказания, а я пил за его здоровье, чтобы он дожил до суда. К сожалению, не случилось.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо. Да, можно.

А.М. ОБОЛЕНСКИЙ

У меня один вопрос к Сергею Николаевичу. Я в кулуарах уже у Владимира Борисовича выяснил. Сергей Николаевич, спасибо за оценку доклада. Вопрос такой. Можете что-то сказать о «русской игре»? Это касается зарубежных всяких дел, а на термин «русская игра» я вышел случайно, хотя был депутатом СССР и так далее, но узнал о нем впервые три года назад. Вот «русская игра».

С.Н. БАБУРИН

Нет, к сожалению, ничего не могу сказать.

А.М. ОБОЛЕНСКИЙ

Спасибо. Речь идет о том, что еще летом 1989 года организовалась из группы демократических ведущих московских неформалов с участием Сороса и так далее такая кампания, которая была зашифрована как «русская игра». Фактически это был замысел использования выборов 1990 года в Российской Федерации для того, чтобы захватить власть в Российской Федерации и использовать Российскую Федерацию для развала и уничтожения СССР. Вы, конечно, не виноваты. Вас, как и нас, использовали.

С.Н. БАБУРИН

Я буквально одно только скажу. В 1989 году осенью в Москве состоялось заседание Межрегиональной депутатской группы и Московского объединения избирателей, где рассматривали — внимание! — вопрос об организации голода в Москве и Ленинграде, чтобы народ вышел свергать КПСС. Когда об этом доложили Горбачеву, на стенограмму этого совещания, выводы, обсуждение он наложил резолюцию: «Крючкову и Медведеву. Это что?» — и никаких мер по пресечению планов организации голода принято не было. Поэтому Горбачев сделал то же, что он сделал в декабре 1991-го. Когда 4 декабря,

подготавливая Беловежскую пушу, было подписано соглашение о разделе внешних долгов, чтобы успокоить американцев, долги разделили между союзными республиками. Седьмого декабря был снят последний человек, который мог злоумышленникам сделать сюрприз, начальник Генерального штаба генерал Лобов, его назначили в августе, потому что он был оппонентом Язова, но он был за единую страну, поэтому 7 декабря — за сутки до «беловежья» — его уволили, Генштаб был обезглавлен накануне 8 декабря, когда разрушители собрались в Вискулях. И, наконец, 8 декабря Горбачев не пустил в Беловежскую пушу Назарбаева. Объясняю, почему. Именно Назарбаев сорвал попытку Ельцина организовать подписание договора типа СНГ весной 1991-го, когда Ельцин собрал Кравчука, Дементя, Председателя Верховного Совета Беларуси и Назарбаева и предложил подписать от имени четырех республик новый договор о Союзе и избавиться от Советского Союза. Против выступил Назарбаев, его жестко поддержал Дементей (его после августа сразу сняли), и, колебавшись, их поддержал Кравчук, который тоже выступал за сохранение Советского Союза. И чтобы Назарбаев не учудил это же 8 декабря, Горбачев задержал его в Москве. Он запретил двум высокопоставленным руководителям арестовать заговорщиков в Беловежской пуще. Назову фамилии для серьезных историков. А.А. Сазонов, замруководителя Администрации, которому была подчинена «Альфа» в тот момент, пришел к Горбачеву и предложил: «Я готов немедленно высадить альфовцев, повязать заговорщиков и привезти сюда». Второй, по моим сведениям, как это ни удивительно, вице-президент РСФСР Рудкой, который сказал: «Да я их всех приволоку, повяжу и приволоку их к вам!» И Горбачев был категоричен: «Не вмешивайтесь!»

Вот что такое Горбачев.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо большое. У нас тут тоже два выступающих.

(С.Н. БАБУРИН: Я сказал, чем спас свою душу.)

Да, пожалуйста, Александр Владимирович.

А.В. ЛУКАШИН

Спасибо за слово. Немного к теме Союзного договора в контексте выступления ГКЧП.

Надо отметить, что подготовка договора не была стихийной, как вы говорили. Потому что в принципе сам процесс подготовки договора проходил в несколько различных этапов. И договор еще 1990 года, это, можно сказать, был плод коллективных усилий политических элит и экспертных групп, даже организовывались общественные конкурсы Межрегиональной депутатской группой и так далее. Участвовали правоведы Академии наук — к вопросу о компетенции людей. То есть был очень высокий уровень. В 1991 году, конечно, это уже был исключительно вопрос договоренностей между союзными руководителями и республиканскими, то есть вопрос передела полномочий, и, в общем-то, Горбачев там уже не имел большой силы.

Также еще нужно отметить такой факт любопытный, который не всегда вспоминают, даже два факта, в контексте ГКЧП. Первое. Еще в марте 1991 года была создана комиссия по чрезвычайному положению, просто как проект; об этом писали Прокофьев, руководитель Московского горкома, Лазо в своей книге про ГКЧП. Сам документ я не видел, но есть несколько свидетельств, которые об этом говорят.

Второй факт. 17 июля 1991 года, в один день с проведением третьего заседания подготовительного комитета в Ново-Огарево, на заседании Верховного Совета как раз выступили Крючков, Пуго и Язов, в том числе Крючков говорил о деятельности ЦРУ и других спецслужб. Это опять-таки к вопросу о том, были ли какие-то договоренности до или их не существовало.

На основании документов, которые у нас сейчас имеются, ответить полностью на этот вопрос сложно. Однако, если мы рассматриваем различные аспекты, то картина уже получается более объемная, сложная, и она не сводится исключительно к противостоянию центра и республик, договоренности между Горбачевым и Бушем о роспуске ОВД и дальнейшем возможном роспуске Советского Союза. То есть здесь не было монополии принятия решений у отдельных лиц, все-таки был, на мой взгляд, политический и идеологический калейдоскоп, который менялся. Где-то с августа уже в принципе вектор в сторону дезинтеграции был понятен, а до этого еще был процесс неоднозначный.

Е.А. ТАРАСОВА

Дмитрий Александрович просил раньше слово. Пожалуйста.

Д.А. ЛУКАШЕВИЧ

Да, спасибо. К тому, что сказал Александр Владимирович, я бы добавил, что не просто в марте 1991 года уже рассматривался вопрос о возможном введении чрезвычайного положения, а 3 апреля 1990 года был принят Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», что косвенно свидетельствует о том, что еще на год раньше уже об этом задумывались.

К тому, что сказал Сергей Николаевич, хотелось бы добавить, он меня немного опередил, что Мальтийская встреча не просто проходила, она ведь проходила на крейсере, специально, чтобы наша разведка не знала, что там обсуждается. Крючков, — вот вы, Андрей Борисович, спрашиваете, какие источники, книга его «Личное дело. Три дня и вся жизнь», — он говорит, что мы знали, что там обсуждается, — вот к вопросу о разведке, — что там уже обсуждался вопрос об отделении Прибалтики от Советского Союза, о выводе наших войск из Восточной Европы, мы были просто в шоке, какие вопросы в принципе там ставились и какие положительные решения в пользу США там принимались.

Теперь, что касается Союзного договора, мы сегодня выяснили, что все-таки инициатива была от Прибалтики в 1988 году, но мы на этом и закончили. А почему от Прибалтики? Мы не задались этим вопросом. Почему не из Средней Азии, не из Украины, не из Белоруссии?

А потому что политика преемствующая была, когда с 1985 по 1988 годы проводилась замечательная политика под названием гласность, в рамках которой обливали грязью все, что только можно в истории Советского Союза, а если кто-то, не дай бог, попытается защитить, как попыталась сделать Нина Андреева, два дня шло заседание Политбюро, и Горбачев — к вопросу о том, что он управляемый, мягкотелый и так далее — не отпускал членов Политбюро, пока они все не осудили письмо Нины Андреевой. А изначально они все поддерживали, кроме Шеварднадзе, Яковлева и Горбачева. Два дня! И это в эпоху гласности. И в эту эпоху гласности нам сказали, что, оказывается, Прибалтика-то вошла в состав Советского Союза незаконно, это пакт Молотова–Риббентропа, и Молдавия незаконно, и это дало

основание Прибалтике сказать: «Если незаконно, то давайте новый Союзный договор, давайте определим статус». Сказали аккуратно. Декларация о суверенитете тогда не заявляла о выходе из состава Советского Союза. Там было две волны Декларации: о выходе — это 1990–1991 год в республиках, а 1988–1989 — это еще в составе. Но как отреагировал союзный центр? Никак. 1988 год, идет девятнадцатая партконференция, Прибалтика выступает, говорит: «Мы незаконно». Горбачев не реагирует. III Съезд народных депутатов, март 1990 года, главное на повестке дня — введение поста Президента СССР. Горбачеву доложили: уже приняты акты, вторая волна, о правовом статусе Эстонии, государственной независимости, о выходе из состава Советского Союза. Как прореагировал Горбачев? Говорит: «У нас точных данных нет, будем ждать». Никак. Вот Съезд народных депутатов, давайте обсудим. Никак, и все.

И когда говорят: «А что на Горбачева валить? При чем здесь Горбачев?» Да потому что в советской системе управления только это лицо было царем и богом. И также страны Восточной Европы, ни один волос ни с головы Чаушеску, ни Живкова, ни кого-то еще не мог упасть без ведома советского лидера. Поэтому если он взял пост, должен отвечать. И источники — я не могу сейчас на все сослаться, у меня в книгах это есть: и стенограммы, и архивные данные — там все приведено.

Межрегиональная депутатская группа, которую упомянул Сергей Николаевич, я подтверждаю, в архивах сам видел стенограмму в ГАРФе, Государственный архив Российской Федерации: «Мы обращались к Лукьянову, чтобы он выделил нам место для проведения заседания Межрегиональной депутатской группы. Он не дает». На что было сказано: «Обращайтесь к Горбачеву, он всегда нам даст, и в Кремле нам даст». Все это есть. 1989 год. Все.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо. Владимир Валерьевич еще что-то хотел сказать.

В.В. КАЛАШНИКОВ

Конечно, я не смогу ответить на все, что сказал Сергей Николаевич по поводу роли ЦК КПСС в ряде важных моментов истории распада СССР и социалистической системы. Потому что мне потребовалось бы в три раза больше времени, чем ему, чтобы показать, как это реально было. Скажу лишь по поводу событий августа 1991 года, коль это заявлено у нас в программе.

Подтверждаю, что уже в марте 1991 года секретари ЦК занимались тем, что разрабатывали документы по введению чрезвычайного положения. Документы были готовы, но ни одному из секретарей в голову не приходило, что чрезвычайное положение будет введено без согласия Президента СССР. Готовили документы для него. Это первое.

Теперь по поводу того, был ли заранее подготовленный сценарий введения ЧП. Нет. В ЦК такой подготовки не было вообще. В КГБ у Крюкова подготовка носила самый общий поверхностный характер. О ней сейчас все известно. Есть предположение, что решение Крюкова стало реакцией на давление группы депутатов «демороссов» и, в частности, на записку Шахрая, который после опубликования проекта договора предложил Ельцину, чтобы 20-го числа Союзный договор был подписан с особыми поправками от России, и эти поправки практически дезавуировали то немногое, что оставалось в тексте

от союзного государства. 16 августа Ельцин позвонил Горбачеву. Содержание разговора неизвестно. Вероятно, он сказал: «Знаешь, на меня давят, вот я не знаю, как мне быть...». Крючков о разговоре знал. Если Ельцин действительно был согласен на особый протокол к договору, то это стало последним спусковым крючком, который побудил Крючкова к созданию группы, получившей название ГКЧП. Так что это была инициатива Крючкова — одного человека, который руководствовался стремлением спасти Союз и не понимал последствий того, что делал. Дальше известно: делегаты поехали к Горбачеву в Форос, и встреча закончилась фразой: «Черт с вами, делайте», но формального согласия на введение ГКЧП президент не дал. Именно поэтому сразу после приезда делегации с Фороса вице-президент Янаев высказался против введения ЧП. Его убедили не отступать. Все члены ГКЧП руководствовались одной мыслью — спасти Союз. Уверен, что ни Пуго, ни Язов никаких личных целей не преследовали и другие тоже. Не могу ничего сказать про Павлова, я его не знал. Слышал, что он сломался и стал пить, когда ему некоторые представители западных спецслужб сказали, что на него есть компромат, и если он будет действовать активно, то компромат будет обнародован. Однако это только кулуарный слух.

То, что Горбачев после возвращения с Фороса позволил Ельцину совершить государственный переворот, это бесспорно. Переворот совершил Ельцин, поэтому главная вина, конечно, на Ельцине, а не на Горбачеве. Горбачев оказался слабым правителем, но не предателем.

Вот все, если кратко, по поводу августовских событий.

Е.А. ТАРАСОВА

Спасибо большое.

Ренат Амируллович, пожалуйста.

Р.А. ЯЛЫШЕВ

Я буквально тоже коротко постараюсь.

Собственно говоря, зима-весна 1991 года, там ситуация была уже такова, что и Горбачев, и другие структуры не могли не отреагировать. IV Съезд народных депутатов фактически прямым текстом требовал наведения конституционного порядка, и власть должна была на это реагировать. Горбачев основным направлением выбрал референдум — спросить у населения реакцию, будучи уверенным в поддержке, чтобы получить почву для дальнейших действий. Параллельно с этим прорабатывались, что вполне закономерно и логично, другие варианты, в том числе эта программа — если вдруг придется вводить чрезвычайное положение.

Само событие как таковое, конечно, не увязывается в ту подготовку, которая происходила. Природа явления, на мой взгляд, в том, что Михаил Сергеевич, вступая в ново-огаревский процесс, в принципе сам, своими действиями инициировал выход из правового пространства, прямые договоренности с республиканскими руководителями, при этом понимая, что, как он любил это слово, консенсус между всеми игроками и силами невозможен. Фактически и Съезд, и народные депутаты союзные выводились из игры, и правительство, и фактически силовые структуры, наверное, доверие было утрачено с двух сторон после январских событий в Прибалтике. А дальше, соответственно, реакция одних — это попытка хоть что-то сделать, хоть как-то вклиниться в происходящие события.

Драма-то нашего общества, на мой взгляд, она и в нашем круглом столе в принципе несколько заметна, что у нас нет других сил, кроме первого лица или власти, на которую все списывают. Легко списывать и события 1991 года: Горбачев не сделал, Горбачев не предпринял. Но и 1990 год, и 1991 — наглядная картина, как наше общество, так скажем, все проигрывало. И олицетворение — съезды, что российский, что союзный, когда там принимаются ключевые решения, начиная с Декларации о суверенитете России, за которую все российские депутаты почти поголовно проголосуют, не видя там статьи 5, которая обрушала все. Так же народные депутаты СССР, когда ими, как представляется, на первых порах манипулировали, они соглашались с этим. А сама идея прямой демократии, скорее всего, Горбачеву и нужна была для того, чтобы получить ручные органы государственного управления. Получив это, он не справился, и мы получили то, что имеем, и расплачиваемся.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Спасибо. Андрей Витальевич Ильин, пожалуйста.

А.В. ИЛЬИН

Коллеги, при всех дискуссиях я бы предложил чуть-чуть опереться на юридический опыт. Вот как Виталий Иванович Старцев в свое время привнес в историческую науку великолепные источниковедческие приемы, которым он обучился на юрфаке ЛГУ, так и я бы хотел всем, а историкам особенно, указать на то, что есть в юриспруденции кроме прямых доказательств косвенные. Андрей Борисович у нас спрашивает: а кто, а кто? Вот, к примеру, Шахрай тут выпустил потрясающую книгу, что он Конституцию писал одному, другому. Сколько там авторов претендует на то, что они соавторы Конституции 1993 года?..

Вы помните настроения осени 1991 года? Всякая шваль антикоммунистическая вылезла. Потрясающая атмосфера под лозунгами «демократии»! Никто не взял на себя ответственность за государственную катастрофу. Абсолютно все факты, которые здесь были оглашены: слабый Горбачев, сильный Горбачев (а он и такой, и такой) — все они укладываются в версию, которая давно вброшена в информационное пространство, с указанием даже конкретного эпизода общения с иностранным лидером — только не на крейсере, а с другим лицом, канцлером ФРГ... Я не сторонник теории заговора, но логика поведения Михаила Сергеевича соответствует версии о том, что он имел выбор между совсем бесславным концом, который определялся некоей компрометирующей документацией на него, и тем, что он делал. Я веду речь действительно о том, что первое лицо по каким-то сугубо личным причинам выбрало наименьшее для себя зло. Да ясно, что ему из президентов, генсеков падать туда, куда он упал, было возможно только потому, что это для него лично означало сохранение жизни, и вообще-то неплохой. А очевидно, ему могли быть предъявлены прошлые правонарушения, которые по Уголовному кодексу караются смертной казнью.

Я заостряю, конечно, свои оценки до предела, но косвенные улики показывают, что именно Михаил Сергеевич Горбачев несет полную ответственность за все, что случилось.

И я один только факт напому. Вы пытаетесь найти начало всему. Начало всему — это Съезд народных депутатов СССР. Как занимающийся последнее

время парламентским правом скажу: намеренный созыв абсолютно волонтеристски составленного Съезда народных депутатов с абсолютно недемократическими методами формирования его состава на смену великолепной сталинско-брежневской парламентско-муниципальной системе — это был смертельно опасный удар по нашему государству. Затем последовало «обеспартийнивание» этой конструкции, т.е. перевод деятельности народного представительства в хаотическое состояние. Потому что успешная работа такого количества народных депутатов может происходить только при наличии устойчивого партийного большинства. Вот Съезд народных депутатов России был демократически избран, без этих всех корпоративных имитаций, но собрание тысячи депутатов без доминирующей партийной координации ни в одной стране никогда не давало никакого результата, кроме анархии. Это было запрограммировано лично им — Горбачевым. А почему он это делал? Значит, у него был выбор, очень сложный выбор, и он предпочел очень долгую жизнь, а не благо Отечества.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Спасибо.

Евгений Александрович, пожалуйста.

Е.А. ПАШКОВСКИЙ

Очень интересно было все слушать. Но у меня как у политолога скорее возникло очень много вопросов к самому характеру парламентаризма, который у нас существовал. Потому что, с одной стороны, предполагалось доведение ситуации от де-факто до состояния де-юре, то есть конфедерализация фактически унитарного, а потом федеративного Советского Союза и одновременно с этим введение уже изменения от существующего статуса де-юре до статуса де-факто, когда происходило превращение фактически парламентской или условно советской республики в президентскую. И вот этот сюжет, эти изменения, которые проводились, были абсолютно парадоксальны по своей сути. То есть одновременно с этим шла насильственная децентрализация и конфедерализация страны, и одновременно с этим и сверхконцентрация полномочий у Президента, причем в нарушение даже тогдашних правовых норм, даже формирование правительства фактически было передано от Съезда, уже чуть позже, правда, но фактически от Съезда народных депутатов к самому Президенту. То есть сам формат в принципе показывает, что было какое-то именно политическое решение всех этих процессов.

Михаил Сергеевич Горбачев здесь действительно сыграл очень большую роль. Потому что, я посмотрел, его деятельность в 1985–1988 годах — это примерно сравнимо с деятельностью Сталина по чистке партийных кадров, причем он это осуществил без всяких репрессий и фактически максимально успешно для себя. (Реплика: Гуманист опять же.) Да, то есть ему удалось то, что не удалось Сталину за 15 лет, условно говоря. А он это сделал за 3 года, то есть это был очень интересный человек.

Спасибо.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Спасибо. Коллеги...

С.Н. БАБУРИН

Одну секунду. Я просто хочу сказать, что совершенно не согласен со своим другом Андреем Витальевичем. Я заступаюсь за Съезд народных депутатов как за конструкцию. Это возвращение на новом этапе к Земским соборам. Происки Горбачева — может быть, были какие-то замыслы, но нам нужно было создать такую структуру. И сегодня нам есть чему поучиться. Не у российского съезда, не надо нас путать, а именно у союзного.

В.Б. ИСАКОВ

Разрешите буквально одну короткую реплику. Коллеги, оценивая события того времени, я думаю, все-таки нужно проявлять известную справедливость по отношению к их участникам. Горбачев и его соратники стояли перед задачами невероятной сложности: им надо было перейти от «размораживания» советской действительности к созданию какого-то более или менее нормального общества. Не думаю и не могу до конца согласиться с Сергеем Николаевичем Бабуриным, что у него изначально был какой-то коварный замысел на развал. Скорее всего, замысел был изначально нормальный, другое дело, что реализован был он очень неважно, не все у них получилось.

Несколько слов по поводу «партийной сотки» в составе Союзного съезда. Смотрите, сколько ярких людей там оказалось, в этой партийной сотке. Например, Сажи Умалатова. Сахаров был избран депутатом от общественных организаций. Сейчас среди конституционалистов идет не очень афишируемый разговор о будущей Конституции. (Реплика: Опять?) И многие считают, что надо вернуться к идее корпоративного представительства в высших органах государственной власти.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Коллеги, огромное вам спасибо. Я надеюсь, что мы с вами в следующем году увидимся. Еще раз спасибо. Всего доброго! До свидания!
(Аплодисменты)

КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ НИЖЕГОРОДСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ I СОЗЫВА (1993–1996 гг.)

ЕВДОКИМОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой философии, истории и
теории социальной коммуникации
Высшей школы социальных наук
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: Artemius2014@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности карьерных траекторий представителей парламентской элиты Нижегородской области. Рассмотрены карьерные траектории нижегородских депутатов Государственной Думы и Совета Федерации в период с 1993 по 1996 годы. Выявлены особенности построения карьеры конкретных представителей элиты. Подчеркнута роль законотворческой деятельности как необходимого этапа в карьере. Делается вывод о важной роли выборов как механизма формирования российской политической элиты на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: парламентская элита, депутат, сенатор, карьерные траектории, Государственная Дума, Совет Федерации.

Анализ парламентской элиты Нижегородской области представляет интерес с точки зрения изучения института выборов как механизма формирования и обновления федеральной и региональной элиты Российской Федерации.

Целью данного исследования является выявление основных типов карьерных траекторий нижегородских депутатов Государственной Думы и Совета Федерации I созыва в период с 1993 по 1996 гг. Понимание данной проблемы необходимо для того, чтобы показать не только состав, но и способы формирования и обновления парламентской элиты Нижегородской области на федеральном и региональном уровнях.

На наш взгляд, парламентская элита Нижегородской области — это депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации от Нижегородской области, депутаты Законодательного Собрания Нижегородской области, а также депутаты Городской думы Нижнего Новгорода и других представительных органов местного самоуправления, которые участвуют в подготовке и принятии управленческих решений и обладают легитимностью на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

В ее структуре можно выделить три элемента: федеральный (депутаты ГД и сенаторы), региональный (депутаты областного парламента)

и муниципальный (депутаты представительных органов местного самоуправления). В нашем случае речь пойдет о федеральном элементе. Помимо выявления персонального состава нижегородских элитариев, будут также показаны особенности карьерных траекторий упомянутых представителей элиты. Данные для анализа в основном взяты из открытых источников, в которых приведены биографические сведения о конкретных элитариях, также использовались данные из справочника «Кто есть кто. Статусная элита Российской Федерации»¹ и нашего совместного с Ф.А. Селезевым и А.А. Сорокиным исследования о нижегородских депутатах Государственной Думы².

Сначала приведем сведения о количестве и назовем нижегородских депутатов Государственной Думы и Совета Федерации в период с 1993 по 1996 годы. Всего за этот период нас интересуют 13 элитариев, из них 11 были депутатами Государственной Думы (Александр Иванович Цапин, Сергей Васильевич Воронцов, Михаил Вадимович Сеславинский, Вадим Евгеньевич Булавинов, Татьяна Владимировна Черторицкая, Евгений Викторович Бушмин, Владимир Петрович Аверчев, Вадим Иванович Большаков, Мария Ивановна Гайдаш, Евгений Михайлович Кокорев, Ирина Борисовна Зубкевич), а 2 — депутатами Совета Федерации (Борис Ефимович Немцов, Евгений Владимирович Крестянинов).

Когда мы говорим о карьерных траекториях, то можно использовать разные типологии. Представляется, что наиболее удачной является типология, используемая группой исследователей, которыми руководит заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Александр Владимирович Дука³.

Согласно данному подходу, можно выделить два основных типа карьерных траекторий: профессиональный и социальный, то есть, по мнению упомянутых выше исследователей, «по критерию приверженности индивидов в карьере определенным видам деятельности». Получается, что профессиональный тип карьеры означает «прохождение ступеней карьерной лестницы в рамках преимущественно одного вида деятельности», а социальный тип — это «когда в процессе последовательного восхождения по карьерной лестнице происходит неоднократная смена видов деятельности»⁴.

Теперь проанализируем данные изучаемых нами представителей парламентской элиты Нижегородской области 1993–1996 гг. по ряду наиболее важных параметров, а именно: 1) пол; 2) возраст; 3) уровень образования; 4) профиль образования; 5) наличие ученой степени; 6) обобщенный профиль деятельности перед избранием.

По первому показателю среди данных элитариев преобладали мужчины (10 человек, 77%), а не женщины (3 человека, 23%). По возрастным категориям больше всего оказалось элитариев от 41 до 50 лет (6 человек, 46%), почти поровну оказались представлены депутаты Государственной Думы и Совета

¹ Кто есть кто. Статусная элита Российской Федерации: [справочник] / Составители: А.В. Мендюков, С.Г. Шилова, Е.Н. Шматов под руководством С.В. Волкова. М., 2017.

² Селезев Ф.А., Евдокимов А.В., Сорокин А.А. Нижегородцы и Государственная дума: история и современность: монография. М., 2021.

³ Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76–122.

⁴ Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Указ. соч. С. 82–83.

Федерации в возрасте от 21 до 30 лет (3 человека, 23%) и от 31 до 40 лет (2 человека, 15%). Чуть меньше оказались представлены более возрастные элитарии — от 51 до 60 лет (1 человек, 8%) и от 61 до 70 лет (1 человек, 8%).

По уровню образования все 13 нижегородских элитариев (100%) получили высшее образование. По профилю полученного высшего образования больше всего были представлены социально-гуманитарные специальности (9 человек, 69%), меньше было технических специальностей (4 человека, 31%).

Среди изучаемых нами нижегородских депутатов Государственной Думы и Совета Федерации обладателями ученой степени кандидата или доктора наук были 6 человек (46%), а у 7 человек (54%) не было ученой степени. Если обозначить обобщенные профили деятельности изучаемых нами элитариев, то больше всего были представлены научно-политический (3 человека, 23%) и научный (3 человека, 23%) профили, чуть меньше представлены юридический (2 человека, 15%) и инженерно-экономический профили (2 человека, 15%). Меньше всего оказались представлены инженерно-политический, партийно-государственный и административно-государственный профили (в каждом по 1 человеку, или по 8%).

По характеристикам бассейна рекрутирования региональной политической элиты указанный выше коллектив авторов полагает, что «важными тенденциями рекрутирования и карьеры региональной политической элиты являются профессионализация, бюрократизация, плутократизация»¹.

Характерна ли для представителей парламентской элиты Нижегородской области с 1993 по 1996 гг. профессионализация, т.е. наличие перед избранием опыта законодательной работы? Нет, подобный опыт присутствовал у 3 из 13 изучаемых элитариев (23%) и отсутствовал у 10 (77%).

Характерна ли для изучаемых нами представителей парламентской элиты Нижегородской области с 1993 по 1996 гг. бюрократизация, т.е. присутствие среди депутатов выходцев из административных структур и, добавим, с тем или иным опытом административной работы? Да, подобный опыт присутствовал у всех 13 изучаемых элитариев (100%).

Характерна ли для представителей парламентской элиты Нижегородской области с 1993 по 1996 гг. плутократизация, т.е. присутствие среди депутатов выходцев из бизнеса и высшего руководства экономических структур различных форм собственности? Нет, подобный опыт присутствовал только у 2 из 13 изучаемых элитариев (15%) и отсутствовал у 11 (85%).

В целом для представителей парламентской элиты Нижегородской области с 1993 по 1996 гг. не были характерны 2 из 3 основных тенденций рекрутирования и построения карьеры, которые отмечены многими исследователями; мы можем наблюдать только бюрократизацию, тогда как профессионализация и плутократизация в изучаемый период не являлись типичными. Проанализировав биографические сведения нижегородских депутатов Государственной Думы и Совета Федерации первого созыва, можно сделать вывод о том, что для большинства из них был характерен профессиональный тип карьеры (8 человек, 62%), а элитариев с социальным типом карьеры было меньше (5 человек, 38%). Приведенные данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего более тщательного изучения обозначенной проблемы.

¹ Там же. С. 93.

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ I СОЗЫВА: ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

УЗЛОВА ПРИНА ВИТАЛЬЕВНА,

кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ivuzlova@etu.ru

Аннотация: Рассмотрена непростая история взаимодействия Совета Федерации первого созыва ФС РФ и Президента РФ Б.Н. Ельцина по вопросу назначения судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Совет Федерации первого созыва, Президент Б.Н. Ельцин, Конституционный Суд РФ.

Вопросы взаимодействия первого Президента РФ Б.Н. Ельцина с российским парламентом получили определенное освещение в научной литературе, хотя специальных работ мало. В основном эти вопросы были рассмотрены в работах общего характера, посвященных эпохе Ельцина¹. Если говорить об истории российского парламентаризма после 1993 года, то большее внимание было уделено проблемам взаимодействия Президента РФ и нижней палаты парламента — Государственной Думы. Определенный вклад в изучение этих проблем применительно к истории Думы первого созыва внес и автор этой статьи².

В представленной статье предпринята попытка рассмотреть проблемы взаимодействия первого президента и первого состава верхней палаты — Совета Федерации Федерального Собрания РФ³. Конкретно речь идет о реализации одного из важнейших полномочий, которым наделила Совет Федерации новая Конституция РФ 1993 г.: назначение судей Конституционного Суда РФ (далее — Суд, КС) из числа кандидатур, предложенных Президентом РФ.

¹ Тарасова Е.А. Конституционные кризисы 1992–1993 гг. в России. СПб., 2007; *ее же*. Потерянная альтернатива: Становление новой политической системы России в 1990–1993 годы. СПб., 2012; Шевицова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М., 1999; Эпоха Ельцина. М., 2001 и др.

² Узлова И.В. Государственная Дума Федерального Собрания первого созыва: первый год работы (1994) // Дискурс. 2015. № 1. С. 3–16; *ее же*. Государственная Дума 1994–1995 гг. Первые шаги: амнистия // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Серия «Гуманитарные науки». СПб., 2005. Вып. 1. С. 7–13; Калашиников В.В., Узлова И.В. Первый Президент и первая Дума. СПб., 2016.

³ Этой теме также посвящены ранее опубликованные статьи автора: Узлова И.В. Совет Федерации Федерального собрания РФ I созыва. Начало работы // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО-2019). XVI Всероссийская научная конференция. Санкт-Петербург, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 24–25 января 2019 г. СПб., 2019. С. 354–360; Узлова И.В. Совет Федерации I созыва: проблема назначения Генерального прокурора // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г. Сборник научных статей: в 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 2. С. 222–229 и др.

Трудная предыстория — Ельцин и КС в 1993 г. Отметим, что новая Конституция РФ существенно ограничивала возможности КС. Президент и его команда прекрасно помнили о том, что Конституционный Суд, действуя в рамках полномочий, которыми был наделен до государственного переворота, совершенного Ельциным в сентябре 1993 г., всегда выступал на страже Конституции РФ и не поддержал попытки президента ее нарушить.

Напомним, что КС действовал в России в составе тринадцати судей с осени 1991 г. В марте 1993 г. этот состав КС не поддержал указ Ельцина об особом порядке управления страной, а 21 сентября того же года не поддержал Указ № 1400, которым президент прекращал деятельность прежнего парламента¹. КС установил факт нарушения Ельциным действующей Конституции РФ и основание для отрешения президента Ельцина от должности. В отличие от Указа президента № 1400 Заключение Суда было основано на действующих на тот момент Конституции РФ и законе «О Конституционном Суде РСФСР». Свою позицию КС изложил в Заключении «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года „О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации“ и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года»². Конституционный Суд принял это Заключение большинством голосов поздно вечером 21 сентября на своем внеочередном заседании уже после того, как Ельцин огласил свой указ № 1400³. Отметим, что Указ № 1400 помимо прочего предлагал Конституционному Суду не проводить свои заседания до начала работы нового парламента. Таким образом, судьи не подчинились Указу президента Ельцина.

На следующий день Председатель КС В.Д. Зорькин заявил, что он «в основном разделяет оценки положения в стране и высших эшелонах государственной власти, данные в преамбуле Указа, и цели, которые ставит перед собой Президент», но при этом не согласен с избранными президентом методами, поскольку президент поставил «себя над Конституцией» и тем самым «создает прецедент, освобождая и всех других субъектов политической жизни от следования ее положениям, что неминуемо повлечет за собой обвальное попрание законности»⁴. В.Д. Зорькин предложил ряд мер по выходу из политического кризиса, которые в основном сводились к одновременному проведению досрочных выборов нового парламента и президента⁵. 23 сентября заявление было опубликовано в «Российской газете».

В тот же день, 23 сентября, Б.Н. Ельцин издал указ, в котором он назначил досрочные выборы Президента России лишь на 12 июня 1994 г.⁶, чем про-

¹ Указ Президента РФ № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 27.09.1993, № 39, ст. 3597.

² Заключение Конституционного Суда РФ от 21.09.1993 № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года „О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации“ и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года» // Вестник Конституционного Суда РФ, 1994, № 6.

³ Примеч.: из тринадцати судей КС Заключение не поддержали только четверо.

⁴ Российская газета. 1993. 23 сентября. С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Указ Президента РФ от 23.09.1993 № 1434 «О досрочных выборах Президента Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 27.09.1993, № 39, ст. 3601.

демонстрировал неприятие предложения В.Д. Зорькина. Ночью 24 сентября Съезд народных депутатов принял постановление в поддержку предложения Председателя КС, в котором указывалось, что одновременные досрочные выборы Президента РФ и народных депутатов РФ должны быть проведены не позднее марта 1994 г.¹.

28 сентября В.Д. Зорькин заявил о намерении Конституционного Суда незамедлительно рассмотреть вопрос о конституционности действий и решений высших должностных лиц, которые исполняли Указ президента. Председатель КС обратился к сторонам конфликта с предложением приостановить исполнение Указа № 1400 и основанных на нем последующих актов Президента. В.Д. Зорькин также предложил приостановить исполнение актов, принятых десятым чрезвычайным Съездом народных депутатов и Верховным Советом РФ после 20.00 часов 21 сентября 1993 года². Председатель КС предложил безотлагательно созвать совещание руководителей представительной и исполнительной властей субъектов Федерации с участием Президента и народных депутатов Российской Федерации, на котором должны быть приняты решения о сроках и порядке проведения выборов будущих парламента и президента России³.

Попытки Конституционного Суда не допустить силовой развязки конфликта не увенчались успехом, но они серьезно осложнили Ельцину проведение его так называемой «поэтапной конституционной реформы», грубо нарушавшей действующую Конституцию РФ.

Впоследствии стало известно, что после силового разгона Верховного Совета Ельцин намеревался распустить и не подчинившийся ему Конституционный Суд. Об этом в своей книге «Совершенно несекретно» написал бывший глава администрации президента С.А. Филатов. По его словам, именно он уговорил Ельцина не делать этого в надежде на то, что «демократическая часть» судей КС настаит «на отмене принятых в период кризиса решений». Кроме того, глава Администрации президента надеялся, что судьи сами отправят В.Д. Зорькина в отставку. Ельцин потребовал от Филатова «решить» этот вопрос в течение двух дней. О своих действиях Филатов пишет так: «Начались консультации с членами Конституционного Суда. Но беда состояла в том, что и среди них не было согласия. Одни считали, что такой суд надо распустить, другие — что распускать нельзя, это произвол, третьи — что суд надо сохранить, но его председателя сменить»⁴. С.А. Филатов не скрывал, что он лично убеждал В.Д. Зорькина уйти в отставку ради сохранения Конституционного Суда, но тот ответил отказом. Однако газета «Коммерсантъ» написала о более жестком характере «консультаций» С.А. Филатова с судьями КС: «... уже 5 октября члены суда попали под сильное давление окружения президента, в частности, Сергея Филатова. Он беседовал с каждым из них в отдельности, давая им понять, что они должны уйти в отставку или, по крайней мере, добиться отставки своего председателя. В противном случае, по словам г-на Филатова,

¹ Тарасова Е.А. Осажденный парламент // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 217.

² В.Д. Зорькин предложил приостановить реализацию решения о назначении А.В. Руцкого исполняющим обязанности Президента Российской Федерации, о кадровых назначениях в Правительстве, о дополнениях к Уголовному кодексу РФ.

³ Десятый (чрезвычайный) Съезд народных депутатов Российской Федерации, 23 сентября — 4 октября 1993 г. В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 182–183.

⁴ Филатов С.А. Совершенно несекретно. М., 2000. С. 66.

на г-на Зорькина может быть заведено уголовное дело по обвинению в правовом обеспечении конституционного переворота»¹.

Под таким нажимом Конституционный Суд 5 октября заявил о сложении с себя полномочия по рассмотрению нормативных актов представителей власти и международных договоров. При этом КС предполагал продолжить рассмотрение ходатайств о защите конституционных прав граждан и юридических лиц. 6 октября под давлением со стороны президентской команды В.Д. Зорькин заявил о своей отставке с поста Председателя Конституционного Суда, сохранив за собой должность судьи КС.

Но президенту этого было недостаточно. 7 октября он подписал указ, в котором обвинил Конституционный Суд в том, что он в октябре 1993 года «своими поспешными действиями и решениями ставил страну на грань гражданской войны... и сыграл негативную, в сущности, пособническую роль в трагическом развитии событий 3–4 октября 1993 года в г. Москве»². Своим указом президент констатировал «невозможность продолжения деятельности Конституционного Суда». Ельцин сослался на то, что «ряд судей Конституционного Суда Российской Федерации заявили о своем отказе участвовать в совещаниях и заседаниях Конституционного Суда Российской Федерации ... Его решения в неполном составе не имеют юридической силы»³. Президент также «принял к сведению» заявление В.Д. Зорькина об отставке с поста Председателя КС.

Следует отметить, что действовавший на тот момент закон «О Конституционном Суде РСФСР» определял Конституционный Суд как постоянно действующий орган, работа которого не может прерываться на каникулы⁴. Указ же предусматривал приостановление работы КС до принятия новой Конституции РФ.

Новая Конституция РФ была принята в декабре 1993 г. Накануне ее вступления в силу Ельцин своим указом прекратил действие целого ряда нормативных правовых актов, в числе которых был и закон «О Конституционном Суде РСФСР»⁵. Теперь возобновление работы Конституционного Суда стало невозможным, потому что регулировавший его деятельность закон был отменен. Все эти последовательные акции, предпринимаемые Ельциным в отношении Конституционного Суда, свидетельствовали о стремлении президента отложить возобновление работы Конституционного Суда в самый ответственный момент, когда менялся конституционный строй Российской Федерации. Конституционный Суд оказался в ситуации, когда формально он существует, но фактически не может исполнять свои обязанности, в том числе по оценке указов президента, на основе которых осуществлялись эти важнейшие изменения.

КС в формате новой Конституции РФ. Вступившая в силу 25 декабря 1993 г. новая Конституция РФ изменила порядок формирования Конституционного

¹ Коммерсантъ. 1993. 7 октября.

² Указ Президента РФ № 1612 от 7 октября 1993 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 1993 г., № 41, ст. 3921.

³ Там же.

⁴ Закон РСФСР от 12.07.1991 № 1599–1 (ред. от 25.02.1993) «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 25.07.1991, № 30, ст. 1017; Ведомости СНД и ВС РФ, 25.03.1993, № 12, ст. 429.

⁵ Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2288 «О мерах по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 27.12.1993, № 52, ст. 5086.

Суда. В соответствии со ст. 125 основного закона судей КС назначает Совет Федерации из числа кандидатур, предложенных Президентом РФ. Аналогичный порядок назначения на должности был предусмотрен Конституцией РФ и в отношении судей Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ¹. Все это обеспечивало Президенту возможность усилить высшие судебные органы своими сторонниками. Особенно это было важно в отношении Конституционного Суда, который по замыслу Ельцина должен был стать опорой президента в проведении избранного им курса. Конституция предусматривала, что Конституционный Суд РФ состоит из девятнадцати судей. Поэтому верхней палате парламента предстояло доназначить еще шесть судей. По замыслу президентской команды новые судьи должны были усилить «демократическую часть суда» и обеспечить численный перевес над теми судьями, которые не поддерживали Президента в сентябре–октябре 1993 г.

Следует отметить еще одну вескую причину, заставлявшую Ельцина добиться от Совета Федерации назначения лояльных президенту судей Конституционного Суда. Дело в том, что в соответствии со ст. 93 Конституции РФ Конституционный Суд участвует в процедуре отрешения Президента РФ от должности. Отрешение возможно только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения Президенту в измене Родине или в совершении иного тяжкого преступления. Участие Конституционного Суда в процедуре импичмента состоит в том, что он дает заключение о соблюдении установленного Конституцией РФ порядка выдвижения соответствующего обвинения Президента РФ. Порядок же выдвижения обвинения прописан так, что его можно трактовать по-разному. Следовательно, если Конституционный Суд даст заключение о нарушении порядка выдвижения обвинения, процедура отрешения президента будет прервана в самом начале. У Б.Н. Ельцина, совершившего в октябре 1993 г. конституционный переворот, были веские основания опасаться импичмента, поэтому ему нужны были гарантии сохранения поста президента.

Несмотря на новый порядок формирования, Конституционный Суд продолжал оставаться важным органом в системе власти. Так, к числу его полномочий относится рассмотрение дел о соответствии Конституции РФ конституций, уставов, законов и иных нормативных актов субъектов России. Конституционный Суд разрешает споры о компетенции между федеральными органами государственной власти, между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ. И для федерального центра, и для российских регионов было крайне важно, кто конкретно будет разрешать подобные дела. Все это порождало серьезную ответственность депутатов Совета Федерации, представлявших в парламенте России интересы своих регионов, за назначение новых членов КС.

Назначение новых членов КС. Формальная возможность доукомплектовать Конституционный Суд новыми судьями появилась только после вступления в силу в июле 1994 г. федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Однако и после принятия закона Ельцин не спешил и только 6 октября 1994 г. направил Совету Федерации список из шести кандидатур на имеющиеся шесть вакансий судей Конституционного Суда. К этому времени с момента приостановления работы Конституционного Суда уже прошел год.

¹ Примеч.: В настоящее время Высший Арбитражный Суд не является самостоятельным судебным органом, поскольку в 2014 г. он стал частью Верховного Суда РФ.

24 октября 1994 г. Совет Федерации впервые рассматривал кандидатуры на должности судей Конституционного Суда. Их представил глава Администрации президента С.А. Филатов. Кандидатами были М.А. Краснов, М.А. Митюков, В.М. Савицкий, В.А. Туманов, О.С. Хохрякова, В.Г. Ярославцев.

Филатов отметил, что главными критериями отбора были профессионализм и «высокие человеческие и нравственные качества каждого кандидата, отсутствие политической ангажированности, известность в обществе, признание и доверие, поскольку по отношению к Конституционному Суду они несколько утеряны»¹.

Этими словами Филатов спровоцировал депутатов на серию жестких заявлений и вопросов. Так, депутат Ю.Е. Лодкин усмотрел совершенно иной принцип отбора представленных кандидатов: «Создается впечатление, что этот выбор сделан по принципу политической ангажированности»². Его поддержал депутат О.Н. Смолин: «Мы долго критиковали предыдущий Конституционный Суд за чрезмерную политическую ангажированность. Сейчас мы видим, что два кандидата представляют блок „Выбор России“, один — Администрацию Президента; политические позиции еще двух кандидатов очень ярко высвечены, и только у одного кандидата, представляющего Санкт-Петербург, мне, по крайней мере, не попадались ярко ангажированные выступления в печати». О.Н. Смолин выразил удивление, почему Б.Н. Ельцин «не представил людей разных политических направлений или хотя бы центристского политического направления?»³.

Депутат В.А. Стародубцев был еще более прямолинеен: «У меня создается впечатление, что в состав судей Конституционного Суда подобраны люди из окружения Президента, которые будут, когда возникнет необходимость, оправдывать те незаконные указы, которые „сыплются“ один за другим на наши головы»⁴.

Депутат О.А. Богомолов обратил внимание на слова С.А. Филатова о том, что признание и доверие к Конституционному Суду «несколько утеряны», и задал ему следующий вопрос: «Уважаемый Сергей Александрович! Вы сказали в своем выступлении, что надо бы сегодня утвердить тех людей, которые смогли бы поднять якобы пошатнувшийся авторитет Конституционного Суда. Считаете ли Вы свое утверждение обоснованным и на чем Вы его базируете? Если на том, что Конституционный Суд признал Указ Президента № 1400 неконституционным, а высшие федеральные структуры власти пошли на нарушение того, что принято Конституционным Судом, не будет ли у нас повторения подобных явлений?»⁵.

Ответ С.А. Филатова был уклончивым: «Насчет повторения подобных явлений — это зависит от Конституционного Суда. А что касается того, на чем я базирую свое отношение к этому, то базирую на общественном мнении, которое мы с Вами знаем и которое сегодня есть»⁶.

¹ Стенограмма Совета Федерации 24–27 октября 1994 г. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/41d44e6637edf97f5ae4.doc>

² Там же.

³ Там же. Примеч.: Кандидатом из Санкт-Петербурга был В.Г. Ярославцев.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Стенограмма Совета Федерации 24–27 октября 1994 г. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/41d44e6637edf97f5ae4.doc>

При рассмотрении кандидатур на заседаниях Совета Федерации многим кандидатам задавался вопрос об их отношении к Указу № 1400, ставшему исходной точкой политического кризиса осени 1993 г.

Приведем некоторые вопросы кандидатам и их ответы. М.А. Митюкову, известному стороннику Б.Н. Ельцина, на эту тему было задано два вопроса: как он оценивает Указ № 1400 и «каким образом будет подведена юридическая база, если этот состав Совета Федерации, который тоже избран, будет распущен каким-то указом?»

М.А. Митюков отвечал уклончиво: «О том, что Указ № 1400 противоречит Конституции, заявлял сам Президент в известном Обращении. О том, что действия, связанные с Указом № 1400, в большей мере не юридические, а политические, Вам тоже известно. Исходя из этих позиций и позиций новой Конституции, естественно, будет даваться оценка этому указу, если он станет предметом рассмотрения Конституционного Суда. Что касается роспуска Совета Федерации, то Вы знаете, что Конституцией это не предусмотрено. Естественно, такого указа не может быть»¹. Таким образом, данный кандидат прямо не осудил действия президента, прекратившего своим указом деятельность парламента, хотя прежняя Конституция не давала ему таких прав. Кандидатура М.А. Митюкова получила всего 61 голос, что было недостаточно для назначения на должность.

В итоге 24 октября Совет Федерации назначил только трех судей: В.А. Туманова, О.С. Хохрякову, В.Г. Ярославцева. Три должности остались вакантными.

Сенаторы рассматривали вопрос о назначении трех судей еще на пяти заседаниях. В ряде случаев президент вновь вносил кандидатуры, ранее отклоненные верхней палатой, но эти кандидатуры при новом голосовании набирали еще меньше голосов.

Быстро проходили те кандидаты, которые проявляли принципиальность в отношении к событиям осени 1993 г. Так, при рассмотрении кандидатуры В.Г. Стрекозова депутат Л.А. Иванченко задал ему такой вопрос: «Как будущий судья Конституционного Суда оцените, пожалуйста, такую ситуацию. Конституционный Суд принимал решение относительно действий Президента в соответствии с подписанием им Указа № 1400. И решение Конституционного Суда остается в силе по сегодняшний день ... Президент не клялся на новой Конституции, и уже имеются прецеденты, когда его подзаконные акты в форме указов идут вразрез с действующей Конституцией. Как же все-таки действовать и судье Конституционного Суда, и Конституционному Суду в ситуации, когда решением суда дается оценка действий Президента, а Президент его исполнять не собирается?» В.Г. Стрекозов не стал уклоняться от прямого ответа: «Прежде всего об указе ... Указ № 1400 был издан с нарушением Конституции. Проблем и сомнений здесь сейчас не возникает... Конституционный Суд оценил этот указ, но в связи с принятием новой Конституции, формированием нового состава Конституционного Суда, изменением компетенции Конституционного Суда этот вопрос, по моему глубокому убеждению, снова станет предметом рассмотрения в Конституционном Суде». Далее В.Г. Стрекозов добавил: «Я считаю, что в нормальном правовом государстве не может ставиться вопрос: чем должен руководствоваться судья Конституционного Суда — Конституцией

¹ Там же.

или реалиями? Конституцией!» Кандидатура В.Г. Стрекозова рассматривалась 6 декабря 1994 г. и получила дружную поддержку сенаторов — 100 голосов¹.

Впоследствии сторонники президента признались, что твердая позиция Совета Федерации при назначении судей Конституционного Суда стала для них неожиданностью. Они полагали, что процедуры, связанные с назначением судей, «будут носить рутинный характер... Президент уверен во всех, и Совет Федерации „должен“ всех назначить. Не тут-то было. Верхняя палата парламента решила продемонстрировать, как действует система „сдержек и противовесов“ по новой Конституции. Причем критерий для отсеивания существовал один — близость кандидата к Кремлю»².

Тем не менее, в целом президенту удалось провести в состав Конституционного Суда кандидатов, которые в дальнейшем не создавали ему особых проблем.

Конституционный Суд возобновил работу после замещения 7 февраля 1995 года последней вакантной должности судьи. Так закончился полугодовой перерыв в его работе.

¹ Стенограмма заседания Совета Федерации 6–7, 9 декабря 1994 г. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/41d44e6636f23ed13fc2.doc>

² Эпоха Ельцина. С. 389–390.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

РУДЕНКО МИРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ,

депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики,
старший преподаватель кафедры политологии
Донецкого государственного университета,
Донецк, Россия;
e-mail: m.rudenko@donnu.ru

ОНОПКО ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ,

депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Донецкого государственного университета,
Донецк, Россия;
e-mail: o.onopko@donnu.ru

Аннотация. Авторы анализируют политическую историю парламентаризма в Донецкой Народной Республике от момента стихийного возникновения первых представительских структур весной 2014 г. до работы Народного Совета ДНР II созыва состоянием на 2022 г. Авторы выделяют пять основных этапов в истории донецкого парламентаризма, а также обращают внимание на устойчивый рост эффективности функционирования парламентских структур, профессионализацию работы депутатов, оформление и стабилизацию фактически двухпартийной парламентской системы.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, парламентаризм, де-факто государство.

Актуальность изучения политической истории парламентаризма в ДНР обусловлена как минимум тремя факторами. Во-первых, незавершенностью государственного строительства в республике уже как в регионе Российской Федерации: сейчас, в условиях переходного периода, на Донбассе происходит формирование новой системы государственной власти. Для успешного прохождения этого процесса необходимо анализировать его прошлое — те организационные, управленческие, политические и иные решения, которые были приняты в период независимости, и которые мы можем считать успешными или же, наоборот, ошибочными. Во-вторых, это «проецируемость» опыта донецкого парламентаризма на российский в целом, поскольку в современных условиях Россия все больше сталкивается с теми же вызовами, с которыми в свое время столкнулся Донбасс. И наконец, в-третьих, опыт работы парламентских структур ДНР, возникшей и существовавшей в условиях активного вооруженного конфликта с агрессивным и значительно более сильным противником, представляет ценность для тех стран, которые в настоящее время сталкиваются с аналогичными угрозами своей безопасности. Все вышесказанное обуславливает востребованность изучения истории представительских органов ДНР, равно как и донецкого парламентаризма в целом.

Исходя из этого, авторы преследовали цель выявить основные этапы эволюции парламентаризма в ДНР и главные тенденции в функционировании

данного политического института с 2014 г., когда была провозглашена независимость республики, и до ее вхождения в состав России в 2022 г.

В современной науке изучению парламентаризма в ДНР уделено недостаточно внимания. Вместе с тем отдельные аспекты данной проблемы стали объектами научного интереса со стороны историков, политологов и правоведов. В этом плане следует отметить научные работы В. Богуславской, В. Введенской, Т. Гущиной, В. Загороднего, М. Меркулова, П. Павленко, Г. Панчук, Ю. Тамбиянца, К. Черкашина, С. Цыплакова и др., а также авторов настоящей статьи. Вместе с тем комплексный научный анализ истории донецкого парламентаризма так и не был проведен.

Первые представительские структуры на Донбассе начали стихийно появляться одновременно с интенсификацией акций протеста в регионе, проходивших в рамках Русской весны. Именно тогда был дан старт зарождению новых протопарламентских структур, чьей целью являлась защита политических интересов жителей Донбасса. Первая попытка формирования нового — украинского — представительного органа власти (Верховного совета Донецкой области) была предпринята еще 3 марта 2014 г. в занятом восставшими зале заседаний Донецкого областного совета. Однако эта инициатива не получила дальнейшего развития в связи с арестом лидера начального этапа восстания П. Губарева¹. С середины марта 2014 г. деятельность по налаживанию взаимодействия между участвовавшими в протестном движении общественными организациями и политическими партиями начала специально созданная для этого общественная структура — Координационный совет Донецкой области (КСДО). Именно в рамках работы КСДО были подготовлены проекты текстов Декларации о суверенитете и Акта о провозглашении государственной самостоятельности ДНР².

6 апреля 2014 г., после окончательного занятия сторонниками ДНР административного здания Донецкой областной государственной администрации и областного совета, Координационный совет Донецкой области посредством СМИ обратился к руководству облсовета с требованием о созыве внеочередной сессии 7 апреля для рассмотрения подготовленных КСДО проектов документов о статусе области. Но областной совет в очередной раз проигнорировал требования восставших. Тогда в 12 часов дня 7 апреля в сессионном зале совета зарегистрировались представители территориальных громад (общин), политических партий и общественных организаций области. Так начал работу Съезд представителей административно-территориальных образований Донецкой области³.

Состав делегатов съезда был сформирован по двум спискам: в первый входили представители территориальных общин городов и районов области, во второй — представители общественных организаций и партий, участвовавших в протестах. Каждая община либо общественная организация (партия) могла делегировать до двух представителей. Всего на съезде было зарегистрировано около 80 делегатов. Из них был сформирован Совет представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций

¹ Губарев П. Факел Новороссии. СПб., 2016. С. 107–109.

² Черкашин К.В. Деятельность Координационного совета Донецкой области в ходе событий «Русской Весны» в Донбассе // Сборник материалов Первой научной конференции историков ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы». Донецк, 2015. С. 50–52.

³ Руденко М. Да здравствует Республика! // Новороссия. 6 апреля 2017. № 134. С. 1.

Донецкой области¹. Именно этот коллегиальный орган утвердил на своем историческом заседании 7 апреля 2014 г. Декларацию о суверенитете Донецкой Народной Республики и текст Акта о провозглашении государственной самостоятельности ДНР, а также принял решение о проведении референдума относительно самоопределения региона².

Совет представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций, который вскоре получил краткое название Народный Совет ДНР, ставшее впоследствии основным, работал с 7 апреля по 14 мая 2014 г. Это был новый революционный орган власти, чья работа протекала довольно стихийно, с минимальным уровнем организации, аппаратного обеспечения, протокольной фиксации принятых решений и оформления документов. Несмотря на это, именно Народный Совет ДНР внес определяющий вклад в подготовку референдума 11 мая 2014 г. После проведения референдума, 14 мая 2014 г., был образован первый в полном смысле этого слова законодательный орган государственной власти ДНР — Верховный Совет. Важнейшим нормативным правовым актом, принятым Верховным Советом, являлась Конституция Донецкой Народной Республики. 15 мая 2014 г. Верховный Совет избрал своим Председателем Д. Пушилина. Постановлениями Верховного Совета также была создана система исполнительной государственной власти ДНР. 24 сентября 2014 г. Верховным Советом были приняты законы «О выборах депутатов Народного Совета Донецкой Народной Республики» и «О выборах Главы Донецкой Народной Республики», а также назначена дата проведения выборов — 2 ноября 2014 г. Таким образом, первый парламент выполнил свою основную миссию и обеспечил легитимный переход от временных органов государственной власти к демократически избранным и постоянно действующим институтам.

Народный Совет Донецкой Народной Республики, постоянно действующий высший представительный и единственный законодательный орган государственной власти, был избран в ходе всеобщих парламентских выборов 2 ноября 2014 г. в количестве 100 депутатов, сроком на четыре года. В избирательной кампании принимали участие общественные движения (ОД) «Донецкая Республика» и «Свободный Донбасс», получившие соответственно 64,43% и 27,75% голосов избирателей. Данные общественные движения в ДНР по сути взяли на себя отдельные функции политических партий. ОД «Донецкая Республика» получило 68 депутатских мандатов, ОД «Свободный Донбасс» — 32 мандата. Таким образом, с осени 2014 г. в ДНР сложились условия для функционирования фактически двухпартийной парламентской системы³.

14 ноября 2014 г. состоялось первое пленарное заседание Народного Совета ДНР I созыва, где было избрано руководство парламента: Председателем

¹ Барков А. Новороссия в моем сердце. М., 2017. С. 429–430.

² Руденко М.В., Никольский В.Н. Создание первого высшего представительного органа власти и временного правительства в Донецкой Народной Республике // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). Донецк, 2017. Т. 5: Социально-политические, исторические и философские науки. С. 135.

³ Маркедонов С. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства // Аналитические доклады Института Кавказа. 2012. Январь. № 5 / Науч. ред.: Александр Искандарян. Ер., 2012. С. 163.

НС стал А. Пургин, а заместителем Председателя — Д. Пушилин. Цель выборов — формирование легитимных органов государственной власти в ДНР — была достигнута.

Организационно-правовое и техническое обеспечение деятельности избранного парламента стало на порядок выше подобного обеспечения его предшественников. Этому способствовало налаживание регулярного бюджетного финансирования и создания постоянно действующего Аппарата Народного Совета ДНР.

11 сентября 2015 г. Председателем Народного Совета ДНР был избран Д. Пушилин.

Всего за период работы Народного Совета I созыва было внесено на рассмотрение 599 законопроектов и принято 264 закона. За четыре года работы при активном содействии и участии депутатов Народного Совета первого созыва было проведено около 6,5 тыс. социально значимых программ, акций и мероприятий. Также было проведено более 14 тыс. приемов граждан.

Особое символическое и идеологическое значение для Республики имел принятый в феврале 2015 г. Народным Советом ДНР I созыва «Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности», провозгласивший преемственность от Донецко-Криворожской Республики (ДКР), являвшейся субъектом России¹.

В целом работа первого созыва демократически избранного парламента ДНР на протяжении всей его деятельности (14 ноября 2014 г. — 18 ноября 2018 г.) характеризуется большей, по сравнению с предшествующими ему представительными и законодательными органами, стабильностью и системностью, повышением уровня эффективности законотворческого процесса. Это можно объяснить изменением исторических условий существования ДНР, ростом субъектности республики, стабилизацией внутривнутриполитических процессов, а также более длительным сроком деятельности, позволившим отладить внутренний регламент работы законодательного органа.

Народный Совет ДНР I созыва в рамках своей законотворческой работы урегулировал основные вопросы жизнедеятельности республики в тех случаях, где это нужно было сделать в экстренном порядке, а там, где этого сделать по каким-либо причинам не удалось, был заложен правовой и политический фундамент для последовательного решения данных вопросов в рамках работы следующего созыва.

31 августа 2018 г. в центре Донецка в результате организованного спецслужбами киевского режима террористического акта погиб первый Глава ДНР А. Захарченко. Чтобы не допустить кризисных явлений в Республике, постановлением Народного Совета от 7 сентября 2018 г. временно исполняющим обязанности Главы ДНР был назначен Председатель парламента Д. Пушилин². Единственным законным способом решения вопроса о власти в данной

¹ Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/memorandumy/>

² Временно исполняющим обязанности Главы ДНР назначен председатель парламента Денис Пушилин [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://dan-news.ru/politics/vremenno-ispolnyayushhim-obyazannosti-glavy-dnr-naznachen-predsedatel-parlamenta-denis-pushilin/>

ситуации могло быть только скорейшее проведение всенародных выборов, поэтому 7 сентября 2018 г. Народный Совет ДНР принял также и постановление о проведении 11 ноября внеочередных выборов Главы ДНР и очередных выборов Народного Совета. Произошли изменения и в руководстве Народного Совета: 13 сентября руководителем фракции «Донецкая Республика» стал В. Бидевка, а 14 сентября¹ парламент возглавила вице-спикер О. Макеева, которая руководила его работой до завершения полномочий Народного Совета ДНР I созыва. В сложный исторический период парламент, как и на заре государственности ДНР, взял на себя политическую ответственность за Республику и принял все необходимые меры для стабилизации ситуации.

11 ноября 2018 г. в Республике прошли очередные парламентские выборы, по итогам которых был сформирован Народный Совет ДНР II созыва в количестве 100 депутатов со сроком полномочий пять лет. Общественное движение «Донецкая Республика» получило в законодательном органе 74 места, ОД «Свободный Донбасс» — 26 мест². В целом эти выборы продемонстрировали эффективность существующей двухпартийной парламентской системы, что на практике означало сохранение преемственности курса депутатских фракций и прогнозируемую стабильность в дальнейшей работе парламента.

Первое пленарное заседание органа законодательной власти в новом составе прошло 19 ноября 2018 г. Было избрано руководство парламента. Председателем Народного Совета II созыва стал В. Бидевка, вице-спикером — О. Макеева. В этот же день были зарегистрированы парламентские фракции: «Донецкая Республика» (руководитель — В. Скороходов) и «Свободный Донбасс» (руководитель — А. Жигулин).

Народным Советом ДНР II созыва в качестве законодательного органа самостоятельного государства состоянием на 4 октября 2022 г. было проведено 7916 заседаний комитетов и временных комиссий, а также 125 пленарных заседаний, в ходе которых приняты и подписаны Главой ДНР 424 закона. Особое значение для развития правовой и политической систем Республики стало начало процесса кодификации законодательства. Народным Советом II созыва были разработаны и приняты Гражданский кодекс ДНР, Водный кодекс ДНР и Семейный кодекс ДНР. При этом неизменным для парламента Республики всегда оставался курс на гармонизацию законодательства ДНР с законодательством Российской Федерации.

Народным Советом II созыва была поднята на новый уровень работа представителей депутатского корпуса на закрепленных округах, значительно интенсифицированы такие виды депутатской деятельности, как приемы и сходы граждан, встречи с трудовыми коллективами. Все это способствовало оперативному решению множества социально значимых вопросов. Всего с начала работы II созыва до 4 октября 2022 г. было проведено 7497 приемов граждан, 2839 сходов и 2594 встречи с трудовыми коллективами. Депутаты приняли участие в 2069 акциях оказания гуманитарной помощи и 341 конференции по социально значимым вопросам.

¹ Денис Пушилин официально сложил с себя полномочия депутата Народного Совета ДНР [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/3235887/>

² Результаты внеочередных выборов Главы ДНР и выборов депутатов Народного Совета [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://cikdnr.su/2018/11/14/rezultaty-vneocherednyh-vyborov-glavy-dnr-i-vyborov-deputatov-narodnogo-soveta/>

Помимо законотворческой деятельности и работы с населением, Народный Совет II созыва большое внимание уделял межпарламентскому сотрудничеству. В частности, 18 января 2019 г. в ходе рабочего визита официальной делегации ДНР в Республику Крым состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве между Государственным Советом Республики Крым — Парламентом Республики Крым — и Народным Советом Донецкой Народной Республики — Парламентом Донецкой Народной Республики. Подписи под документом поставили Председатель Государственного Совета Республики Крым В.А. Константинов и Председатель Народного Совета Донецкой Народной Республики В.А. Бидевка. В марте 2019 г. подобное соглашение было заключено с Парламентом Республики Южная Осетия. Летом—осенью 2019 г. депутаты Народного Совета II созыва активно участвовали в мониторинге транспарентности, законности и честности выборов в Республике Южная Осетия и Республике Абхазия.

2022 год стал переломным для республики в целом, внеся существенные изменения и в деятельность парламента ДНР. Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой (ратифицирован Народным Советом ДНР 22 февраля 2022 г.), начало СВО, воссоединение освобожденных территорий Республики и другие факторы требовали от Народного Совета ДНР II созыва новых подходов в работе и быстрого принятия законов, обеспечивающих прочную основу для системных преобразований в государстве. Необходимо было организовать законодательный процесс на качественно новом уровне. В этих условиях важнейшим направлением деятельности Народного Совета стало укрепление межпарламентского взаимодействия с Российской Федерацией в сфере гармонизации законодательства ДНР и России. Был проведен ряд встреч представителей парламентов Российской Федерации и Донецкой Народной Республики, на которых прорабатывались вопросы сотрудничества в законотворческом процессе.

Анализ исторической трансформации парламентских органов позволяет выделить следующие основные этапы становления и развития института парламентаризма в ДНР:

1) подготовительный, или предпарламентский (1 марта — 6 апреля 2014 г.) — характеризуется принятием политических решений на обретших форму народных собраний, массовых митингах Русской весны; осознанием политическим активом восставших необходимости формирования в Донецкой области независимого от киевского режима представительного органа власти; деятельностью Координационного совета Донецкой области;

2) протопарламентский (7 апреля — 14 мая 2014 г.) — формирование революционным путем и работа Совета представителей территориальных громад, политических партий и общественных организаций (Народного Совета) — первого высшего представительного органа власти Республики; принятие базовых для государственности ДНР нормативных актов; организационное обеспечение проведения референдума о самоопределении;

3) раннего парламентаризма (14 мая — 14 ноября 2014 г.) — образование и работа первого законодательного органа государственной власти — Верховного Совета ДНР; закладка фундамента республиканского законодательства и накопление опыта законотворческой деятельности; легитимизация системы органов исполнительной власти; первый опыт межпарламентского

взаимодействия в рамках Парламента Новороссии; обеспечение проведения первых демократических выборов в ДНР;

4) развитого парламентаризма (14 ноября 2014 г. — 30 сентября 2022 г.) — формирование по итогам парламентских выборов Народного Совета ДНР I и II созывов; последовательное повышение стабильности и системности в работе парламента; рутинизация законотворческого процесса наряду с плановым увеличением объема республиканской законодательной базы; высокий уровень межпарламентского сотрудничества; достижение максимально возможной степени гармонизации республиканского законодательства с российским; поэтапное обеспечение интеграционных процессов и последующего вхождения ДНР в состав Российской Федерации¹;

5) регионального парламентаризма (с октября 2022 г. по настоящее время) — начало работы Народного Совета ДНР II созыва в статусе регионального парламента субъекта Российской Федерации; предоставление отзыхов на проекты федеральных законов; принятие новой Конституции Донецкой Народной Республики; законодательное обеспечение на региональном уровне становления республиканских органов власти и местного самоуправления, проведения в сентябре 2023 г. первых региональных выборов в ДНР как в субъекте РФ.

Анализ истории парламентаризма в ДНР позволяет выделить ряд тенденций в его развитии:

- профессионализация работы депутатов Народного Совета, выраженная во всех направлениях: от законотворчества до взаимодействия с избирателями, СМИ и государственными органами;

- устойчивый курс на гармонизацию законодательства с Российской Федерацией, постепенный отказ от правовой системы, отличной от российской, окончательно закрепленный после принятия в марте 2019 г. Концепции внешней политики ДНР;

- постепенное усложнение парламентской культуры², а также активное формирование ее символического компонента (например, введение Дня парламентаризма, внедрение парламентских традиций, создание парламентского музея и т.д.);

- формирование де-факто двухпартийной системы (парламентские функции партий, которых в ДНР не было до присоединения к РФ, выполнялись общественными движениями «Донецкая Республика» и «Свободный Донбасс»);

- становление демократического централизма как одного из основных принципов работы парламента;

- устойчивое укрепление и расширение межпарламентских связей, в первую очередь, с Луганской Народной Республикой, Республикой Южная Осетия, Республикой Крым и другими регионами РФ;

- переход от модели «конкурентного партнерства» во взаимодействии законодательной и исполнительной ветвей власти (до 2022 г.) к модели «синергетического партнерства».

¹ Руденко М.В. Этапы становления парламентаризма в Донецкой Народной Республике // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). Донецк, 2019. Т. 8: Политические и юридические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. С. 93.

² Колесников В.Н. Парламентская культура в современной России: специфика формирования // Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология. 2009. № 2 (6 Политология — 9 История). С. 5–12.

За годы своего существования в качестве де-факто государства Донецкая Народная Республика смогла создать полноценную политическую систему, особое место в которой исторически занимала законодательная власть. Формирование не украинских представительских органов началось в Донбассе в 2014 г. с первых дней Русской весны. Стихийно созданные, они в дальнейшем эволюционировали и к моменту принятия ДНР в состав России республика имела уже достаточно сложный институт парламентаризма, способный обеспечить не только эффективное принятие и легитимацию политических решений, но и отчасти контроль за их исполнением другими органами власти, что крайне редко случается в условиях политических режимов де-факто государств.

ПАРЛАМЕНТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ: ВОПРОС ЖЕНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

ЧИКАЛОВА ИРИНА РОМУАЛЬДОВНА,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории и
методики преподавания истории
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь;
email: irina_chikalova@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются тенденции, связанные с участием женщин в органах представительной власти Республики Беларусь в первое десятилетие после обретения ею самостоятельности. Показывается, как вместе с отказом от квотирования резко снизилось их представительство в выборных органах власти на всех уровнях: национальном, областном, городском, районном, сельском. Делается вывод, что препятствия, тормозившие процесс вхождения женщин в верхние слои политической элиты, были существенны, но уже в 1990-е гг. были заложены предпосылки для перелома сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Республика Беларусь, парламент, Верховный Совет, Национальное собрание Республики Беларусь, Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, парламентские выборы, депутаты, женщины.

Законодательную власть в Республике Беларусь до 1996 г. осуществлял однопалатный Верховный Совет, после этого и до сегодняшнего дня она представлена двухпалатным Национальным собранием. Выборы в Верховный Совет 12-го созыва состоялись в 1990 г. еще в условиях существования СССР, когда продолжала действовать Конституция БССР 1978 г. В ней концепт «равенство» толковался не только как равенство прав женщин и мужчин, но и как равенство возможностей их реализации (ст. 33)¹. Подобный конституционный подход соответствовал международным стандартам, современным с точки зрения и сегодняшнего дня.

Новая Конституция была принята в 1994 г. Из ее окончательного текста названная статья была целиком убрана, взамен государство брало обязательство обеспечивать права и свободы граждан (ст. 21) и декларировало гарантии «на равную защиту прав и законных интересов» без всякой дискриминации (ст. 22)². Исчезновение статьи о женском равноправии не могло остаться незамеченным. Но как было исправить ситуацию? Возможно, все так и осталось бы на своих местах, если бы не принятие решения о проведении конституционной реформы. Подготовленный проект обновленной Конституции был

¹ Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. С изменениями и дополнениями, принятыми на двенадцатой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва. Минск, 1980. С. 16.

² Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Прынята на трынаццатай сесіі Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь дванацатага склікання 15 сакавіка 1994 года. Минск, 1994. С. 6.

опубликован в печати. Было проведено его общественное обсуждение, что создало благоприятную возможность для дискуссии по женскому вопросу, поскольку названная статья в проекте по-прежнему отсутствовала.

Сторонники возвращения статьи в текст конституции активно апеллировали к международным документам, в частности, к решениям IV Всемирной конференции по положению женщин (1995 г.), к которым присоединилась Республика Беларусь. Они рекомендовали поддерживать равноправие полов в области образования и профессиональной подготовки, в работе директивных органов и процессе принятия решений, учитывать предполагаемые последствия принятия решений на всех уровнях как для женщин, так и для мужчин. Их оппоненты настаивали на неактуальности в новых условиях выдвижения отдельных обязательств в отношении женского равноправия, поскольку, по их мнению, вопрос уже был окончательно решен в советский период, и полагали необходимым отказаться от специальных предпочтений отдельным группам ради создания конкурентной среды в общественной сфере.

В итоге верх одержали сторонники сохранения уже устоявшегося в прежний период подхода к идее равенства полов. Как следствие, обновленная Конституция (24 ноября 1996 г.), как и в советские времена, гарантировала женщинам предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности (ст. 32)¹, тем самым отразив и современное видение концепта «равенство» полов.

Конституционная реформа 1996 г. трансформировала всю систему власти, включая парламент страны. Внешние изменения коснулись названия — он стал именоваться Национальным собранием Республики Беларусь. При этом стал постоянно действующим. Вместо одной в нем появились две палаты, работающие на постоянной основе: Палата представителей и Совет Республики, депутаты которого избираются областными и Минским городским советами (по 8 человек от каждого) и дополняются 8 депутатами, назначаемыми непосредственно Президентом Республики Беларусь.

Тем не менее, путь от формально-юридического к действительному равенству оказался не простым. И это продемонстрировали выборы в Верховный Совет 1990 г., впервые организованные на альтернативной основе, а также следующие выборы, состоявшиеся в 1995 г.² Законодательный орган приобрел практически полностью мужской облик: 14 женщин³ против 345 в 1990 г. и 9 женщин⁴ на фоне 190 мужчин в 1995 г. Таким образом, женщины составили соответственно лишь 3,9% и 4,5% среди депутатов Верховного Совета 12-го (1990–1995) и 13-го (1995–1996) созывов.

Результат выглядел особенно разочаровывающим в силу того, что в 1990 г. Комиссия ООН по статусу женщин признала 30%-ный рубеж представленности

¹ Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (Са змяненнямі і дапаўненнямі). Прынята на рэспубліканскім рэферэндуме 24 лістапада 1996 года. Минск, 2000. С. 11.

² Сформированный в 1995 г. Верховный совет 13-го созыва был распущен через несколько месяцев после начала работы.

³ Т.М. Анисенко, А.И. Боборыкина, О.Н. Голубович, И.Н. Дробышевская, Н.Я. Извалова, У.Ф. Кришталевиц, З.В. Крупник, З.В. Пенькова, Р.Н. Самусевич, Г.Г. Семдянова, Н.И. Солдатова, Л.Д. Улитина, Е.Н. Устинович, В.А. Ястреб.

⁴ О.М. Абрамова, М.М. Винокурова, Л.Н. Грязнова, Т.А. Манукова, В.М. Самусева, Е.Н. Скриган, Н.П. Телебук, Т.Н. Ходневич, М.Н. Худая. О.М. Абрамова — секретарь Постоянной комиссии по международным делам. Л.Н. Грязнова — заместитель председателя Постоянной комиссии по бюджету, налогам, банкам и финансам.

женщин в парламентах в качестве приемлемого минимума, начиная с которого они получают возможность влиять на политическую повестку и принимаемые решения. В Беларуси этому требованию удовлетворяла только пропорция женщин в сельских Советах, хотя и значительно снизившаяся по сравнению с еще недавним прошлым, но все еще составлявшая довольно внушительные 34%. В 1995 г. широкое участие в парламентских выборах принимали политические партии, от которых зависело выдвижение своих представителей кандидатами в депутаты. Однако на тот момент вопрос о равенстве полов для политических элит утратил актуальность (и это фиксировала сама конституция 1994 г.).

«Стеклянный потолок» для белорусских женщин, которые уже в позднесоветский период опережали мужчин по уровню образования (из 1000 работающих женщин 779 имели высшее и среднее образование, у мужчин — 748¹), тоже существовал. Да и двойная занятость — на производстве и по обслуживанию семьи — не позволяла им серьезно концентрироваться на карьере. С другой стороны, сказывалась устойчивость культурного стереотипа об управленческой работе как о преимущественно мужском занятии.

Кроме того, с перестройкой прежней политической системы произошел отказ от идеи пропорционального представительства разных социальных групп, в том числе обязательного квотирования женского представительства в Советах всех уровней². Более того, оказалась скомпрометированной сама идея этого участия, а вместе с ней и идея женской эмансипации, которую стали выдавать за составную часть даже не левой, а большевистской политической культуры, с наследием которой развернулась настоящая борьба. Коммунистическая партия Беларуси, патронировавшая советское женское движение, стремительно утрачивала влияние, в 1991 г. ее деятельность и вовсе была приостановлена; после снятия в 1993 г. запрета она оставалась в тени новых политических партий, целиком убравших из практической повестки вопрос об участии женщин в органах власти.

После одобрения на втором республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. новой редакции Конституции выборы в Палату представителей Национального собрания 1-го созыва (1996–2000) не проводились. Противостояние между Президентом А.Г. Лукашенко и Верховным Советом, пытавшимся объявить ему импичмент, привело к тому, что новый законодательный орган — Палата представителей — был сформирован из 110 депутатов последнего состава Верховного Совета, поддержавших конституционные преобразования и согласившихся в нее перейти по предложению А.Г. Лукашенко.

В новом парламенте было пять женщин, или 4,5% от общего числа депутатов (110): М.М. Винокурова, В.М. Самусева, Н.П. Телебук, Т.Н. Ходневич, М.Н. Худая³. Три из них были задействованы в качестве заместителей пред-

¹ Штрихи к портрету белоруски / [редколл.: В.Г. Анищук и др.]. Минск, 1985. С. 23.

² В БССР, как и в целом в СССР, широкое участие женщин в работе Советов народных депутатов всех уровней являлось результатом государственного проекта пропорционального и сбалансированного представительства в них разных социальных групп. Для женщин оно обеспечивалось путем негласного резервирования трети депутатских мест в Верховном Совете СССР и в Верховных Советах союзных республик, а также половины мест в местных советах. На практике, в условиях безальтернативных выборов, их число оказывалось еще выше: в Верховном Совете БССР 11-го созыва (1985–1990) они составляли 37%, в местных советах — 50%.

³ Четверо женщин-депутатов Верховного Совета 13-го созыва (О.М. Абрамова, Л.Н. Грязнова, Т.А. Манукова, Е.Н. Скриган) не согласились перейти в Палату представителей Национального собрания 1-го созыва.

седателей постоянных Комиссий, еще одна была включена в состав постоянной Комиссии по международным делам и национальной безопасности. Представленность женщин в Комиссиях в сложившихся обстоятельствах может быть расценена как максимально благоприятная. Фактически же уровень женского участия в парламенте был низким. Тем не менее, женщины были заметны в работе законодательного органа, чему способствовали их личные качества: это были опытные профессионалы, занимавшие разные ступени государственного и партийного управления еще в советские годы. М.Н. Худая, утвержденная заместителем председателя комиссии по проблемам черныбыльской катастрофы, экологии и природопользования, работала первым секретарем Несвижского райкома КПБ, избиралась депутатом Верховного Совета БССР 8-го и 13-го созывов, была членом Президиума Верховного Совета БССР. Т.Н. Ходневич, ставшая заместителем комиссии по национальной безопасности, была полковником милиции, работала в органах МВД. В.М. Самусева, занявшая пост заместителя председателя комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу, в прошлом работала директором средней школы. М.М. Винокурова до избрания в парламент работала директором завода крупнопанельного домостроения в Бобруйске.

Первые выборы в соответствии с Конституцией в ее редакции 1996 г. состоялись в 2000 г. На них в Палату представителей Национального собрания (официально 2-й созыв) из 63 женщин, зарегистрированных в качестве кандидатов¹, депутатский мандат получили 14 (12,7%) против 96 (87,3%) мужчин². Женщины, хотя и прибавили в представительстве, вновь получили абсолютное меньшинство мест. Тем не менее, итоги уже выборов обнаружили обнадеживающую особенность: в своей гендерной группе мужчин-кандидатов попало в парламент 19,4% — даже чуть меньше, чем женщин — 22,4%.

В депутатском корпусе Палаты представителей 2-го созыва опыт законодательной работы имели только три женщины. О.М. Абрамова являлась депутатом Верховного Совета 13-го созыва, но в большую политику вошла еще в конце 1980-х гг. как представительница «русскоязычной» оппозиции, возглавляла Движение демократических реформ Беларуси, Белорусское объединение «Яблоко». Наиболее опытными парламентариями в новом составе парламента были М.М. Винокурова и М.Н. Худая, отработавшие до этого в Верховном Совете 13-го созыва и Палате представителей 1-го созыва. Женщины были широко представлены в руководящем составе Палаты представителей. В число 22 членов ее Совета вошли С.В. Гиль, З.В. Пенькова, Н.А. Ткачук. Все избранные женщины-депутаты были задействованы в работе

¹ Список кандидатов в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва (по избирательным округам) [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-elections-ppns2-spis2.pdf>

² Список депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва на 1 декабря 2002 г. // Официальный Интернет-портал Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-elections-ppns2-spis.pdf>

Постоянных комиссий, в основном в качестве рядовых членов¹. Пропорционально увеличив свое участие в руководстве комиссий, женщины не поднялись выше должности заместителя председателя: Н.П. Авдеева — в комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу, З.П. Пенькова — в комиссии по международным делам и связям с СНГ, А.Н. Бурова — в комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации, Т.Г. Голубева — в комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации. Наметилась и тенденция к стабилизации женских (собственно, это было типично и для мужчин-парламентариев) парламентских руководящих кадров. М.Н. Худая, вторично получив легислатуру, сохранила свое прежнее место в комиссии по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользования. По-прежнему ни одной женщины не было в числе председателей постоянных комиссий.

Полная картина женского участия в Верховном Совете и Палате представителей Национального собрания обобщена в таблице 1.

Таблица 1

**Состав депутатов Верховного Совета 12-го и 13-го созывов
и Палаты представителей Национального собрания
Республики Беларусь 1-го и 2-го созывов**

Созыв	Всего депутатов	Мужчины		Женщины		Руководители палат и комиссий*				
		Всего	%	Всего	%	Всего	Мужчин		Женщин	
							Всего	%	Всего	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1990–1995	359	345	96,1	14	3,9	—	—	—	—	—
1995–1996	199	190	95,5	9	4,5	—	—	—	—	—
1996–2000	110	105	95,5	5	4,5	45	42	93,3	3	6,7
2000–2004	110	96	87,3	14	12,7	46	41	89,1	5	10,9

* В графу «Руководители палат и комиссий» включены: Председатель Палаты представителей, заместители Председателя Палаты представителей, председатели и заместители председателей постоянных комиссий.

Источник: Парламент — Национальное собрание Республики Беларусь. Минск: Белта, 1997. С. 246–255; Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996–2006. Минск: Белта, 2006. С. 14–19, 22–33; Парламент — Нацыянальны сход Рэспублікі Беларусь другога склікання. Минск: Белта, 2003. С. 244–250; Женщины и мужчины Республики Беларусь. Стат. сборник. Минск, 1999. С. 70.

Итоги выборов в Верховный Совет 12-го и 13-го созывов, состав Палаты представителей Национального собрания 1-го и 2-го созывов давали все основания сделать вывод о том, что в 1990-х годах на электоральном поле женщины абсолютно проиграли мужчинам. И этот вывод ненамного смягчал

¹ Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996–2006. Минск, 2006. С. 22–27; Парламент — Нацыянальны сход Рэспублікі Беларусь другога склікання. Минск, 2003. С. 244–250.

факт, что к 2000 г. в мире женщины в среднем составляли только 14% от состава национальных парламентов¹ — собственно примерно столько же женщин (12,7%) выиграло выборы в Палату представителей в этом году².

Вместе с отказом от квотирования резко снизилось участие женщин не только в национальном парламенте, но и в выборных органах власти на всех уровнях, в том числе, областном, городском, районном, сельском. По итогам выборов в местные Советы 21-го созыва (1990–1994) доля женщин в сравнении с предшествовавшим созывом 1985 г. в сельских снизилась с 50% до 34%, в районных — с 49% до 23%, а, например, в Гомельском областном Совете народных депутатов упала с 48% до 11%³. Относительно низкие показатели представленности женщин в местных, особенно областных, Советах сохранялись вплоть до выборов 1999 г. В результате последних их доля в Советах (23-й созыв, 1999–2002) в среднем составила 36,7%⁴. Избирательные кампании 1990-х годов показали, что в отсутствие государственной политической воли и специальных требований со стороны избирательного законодательства ни политические партии, ни сами женщины не были готовы к активному выдвижению себя в качестве кандидатов, а население — за них голосовать.

Тем не менее, первое постсоветское десятилетие не было потерянным для женщин в отношении утверждения их на обновленном политическом поле и продвижения в политику. В республике было зарегистрировано несколько десятков женских организаций⁵, лидерами которых во многих случаях выступили активные в прошлой политической системе члены Компартии и комсомола, подготовленные к общественной деятельности и организаторской работе всем своим предшествовавшим опытом. Наиболее крупной и влиятельной организацией, имевшей централизованную структуру и широкую сеть региональных отделений, стал зарегистрированный в 1991 г. «Белорусский Союз женщин» — преемник «Белорусского комитета советских женщин» времен СССР. Деятельность женских объединений первого постсоветского десятилетия во многом характеризовалась социально-благотворительным характером: они ретранслировали экономические и социальные требования женщин, добивались оказания им конкретной помощи в кризисных ситуациях. Большинство их лидеров и участников не заявляли публично о своей политической позиции, их собственная система идей, из которой определяются цели, видение будущего на конкретном этапе, была расплывчатой.

При всей кажущейся незначительности достижений женское движение на этом этапе сыграло определенную конструктивную роль. В нем заметное место заняли организации, которые не только поддерживали традицию официального женского движения советского времени, но и сделали существенный

¹ Цели развития тысячелетия: доклад за 2012 год. Нью-Йорк, 2012. С. 24.

² Заметим, что в Совете Республики Национального собрания ситуация изначально была благоприятна для женщин. В каждом из первых двух его созывов присутствовало по 18 женщин. Их удельный вес составлял 32,2% и 31,2% в созывах 1996–2000 и 2000–2004 гг.

³ Национальный доклад о положении женщин в Республике Беларусь (К IV Всемирной конференции по положению женщин). Минск, 1995. С. 19.

⁴ Выборы в местные Советы депутатов Республики Беларусь двадцать третьего созыва: [сборник материалов / Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов]. Минск, 1999. С. 42.

⁵ Роль общественных объединений в политической системе Республики Беларусь. Информационный материал № 8 (68). Минск, 2009. С. 5.

шаг вперед, сумев превратиться в реальный феномен общественной жизни. За рамки социально-благотворительной работы стала выходить деятельность «Белорусского союза женщин», а активность таких объединений, как «Женское христианско-демократическое движение» (1992), «Белорусская женская лига» (1998), все больше начала концентрироваться на вопросах мобилизации и политического обучения женщин, воспитания у них интереса к политической деятельности. Появилась даже женская политическая партия — «Надзея» (1994), созданная активистками профсоюзов, по своему составу преимущественно женских (легкой промышленности и др.). Она, помимо требований улучшения условий жизни, раскрытия творческого потенциала женщин, выдвигала в качестве программной задачу вовлечения их в политику. Партия приобрела даже некоторую узнаваемость. В 1999 г. ее рейтинг был максимальным и доходил до 8,4%.

В массе общественных объединений разной направленности женские составляли всего 1,07%¹. Но женщины получили возможность пройти школу политической социализации во множестве других объединений, в которых они составили основу рядовых членов, а многие из которых возглавили. Среди лидеров общественных объединений в среднем по стране они составили 23%: в столице — 20,87%, в областных городах — 25,82%, в районных центрах — 24,85%².

На таком фоне устойчивый рост числа назначений женщин на ответственные должности в системе государственного управления позволил не только сохранить, но и открыть новые перспективы для женского лидерства как феномена политики. Наконец, традиционное представление о несовместимости сферы общественно-политической деятельности и женщин стало замещаться более позитивным отношением к их политическим амбициям. Все это даст о себе знать в перспективе на последующих — 2004, 2008, 2012, 2016, 2019 г. — выборах в Палату представителей Национального собрания³.

¹ Даведнік беларускіх грамадскіх аб'яднанняў: Па стане на 01.06.2000. Мінск, 2000. С. 7.

² Левченко Е.А. Исследования общественных объединений: мировой опыт и Республика Беларусь. Минск, 1999. С. 132–133.

³ Чикалова И.Р. Женщины в органах государственной власти и управления // История белорусской государственности. В 5 т. Минск, 2020. Т. 5: Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX — начало XXI в.) / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н.В. Смехович. С. 529–550.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОГРАММАХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

СМАЛЬ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии
Института истории и социальных наук
РГПУ имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: SSmal@yandex.ru

Аннотация: В статье проанализированы количественные показатели парламентов РФ и Казахстана, проведен контент-анализ программ парламентских партий Казахстана и России, выявлен удельный вес анализируемых по сферам контент-единиц, сделаны выводы об увеличивающейся значимости тем социальной политики, социальной защиты и социального обеспечения в эпоху нового, пандемийного, мироустройства.

Ключевые слова: контент-анализ, парламентские партии, Казахстан, Россия, социальная политика.

В государствах, объединенных в Содружество Независимых Государств, в 2021 году состоялись выборы как в парламенты стран, так и президента, был также проведен один референдум по определению формы правления (в Кыргызской Республике). Всего за год таких электоральных эпизодов насчитывается семь, ниже будут проанализированы выборы в Государственную Думу Российской Федерации и в Мажилис Парламента Республики Казахстан, и предпринята попытка определения роли социальной политики в электоральном дискурсе партий при помощи метода контент-анализа.

В целом, метод контент-анализа текста программ политических партий используется авторами довольно регулярно¹: при помощи количественного и качественного изучения лингвистических единиц можно выявить как особенности политической картины мира эксперта-политолога, проводящего анализ², так и характеристики самих политических текстов³, и даже изучить предвыборные предложения по социальной политике политических партий на выборах депутатов Государственной Думы РФ VIII созыва⁴ и в целом сделать вывод об используемых текстах как об инструменте информационных технологий⁵.

¹ Северухина Д.Д. Контент-анализ программ политических партий для выявления преобладающих ценностей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 107–111.

² Оношко О.В., Борозенец Д.И. Контент-анализ как метод определения политической картины мира эксперта-политолога (на примере Н.В. Сунгуровского) // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 170–177.

³ Пигалева П.В., Чумаченко А.П. Сравнительный анализ программ политических партий системной оппозиции Российской Федерации // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 4 (26). С. 81–88.

⁴ Аверин А.Н., Понедельков А.В., Крицкая А.А., Бобровниченко А.А. Предвыборные предложения по социальной политике политических партий на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 14–20.

⁵ Шалашина Т.В. Анализ текста как инструмент информационных технологий // The Newman in Foreign Policy. 2022. Т. 2. № 65 (109). С. 38–48.

В качестве единиц анализа, как уже было заявлено в ходе дискуссии, имевшей место на конференции «Таврические чтения 2022»¹, используются понятия и смысловые лексические единицы, относящиеся к трем исследуемым сферам деятельности: социальной, политической и экономической. Исследование только одной социальной сферы представляется нецелесообразным, так как не дает полной картины отражаемых в текстах программ партий ориентаций и направлений деятельности.

В социальной сфере в качестве лингвоединиц используются следующие слова: социальный (это, возможно, спорная дефиниция, в силу широты трактовки, однако было решено не отказываться от ее использования, так как она является определяющей для статьи), здравоохранение, образование наука, безработица (элеуметтік, денсаулық сақтау, білім беру ғылымы, жұмыссыздық). Экономическая сфера анализируется через такие маркеры, как экономика, промышленность, предпринимательство и бизнес, технологии и инновации, сельское хозяйство (элеуметтік, денсаулық сақтау, білім беру ғылымы, жұмыссыздық). Политическая сфера выражается через такие слова, как политика, демократия, власть, управление, институт (саясат, демократия, билік, басқару, институт). Выбранные понятия отражают несколько параметров успешности программ политических партий², их сферную предрасположенность и направленность возможной реализуемой политики и будут рассматриваться как для российских, так и для политических партий Республики Казахстан.

Для начала необходимо обозначить количественные показатели парламентов Российской Федерации и Казахстана текущих созывов, это представляется удобным сделать в виде таблицы, представив ниже данные как численного состава парламентариев, так и в процентном соотношении количества партийных мандатов к общему числу депутатов парламента (см. табл. 1).

Далее приведем результаты контент-анализа программ парламентских партий Казахстана и Российской Федерации. Автором проведен контент-анализ, включающий положения подхода Р. Мертон³, осуществляется количественное сравнение в кросстемпоральном разрезе как численности депутатского корпуса и представленных политических партий, так и упоминаемых в текстах программ основных смысловых единиц, отображающих политическую, экономическую и социальную направленность партийного дискурса. Результаты анализа визуализированы при помощи программы SigmaPlot, версия 12.5.

Так, перечислим названия партий, программы которых будут проанализированы ниже, а результаты анализа будут представлены в виде таблиц и рисунков. Это российские «Единая Россия», Коммунистическая Партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, «Справедливая Россия — За правду» и «Новые люди», а также партии Казахстана, такие как

¹ Конференция 2022 года состоялась 5–6 декабря 2022 года в Таврическом дворце Санкт-Петербурга, см. подробн.: Ежегодная научная конференция «Таврические чтения» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: — http://parlament-history.ru/tavricheskie_chtenia/

² Пигалева П.В., Чумаченко А.П. Сравнительный анализ программ политических партий системной оппозиции Российской Федерации // ГосПер: государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 4 (26). С. 82.

³ Merton R.K. A Paradigm for functional analysis in sociology [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/292154937_ROBERTK_MERTON_A_PARADIGM_FOR_FUNCTIONAL_ANALYSIS_IN_SOCIOLOGY

Таблица 1

Парламентские партии Государственной Думы РФ и Мажилиса Республики Казахстан действующего на декабрь 2022 года созыва

Название партии	Количество депутатов текущего созыва (человек / проценты)
Парламентские партии Государственной Думы РФ	
«Единая Россия»	324 / 60,91%
Коммунистическая партия РФ	57 / 15,8%
«СР — За правду» / «Справедливая Россия»	27 / 6,73%
Либерально-демократическая партия России	21 / 6,11%
«Новые люди»	13 / 4,105*
Парламентские партии Мажилиса Республики Казахстан	
Нур Отан	76 / 71,09%
Ак Жол	12 / 10,95%
Народная партия Казахстана	10 / 9,10%

* 4,105 — среднее арифметическое значение голосов партии, завоеванных по спискам (5,32%) и по одномандатным округам (2,89%).

АМАНАТ (с 1999 года — партия «Отан», с 2006 по 2022 — «Нур Отан»), Демократическая партия Казахстана «Ак жол» и «Народная партия» (в 2004–2020 — Коммунистическая Народная партия Казахстана).

Вначале целесообразно представить результаты анализа текстов программ партий, представленных в Российском и Казахстанском парламентах. В таблице 2 указаны объемы текста программы политических партий и даты их принятия.

Таблица 2

Объемы текста программ парламентских партий РФ и Казахстана и даты их принятия¹

Название партии	Дата принятия программы партии	Объем текста программы партии
«Единая Россия»	1 декабря 2001 года	1018 слов
КПРФ	30 ноября 2008 года	4457 слов
Либерально-демократическая партия России	13 декабря 2001 года	7772 слова
«СР — За правду» / «Справедливая Россия»	28 мая 2021 года	9039 слов
«Новые люди»	1 марта 2020 года	1531 слово
АМАНАТ	27 февраля 2019 года	11 710 слов
«Ак жол»	19 ноября 2020 года	6811 слов
«Народная партия»	7 июня 2020 года	6767 слов

¹ Составлено автором по данным, представленным министерством юстиции РФ в «Списке зарегистрированных политических партий РФ» [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>.

Ниже, также в виде таблиц, представим результаты анализа по каждой из российских парламентских партий, объединив удельный вес анализируемых единиц. Уточним, что он высчитывается по простой формуле:

$$K=N/i,$$

где К — значение веса единицы, N — общий объем текста (слов), а i — количество упоминаний единицы. Для того, чтобы показатель удельного веса считался статистически значимым, он не должен быть менее одного процента¹, что в целом и показано ниже в результирующих таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Результаты контент-анализа текстов программ российских парламентских партий Государственной Думы VIII созыва

Партия «Единая Россия»					
	Единицы для анализа				
Социальная сфера	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	10 (0,98%)	0	0	4 (0,39%)	0
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	2 (0,20%)	0	1 (0,10%)	1 (0,10%)	3 (0,29%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	4 (0,39%)	0	9 (0,88%)	6 (0,59%)	0
Коммунистическая партия Российской Федерации					
Направления развития	Единицы для анализа				
Социальная сфера	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	17 (0,38%)	1 (0,02%)	7 (0,16%)	7 (0,16%)	1 (0,02%)
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	11 (0,25%)	8 (0,18%)	1 (0,02%)	0	2 (0,04%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	5 (0,11%)	2 (0,04%)	23 (0,52%)	4 (0,09%)	0
Либерально-демократическая партия России					
Направления развития	Единицы для анализа				
Социальная сфера	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	28 (0,36%)	4 (0,05%)	9 (0,12%)	5 (0,06%)	3 (0,04%)
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	20 (0,26%)	10 (0,13%)	4 (0,05%)	5 (0,06%)	1 (0,01%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	42 (0,54%)	3 (0,04%)	26 (0,33%)	6 (0,08%)	1 (0,01%)

¹ Пигалева П.В., Чумаченко А.П. Указ. соч. С. 81–88.

Партия «Справедливая Россия — За правду»					
Направления развития	Единицы для анализа				
Социальная сфера	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	49 (0,54%)	17 (0,19%)	30 (0,33%)	12 (0,13%)	0
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	83 (0,92%)	5 (0,06%)	16 (0,18%)	6 (0,07%)	16 (0,18%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	25 (0,28%)	2 (0,02%)	11 (0,12%)	11 (0,12%)	1 (0,01%)
Партия «Новые люди»					
Направления развития	Единицы для анализа				
Социальная сфера	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	0	10 (0,65%)	1 (0,07%)	1 (0,07%)	0
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	7 (0,46%)	0	3 (0,2%)	0	4 (0,26%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	2 (0,13%)	11 (0,72%)	1 (0,07%)	3 (0,2%)	1 (0,07%)

Обобщая данные по анализу текста программ парламентских партий Российской Федерации, констатируем следующие промежуточные выводы.

«Единая Россия». Удельный вес «социальной компоненты» 0,95%, общее количество упоминаний 14; подсчет показал, что социальная сфера не является приоритетной, как и, парадоксальным образом, ни политическая, ни экономическая.

Коммунистическая партия Российской Федерации. Удельный вес «социальной сферы» в тексте программы составляет 0,7%, количество упоминаний 31; говорится, главным образом, про управление — самое большое количество упоминаний (36), социальная повестка дня, в целом, представлена слабо.

Либерально-демократическая партия России. Удельный вес 0,3% и всего 4 упоминания социальной тематики. Программу либерально-демократической партии России можно принимать за образец популистских воззваний по принципу «За все хорошее, против всего плохого», однако у партии есть более пространственный документ объемом 31 в страницу, размещенный на сайте Министерства юстиции РФ¹, и там более подробно расписаны элементы социальной сферы².

Партия «Справедливая Россия — За правду». Удельный вес категории, что удивительно, настолько же мал, как и у всех проанализированных выше

¹ Программа и Устав Политической партии ЛДПР — Либерально-демократическая партия России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/programma-i-ustav/>

² Смаль С.В. Социальная политика в программах политических партий России на выборах 2021 года // Герценовские чтения: Россия-2021. Актуальные вопросы политического знания / Под общ. ред. Л.А. Гайнутдиновой. СПб., 2021. С. 119–126.

(0,75%), хотя и встречаются эти единицы, безусловно, чаще: 108 упоминаний, но и размер документа больше (см. табл. 3).

«Новые люди». Повестка политической партии отражает реалии пандемийного этапа развития: больше всего упоминаний содержится в разделе «здравоохранение», но, увы, все равно недостаточно, чтобы всерьез рассматривать именно социальную сферу как преобладающую.

Подведем итог графическим образом, разместив «актуальность» социальной и иных сфер в виде графиков ниже на рисунке 1, обозначим различные

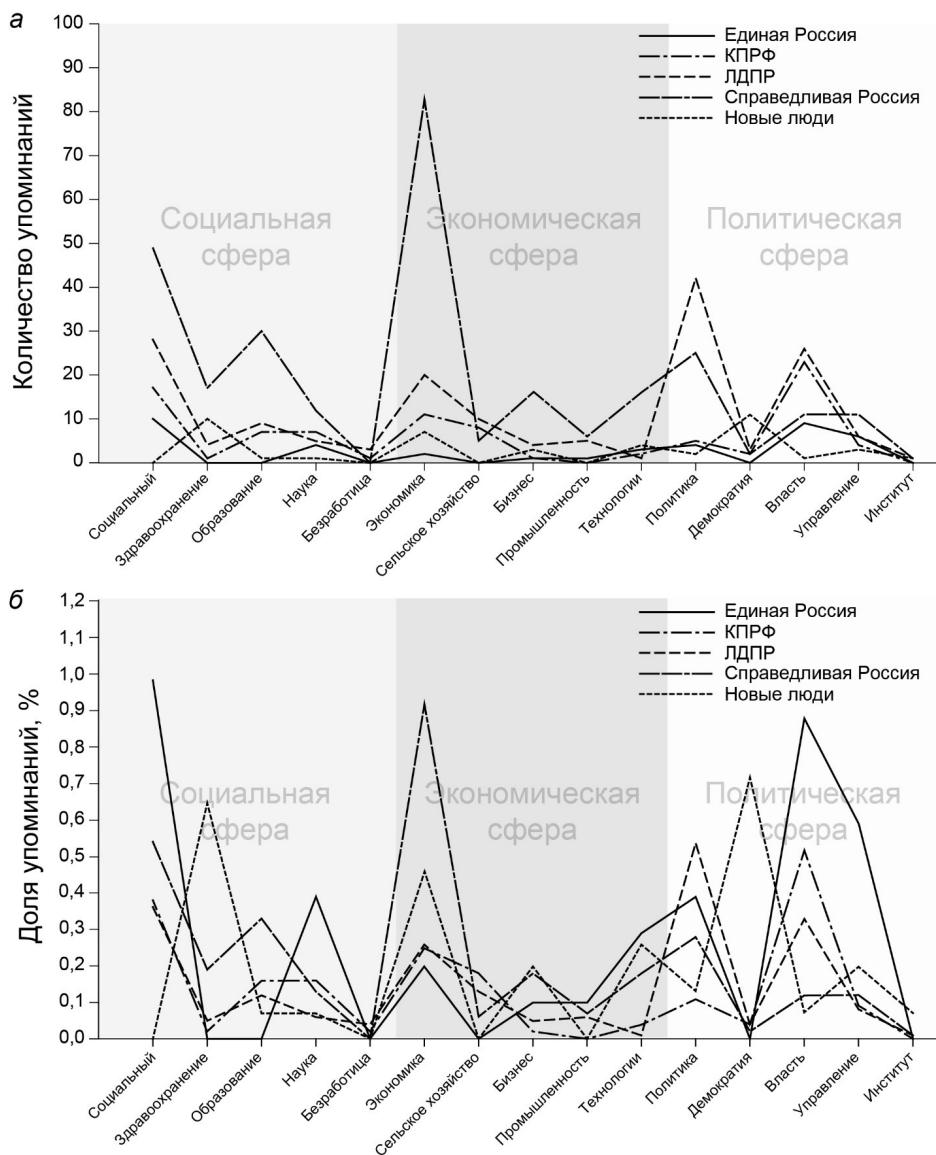

Рис. 1. Результаты контент-анализа программ парламентских политических партий РФ

направления интересов политических партий разными цветами и также маркируем упоминания выбранных нами лингво-единиц, представим ниже два графика, в одном обобщим количество упоминаний, в другом — общую долю анализируемого контента в текстах.

Перейдем далее к анализу текстов программ партий актуального парламентского поля Казахстана — это политическая партия со сложной судьбой переименований, ныне называющаяся АМАНАТ (26 апреля 2022 года произошло слияние партий «Аманат» и «Адал»), Демократическая партия Казахстана «Ақ жол» («Светлый путь») и «Народная партия» (ранее, с 2004

Таблица 4

**Результаты контент-анализа текстов программ политических партий
Мажилиса Республики Казахстан**

АМАНАТ					
Социальная сфера	Единицы для анализа				
	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	9 (0,13%)	0	3 (0,04%)	4 (0,39 %)	2 (0,03%)
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	7 (0,10%)	2 (0,03%)	5+1 (0,09%)	0	3+0 (0,04%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	104 (1,48%)	3 (0,04%)	6 (0,09%)	15 (0,22%)	13 (0,19%)
«Ақ жол»					
Направления развития	Единицы для анализа				
	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	29 (0,425%)	2 (0,029%)	10 (0,146%)	4 (0,058%)	1 (0,014%)
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	30 (0,44%)	7 (0,1%)	22+32 (0,79%)	3 (0,044%)	4+0 (0,058%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	27 (0,39%)	40 (0,59%)	20 (0,3%)	11 (0,16)	19 (0,28%)
«Народная партия»					
Направления развития	Единицы для анализа				
	Социальный	Здраво-охранение	Образование	Наука	Безработица
	49 (0,72%)	15 (0,22%)	30 (0,44%)	21 (0,31%)	0
Экономическая сфера	Экономика	Сельское хозяйство	Бизнес	Промышленность	Технологии
	36 (0,53%)	14 (0,20%)	6+14 (0,29%)	12 (0,17%)	22+14 (0,53%)
Политическая сфера	Политика	Демократия	Власть	Управление	Институт
	25 (0,36%)	2 (0,03%)	15 (0,21%)	11 (0,16%)	14 (0,20%)

по 2020 — Коммунистическая Народная партия Казахстана), материалы взяты из открытых источников и официальных сайтов изучаемых партий: <https://amanatpartiasy.kz/?lang=ru>, <https://akzhol.kz/ru/> и <https://halykpartiyasy.kz/ru>.

Краткие итоги анализа текстов политических партий Мажилиса Республики Казахстан также неутешительны для социальной сферы: она, очевидно, не занимает значимого места в официально-партийном политическом дискурсе, большее внимание уделяется вопросам политического устройства и экономического развития.

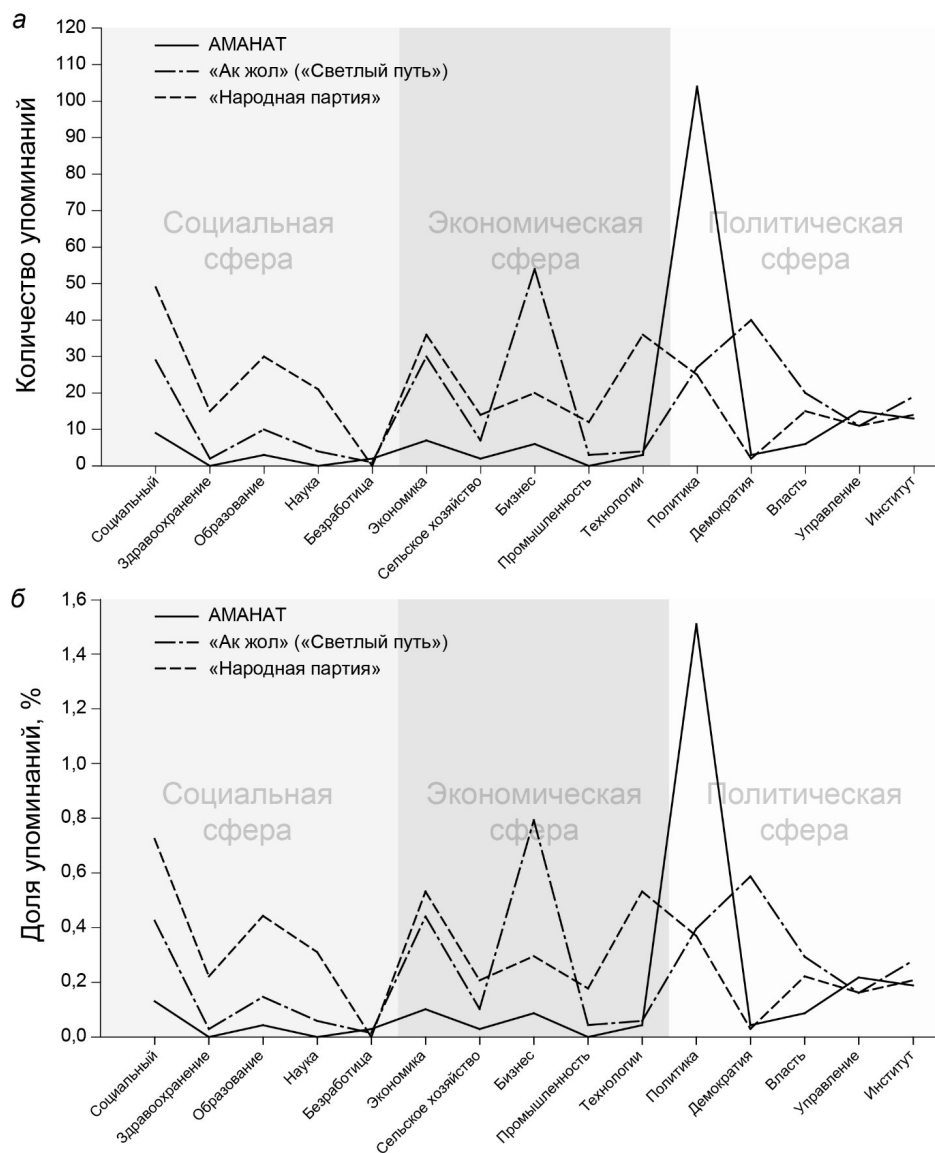

Рис. 2. Результаты контент-анализа программ парламентских политических партий Мажилиса Республики Казахстан

Также, как и ранее, представим результаты анализа графически, на рисунке 2.

Подводя итоги нашего краткого анализа, постулируем, что:

1. Проведенный анализ показал, что остро востребованная, особенно в пандемийном мире, социальная тематика парадоксальным образом ничтожно представлена в изученных программах политических партий.

2. В целом выявлено, что в программах политических партий недостаточно четко прописан механизм влияния на развитие общества, что, возможно, частично объясняет недостаточную популярность политических партий как института современного российского общества, точно такой же представляется и политическая реальность Казахстана.

3. Метод качественного (опирающегося, конечно, на количественные данные) контент-анализа может быть использован для дальнейших исследований корпуса текстов, позволяя успешно использовать статистический принцип частотного распределения признаков¹, при этом предлагая научно-нейтральный и политически не мотивированный результат.

Проблемой, предоставляющей, однако, дальнейшие возможности для анализа, является тот факт, что именно социальной сфере уделяется все большее внимание потенциального электората, о чем свидетельствуют данные социологических опросов, а также текущая сложная и изменчивая политическая ситуация, и, следовательно, именно росту социальной проблематики следует уделять большее внимание в дальнейшем развитии в целом политического поля и электорального включения граждан.

¹ Смаль С.В. Социальная политика в программах политических партий Чили: опыт контент-анализа // Латинская Америка. 2023. № 1. С. 49. DOI 10.31857/S0044748X0023823-4.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

КОРТЕСЫ В КАДИСЕ 1808–1813 гг. И КОНСТИТУЦИЯ 1812 г.: МИФОЛОГИЯ ИСПАНСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

КАЛИНИНА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории права и
гражданско-правового образования
РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bellaflor@mail.ru

Аннотация: Кортесы в Кадисе 1808–1813 гг. и создание конституции 1812 г. знаменовали собой новый период в развитии не только правовой системы и конституционализма, но и самой государственности в Испании. Это был переломный момент между «старым» и «новым» порядками, который означал важный этап эволюции европейской правовой цивилизации. Подобные моменты важны и актуальны для изучения, поскольку затрагивают множество вопросов: легитимность и легальность учредительных собраний и выдвинутых ими проектов в спорные исторические ситуации противостояния правопорядков, политических устройств, идеологий, государств; конструирование политической мифологии, исторической памяти, в том числе, посредством конституционных актов; признание первым одного из нескольких основополагающих законов; наконец, легитимность и статус парламента, принимающего ключевое участие в этих событиях. Принятие первой испанской конституции в 1812 г. испанские историки называют конституционной парламентской революцией.

Ключевые слова: конституционализм, парламентаризм, Испания, XIX век, правосознание, политическая мифология, Кортесы, Кадис, конституция Испании 1812 г.

Однозначная оценка событий, происходящих в Испании в 1808–1813 г., до сих пор невозможна, и вряд ли когда-то исследователи и широкая публика сойдутся во мнениях относительно этого сложного переломного периода. Это была эпоха крупных социальных трансформаций, после которых государственно-правовая система перешла на новую ступень развития. Это типичный переходный (транзитный) процесс, который в науке долгое время не поддавался изучению в русле позитивистской методологической модели. Лишь

современные сдвиги в государственно-правовой науке позволили наметить пути исследования переходных процессов.

До недавнего времени историки однозначно оценивали события в Испании и развитие процессов парламентаризма и конституционализма как исключительно положительные явления в рамках поступательной и прогрессивной эволюции государственно-правового режима. Но при использовании новых методологических подходов (междисциплинарного, антропологического, цивилизационного, историко-психологического и т.п.) выявляются многомерность трансформационного процесса и возможности более глубокого изучения его причин и историко-правовых последствий, которые наблюдаются и сегодня.

Была ли Кадисская конституция образцом триумфа либерального духа Просвещения или подражанием уже имеющимся образцам, где реальное содержание и воплощение либеральных норм не соответствовали реальности, отражалась ли в ней «настоящая» Испания между 1808 и 1813 гг., или это было собрание лозунгов, которые так и не реализовались на практике? Это была первая конституция, которая учла права колоний, но послужила отправной точкой падения империи. Опираясь на волю короля, конституция стала основой и результатом революции. Поколение 1808 г. встало перед выбором между провозглашением национального суверенитета и революцией, древностью Режима и новыми идеями, охватывающими Европу и знаменующими новую государственно-правовую реальность. Нужно ли было соблюдать верность королю, который предал страну и отрекся от престола, переходить на сторону назначенного Наполеоном правителя, преклонившись перед современным героем-императором, или же объединяться с теми, кто еще вчера был, как минимум, политическим оппонентом, а как максимум, врагом? Трудно даже предположить, как осознавали себя создатели конституции и нового парламентского режима вследствие такого количества противоречий. Еще более трудная задача стоит перед учеными-исследователями этих процессов вплоть до сегодняшнего дня: они столкнулись с множеством интерпретаций, мнений, эмоций, концепций, и отыскать в этом сложном переплетении единую линию, как это сделал, например, К. Маркс¹, однозначно оценив события и выявив положительных и отрицательных героев, вряд ли возможно. Более того, «черная легенда» об Испании, представляющая страну отсталой, неграмотной, неразвитой, но при этом воинственной грабительницей, стала источником предубеждений и недоверия к возможности разработки в этой стране конституции, которая стала эталонной для европейских стран в XIX в., несмотря на то, что у кадисских законодателей не было цели написать «типовой» учредительный акт². Однако, по правде говоря, в основном именно эта конституция, а не французские, и тем более не американская, послужила основой зарождающегося европейского конституционализма. С момента ее принятия в 1812 году конституционный текст начал распространяться по Европе и испанской Америке. Уже до 1820 г. он был переведен, по крайней мере,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Революция в Испании: Статьи и корреспонденции 1854–1873. М., 2016.

² Saboia Bezerra H.M. La guerra de la independencia y la constitución de Cádiz (1812). Peculiaridades e influencias // Boletín Mexicano de Derecho Comparado. 2019. № 154. P. 285–317.

на английский, французский, португальский, итальянский, немецкий и, согласно сомнительной ссылке — упоминании об этом факте одним из депутатов кортесов в 1813 г., — на русский¹.

Целью настоящего исследования можно считать формирование представления о Кадисской конституции 1812 г. как об образе испанского правосознания своего времени, содержащем как рациональные, так и иррациональные представления о государственно-правовой реальности. Многие положения этой конституции, как и ее целостный образ, до сих пор являются частью политической мифологии в Испании. Она даже имеет антропоморфную персонализацию, выражающуюся в человеческом имени, под которым ее знает и современная молодежь (в университете Кадиса в аудитории, посвященной принятию этой конституции, на стене крупными буквами написан лозунг-обращение к ней: *Viva la Pepa*, или Да здравствует Пепа). Пепа — это не просто женское имя, это уменьшительно-ласкательное обращение, которое подчеркивает общее сложившееся представление об этом историческом документе и его место в политико-правовой мифологии.

Для испанской правовой науки вопрос Кадисских кортесов и принятия Конституции считается одним из наиболее изученных в историко-правовой историографии. Сам Кадис очень гордится своей историей, и напоминания о событиях 1808–1813 гг. очень важны для исторической памяти. В этом городе особенно трепетно хранят память о принятии первой в истории Испании конституции и том, какую роль она сыграла в поднятии национального духа в период наполеоновских завоеваний. Между тем в мировой истории, как и в истории России, об этом знают не так много и не так высоко ценят значение Кадисской конституции 1812 г. Пришла пора более подробно разобратся в том, какую истинную, а какую мифологическую роль эта конституция имела в процессе формирования современного государства и правосознания испанцев. Это поможет лучше узнать, как происходит становление исторической памяти, насколько она субъективна и объективна, рациональна и иррациональна, правдива или мифологична, насколько она служит одной из форм, в которых отливается правосознание. Это важно и для российской историко-правовой науки.

Само появление на политико-правовой арене Кадисских кортесов и начатый ими конституционный процесс ученые называют первой либеральной революцией, которая была направлена против Старого режима в Испании и в Европе. Испанская система идей, лежащая в основе этого процесса, была не оригинальной и не первичной. Она вытекала из концептов, порожденных французским, британским и североамериканским конституционализмом. Действительно оригинальным аспектом, привнесенным испанской политико-правовой школой, была попытка нахождения баланса между исторически свойственным испанской политике традиционализмом и либерально-демократическим разрывом. Именно вокруг того, как объединить по сути своей необъединимое в конституционном тексте, и стало основной задачей, вокруг которой выстраивались кадисские дебаты².

¹ *Fernández Sarasola, I.* La Constitución española de 1812 y su proyección europea e iberoamericana [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/la-constitucion-espaola-de-1812-y-su-proyeccion-europea-e-iberoamericana-0/html/001063ee-82b2-11df-acc7-002185ce6064.html>

² *Martínez Dalmau R.* Soberanía y poder constituyente en Cádiz // *Revista Española de la Función Consultiva*. 2013. № 19. P. 319.

Североамериканская идея была не слишком знакома в Испании, хотя частично проникала туда через латиноамериканские колонии, где выборочно переводились как нормативно-правовые акты, так и сочинения видных авторов. Кроме того, она не оказывала влияние на умы испанских либералов хотя бы потому, что здесь не мыслилось немонархическое и нецентрализованное государство. Нужно ли это было Испании? Соответствовало ли веяниям времени? Вероятнее всего, что испанское государство не было готово к принятию таких идей, поскольку они могли бы разрушить саму идею государственности, основывавшейся на своеобразном политическом единстве, феномене одновременно довольно хрупком, но в то же время ставшем моделью для государственно-правового развития в течение многих столетий. Это единство мало соответствовало либерально-демократическим представлениям. Нужно сказать, что и сейчас трудно разобраться в этом своеобразном механизме испанской государственности, пожалуй, даже самим испанцам.

Испанские политические деятели не могли следовать североамериканской идее, поскольку их революция была довольно своеобразной в контексте революционной волны, захватившей затем Европу. Сами кортесы были инициатором значительных перемен, происходивших в развитии испанской государственности, и только иностранная оккупация могла служить оправданием для политического разрыва. В остальном свою легитимность кортесы получали от монарха, давали ему клятву. Именно это заставляло их искать «третий путь», в рамках которого разрыв и непрерывность традиции переплетались самым причудливым образом, понять который хоть немного можно, только глубоко изучая испанский политико-правовой менталитет и правосознание.

Парадоксально, но наибольшее количество моделей для возможного восприятия и переработки в контексте испанской национальной идеи представляла Франция, основной враг и оккупант, против которого велась одна из самых ярких национально-освободительных войн в истории. Тем не менее, модели эти были весьма разнообразны: 1791 и 1793 гг., конституционализм эпохи Директории, наполеоновская модель государственности и права. Испанские либералы приветствовали модели 1791 и 1793 гг., но не те, которые были современными для них, что вполне естественно: они не хотели показать, что «вражеские» идеи могут быть им близки.

Консервативная часть политической элиты стояла за то, чтобы искать модели государственно-правовой системы в национальной истории. Впрочем, по-своему трактовали исторические политико-правовые принципы и либералы, и сторонники других политических сил. Практически все депутаты дистанцировались от абстрактных аргументов и апелляций к естественному праву, использованных в Национальном собрании Франции в 1789 году, и, наоборот, попытались оправдать свои решения прецедентами испанской истории¹. Довольно любопытно, что самый уважаемый и авторитетный конституционалист-теоретик Гаспар Мельчор де Ховельянос отстаивал, скорее, английскую идею. Он сам был дружен с представителями элиты Великобритании, наиболее просвещенными политиками своего времени, и был восхищен идеей неписаной конституции. Он разрабатывал эту идею для Испании,

¹ *Fernández Sarasola I. Cortes y Constitución. Las bases del cambio político en el Cádiz sitiado // AH (Andalucía en historia). 2012. № 3.*

но это было чуть ранее, когда о насущной необходимости в конституции речи и не шло. Поэтому его идеи представляли собой философский фундамент, интересные политологические концепции, которые не воспринимались как возможная основа для реального парламентского и конституционного процесса.

Наполеоновская модель привлекала только ту часть просвещенной испанской аристократии, которую несколько презрительно называли «офрануженные». Их позиция не нашла поддержки ни в обществе, ни у политиков. Тем не менее, именно им удалось воплотить часть своих идей в так называемом Байоннском статуте, «псевдоконституции», по словам И.М. Майского¹, документе, который нередко пытается перехватить пальму первенства у Кадисской конституции в качестве первого нормативно-правового акта конституционного характера.

Среди французских авторов, впрочем, обращали на себя внимание в Испании, в том числе, среди депутатов Кадисских кортесов, Руссо и его идея общественного договора, согласно которой суверенитет должен принадлежать нации. Этот пункт приводил в восторг передовых испанских мыслителей, которые считали устаревшим принцип о том, что суверенной и безответственной является королевская власть. Не оспаривая сам монархический принцип, многие считали, что король не может продолжать оставаться ядром политико-правовой системы.

Кортесы в Кадисе собраны в странный исторический момент для Испании. Легитимный король Фердинанд VII находился в плену во Франции. Легальный, но практически никем не признаваемый король Жозеф Бонапарт, ставленник Наполеона, как обычно, член семьи. Какая легитимность могла быть у этих кортесов, особенно если вспомнить, что они сами видели ее в клятве, данной королю? 5 мая 1808 г., то есть за день до отречения от престола, Фердинанд VII отправил инструкции правительству о том, что, если он задержится во Франции, нужно объявлять ей войну. Одновременно он обратился к Совету Кастилии, заявив, что в той ситуации, в которой он находится, лишенный свободы, чтобы говорить от собственного имени, его королевская воля заключается в том, чтобы были созваны кортесы на территории, которая будет признана наиболее подходящей. Эта ситуация была довольно рискованной ввиду тех событий, которые не так давно, в 1789 г., потрясли Париж². Ни один из указанных органов не откликнулся на это послание после отречения в Байонне, то есть когда юридически данное предложение посчитали недействительным в связи с тем, что отдавший указания король оказался нелегитимным монархом. Тем не менее, сведения о предложении созвать кортесы распространились в политических кругах, что, несомненно, сыграло свою роль в дальнейших событиях, придав легитимность этому органу и принятой им конституции.

Большой вопрос до сих пор представляет собой легитимность кадисских кортесов, что дает основания сомневаться в легитимности и самой конституции. Дело в том, что выборы представителей просто не могли пройти нормально: большая часть территории Испании находилась под властью французов. Тем не менее, в парламенте присутствовали представители даже тех

¹ Майский И.М. Испания 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957.

² Bullón de Mendoza A. El largo camino hacia la Constitución de 1812 // Aportes, Revista de Historia Contemporánea. 2011. № 77. XXVI. P. 4–21.

городов, которые были оккупированы: их представители назначались представителями других городов. В самих кортесах мнения депутатов разделились по поводу того, под эгидой какого именно короля они собираются, чей суверенитет они представляют. С одной стороны, объявились сторонники Жозефа Бонапарта, формального короля, а с другой — Фердинанда VII, который просто находился в почетном французском плену, как подозревали многие, по собственной воле.

Два конкурирующих правовых принципа по-разному трактовали сложившуюся ситуацию. Одни считали, что в случае отсутствия законного и легитимного короля его власть переходит другим политическим институтам, в том числе, выполнение задачи реализации суверенной власти может и должен принять на себя парламент. С другой стороны, с опорой на идеи о национальном суверенитете было понятно, что в отсутствие короля власть принимать государственные решения должна перейти парламенту. Разные источники принятого затем политического решения дали одинаковый результат: Кортесы в Кадисе оказались уполномочены решать вопросы развития государства и принимать конституционные акты, то есть выступили в качестве учредительного собрания.

Сама смелость кортесов, самостоятельно взявших на себя часть суверенитета, объясняется тем, что с момента французской революции в среде политической элиты Испании поменялось отношение к взаимодействию между парламентом и монархической властью. Кортесы, по мнению ряда политиков, уже не просто институт, призванный поддерживать конституционные устои прошлых лет, но идеальный инструмент для восстановления государственного суверенитета, захваченного, как они утверждали, абсолютной монархией, бездействие которой в конечном итоге приведет страну к катастрофе¹.

Трагедия 1808 г. привела к необходимости действовать, и это было оправданием последующих событий и легитимацией теперь уже не только идей, но и активности со стороны либерально настроенных политиков. Разворачивание войны за независимость, деятельность партизан, категорический отказ короля предпринять какие-то действия, формирование по всей стране хунт, реакция на Байоннское соглашение и как результат конституционный акт, принятый в Кадисе, — в конечном итоге это вызвало необходимость приступить к «возрождению страны из пепла Старого режима», поскольку «революция не разрушила Старый режим, но, когда она пришла, обнаружила, что он полностью разрушен»².

Сами кортесы, как считают некоторые исследователи, в рамках своей деятельности ничего не сделали для того, чтобы в 1808 г. их роль вдруг стала настолько мифологизированной, и именно их бездействие, вероятно, стало наиболее удобным для либералов и примкнувших к ним политических сил. Если бы они проводили реальные реформы или выражали какую-то внятную политическую позицию, они не могли бы послужить удобным орудием в развернувшейся политической борьбе. Даже сам «отец испанского конституционализма», Ховельянос, считал, что выдвижение кортесов как основополагающего органа для борьбы со Старым режимом было практически

¹ *Lorenzana de la Puente F. La representación política en el Antiguo Régimen las Cortes de Castilla, 1655–1834. Madrid, 2014. P. 558.*

² *Ibid. P. 559.*

безумным решением, поскольку это было подобно «воскрешению монстра, неспособного выражать волю нации»¹. Несомненно, в истории трудно найти момент, когда все политические силы захотели бы использовать один и тот же инструмент, хотя и в разных целях: Фердинанд VII рассчитывал вернуть трон, французы и «офранцузенные» — удержаться у власти, либералы — полностью изменить политическую ситуацию, а оставшиеся разрозненные государственные органы — избежать революционной ситуации. Существующие кортесы служили компромиссным образованием для всех политических сил.

Средневековые кортесы, очевидно, также были во многом мифологизированным государственным органом, призванным легитимировать королевскую власть. Хотя нередко делались попытки показать, что либеральные кадисские кортесы — это возрождение старой традиции, и между ними существует неразрывная историческая связь, это было не совсем так. На самом деле кортесы всегда были довольно консервативным образованием, главную политическую силу в которых составлял локальный нобилитет. Разумеется, им никогда не было выгодно поднимать голос против политики правительства, и на самом деле у них не возникала такая необходимость. Представители в кортесах коротали свои дни, проводя в жизнь указания центральной власти. В 1808 г. мы сталкиваемся с важным легитимирующим мифом, хотя на самом деле это был совершенно новый орган под старым названием. Эта связь была основанием для создания мифологии исторической памяти. Историческая память связала непримиримые политические силы в единое политическое сообщество, которое решало судьбу государства. В конечном счете, важно было создать впечатление, что Кадис предполагал восстановление традиционных кортесов, что делало последующие реформы более близкими и понятными всем, кто в этом участвовал.

Примерно то же самое можно было наблюдать в конце 70-х гг. XX в., когда в постфранкистских кортесах объединились самые разные, зачастую противоположные, политические силы, чтобы наметить пути развития страны в судьбоносный момент. Как и в начале XIX в., нужно было не только объединить непримиримых политических противников, но и связать сохранность политических традиций с возможностью принятия новых основных законов.

Ситуация в Кадисе отражала ситуацию в стране. В политической идеологии 1808 г. появляется мифологизированный образ кортесов, которые, как писали некоторые политики, были прославлены в прошлом своим могуществом и выполняемой функцией, а народ, якобы, испытывал к ним чуть ли не чувство религиозного поклонения, что, конечно, не было правдой.

Еще одним мифом была идея о том, что кортесы были общенародными. Первоначальный указ об их созыве предусматривал разделение по сословию, что полностью соответствовало существующей средневековой традиции. Однако вскоре принимается решение о том, что кадисские кортесы должны быть однопалатными, что отчасти было связано с трудностями войны и невозможностью собирать депутатов по куриям. Но это заложило идею о патриотическом порыве, который позволил, позабыв древние межсословные распри, объединиться всем гражданам в сообщество равных и наделенных равными

¹ Ibid. P. 561.

правами¹. Так зародилась одна из фундаментальных основ мифологии Кадисских кортесов.

Освобожденный из французского плена, Фердинанд VII вернулся в Испанию в 1814 г. и первым делом издал манифест, которым ликвидировал не только сами кортесы, но и всю их огромную нормативную работу. Однако он не мог выкорчевать корни заложенных в Кадисе государственно-правовых процессов. Испания уже начала свой конституционный путь, и миф о Кадисских кортесах не мог быть отменен, как были отменены принятые им нормативно-правовые акты, в частности, конституция 1812 г.². Вся история развития государственно-правовой системы и конституционализма должна была пойти по заложенному в Кадисе сценарию. Так и произошло в дальнейшем. Какие бы потрясения ни ожидали Испанию, в целом, государство уже не сворачивало с заданной траектории движения.

¹ *Silveira Feloniuk W.* A Constituição de Cádiz: Análise da Constituição Política da Monarquia Espanhola de 1812. Porto Alegre, 2014. P. 32.

² *Fernández Sarasola I.* Op. cit.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГДР В ПРОЦЕССЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ: КОНЕЦ 80-х — НАЧАЛО 90-х гг. XX ВЕКА

ПЕТЕЛИН БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: pbwtscherepowez@mail.ru

ДОБРОВОЛЬСКИЙ ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: jekeedee@mail.ru

Аннотация: В статье показана партийно-политическая трансформации в Восточной Германии в последние годы существования ГДР и в процессе объединения Германии. Образование на рубеже 1989–1990 гг. союзов и организаций, таких как «Новый форум», «Демократический прорыв», «Демократия сейчас», свидетельствовало о росте социальной активности молодых граждан ГДР, но не о формировании серьезной политической оппозиции. Инициатива при объединении осталась за партиями из ФРГ, руководство которых не допустило консолидации политических сил на востоке. Однако, как показано в статье, процесс трансформации новых земель в структуры ФРГ оказался весьма продолжительным и непростым, что, в конечном счете, повлияло на расстановку политических сил в Германии, появление новых партий, в том числе и с праворадикальными программами.

Ключевые слова: Германская Демократическая Республика, объединение Германии, ХДС/ХСС, ПДС/ЛП.

Партийно-политическая система Германской Демократической Республики (ГДР) имела существенные отличия среди государств народной демократии. На востоке Германии было представлено пять партий, объединенных в «Демократический блок». Три партии: Христианско-демократический союз (ХДС) и Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ) — были образованы в 1945 г., Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), образовавшаяся в 1946 г. после объединения Коммунистической партии Германии (КПГ) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ), а также еще две партии — Крестьянская демократическая партия (КДП) и Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) — появились в 1948 г. Несмотря на то, что все годы реального социализма в ГДР сохранялась многопартийность, неизменным оставалось правящее положение СЕПГ¹.

¹ Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. Пособие по страноведению. М., 2001. С. 54.

Неудавшиеся попытки решить германский вопрос в оккупационный период 1945–1949 гг. привели к тому, что в Западной Германии существовали схожие по названию политические партии ХДС и ХСС, СвДП, именуемые в марксистской литературе «буржуазными», а также левые партии СДПГ и КПП, руководство которых отказалось от объединения своих организаций в единую партию. В августе 1956 г. по решению Конституционного суда ФРГ Коммунистическая партия Германии была запрещена за нарушения статьи 21 Основного закона ФРГ¹.

Кажущаяся прочность политического режима в ГДР, когда партийное и государственное руководство постоянно говорило о «политико-моральном единстве партии, государства и народа»², быстро подверглась эрозии при нарастании внутренних и внешних проблем в 80-е гг. прошлого века. Общий кризис «мировой социалистической системы» стал очевидным с началом «перестройки» в СССР, которая, по мнению М.С. Горбачева, еще полнее раскрывает заложенный в реальном социализме потенциал, «вопреки пророчествам разного рода недоброжелателей»³.

Руководство СЕПГ скептически отнеслось к идеям «перестройки», считывая, что начавшаяся в 80-е гг. интенсификация германо-германских отношений, когда ФРГ пошла на выделение валютных кредитов ГДР, поможет в преодолении экономических трудностей. Эйфория от этой «помощи» еще более поднялась в связи с первым государственным визитом в ФРГ Эриха Хонеккера в сентябре 1987 г. «Процесс пошел», но явно не в сторону укрепления экономической независимости ГДР. Шло постепенное встраивание республики в финансово-экономические и культурные структуры ФРГ. Были усовершенствованы связи в банковской и валютной сферах, информационной сфере, прежде всего в телерадиовещании. Благодаря упрощениям во взаимных поездках граждан ГДР и ФРГ, Берлинская стена становилась более «прозрачной». Германская политика канцлера Гельмута Коля оказывалась более действенной, чем официальная доктрина СЕПГ о формировании «немецкой социалистической нации»⁴.

В политической системе ГДР существенных перемен во второй половине 1980-х гг. не происходило. Эриху Хонеккеру удавалось контролировать ситуацию в стране, используя в этих целях весь репрессивный государственный аппарат. Мы далеки от того, чтобы утверждать о «тоталитарном режиме СЕПГ»⁵, но реальную власть и возможности «штази» в ограничении свобод восточногерманских граждан следует признать. Так 17 января 1988 г. во время проведения традиционной демонстрации памяти трех «Л»: Ленина–Либкнехта–Люксембург за лозунг «Свобода — это всегда свобода для инакомыслящих» (слова Розы Люксембург) было задержано 120 демонстрантов. Позже в этом же месяце была арестована группа диссидентов за проведение «враждебной

¹ Die Bundesrepublik Deutschland. Geschichte in drei Bänden. Band I: Politik. Frankfurt am Main, 1983. S. 134–135.

² Поллак Д. Конец организованного общества. Рассуждения о кардинальных общественных изменениях в ГДР в свете системной теории // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. С. 232.

³ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 176.

⁴ Петелин Б.В. Германская политика канцлера Гельмута Коля 1982–1990 гг. Научное издание. Вологда. 2004. С. 109–110.

⁵ Schroeder K. Der SED-Staat. Geschichte und Strukturen der DDR. München, 2013.

государству акции». Вскоре, правда, из опасения новых протестов все были отпущены¹. В октябре 1989 г. по республике прокатилась волна демонстраций с требованием демократизации внутренней политики. В разы увеличились случаи «голосования ногами» — выезд граждан ГДР из страны на Запад через соседнюю Венгрию, открывшую границу с Австрией. Традиционными стали понедельничные народные выступления в Лейпциге под эгидой пастора церкви Святого Николая. Главным лозунгом демонстрантов стала фраза «Мы — народ!»².

Несмотря на рост политического недовольства в стране, в кругах диссидентствующей студенческой молодежи и интеллигенции призывов к «свержению СЕПГ», «отказу от социализма» не было. 9–10 сентября 1989 г. был образован «Новый форум» — объединение всех оппозиционных сил ГДР. Новая политическая организация рассматривалась как общегосударственная политическая платформа. Главной целью «Нового форума» были провозглашены «демократический диалог о реформах и содействие преобразованию общества» под девизом «Демократия — сейчас!», опиравшегося на околоцерковные круги³. Платформа нового движения исходила из того, что эра государственного социализма подошла к концу, нужна его мирная и демократическая перестройка, но руководство СЕПГ не в состоянии мыслить по-новому. 1 октября образовалась оппозиционная группа «Демократический прорыв» с социальным и экологическим уклоном. 7 октября была учреждена Социал-демократическая партия ГДР. Ее целью была провозглашена «последовательная демократизация государства и общества» для построения «экологически ориентированной социальной демократии»⁴.

Партийное руководство во главе с генеральным секретарем ЦК СЕПГ Эрихом Хонеккером сумело организовать и провести 7 октября 1989 г. празднование 40-летия ГДР. Присутствие на торжествах М.С. Горбачева, его выступления и реплики об «опоздавших» и «проигравших» были поняты всеми, кроме Хонеккера, который к тому времени якобы «утратил чувство реальности»⁵.

Отечественные авторы склонны преувеличивать роль созданных в ГДР в 1988–1989-х гг. союзов и организаций в процессе объединения Германии. Отсутствие опыта и средств для ведения пропагандистской деятельности не позволило им стать политическими партиями. На местных выборах 6 мая 1990 г. хотя и удалось потеснить кандидатов от ПДС/СЕПГ, но сделано это было не за счет новых партийных образований. Так, социал-демократы ГДР не стали объединительной силой для восточных немцев. «Новый форум», считавшийся основой коалиции «Союз 90», на выборах 6 мая 1990 г. набрал менее 3% голосов. «Демократический прорыв» с января 1990 г. стал стремительно терять популярность из-за публикаций о связях его активистов со «штази». На выборах партия получила 0,9% голосов. После ряда кадровых перестановок «Демократический прорыв» в августе 1990 г. вошел в состав ХДС.

Куда большее значение имели восточногерманская ХДС и НДПГ, имевшие «родственные» партии в ФРГ. Эти политические силы, выступавшие в ГДР в роли политических статистов, проводившие соглашательский курс с СЕПГ

¹ Кузьмин И.Н. Поражение. Крушение ГДР и объединение Германии. М., 2003. С. 49.

² Саротт М.Э. Коллапс. Случайное падение Берлинской стены. М., 2019. С. 65–86.

³ Максимычев И.Ф. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. М., 2011. С. 125.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Горбачев М.С. Как это было. М., 1999. С. 82–83.

на протяжении десятилетий, стали главным «мостом» в осуществлении политической трансформации — формировании единой партийной системы в новой Германии. Западногерманской ХДС не надо было создавать свой филиал в ГДР. В ведомстве канцлера ФРГ и председателя ХДС Гельмута Коля закрыли глаза на «социалистическую» историю восточногерманского ХДС, подыскав ему нового руководителя Лотаря де Мезьера, который ни внешне, ни по своим способностям явно не являлся политическим лидером¹. Этот политик, ставший на полгода председателем Совета министров ГДР, оказался нужным в переходный период немецкой истории. Баварский Христианско-социальный союз проигнорировав НДПГ, решил расширить свое влияние в ГДР посредством создания новой партии — Немецкий социальный союз, учредительный съезд которого состоялся в январе 1990 г. в Лейпциге². Тем самым западногерманские партии получили возможность беспрепятственно вести пропаганду за скорейшее объединение Германии.

Выборы в Народную палату ГДР, оказавшиеся в ее истории последними, состоялись 18 марта 1990 г. Главным итогом волеизъявления народа стало разрушение коммунистического строя в ГДР и преодоление последних преград на пути воссоединения Германии, хотя ожидалось, что большинство получат объединенные социал-демократы, которые в вопросе объединения занимали более умеренные позиции. Западногерманская газета «Райнишер Меркур/Крист унд Вельт» сделала логический вывод из итогов выборов: «Будущему правительству ГДР остается, как ни жестоко это звучит, в лучшем случае, исполнительная функция. Решения принимаются в Бонне»³.

Явка на выборах 18 марта в 94% оказалась одной из самых высоких в Европе и самой высокой среди всех парламентских выборов за всю историю ФРГ. Победу одержал «Альянс за Германию», включавший в себя Христианско-демократический союз (40,8%), Немецкий социальный союз (6,3%), Демократический прорыв (0,9%). «Альянс» получил 192 из 400 мест в Народной палате. Поскольку «Альянс за Германию» получил менее половины мест в парламенте, ему пришлось пойти на коалицию не только с либералами, но и с социал-демократами, чтобы иметь квалифицированное большинство, необходимое для изменения конституции ГДР. Новое коалиционное правительство возглавил христианский демократ де Мезьер. Партия демократического социализма по результатам выборов оказалась на четвертом месте, тем самым бывшие коммунисты лишились реальной власти.

Народная палата ГДР провела 2 октября 1990 г. в Берлине свое последнее заседание, на котором было объявлено о ликвидации ГДР и вхождении пяти земель бывшей территории ГДР в ФРГ. Федеральный конституционный суд в Карлсруэ принял решение об отмене избирательного закона, оформленного в конце августа 1990 г. в виде договора и принятого парламентами обоих германских государств. Этот закон давал преимущества «народным партиям» ХДС и СДПГ использовать в своих интересах соотношение сил и ситуацию, сложившуюся в новых землях. Партия на территории собственно ФРГ достаточно было бы получить 6% голосов, чтобы попасть в Бундестаг, а партиям на территории ГДР необходимо было бы получить 24% голосов. Не только

¹ Петелин Б.В. Германская политика канцлера Гельмута Коля 1982–1990 гг. С. 164.

² Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU 1945–1995. Hanns-Seidel-Stiftung: München, 1995. S. 672–673.

³ Ахтамзян А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. М., 2010. С. 103.

партия «зеленых» и Партия демократического социализма (ПДС), но и республиканцы решительно протестовали против неравенства шансов партий на выборах.

Министр внутренних дел В. Шойбле высказался за отдельное применение пятипроцентной оговорки для ФРГ и ГДР. Судьи высказались за применение пятипроцентной оговорки для партий по их землям. Федеральный конституционный суд признал антиконституционной единую для всей территории Германии пятипроцентную оговорку. В соответствии с этим решением был пересмотрен избирательный закон, дававший в новом варианте определенные шансы партиям в ГДР провести своих депутатов в общегерманский парламент.

5 октября 1990 г. на рабочем заседании общегерманского парламента значительным большинством голосов был принят избирательный закон, по которому пятипроцентный барьер должен применяться для партий отдельно на территории ФРГ и ГДР. Выборы в германский Бундестаг 2 декабря 1990 г. впервые проводились в 328 избирательных округах, охвативших не только все земли ФРГ (248 округов), но и пять новых земель и Берлин. В соответствии с избирательной системой ФРГ в общегерманский Бундестаг предстояло избрать персонально 328 депутатов прямым голосованием и 328 депутатов по партийным спискам.

В ходе перемен в партийно-политической системе ГДР в 1989–1990 гг. стало возможным быстрое объединение ФРГ и ГДР с последовавшей затем трансформацией восточногерманских партийных и общественно-политических организаций в единую систему новой Берлинской Республики. Фактически произошло расширение организационной и политической деятельности западногерманских партий в новых присоединенных землях.

Изменения происходили стремительно. 1–2 октября 1990 г. в Гамбурге состоялся 38-й съезд ХДС, на котором произошло официальное объединение христианских демократов Запада и Востока в единую партию. Ее председателем остался Гельмут Коль. В своем выступлении он отметил решающую роль ХДС в выполнении исторической задачи — объединении Германии¹. 3 октября 1990 г. немцы праздновали День германского единства, ставший национальным праздником в стране. Первые общегерманские выборы состоялись 2 декабря 1990 г. Явка на них оказалась самой низкой в ФРГ с 1949 г. — 77,8%. Несмотря на популярность тогдашнего лидера СДПГ Оскара Лафонтена, победителем стала правящая коалиция ХДС/ХСС-СвДП — 54,8% голосов избирателей. Федеральным канцлером единой Германии остался Гельмут Коль. ПДС получила всего 2,4%, но благодаря прямым мандатам смогла получить 17 мест в Бундестаге. Союз90/Зеленые выступил неудачно — 1,2% и 8 депутатских мест.

По этим результатам можно подумать, что существенных изменений в расстановке партийно-политических сил в ФРГ после объединения не произошло. Такая оценка не отражает всей глубины тех перемен, что были вызваны процессом трансформации. Согласимся, что «перенос» западных политических институтов в новые земли «лишил граждан бывшей ГДР своей автономии и достоинства»². К этому добавим, что крах ГДР оказался большой

¹ Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. СПб., 2021. С. 347–348.

² Лембрух Г. Восточногерманская трансформация как стратегия переноса институтов: пересмотр теории и ответ на критику // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. С. 300–301.

неожиданностью для политической элиты ФРГ. Впрочем, новые элиты на востоке просто не имели времени, чтобы консолидироваться в устойчивые партийные объединения. Поэтому вместо трезвого расчета и анализа верх взяли чисто эмоциональные чувства; «Мы один народ», что, кстати, оказалось совсем не так. Раскол немцев на «осси» и «весси» до сих пор не преодолен, несмотря на прошедшие десятилетия после объединения.

На парламентских выборах 1994 г. ХДС/ХСС и СвДП понесли существенные потери, тогда как ПДС получила 4,4%, а еще через четыре года наследница СЕПГ смогла преодолеть 5% барьер. Успех сопутствовал и «зеленым», нашедшим поддержку в «новых землях». В 2005 г., как известно, канцлером Германии стала Ангела Меркель, чье становление как личности происходило в ГДР, и которая, кстати, вечером 9 ноября 1989 г. была в сауне, а вовсе не у Бранденбургских ворот¹. В 2012–2017 гг. президентом ФРГ был Йоахим Гаук — известный правозащитник в ГДР. Есть и другие примеры, которые подтверждают значимость восточногерманских политиков в формировании новой партийно-политической системы в Германии третьего тысячелетия.

¹ *Квортруп М.* Ангела Меркель. Самый влиятельный политик Европы / Пер. с англ. М., 2022. С. 143–144.

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В ЭСТОНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

ТАМБИ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
соискатель кафедры интеграционных процессов
МГИМО МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: sergey.tambi@gmail.com

Аннотация: В настоящем исследовании предпринята попытка выявления примеров «жесткого» евроскептицизма в эстонском парламенте — Рийгикогу. Автор изучил стенограммы парламентских заседаний с начала 1990-х гг. до настоящего времени, выявив проявления такого вида евроскептицизма на заседаниях, а также исследовав евроскептическую риторику, присущую некоторым отдельным эстонским парламентариям как из маргинальных парламентских партий евроскептического толка, так и мейнстримных партий (на примерах евроскептиков И. Грязина, П. Крейтцберга, Т. Тоомсалу и М. Хельме).

Ключевые слова: парламентаризм, евроскептицизм, евроинтеграция, Европейский союз, Эстония, Рийгикогу.

Со времени обретения в 1991 г. Эстонией (ЭР) независимости евроскептицизм неизменно, стабильно и устойчиво присутствовал в эстонском одномпалатном парламенте (Рийгикогу). Особенно ярко он был выражен там в период с 1999 по 2003 гг. (в риторике представлявшего Социал-демократическую партию труда Эстонии/СДПТЭ депутата Тийта Тоомсалу), а также с 2015 г. по наст. вр. (после того, как Консервативная народная партия Эстонии/КНПЭ вошла в парламент). В период с 2019 по 2021 гг. КНПЭ входила в правящую парламентскую коалицию.

С началом во второй половине 1990-х гг. проведения евродебатов в эстонском политикуме и обществе в Рийгикогу усилились как еврооптимистические, так и евроскептические настроения, выражавшиеся в определенной риторике и внесении соответствующих законопроектов/поправок. Практически все эстонские парламентские партии наряду с еврооптимизмом использовали (преимущественно в популистских целях) умеренную евроскептическую риторику — «мягкий» евроскептицизм. «Жесткий» же евроскептицизм исповедовали несколько парламентских политических партий, а также отдельные депутаты парламента.

Евроскептик Тийт Тоомсалу и феномен СДПТЭ

К концу 1990-х гг. крупнейшей эстонской евроскептической силой на левом фланге являлась Социал-демократическая партия труда Эстонии (СДПТЭ). Партия насчитывала в 1998–2004 гг. примерно 1 тыс. членов (сравним с 1992 г. — около 3 тыс.)¹. В Рийгикогу IX созыва СДПТЭ была представлена в 1999–2002 гг. входящими во фракцию Объединенной народной партии Эстонии двумя депутатами-членами — Тийтом Тоомсалу, а также Героем Соц. Труда Энделем Паапом. Во время своего пребывания депутатом Рийгикогу, где

¹ Vallaste K. Euroopa Liiduga liitumise vastane liikumine Eestis // Riigikogu Toimetised. 2004. № 9. Lk. 123–129.

Т. Тоомсалу являлся членом Комиссии по конституционному праву, он снижал известность своими длинными речами¹, а также многочисленными предложениями поправок к Конституции ЭР и законопроектам. В качестве реакции на его пространные заявления Рийгикогу принял постановление, исключающее любые поправки/инициативы, если их поддерживает только один член парламента. В 1999 г. была опубликована программная статья Т. Тоомсалу под названием «Партия труда не хочет в ЕС», в которой отмечалось, что «в СССР Эстония была высокоразвитым западным форпостом. Во вступающем в XXI век Брюсселе-ориентированном союзе ЭР по многовековой традиции будет являться восточной окраиной, предназначением которой станет превращение в трамплин для продвижения еврокапитала на российский рынок»².

Весной 2000 г. Т. Тоомсалу внес предложение о поправке в закон, согласно которой ВМН вновь смогла бы применяться в ЭР к преступнику, убившему сотрудника правоохранительных органов при исполнении им обязанностей³. Поддержанное 4 депутатами предложение было отклонено, т.к. противоречило 6-му доп. протоколу Европейской конвенции по правам человека, ратифицированному Рийгикогу 18.03.1998 г. (ратификация данного протокола этой прибалтийской страной была одним из важных условий для старта офиц. переговоров о присоединении к ЕС). В 2001 г. Т. Тоомсалу ходатайствовал на 2-м чтении проекта Закона об адвокатуре перед депутатами Рийгикогу о рассмотрении возможности проведения голосования по его поправке: в 6-й главе законопроекта он предложил заменить формулировку «государство-член ЕС» на более общее определение — «соответствующее иностранное государство». Это, якобы, «позволило бы привлечь в ЭР более широкий круг иностранных юристов»⁴.

В 2000 г. СДПТЭ подтвердила приверженность идеи невступления ЭР в ЕС, поскольку «это нанесет ущерб и независимости ЭР, и ее народу»⁵. Выражалось мнение, что государству полезнее иметь лишь статус ассоциированного члена ЕС, чем вступать в него⁶. Отмечалась неготовность ни ЕС, ни самой ЭР к вступлению этой прибалтийской страны в союз. Сравнивая ЕС с СССР, Т. Тоомсалу заявил, что партия «не хочет своими руками направить народ ЭР из одной империи в другую»⁷. К 2003 г. одним из приоритетов партии оставался «Не спешить в ЕС!»⁸.

¹ IX Riigikogu, IX Istungjärg, täiskogu korraline istung. Teisipäev, 14.01.2003, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200301141000>

² Toomalu T. Tööpartei ei taha Euroopa Liitu // Sõnumileht. 1999. № 20. 26.01.1999. Lk. 8.

³ Surmanuhtlus jäi riigikogus toeta // Vaba Eestlane. 2000. № 35. 09.05.2000. Lk. 2.

⁴ IX Riigikogu, V Istungjärg, infotund. Kolmapäev, 10.01.2001, 13:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200101101300>

⁵ Социал-демократы — за нейтралитет // Молодежь Эстонии. 11.12.2000 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.moles.ee/00/Dec/11/3-2.html>

⁶ Labor party announces its anti-EU stance // The Baltic Times. 2000. № 237. 14.12.2000. P. 4.

⁷ Социал-демократы Эстонии подтвердили свое неприятие ЕС // Rus.Delfi.ee. 11.12.2000 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/a/1015707>

⁸ Тоомсалу Т. За общественную солидарность // Молодежь Эстонии. 25.02.2003 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.moles.ee/03/Feb/25/5-1.php>

Т. Тоомсалу поднимал на заседаниях Рийгикогу следующие вопросы: о возможности выхода ЭР из ЕС и «соотношении этого выхода с соответствующим пунктом сталинской Конституции СССР», которая предусматривала возможность выхода союзной республики из состава СССР¹; о возможности финансирования эстонским правительством эстонских евроскептиков через его партию²; о возможности переноса времени вступления ЭР в ЕС («не ясно, какие конкретные и реальные выгоды получит эстонский народ от вступления в ЕС»). В 2001 г. он заявил, что «представители СДПТЭ в парламенте — настоящие патриоты, которые считают, что, по крайней мере, в этом десятилетии народ ЭР не должен иметь ничего общего с ЕС»³.

Призвавший отложить проведение эстонского референдума о членстве в ЕС и провести его не ранее 2005 г.⁴, депутат предлагал для ЭР некий «третий путь» — «интеграцию в Европу через структуры ЕАСТ. Вместе с Норвегией и Швейцарией ЭР должна войти в общее европейское экономическое пространство, что означает экономическую интеграцию в Европу, но не взятие на себя политических обязательств»⁵. Евроскептик настаивал на том, чтобы ЭР продолжила оставаться лишь в статусе страны, ассоциированной с ЕС, «таким образом, являясь мостиком между двумя мирами»⁶. Т. Тоомсалу отмечал, что «европропаганда премьер-министра ЭР, заключающаяся в том, что всем гражданам ЭР гарантируется статус гражданина ЕС», напоминает ему «пропагандистскую историю советских времен, рассказанную эстонской тетушке Маали, в которой коммунизм — это большой рай материальных благ, где всем будет жить хорошо. В 1940 г. граждане ЭР получили гражданство великого федеративного государства независимо от их желания»⁷.

На Конгрессе 12.05.2003 г. не прошедшая в Рийгикогу СДПТЭ одной из первых политических партий ЭР призвала эстонских избирателей на приближающемся референдуме проголосовать против вступления ЭР в ЕС. Был подтвержден приоритет СДПТЭ — государственный суверенитет ЭР, «который будет невозможен после вступления ЭР в ЕС»⁸.

¹ IX Riigikogu, VII Istungjärk, täiskogu korraline istung. Teisipäev, 11.06.2002, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200206111000>

² IX Riigikogu, VIII Istungjärk, infotund. Kolmapäev, 18.12.2002, 13:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200212181300>

³ IX Riigikogu, V Istungjärk, täiskogu korraline istung. Neljapäev, 18.01.2001, 10:00. Stenogramm // Riigikogu. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200101181000> (дата обращения: 15.09.2022).

⁴ IX Riigikogu, V Istungjärk, täiskogu korraline istung. Esmaspäev, 02.04.2001, 15:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200104021500>

⁵ IX Riigikogu, V Istungjärk, täiskogu korraline istung. Neljapäev, 03.05.2001, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200105031000>

⁶ IX Riigikogu, III Istungjärk, täiskogu korraline istung. Neljapäev, 08.06.2000, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200006081000>

⁷ IX Riigikogu, V Istungjärk, täiskogu korraline istung. Neljapäev, 18.01.2001, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/200101181000>

⁸ Съезд СДПТЭ 12.05.2003 // СДПТЭ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.esdtp.ee/vene/2003.htm>

Депутаты-евроскептики

Подготовка к проведению эстонского референдума по членству в ЕС усилила градус евроскептической риторики в Рийгикогу, однако после победы еврооптимистов подобная риторика значительно уменьшилась. Незадолго до референдума по членству в ЕС крупнейшая в ЭР парламентская Центристская партия заняла осторожную позицию (в партии было довольно много сторонников евроинтеграции, но на Конгрессе 09.08.2003 г. было принято решение высказаться против вступления в ЕС; председатель Э. Сависаар все же не выразил четко свою позицию). Некоторые центристы стали открытыми приверженцами «жесткого» евроскептицизма. Весной 2001 г. зам. председателя Рийгикогу, член Центристской партии, кандидат в президенты ЭР Пеэтер Крейтцберг присоединился к заявлению евроскептиков, призывавшему приостановить переговоры о вступлении ЭР в ЕС¹. Влиятельный депутат утверждал, что «главная внешнеполитическая цель ЭР либо неправильно выбрана, либо неумело реализуется». Он апеллировал к примеру Мальты, которая в 1996 г. приостановила переговоры с ЕС, возобновив их в 1998 г. П. Крейтцберг полагал «еврооптимизм более популистским, чем европессимизм»². Как позже отмечал в Рийгикогу председатель правительства Эстонии, председатель Партии реформ А. Ансип, «определенный евроскептицизм всегда отличал некоторых представителей Центристской партии, и, вероятно, он ее и обогащает. Чей хлеб ешь, того и песню поешь»³.

Депутаты некоторых мейнстримных партий ЭР иногда и вовсе сторонились проведения любой дискуссии с евроскептиками. Председатель Рийгикогу, член партии Res Publica Э. Эргма отклонила сделанное ей в июле 2003 г. представителями евроскептического Исследовательского центра «Свободная Европа» предложение о проведении публичных дебатов⁴.

Остановимся и на фигуре одного из основателей Партии реформ Эстонии (состоявшего в ней в 1994–2019 гг.; с марта 2022 г. он — член Центристской партии), депутата эстонского парламента (пяти созывов), депутата Европейского парламента Игоре Грязине. Несмотря на то, что Партия реформ в целом состоит из еврооптимистов, И. Грязин активно использовал как площадку Рийгикогу, так и Европарламент для трансляции своих евроскептических идей. Будучи участником прошедших в 2019 г. предвыборных дебатов для кандидатов в Европарламент, И. Грязин отмечал, что «европейских ценностей не существует». Он пояснил: «Есть христианские ценности. Флаг ЕС также происходит из христианства. Евроскептик в реальной политике означает — быть эстонцем. И эстонец настроен скептически, его принцип — поживем-увидим»⁵.

¹ Presidendikandidaat astub euroliidu vastu // Postimees. 16.05.2001 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.postimees.ee/1867613/presidendikandidaat-astub-euroliidu-vastu>

² Online intervjuu Peeter Kreitzbergiga // Eesti Päevaleht. 16.05.2001 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://epl.delfi.ee/artikkel/50881206/online-intervjuu-peeter-kreitzbergiga>

³ XII Riigikogu, II Istungjärk, täiskogu korraline istung. Kolmapäev, 16.11.2011, 14:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201111161400>

⁴ Euroskeptikud ei lähe Partsiga kohtuma // Delfi.ee. 30.07.2003 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.delfi.ee/artikkel/6074230/euroskeptikud-ei-lahe-partsiga-kohtuma>

⁵ Lukas J. Europarlamentis kandideerijad debateerisid Jõgeval // Kesknädal. 2019. № 19. 15.05.2019. Lk. 9.

На евроскептическую арену выходит КНПЭ

На выборах в Рийгикогу в 2015 г. евроскептическая Консервативная народная партия Эстонии (КНПЭ) пробилась в парламент, получив 8,1% голосов (7 мест). На следующих выборах в Рийгикогу в 2019 г. КНПЭ обеспечила себе уже 19 из 101 места в Рийгикогу. Тогда же было утверждено коалиционное правительство, куда (помимо Центристской партии и партии «Отечество») пробилась и КНПЭ.

Летом 2016 г. партия приветствовала решение граждан Великобритании на референдуме о выходе из ЕС. Посчитав, что официальному Таллину также следует пересмотреть свои отношения с ЕС и в будущем провести подобный референдум о членстве в ЕС, Март Хельме заявил тогда, что «Брекзит — знаковое решение для восстановления демократии и суверенитета народов в Европе», а эстонский народ «нужно еще раз спросить, хочет ли он отказаться от своего государства». Депутаты КНПЭ предостерегали, что «федерализирующийся ЕС представляет собой самую большую угрозу для эстонского национального государства, и лучшая страховка — тесные отношения, особенно с южными и северными соседями ЭР, а также с Великобританией»¹.

КНПЭ утверждала, что причины Брекзита кроются в чрезмерной концентрации власти в Брюсселе и продолжающейся федерализации ЕС (в пример приводились «идеи по дальнейшей федерализации ЕС» — предложение комиссара по экономике ЕС относительно общего бюджета еврозоны, инициатива Э. Макрона о создании общей армии в ЕС)². КНПЭ ратовала за проведение в ЭР референдумов по крупным событиям/изменениям в стране, апеллируя к тому, что они являются формой прямой демократии. Партия поддерживала положение, согласно которому в Конституцию ЭР можно было бы внести поправку, предусматривавшую наличие механизма инициирования самими гражданами проведения обязательных референдумов в стране³.

В апреле 2019 г. было реализовано распоряжение председателя Рийгикогу (и члена КНПЭ) Х. Пыллуааса, предусматривавшее вынос из Белого зала эстонского парламента флагов ЕС и их замену на государственные флаги «как символы суверенитета ЭР». Этот шаг евроскептиков прямо внутри здания парламента нес символическое значение, т.к. данное место является знаковым, ведь многие иностранные делегации и гости делают здесь свои памятные фотографии, а журналисты записывают здесь на телекамеру интервью со многими парламентариями.

В конце 2020 — начале 2021 гг. КНПЭ инициировала законопроект о проведении референдума по поправке к Конституции ЭР, определяющей брак как «союз мужчины и женщины» (т.е. референдум проводился бы, по мнению его инициаторов, с целью недопущения попадания в эстонское общество и законодательство «тлетворной идеологии Зап. Европы»). Эта идея стала в январе

¹ XIII Riigikogu, IV Istungjärk, täiskogu korraline istung. Teisipäev, 18.10.2016, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201610181000>

² XIV Riigikogu, I Istungjärk, täiskogu korraline istung. Kolmapäev, 12.06.2019, 14:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201906121400>

³ XIV Riigikogu, VI Istungjärk, täiskogu istung. Teisipäev, 26.10.2021, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/202110261000>

2021 г. триггером для распада правительственной коалиции с участием той же евроскептически настроенной КНПЭ.

Наконец, 10.04.2021 г. появился план зам. председателя КНПЭ М. Хельме об учреждении в Рийгикогу в ближайшее время «парламентской группы по поддержке выхода ЭР из ЕС». Министр финансов ЭР, член Партии реформ К. Пентус-Розиманнус так прокомментировала в Рийгикогу данное предложение: «Эта инициатива по выходу ЭР из ЕС ни в коей мере не является — как ни крути — позитивной идеей или чем-то в этом роде, а является попыткой разрушить ЕС и поставить ЭР в значительно худшее положение по сравнению с нынешним — как с точки зрения экономики, безопасности и многих других аспектов. И это опасно. Этого, безусловно, нельзя допустить»¹. М. Хельме озвучил инициативу о проведении в эстонском обществе публичной дискуссии под названием «Куда идет ЕС и куда движется ЭР в составе ЕС?»

За последние несколько лет наблюдается значительный рост популярности КНПЭ (27,4% в октябре 2022 г. по сравнению с 17,1% в феврале 2021 г.). Представляющие другие фракции депутаты Рийгикогу (или же выступающие в Рийгикогу члены эстонского правительства) на заседаниях парламента открыто называют КНПЭ «фракцией, которая хочет, чтобы Эстония вышла из ЕС, и в то же время активно дружит с экстремистами»², «[политической] силой, манипулирующей, держа факелы [в руках], страхами и инстинктами, и силой, предлагающей решения, кажущимися простыми, включая выход из ЕС», а также проводниками «стратегии изоляционизма»³.

Позицию КНПЭ в отношении ЕС можно в целом охарактеризовать заявлением М. Хельме в Рийгикогу от 17.09.2009 г.: «Мы против Европейской империи. Мы поддерживаем Европу как объединение суверенных нац. государств. Мы не поддерживаем Европу, которая шаг за шагом захватывает нашу страну. Каждую неделю мы видим в этом зале, как какая-то директива снова отбирает кусочек нашего суверенитета. Мы не поддерживаем отнятие суверенитета у нац. государств. Мы хотим видеть Европу нац. государств. Если это является преступлением, если это значит, что мы — агенты влияния России, ну, ради Бога, так и есть. Но мы имеем на это полное право»⁴. Конкретизируя свой европессимизм, М. Хельме уточнил все же, что «никогда не отрицал необходимости ЕС как формы экономического, а зачастую и правового сотрудничества между европейскими народами»⁵.

М. Хельме неоднократно проводил мысль и об устаревании мандата, выданного эстонским народом в 2003 г., когда избиратели одобрили вступление ЭР в ЕС. В мае 2017 г. он подчеркивал на заседании Рийгикогу, что этот

¹ XIV Riigikogu, V istungjärk, täiskogu istung. Esmaspäev, 10.05.2021, 15:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/202105101500>

² XIII Riigikogu, VIII Istungjärk, täiskogu korraline istung. Esmaspäev, 17.09.2018, 15:00. Stenogramm // Riigikogu. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201809171500> (дата обращения: 14.10.2022).

³ XIII Riigikogu, III Istungjärk, täiskogu korraline istung. Neljapäev, 11.02.2016, 10:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201602111000>

⁴ XIII Riigikogu, VIII Istungjärk, täiskogu korraline istung. Esmaspäev, 17.09.2018, 15:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201809171500>

⁵ XIV Riigikogu, III Istungjärk, täiskogu korraline istung. Esmaspäev, 13.01.2020, 15:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/202001131500>

мандат «к настоящему времени явно исчерпан, и исчерпан не из-за произошедшего Брекзита, а потому что с момента получения данного мандата минуло 14 лет. И за эти 14 лет изменилась Европа, изменился мир, изменилась среда безопасности, изменилась ЭР. Но правительство ЭР все еще пытается действовать, исходя из понимания, что эстонский народ в конечном итоге дал мандат на все: единую валюту, прием беженцев, ликвидацию суверенитета, на Бог знает, что еще»¹.

Заключение

Таким образом, в настоящем исследовании автором были выявлены примеры устойчивого присутствия «жесткого» евроскептицизма в стенах эстонского парламента, который стабильно прослеживается там с середины 1990-х гг. и вплоть до наших дней. Умеренный же евроскептицизм был присущ многим парламентским политическим партиям ЭР и отдельным депутатам Рийгикогу. Многие из них апеллировали к первостепенным для современной Европы ценностям, таким как, например, демократические принципы политической жизни и концепция национального/языкового суверенитета. Евроскептической риторике в Рийгикогу свойственна цикличность: время от времени она то резко активизируется, то вновь значительно снижается на какой-то период времени. Усиление евроскептиков (да и вообще — их представленность) в парламенте любой европейской страны можно назвать выражением здоровой демократии в государстве.

В настоящее время евроскептицизм в Рийгикогу, ярко выраженный, например, у представителей КНПЭ, прочно занимает свою нишу в парламенте этого прибалтийского государства. Эта партия имеет реальные политические перспективы, ее рейтинг увеличивается из месяца в месяц на протяжении вот уже нескольких последних лет. В среднесрочной перспективе представляется вполне вероятным дальнейшее расширение присутствия евроскептиков в Рийгикогу после очередных парламентских выборов в Эстонии.

¹ XIII Riigikogu, V Istungjärg, täiskogu korraline istung. Esmaspäev, 15.05.2017, 15:00. Stenogramm // Riigikogu [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/201705151500>

СОБРАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ (1991–2022 гг.)

КАТКОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА,

ассистент Гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ekaterinak.17@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена истории создания и основам функционирования Собрания Северной Македонии. Изучение истории и современности парламентской системы независимой Северной Македонии, а также электоральных настроений населения страны становится особенно актуальным в связи с перманентным политическим кризисом в стране, а также теми коллизиями, которыми сопровождается процесс по интеграции Скопье в Европейский Союз (ЕС). Во внутрипарламентской борьбе наиболее активно проявляют себя правящий на сегодняшний день Социал-демократический союз Македонии (СДСМ) и оппозиционная «Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство» (ВМРО-ДПМНЕ), на регулярной основе организующая массовые протесты и обвиняющая действующие власти в сдаче национальных интересов. Разлом в парламенте происходит и по этническому принципу: в то время как депутаты-албанцы поддерживают все инициативы на пути к евроинтеграции Северной Македонии, депутаты-македонцы выступают решительно против уступок Брюсселю, а также Афинам и Софии, отношения с которыми осложняются многолетними спорами о статусе македонской нации и македонского языка. Одним из главных вопросов, выносящихся на рассмотрение автором статьи, является вопрос о будущем электоральных настроений Северной Македонии и шансах на формирование ВМРО-ДПМНЕ парламентского большинства по итогам выборов в 2024 г.

Ключевые слова: Северная Македония, парламент, Собрание, Социал-демократический союз Македонии (СДСМ), оппозиция, коалиция, евроинтеграция.

История современной Македонии (с 2019 г. — Северной Македонии) началась 8 сентября 1991 г., когда по итогам референдума была принята Декларация о независимости и суверенитете республики от СФРЮ, приведшая к ее бескровному выходу из состава последней. Первые многопартийные конкурентные выборы в национальный парламент — Собрание — прошли еще в ноябре 1990 г. По их результатам большинство депутатских мандатов получила «Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство» (ВМРО-ДПМНЕ) — оппозиционная партия националистической ориентации, созданная македонскими эмигрантами в том же году¹. Второе место на выборах занял до этого правящий Союз коммунистов Македонии.

¹ См. об истории партии подробн.: Каракачанов К. ВМРО — 110 години борба за българщината. София, 2004.

После срыва XIV съезда Союза коммунистов Югославии в январе 1990 г. делегация Союза коммунистов Македонии отказалась принимать участие в его продолжении. Тогда же партия была переименована в Союз коммунистов Македонии — Партию демократических перемен (СКМ — ПДП). Постепенно она отошла от коммунистической идеологии и превратилась в социал-демократическое движение. На своем съезде в апреле 1991 г. СКМ — ПДП сменила название на Социал-демократический союз Македонии (макед. Социјалдемократски сојуз на Македонија — СДСМ).

О Собрании

Собрание Северной Македонии представляет собой однопалатный парламент, число депутатов которого может варьироваться от 120 до 140, но во всех предыдущих составах до 2011 г. избиралось 120 депутатов. После парламентских выборов 2011 г. количество депутатов увеличилось до 123.

120 из них выбирают в шести многомандатных округах по закрытым партийным спискам по системе пропорционального представительства (по 20 депутатов от каждого из шести округов, причем списки должны обязательно включать не менее 30% кандидатов противоположного пола). Еще три мандата предназначены представителям диаспоры, проживающей за рубежом. Их выбирают в трех одномандатных округах (Европа и Африка, Северная и Южная Америка, Австралия и Азия) по мажоритарной системе. Депутаты избираются сроком на четыре года и не могут быть отозваны.

Организация и деятельность Собрания регулируется Конституцией Республики Македонии и Регламентом Собрания. Собрание заседает в столице Скопье в здании Дворца собраний, расположенного недалеко от Площади Македонии в Скопье. Дворец был построен в 1938 г. по проекту чешского архитектора Виктора Худака.

Согласно статье 68 Конституции Северной Македонии в обязанности Собрания входят принятие и внесение поправок в Конституцию Македонии, принятие законов и обеспечение их достоверного толкования, утверждение республиканского бюджета, ратификация международных соглашений, решение вопросов о войне и мире, принятие решения об изменении границ Республики, созыв референдумов, избирание Правительства Республики Македония, судей Конституционного суда Республики Македонии, проведение выборов, назначение и освобождение от должности других лиц, занимающих государственные и иные должности и т.д.¹.

Руководство Собрания включает Председателя, его заместителей и Генерального секретаря.

Председатель Собрания избирается из числа депутатов большинством голосов от общего числа депутатов. Срок полномочий составляет четыре года. Он представляет Собрание, созывает сессии и руководит ими, заботится о применении Регламента Собрания, подписывает указы об обнародовании законов и выполняет другие задачи, установленные Конституцией. На данный момент председателем является этнический албанец Талат Джафери. Свою политическую карьеру он начал в 2002 году, когда баллотировался в парламент от албанской политической партии «Демократический союз за интеграцию» Али

¹ См.: Устав на Република Северна Македонија [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <chrome-extension://efaidnbmnnnnibpcajpcgclef1ndmkaj/https://www.sobranie.mk/content/Odluki%20USTAV/UstavSRSM.pdf>

Ахмети. В 2013 г. занимал пост министра обороны, а с 2017 г. — Председатель Собрания, причем в 2020 г. избран на очередной срок.

Заместители Председателя Собрания Республики Северная Македония помогают Председателю Собрания в выполнении его обязанностей и заменяют его в случае отсутствия или иных препятствий.

Генеральный секретарь и его заместители обеспечивают техническое сопровождение работы Собрания и возглавляют его Службу. На данный момент пост генсека занимает Цветанка Иванова.

Структура Собрания состоит из рабочих органов, фракций, парламентских групп, парламентских групп по делам сотрудничества, делегаций, советов, Службы и Клуба женщин-депутатов. Особый статус имеют межпартийная парламентская группа по правам ЛГБТИ-лиц, межпартийная парламентская группа по правам инвалидов и межпартийная парламентская группа по правам цыган, их включению и интеграцию в Республике Северная Македония.

В состав Собрания входят 23 рабочих органа, в числе которых, например, комиссия по конституционным вопросам, комиссия по внешней политике, комиссия по равным возможностям для женщин и мужчин, комиссия по европейским делам и др. В состав комиссий входят председатель, заместитель председателя, от четырех до двадцати членов, а также их заместители.

В число парламентских групп Собрания созыва 2020 г. входят парламентская группа Альянса албанцев, парламентская группа ВМРО-ДПМНЕ и коалиция «Детали», парламентская группа Демократического союза за интеграцию (ДУИ), парламентская группа коалиции «МОЖЕМ» (СДСМ + Албанская партия «Беса» + Либерально-демократическая партия + Партия зеленых).

Парламентские группы по делам сотрудничества отвечают за развитие отношений с иностранными парламентами. На данный момент таких групп насчитывается 51.

11 делегаций Собрания представляют Северную Македонию в международных парламентах и на других многосторонних площадках, например в Совете Европе, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Парламентской Ассамблее франкоязычных стран, в Межпарламентской Ассамблее православия и пр.

Клуб женщин-депутатов — это неформальная группа в парламенте, состоящая из всех женщин-депутатов, независимо от того, к какой парламентской группе они принадлежат. Клуб женщин-депутатов был создан 7 марта 2003 г. в рамках регионального проекта Пакта о стабильности — Стол для гендерного равенства.

Служба оказывает техническую и административную поддержку работе Собрания и состоит из парламентских чиновников и технических помощников, организованных в 1 кабинет, 16 секторов, 49 отделов, 3 отдельных организационных подразделения: Парламентский институт, Бюджетное управление и Службу внутреннего аудита. Руководство Службой осуществляет Генеральный секретарь.

Формой мониторинга достижения целей и задач Собрания является ежегодный Отчет о реализации Стратегического плана. План принимается сроком на четыре года. К стратегическим целям развития македонского парламента относятся повышение его функциональности и эффективности, обеспечение открытости и безопасности деятельности, цифровизация и диджитализация, активизация парламентской дипломатии и пр.

О парламентских выборах 2016 и 2020 гг.

Во внутрипарламентской борьбе в стране на сегодняшний день наиболее активно проявляют себя правящий Социал-демократический союз Македонии (СДСМ) и превратившаяся из правящей в оппозиционную в 2016 г. «Демократическая партия за македонское национальное единство» ВМРО-ДПМНЕ, на регулярной основе организующая массовые протесты и обвиняющая действующие власти в сдаче национальных интересов.

Наиболее авторитетной среди албанских избирателей является партия Демократический союз за интеграцию (ДУИ) во главе с бессменным Али Ахмети, в принципе поддерживающая СДСМ. Стоит заметить, что албанские партии в Македонии выросли на основе повстанческой Армии национального освобождения во главе с уже упомянутым Али Ахмети, распустившим ее после заключения 13 августа 2001 г., завершившего вооруженный конфликт в Македонии Охридского соглашения.

Одними из наиболее важных в истории страны стали последние, десятые по счету, парламентские выборы 15 июля 2020 г.

Но обратимся к предыстории: предыдущие парламентские выборы в Македонии состоялись 11 декабря 2016 г. на фоне масштабного политического кризиса и массовых протестов против правительства под руководством партии ВМРО-ДПМНЕ. Поводом для организации митингов оппозиции стали обвинения в прослушивании и коррупции премьера Николы Груевского, вынужденного уйти в отставку в январе 2016 г., но стремившегося вернуться в политику. Вскоре президент страны Георге Иванов снял обвинения с Груевского, что вызвало негативную реакцию со стороны Европейского союза (ЕС) и Соединенных Штатов, заявивших, что таким образом Республика Македония ставит под сомнение перспективы вступления в ЕС и НАТО¹. В своем официальном заявлении в ответ на это МИД России назвал оппозицию Республики Македонии инструментом дестабилизации политической ситуации в стране со стороны иностранных государств².

Несмотря на то, что правящая ВМРО-ДПМНЕ стала первой по числу голосов и полученных мест в парламенте (51 мандат из 120), инициативу по созданию правительства перехватил оппозиционный СДСМ. Местные евроэнтузиасты полагают, что правящая партия препятствует процессу евроинтеграции страны, что позволило обвинить ее в связях с Россией.

В новую правящую коалицию вошли СДСМ (49 мандатов) и две партии, представляющие интересы местных албанцев: Демократический союз за интеграцию Али Ахмети (10 мандатов) и Демократическая партия албанцев Мендуха Тачи (2 мандата).

29 апреля 2017 г. сторонники ВМРО-ДПМНЕ взяли штурмом здание парламента. Они протестовали против избрания спикером этнического албанца Талата Джафери, чье избрание было проведено с нарушением конституционных процедур.

31 мая 2017 г. новым премьер-министром был назначен лидер СДСМ Зоран Заев при поддержке 62 из 120 депутатов. Депутаты от бывшей правящей партии ВМРО-ДПМНЕ проголосовали против нового правительства, а вторая

¹ Президента Македонии обвинили в нежелании помочь вступлению в ЕС и НАТО [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://ria.ru/20180614/1522669128.html>

² МИД РФ призвал урегулировать обострившееся противостояние в Македонии мирными средствами [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://tass.ru/politika/3204487>

по величине в парламенте албанская партия Движение «Беса», основанная в 2014 г., воздержалась при голосовании. Против бывшего премьер-министра Николы Груевского было выдвинуто обвинение в коррупции — в 2018 г. он был вынужден бежать в Венгрию¹.

Одна из основных целей нового правительства заключалась в активизации работы по присоединению Северной Македонии к НАТО и ЕС, чему долгое время препятствовал нерешенный вопрос об именовании страны. 30 сентября 2018 г. в стране был проведен референдум, касавшийся одобрения договора об урегулировании отношений с Грецией. 11 января 2019 г. парламент Македонии принял конституционные поправки, предусмотренные Преспанским договором². Активными его сторонниками были партии, входившие в правящую коалицию. Последовательными противниками договора была оппозиционная ВМРО-ДПМНЕ и президент страны Георге Иванов.

21 апреля и 5 мая 2019 г. в Северной Македонии прошли президентские выборы. Во втором туре выборов 5 мая участвовали кандидаты от СДСМ Стево Пендаровски и от ВМРО-ДПМНЕ Гордана Силиановска-Давкова. Победу на выборах одержал Пендаровски, в основном благодаря голосам македонских албанцев, коллективно поддерживающих евроинтеграцию страны.

Урегулирование спора о названии страны позволило разблокировать процесс присоединения Северной Македонии к НАТО и ЕС. 11 июля 2018 г. НАТО пригласил Северную Македонию начать переговоры о вступлении в альянс. 6 февраля 2019 г. был подписан протокол о присоединении Северной Македонии к Альянсу. Официально Северная Македония вошла в его состав 27 марта 2020 г.

Вопрос о перспективном вступлении Северной Македонии в ЕС рассматривался 26 июня 2018 г. на Совете Европейского союза по общим вопросам, который предварительно наметил начало предметных переговоров на июнь 2019 г. Однако в июне было принято решение отложить их по причине противодействия Франции и возражений со стороны Нидерландов и Дании.

В связи с невозможностью достичь принципиального приоритета правительства премьер-министр Зоран Заев принял решение распустить парламент и назначить досрочные выборы на 12 апреля 2020 г.

Во второй половине февраля 2020 г. обе крупнейшие партии ВМРО-ДПМНЕ и СДСМ организовали политические митинги в Скопье: сторонники первой обвиняли правительство Заева в коррупции и систематическом давлении на судебную систему, а приверженцы второй отмечали успехи правительства в интенсификации процесса евроатлантической интеграции.

В марте по причине разразившейся эпидемии Ковид-19 было принято решение перенести парламентские выборы на 15 июля 2020 г. Предвыборная кампания возобновилась уже в июне после отмены режима чрезвычайного положения. Партии, участвующие в выборах в Собрание Северной Македонии, заручились поддержкой иностранных лидеров и международных политических объединений. В поддержку СДСМ и его лидера Зорана Заева выступили

¹ Беглый глава Северной Македонии открыл бизнес в Венгрии [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/3331972.html>

² См.: Как Афины и Скопье завершили многолетний спор о названии Македонии [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/25/01/2019/5c4adca89a7947b16c9560a6>

такие левые политики, как премьер-министр Испании Педро Санчес¹, бывший премьер-министр Греции Алексис Ципрас² и пр. Панъевропейский Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ) призвал граждан голосовать за входящую в АЛДЕ Либерально-демократическую партию. Премьер-министр Венгрии и лидер социально-консервативной партии «Фидес» Виктор Орбан в то же самое время уже не в первый раз поддержал ВМРО-ДПМНЕ, поскольку она могла бы помочь в борьбе против нелегальной эмиграции³.

Согласно официальным результатам, ни одна партия или коалиция не смогла получить абсолютного большинства мест в парламенте для самостоятельного формирования правительства. Формальным победителем выборов стала коалиция СДСМ и Движение «Беса» (46 мест). При этом коалиция под руководством ВМРО-ДПМНЕ во главе с Христианом Мицкоски получила всего на 1,5% меньше голосов избирателей и на два мандата меньше в Собрании Северной Македонии (44 мест), чем победитель выборов.

18 августа было объявлено, что соглашения по коалиционному правительству достигнуто, а 30 августа Собрание Северной Македонии утвердило Зорана Заева на пост премьер-министра страны. 6 января 2022 г. на этом посту его сменил новый лидер СДСМ Димитар Ковачевский.

Весной 2022 г. в стране был проведен опрос общественного мнения, который показал, что 21,2% граждан в случае проведения досрочных парламентских выборов отдали бы предпочтение ВМРО-ДПМНЕ, в то время как рейтинг правящей партии СДСМ составил 16,2%⁴. В то же самое время в стране разгорелся очередной политический кризис, вызванный тем, что оппозиция в лице ВМРО-ДПМНЕ в мае начала саботировать работу Собрания по причине готовности правительства пойти на очередную уступку на пути к евроинтеграции.

Еще в ноябре 2020 г. Болгария заблокировала начало переговоров между ЕС и Северной Македонией, выдвинув ряд требований к этой стране. В частности, София отказывалась признавать наличие македонского языка, который она считает одним из диалектов болгарского, требовала конституционных гарантий для болгарского меньшинства в Северной Македонии, подчеркивала необходимость объективного толкования событий совместной истории.

24 июня 2022 г. Народное собрание Болгарии большинством голосов сняло вето на начало переговоров о вступлении Северной Македонии в ЕС. А уже в июле Собрание Северной Македонии одобрило соглашение с ЕС, направленное на урегулирование спора с Болгарией. За соглашение проголосовали 68 депутатов. Против выступила оппозиция во главе с ВМРО-ДПМНЕ: во время голосования ее депутаты вообще вышли из помещения парламента.

¹ Spanish PM Sanchez believes Zaev-led pro-European government to lead country after elections [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://mia.mk/spanish-pm-sanchez-believes-zaev-led-pro-european-government-to-lead-country-after-elections/?lang=en>

² Tsipras: Progressive chapter to continue only with Zoran Zaev [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://mia.mk/tsipras-progressive-chapter-to-continue-only-with-zoran-zaev/?lang=en>

³ Президент Венгрии поддержал протест оппозиции Македонии [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://ria.ru/20180602/1521949785.html>

⁴ Македония снова переживает политический кризис — результаты опроса [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/ee99b762>

Шаг либо по направлению к, либо же от евроинтеграции будет сделан гражданами Северной Македонии в 2024 г., то есть на следующих парламентских выборах. От того, какая политическая сила победит, будет зависеть дальнейшая судьба страны. Однако, на наш взгляд, шансов на решительную победу у ВМРО-ДПМНЕ не столь много, несмотря на то, что весомая часть этнических македонцев в стране высказываются в ее поддержку. В коррумпированной стране, по сути лишившейся своей независимости, голос народа значит все меньше. Между тем, усилившееся в последнее десятилетие и пользующееся международной поддержкой, особенно на фоне обострившейся русофобии, албанское лобби будет только наращивать свои позиции и продолжит играть решающее значение в схватке между СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ. Население же страны и дальше будет поляризоваться, а наиболее его дееспособная часть — стремиться покинуть страну в поисках лучшей и более стабильной жизни.

УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ РАССКАЗЫВАЮТ...

УБИЙСТВО СССР (ЭПИЗОД ТАК НАЗЫВАЕМОГО ГКЧП)

ОБОЛЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР МИТРОФАНОВИЧ,
народный депутат СССР,
Председатель Комиссии Верховного Совета СССР
«По расследованию причин и обстоятельств
государственного переворота в СССР»,
Орел, Россия.

«Крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой»¹.

(из Послания Президента РФ В.В. Путина ФС РФ 25.04.2005 г.)

«Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про „обновление социализма“, а сам знал, к чему дело идет».

«Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма»².

(из интервью А.Н. Яковлева, главного соратника Горбачева)

«Всей правды я вам никогда не скажу...».

(из неоднократных интервью М.С. Горбачева)

Официальная, поддерживаемая государством, историография именно события, связанные с так называемым ГКЧП — попыткой группы высших должностных лиц исполнительной власти СССР ввести чрезвычайное положение в Москве 19–20 августа 1991 года, трактует как «последний камень, обрушивший лавинообразное, якобы, саморазрушение СССР».

¹ Текст Послания Президента России Федеральному Собранию // Интернет-портал «Российской газеты». 25.04.2005 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>.

² Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 1058 // Он-лайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/index.php.

Однако официальное следствие и прерванный судебный процесс по обвинению членов ГКЧП в государственной измене, образно говоря, были похоронены объявлением амнистии 23 февраля 1994 года. По сути, этот правовой акт стал юридическим оформлением сговора влиятельных противоборствующих частей верхушки российского общества продолжить совместное управление страной по известной русской пословице: «худой мир лучше доброй ссоры». На официальные расследования на уровне государственной власти событий современного «смутного времени» в истории России 1985–1994 гг. хитроумно было наложено «юридическое ТАБУ». Так и осталось преданное огласке обвинительное заключение следственной бригады Прокуратуры РСФСР по «Делу ГКЧП» доминирующей в информационном поле версий развития событий...

Потребовалось 12 лет, чтобы Председательствовавший на прерванном Суде над участниками ГКЧП генерал-лейтенант юстиции Анатолий Тимофеевич Уколов рискнул нарушить профессиональный «обет молчания» и огласил в виде аккуратного интервью¹ под видом личного мнения оценку дела ГКЧП:

- следствие велось с заведомо обвинительным уклоном в пользу версии заговора, утвержденной властями РФ, с организацией давления на Суд;

- расследование было заведомо не полным, поскольку уклонилось от исследования роли действовавшего Президента СССР М.С. Горбачева, без чего рассматривать события, имеющие мировое значение, недопустимо;

- весьма вероятным итогом завершения рассмотрения дела ГКЧП в Суде было вынесение оправдательного вердикта всем обвиняемым.

Отсутствие полноценного официального государственного расследования компенсировалось усилиями энтузиастов-исследователей на научном и бытовом уровне. Среди них выделяется фундаментальная работа известного историка из Санкт-Петербурга А.В. Островского «Глупость или измена. Расследование гибели СССР»², в которой им собраны, сгруппированы в хронологическом порядке и проанализированы документы и свидетельства множества непосредственных участников событий трагического для СССР периода, так называемой «перестройки». К сожалению, доминирующее в обществе представление о ГКЧП, как заговоре против Горбачева, повлияло и на его вывод: Крючков и верхушка исполнительной власти СССР устроили неудавшийся заговор с целью замены М.С. Горбачева в руководстве СССР Б.Н. Ельциным. При этом логические нестыковки собранных им свидетельств с данной версией остались необъясненными. Выразив благодарность А.В. Островскому за проделанную работу, рассмотрим свободный от логических противоречий анализ развития событий в июле–августе 1991 года.

К июлю 1991 года экономическая ситуация в СССР характеризовалась полным развалом и потерей управляемости в ходе так называемой «войны

¹ Экс-заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда РФ Анатолий Тимофеевич Уколов: Как судили гекачепистов? // Информационно-аналитический портал «VIPERSON» (Виперсон). 30.08.2006 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/eks-zamestitel-predsdatelya-voennoy-kollegii-verhovnogo-suda-rf-anatoliy-timofeevich-ukolov-kak-sudili-gekachepistov>.

² Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР // Онлайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_ssr/index.php.

законов», а проще говоря, противодействия органов власти РСФСР и СССР. Снижение уровня жизни населения вело к угрожающему росту социальной напряженности. Финансовая система СССР была на грани банкротства, ее поддержание требовало привлечения все новых международных кредитов. Что касается политической ситуации внутри страны, то она определялась ожесточенной борьбой вокруг трех направлений национально-государственного реформирования СССР, которое, собственно, и было главной неафишируемой целью затеянной М.С. Горбачевым «перестройки».

1. Избранные в 1989 году, обладавшие по Конституции всей полнотой власти, новые органы представительной власти СССР вели последовательное аккуратное изменение законодательства для обеспечения перевода плановой экономики на рыночные, конкурентные начала хозяйствования. Одновременно закладывались замещающие прежний диктат одной партии — КПСС — юридические основы функционирования народного демократического правового государства. Впервые в истории России разработкой проектов Законов в Комитетах и Комиссиях Верховного Совета СССР занимались депутаты, непосредственно избранные народом. Органы верховной конституционной власти в стране были твердо нацелены на сохранение всех преимуществ единого мощного федеративного государства с постепенным аккуратным его реформированием. В частности, для регулирования возникавших проблем в межнациональных отношениях 03.04.1990 года был принят Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». В дополнение к нему 26.04.1990 года Верховным Советом СССР был принят Закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», который фактически означал уточнение положений Союзного договора 1922 года.

2. Совсем другую модель национально-государственного устройства видел в идеале инициатор «перестройки», ставший к 1991 году Президентом СССР. Михаил Сергеевич Горбачев настойчиво проталкивал реформирование СССР в содружество небольших независимых (суверенных) государств, объединенных вокруг общего координирующего центра. Инструментами продвижения этой модели им были выбраны:

- стимулирование националистических настроений в союзных республиках и местах компактного проживания национальностей (автономных республиках, областях, округах);

- продвижение в общественное сознание идеи необходимости разработки нового Союзного договора в силу, якобы, исчерпания возможностей мирного сосуществования национальностей в прежней модели СССР;

- учреждение новых органов власти (должности Президента и Совета Федерации), заинтересованных в разработке и продвижении намеченных им лично преобразований СССР.

3. Буквально навязывание М.С. Горбачевым своей модели реформирования СССР привело к активизации радикально-националистических настроений вокруг третьей модели национально-государственного перестроения страны путем ликвидации союзного центра и «разбегания» республик в «свободное плавание».

Достаточно неожиданно главной ударной силой этого направления стала республика, выполнявшая до того роль несущей конструкции всего СССР. Произошло это после того, как часть радикально настроенных Народных депутатов СССР (по взглядам, фактически, — антикоммунистов) осенью 1989

года вошли в контакт с западными политиками и начали на основе финансовой поддержки западными фондами, в том числе — Соросом, так называемую «Русскую игру». Ее целью было взятие под контроль руководства РСФСР в ходе парламентских выборов весной 1990 года. После решения этой задачи избранием на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина уже сама эта республика стала рычагом «войны» против центральной власти СССР.

К июлю 1991 года Михаил Сергеевич Горбачев окончательно запутался, образно говоря, «в трех соснах» порожденных им же вариантов преобразования СССР.

Взятая им в рамках второй модели под личный контроль разработка проекта нового Союзного договора все более буксовала в профнепригодности и нарастании националистических амбиций руководителей союзных республик и соискателей этого статуса из числа представителей автономий.

Главным же препятствием на пути замыслов М.С. Горбачева оставалась закрепленная за Съездом Народных депутатов СССР в Конституции СССР исключительная компетенция решения вопросов национально-государственного устройства СССР. Попытка вынести проект нового Союзного договора, разработанный в рамках второй модели, на 4-й Съезд Народных депутатов СССР в декабре 1990 года окончилась провалом. Мало того, что Съезд его отправил на доработку, он еще и подкрепил свою позицию решением о вынесении на референдум вопроса о необходимости сохранения СССР.

Результаты референдума 17 марта 1991 года, казалось бы, юридически формально решили «спор» сторонников трех версий реформирования СССР в пользу первого варианта. Но одновременно эти результаты окрылили и идеологов «Русской игры», продемонстрировав поддержку почти половиной населения трех крупнейших городов РСФСР, включая столицу — Москву, третьего варианта (разрушения СССР).

12 июля 1991 года М.С. Горбачева ждал очередной удар. Верховный Совет СССР фактически завернул на доработку очередной с трудом согласованный им по второму варианту с республиками проект нового Союзного договора.

Между тем, к середине июля 1991 года финансовое и экономическое положение СССР было близко к катастрофе. Все надежды на получение срочной финансовой поддержки из-за рубежа руководство страны связывало с поездкой М.С. Горбачева на саммит так называемой «большой семерки» в Лондон 16–19 июля. Однако он вернулся, как говорится, «с пустыми руками». Условие выделения больших денег ему выдвинули ускорение проведения в СССР радикальных экономических и политических реформ.

23 июля 1991 года М.С. Горбачев сделал последнюю безуспешную попытку согласовать требования Верховного Совета СССР к проекту Союзного договора с националистическими аппетитами руководителей союзных республик и автономий. Это заседание подготовительного Комитета по свидетельству его участника Председателя ВС СССР А.И. Лукьянова было «самым тяжелым, а по ряду пунктов совершенно неконструктивным»¹ и закономерно завершилось решением продолжить работу с ориентиром на подписание договора в сентябре–октябре. Этой же датой помощник Анатолий Сергеевич Черняев помечает в своем дневнике знаковую информацию от М.С. Горбачева: «Знаешь, пришла информация. Буш после моего завтрака с ним в Лондоне

¹ Лукьянов А.И. Август 91-го. А был ли заговор? М., 2010. С. 49.

сказал своим, что Горбачев устал, нервничает, не владеет ситуацией, не уверен в себе, поэтому и подозревает меня в неверности, ищет большей поддержки... Надо переключаться на Ельцина»¹. Итак, М.С. Горбачев, образно говоря, был поставлен ситуацией перед выбором: потеря власти или отход от правовых методов реформирования страны!

Верный себе Михаил Сергеевич попытался ужом проскользнуть между этими двумя равно опасными для его репутации угрозами.

Обратим внимание на следующее принципиальное обстоятельство. Обвинив членов ГКЧП, что они сорвали подписание Союзного договора 20 августа 1991 года, ни следователи, ни дотошные журналисты, ни представители власти, вообще никто не задался вопросом: почему столь долгожданное и судьбоносное для страны событие готовилось втайне от всего мира? Как свидетельствует В.А. Крючков: «Горбачев звонил из Фороса, метал громы и молнии, возмущался произошедшей утечкой, требовал выявить „виновников“ этой акции. Его расчет был на то, чтобы подписанием договора 20 августа поставить советских людей перед свершившимся фактом»².

Что же за договор собирались подписать 20 августа три Президента? Да, его текст был вынужденно опубликован 15 августа в центральных газетах. Но он не был рассмотрен органами представительной власти Союза ССР и его союзных республик. Не был он согласован, как свидетельствует А.И. Лукьянов, руководителями союзных республик и на последнем заседании подготовительного Комитета 23.08.1991 г. Все говорит о том, что к последней его версии имеют отношение только три Президента: М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и Н.А. Назарбаев. И, возможно, несколько самых близких соратников Горбачева из его помощников.

Именно три упомянутых Президента на закрытой встрече 29–30 июля согласовали текст нового Союзного договора, договорились о поэтапной процедуре его подписания и распределили между собой роли в руководстве будущего, нового, Союза. По существу, на этой «тайной вечеринке на троих» было заключено устное соглашение (заговор) об объединении административного ресурса трех Президентов для внеправового (с игнорированием действующей Конституции и законов) изменения национально-государственного устройства СССР. Особо обращает внимание на себя тот факт, что тайный даже для ближайших соратников Горбачева заговор трех Президентов был доложен Президенту США Джорджу Бушу (старшему), который 29 июля приехал с официальным визитом в Москву и одобрил (или утвердил!?) их замыслы. Тогда же с его участием была определена и дата «дня X» (20 августа).

Поскольку двое из трех участников заговора уже призваны в мир иной держать ответ за свои преступления, нам остается лишь по косвенным признакам попытаться реконструировать детали их заговора помимо согласования текста проекта договора.

Одной из тем обсуждения был кадровый вопрос в новом Союзе. Все три участника не скрывают, что главой Правительства было решено поставить

¹ Черняев А.С. Дневник помощника Президента СССР. 1991 год. М., 1997. С. 96.

² Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 853, 854 // Онлайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/index.php.

Н.А. Назарбаева. Соответственно, по показаниям Б.Н. Ельцина на следствии по делу ГКЧП, Премьер-министр В.С. Павлов отправлялся в отставку с упразднением практически всех союзных министерств. На своих местах планировали оставить лишь Председателя КГБ В.А. Крючкова и Министра обороны Д.Т. Язова. Здравый смысл подсказывает, что за согласие подписать Союзный договор Б.Н. Ельцин должен был получить нечто весомое. С учетом его амбиций, предположительно, не меньше чем на равных с Горбачевым соуправление новым Союзом Суверенных Государств. Косвенное свидетельство на эту тему приводит сам М.С. Горбачев в красочном описании торжественного приема в Кремле в честь американского Президента вечером 31 июля 1991 года¹. Оказывается, на нем Борис Николаевич, грубо нарушив дипломатический протокол, бесцеремонно повел себя уже как глава принимающей стороны (как хозяин Кремля!).

Итак, весьма вероятно, что заговор трех Президентов представлял собой акт неформальной капитуляции М.С. Горбачева в давней борьбе за власть с Б.Н. Ельциным. Обратим внимание на элегантность такого хода. Оценив угрозу, исходящую из готовности американцев «сделать ставку на нового фаворита», М.С. Горбачев планировал решить сразу две задачи: наглядно продемонстрировать Президенту США, что по-прежнему контролирует ситуацию в стране и готов к радикальным преобразованиям, одновременно опередив его в приведении на ведущие роли в Союзе Б.Н. Ельцина.

Поскольку взаимопонимание между тремя Президентами было достигнуто, оставалось найти приемлемую форму претворения состоявшейся «капитуляции» в реальной жизни. История пока умалчивает об авторстве следующего оригинального хода трех Президентов в виде утверждения процедуры поэтапного подписания нового Союзного договора под патронажем Президента еще существовавшего СССР. В результате на 20 августа было запланировано возникновение правовой коллизии одновременного существования на одной территории двух государств, что открывало богатые возможности для юридического крюкотворства по оправданию новой политической реальностью любых неправовых действий. Разумеется, такое состояние, образно говоря, «шизофренического временного раздвоения государственности» долго продолжаться не могло. А оно и не требовалось. Главное было создать предлог для псевдоправового устранения Съезда Народных депутатов СССР, как главной преграды на пути модели горбачевского реформирования СССР.

Открывала процедура поэтапного подписания нового договора возможности и для благовидного оформления капитуляции М.С. Горбачева с передачей власти Б.Н. Ельцину. К примеру, ничто не мешало учредителям нового ССГ сразу после подписания нового Союзного договора составить к нему приложение о возложении временно, до проведения первых выборов, исполнение обязанностей Президента ССГ, по совместительству, на Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, а полномочий Председателя Правительства ССГ, также по совместительству, на Президента Казахстана Н.А. Назарбаева. Одним словом, возможностей в состоянии правовой неопределенности для последующего перевода под юрисдикцию ССГ союзных республик СССР, особенно при содействии М.С. Горбачева, у тройки

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. С. 572 // Эл. библиотека bookscafe.net [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://bookscafe.net/book/gorbachev_mihail-zhizn_i-reformy-243200.html#google_vignette.

заговорщиков было много... Не забудем, также, что их план в целом был одобрен Президентом США.

Конечно, в данном случае предложена лишь версия заговора, в которую в целом адекватно укладывается последовавшее развитие событий.

Отметим, что ни одна властная или правоохранительная структура как СССР, так и союзных республик не предприняла ни одного действия, вытекающего из их полномочий с учетом явной противозаконности обнародованного 2 августа замысла президентов. А Председатели Верховных Советов СССР и РСФСР в столь ответственный момент дружно отправились в отпуск! Так зримо проявило себя объединение административного ресурса «заговорщиков»! Обращает на себя внимание и смирение, с которым руководители органов высшей законодательной и исполнительной власти СССР, критически, и это мягко сказано, в письменной форме (видимо, для истории) оценивая проект договора, который согласовали три Президента, тем не менее, заявляли о необходимости его подписать! Здравый смысл подсказывает лишь одно разумное объяснение этой ситуации: руководители высшего ранга, обладая полнотой информации, лучше других осознавали: страна, действительно, катится к пропасти, и пытались ухватиться хоть за такой мизерный шанс сохранить ее, удержав буквально на краю...

В довершение 4 августа хитроумно удалился на отдых в столь критический и ответственный момент и сам Президент СССР. Как он заверяет, это не мешало ему издавелека держать на контроле ход подготовки к 20 августа и вносить необходимые коррективы. С другой стороны, этот маневр обеспечил возможность под благовидным предлогом избегать необходимости отвечать на неудобные вопросы.

Перед отъездом, выслушав 3 августа на заседании Кабинета Министров доклады о назревающей в экономике страны катастрофе, он успокоил собравшихся: «Мы не позволим развалить Советский Союз» и «будем принимать все меры вплоть до введения чрезвычайного положения»¹. Это заверение он подкрепил поручением перед отъездом в отпуск Председателю КГБ СССР В.А. Крючкову проанализировать вопрос о необходимости введения чрезвычайного положения (ЧП) в СССР. Аналитики КГБ пришли к выводу, что до подписания Союзного договора будоражить население введением чрезвычайного положения нецелесообразно.

Отметим, что этот вопрос стоял на повестке дня союзной власти уже давно. Впервые чрезвычайное положение Указом Президиума Верховного Совета СССР вынужденно было введено в январе 1990 года в Баку с привлечением армейских частей для пресечения армянских погромов. Это подтолкнуло разработку и принятие соответствующего Закона. А 27 марта 1991 года по распоряжению Президента СССР для пресечения ожидавшихся беспорядков воинские части уже были введены в самый центр Москвы. После этого по инициативе М.С. Горбачева в апреле 1991 года с Советом безопасности СССР им был согласован состав Комитета по чрезвычайному положению и проработан ряд проектов документов на случай необходимости его введения, включая «Обращение к народу».

¹ Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 842 // Он-лайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/index.php.

Роковой ошибкой, если это не было сознательной хитростью, М.С. Горбачева в реализации сговора трех Президентов стало обнародование в выступлении по телевидению 2 августа даты начала подписания нового Союзного договора — 20 августа. Оно сыграло роль своеобразного «доноса» противникам сохранения СССР. Остававшийся в Москве Б.Н. Ельцин оказался, с одной стороны, под прессингом сторонников полного разрушения СССР, а с другой — демократов в депутатском корпусе РСФСР, которые требовали соблюдения процедуры и предварительного рассмотрения текста проекта Договора в Верховном Совете РСФСР.

10 августа Б.Н. Ельцин, уступая давлению, был вынужден официально направить текст проекта Договора в Верховный Совет РСФСР.

Вполне естественная в новых условиях неуверенность Б.Н. Ельцина привела к телефонному разговору с М.С. Горбачевым 14 августа 1991 года. О его содержании Борис Николаевич не считал нужным упоминать. Трудно предположить, чтобы Б.Н. Ельцин звонил не любимому им Президенту СССР за словами моральной поддержки. Почти наверняка с его стороны было предложено со ссылкой на осложнение ситуации в Москве отложить подписание договора. Основанием для подводящего итог этому разговору лаконичного резюме М.С. Горбачева: «Нужно сохранять хладнокровие и продолжать подготовку к подписанию»¹, очевидно, должен был быть согласован президентами комплекс дополнительных мероприятий в поддержку реализации намеченного ими плана, включая введение ЧП в Москве.

В тот же день 14 августа В.А. Крючков поручил своим подчиненным готовить документы для введения чрезвычайного положения, которые и были ему представлены 15 августа.

По косвенным свидетельствам 15 августа состоялась конфиденциальная (в КГБ) обстоятельная встреча Крюčkова и Ельцина². 15 же августа было принято решение доложить план введения чрезвычайного положения Президенту СССР. Поскольку докладывать лицу, которое по версии следствия предполагалось в итоге отстранить от власти алогично, распоряжение о подготовке к введению ЧП было отдано самим Горбачевым В.А. Крючкову после разговора с Б.Н. Ельциным 14 августа.

Из того, что В.А. Крючков 16 августа приступил к расширению числа лиц из союзного руководства, привлеченных к подготовке введения режима ЧП, следует, что план был одобрен Горбачевым.

Вечером 17 августа на территории КГБ состоялось очередное совещание сформированной В.А. Крючковым группы обеспечения введения режима ЧП. Из более позднего косвенного свидетельства В.С. Павлова можно предположить, что в нем по специальной линии правительственной связи принимал участие и сам М.С. Горбачев, который утвердил намеченный план, пожелав участникам успеха, и, сославшись на плохое самочувствие, предложил премьер-министру легализовать своим решением намеченные мероприятия. Однако, вероятно уже после прекращения связи с Горбачевым, у участников

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. С. 532 // Эл. библиотека bookscafe.net [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://bookscafe.net/book/gorbachev_mihail-zhizn_i-reformy-243200.html#google_vignette.

² Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 850 // Онлайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/index.php

совещания возникли проблемы в связи с категорическим отказом В.С. Павлова брать на себя ответственность со ссылкой на состояние здоровья и отсутствие у него по закону таких полномочий. Было принято решение направить на следующий день к Горбачеву делегацию, чтобы попытаться убедить его самого прилететь в Москву.

В 8 часов 18 августа министр обороны СССР Д.Т. Язов по своей инициативе провел совещание с подчиненными и дал указание привести ряд соединений в повышенную готовность для выдвижения к Москве. Это свидетельствует о том, что принципиальное решение о введении ЧП было принято накануне, а весь день 18 августа прошел в поиске лица, готового взять на себя ответственность за легализацию его введения.

В 11 часов состоялось очередное совещание у В.А. Крючкова. О его содержании участники не сообщают. Можно предположить, что на нем пытались еще раз убедить В.С. Павлова взять на себя ответственность в выполнении устного указания Горбачева о введении ЧП. Поскольку Валентин Сергеевич, ссылаясь на состояние здоровья, ответил твердым отказом остальным участникам руководства СССР, привлеченным В.А. Крючковым для выполнения решения Президентов СССР и РСФСР о введении ЧП в Москве, не оставалось ничего другого, как отправить в Форос делегацию в составе О.Д. Бакланова, В.И. Болдина, В.И. Варенникова и О.С. Шенина для выполнения возложенной на нее по итогам совещания 17.08.91 миссии: лично убедить М.С. Горбачева вернуться с ними в Москву для участия во введении ЧП либо получить от него письменное поручение сделать это конкретному должностному лицу. После категорического отказа В.С. Павлова как вариант на эту роль рассматривалась кандидатура вице-президента СССР Геннадия Ивановича Янаева.

В 13 часов делегация вылетела к Президенту в Форос. Одновременно, в связи с отсутствием формального руководителя по выполнению решения Президентов о введении режима ЧП, группа В.А. Крючкова приняла срочные меры к привлечению в свой состав Председателя ВС СССР А.И. Лукьянова и Вице-президента СССР Г.И. Янаева, которые до середины дня 18 августа и не подозревали о спланированной для них роли то ли «заговорщиков», то ли «спасителей Отечества».

Весь вечер 18 августа, якобы, «заговорщики» провели в растерянности и спорах. После возвращения делегации из Фороса были даже предложения плонуть на все и уйти в отставку...

Геннадий Иванович Янаев долго категорически отказывался подписывать указ о временном исполнении полномочий Президента СССР. Поскольку следствием было установлено, что полного блокирования связи с Форосом все же не было, одно косвенное свидетельство Г.И. Янаева позволяет допустить, что Михаил Сергеевич в этот критический момент мог попросить его об этом лично: «Горбачев не сказал, что не надо вводить чрезвычайное положение. Он сказал, что „надо меры принимать, но вы поймите меня, я не могу в этом участвовать“»¹. Обратим внимание на принципиальное отличие этого свидетельства Янаева от слов Горбачева в напутствии участникам делегации, летавшей к нему в Форос. Как бы то ни было, документы

¹ Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 861 // Онлайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/index.php

были подписаны, войска пришли в движение, и утром 19 августа под звуки музыки из балета «Лебединое озеро» страна проснулась в иной политической реальности.

Отметим, что с учетом результатов референдума 17 марта 1991 года в Москве, Петербурге и Свердловске и оголтелой информационной компании против СССР, развернувшейся в этих городах с начала августа, основания допустить организацию масштабных волнений вплоть до попыток захвата власти, действительно, были. Однако, согласованное М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным введение чрезвычайного положения не ставило цель проведения каких-либо силовых акций. План его введения носил демонстративно устрашающий характер, чтобы обилием войск и бронетехники деморализовать противников сохранения СССР и тем самым обеспечить начало подписания нового Союзного договора, которое мы определили как заговор трех Президентов против национально-государственного устройства СССР в прежнем его качестве. Поэтому члены команды Крючкова (ГКЧП) для обеспечения решения Президентов пошли по самому простому пути заимствования плана введения в Москву войск в конце марта 1991 года и разработанных вслед за этим по поручению Горбачева проектов документов, которые даже не удосужились отредактировать с учетом изменившейся обстановки.

Обратим внимание: ни один документ ГКЧП не содержал положений, ущемляющих полномочия органов власти РСФСР. За все дни противостояния со стороны ГКЧП также не было допущено ни одного реально враждебного в отношении них действия. Наоборот, по личной просьбе Президента РСФСР для охраны (так и напрашивается резонный вопрос — от кого???) центра российской власти («Белого Дома») ГКЧП был направлен целый батальон ВДВ. А регулярные переговоры самого Ельцина с координатором ГКЧП В.А. Крючковым подтверждаются всеми участниками, вплоть до достигнутого ими в ночь на 21 августа соглашения вместе лететь в Форос к Горбачеву, чтобы втроем урегулировать ситуацию. Не для срыва ли этой договоренности крайне потребовалась организация той же ночью явной провокации против военнослужащих, закончившаяся смертью трех гражданских лиц?!

На удивление спокойной в свете последующего развития событий была и первая реакция Президента РСФСР на известие о введении режима ЧП. По свидетельству его близкого на тот момент соратника М.Н. Полторанина по дороге с дачи в Москву он находился в глубоком раздумье: «Горбачев — Горбачев, — протянул он хрипло вместо ответа (скорее себе, а не мне). — Что-то многовато подтекста в его поведении. Как бы не повернули они ситуацию в другую сторону»¹. «Какие-то сомнения растревожили президента. Что-то не совпадало с его ожиданиями»², — свидетельствует Михаил Никифорович. Мы же отметим для себя, что само введение ЧП не было для Бориса Николаевича неожиданностью, а смущали некоторые детали... Нетрудно догадаться, что такой открывающей для Горбачева новое окно возможностей вне пределов договоренностей, достигнутых тремя Президентами на 20 августа, деталью была ссылка в документах ГКЧП на его болезнь. Было от чего задуматься Президенту России..!

В подписанном уже в 9 часов утра 19 августа прямо на ельцинской даче тремя первыми лицами в руководстве РСФСР «Обращении к народу»,

¹ Полторанин М.Н. Власть в трилоном эквиваленте. М., 2010. С. 175.

² Там же. С. 176.

составленном, кстати, в достаточно дипломатичном тоне, еще можно уловить ультимативное требование Горбачеву подтвердить ранее достигнутые договоренности: «Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию. Безусловно, необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом»¹. Как видим, путь к уточнению намерений ГКЧП и нормализации ситуации пока еще не был закрыт...

Все меняется после приезда Б.Н. Ельцина с дачи в «Белый Дом». Здесь уже царит дух, якобы, защиты конституционного строя, а в Штабе организации сопротивления ГКЧП заправляют сторонники полного разрушения СССР, которые, как откровенно признался спустя год в обширном отчете на страницах газеты «Известия» один из фактических дирижеров «Русской игры» Г.Х. Попов, всерьез готовились к силовому захвату власти осенью 1991 года. Борис Николаевич вынужден подстраиваться под общий настрой, о чем прямо свидетельствуют уже первые его Указы, которые однозначно «объявляют непримиримую войну» всему составу ГКЧП, а за ним и союзной власти. Чего стоит, к примеру, безапелляционное: «...постановляю: считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся ничем иным как государственным преступлением»². «Объявление войны» центру под предлогом защиты конституционного строя являлось давней «домашней заготовкой» сторонников разрушения СССР. Как разоткровенничался через год Г.Х. Попов: «Самым благоприятным для нас был вариант путча „против Горбачева“. Мы ожидали, что скорее всего таким он не будет. Но, может быть, нам удастся представить его в таком варианте — и это будет большая удача. Поэтому даже если день, полдня будет „нестыковка“ путча и Горбачева, надо будет сразу же этим воспользоваться и ударить в эту щель» (газета «Известия» №№ 189–192, 21–24 августа 1992 года³).

А теперь обратим внимание: разве не именно по этому сценарию, как по нотам, разворачивались события 19 августа 1991 года?

Следует отметить, что сам Б.Н. Ельцин, судя по всему, не был организатором разыгрывавшейся на улицах Москвы трагикомедии, а также, как и практически все мы, стал ее пассивным статистом. Единственно, чем он отличался от нас, это твердым знанием об отсутствии угрозы со стороны ГКЧП. Об этом свидетельствует все его поведение в эти дни.

Как непосредственный участник этих событий свидетельствую: на призыв защитить демократию и конституционный порядок откликнулись десятки тысяч безоружных граждан, и не только москвичей. Вокруг «Белого дома» можно было встретить непримиримых в иное время спорщиков от монархистов до коммунистов. Тем более циничным является то, как воспользовались этим искренним порывом постановщики этого действа.

Растерянные, якобы, «путчисты», у которых и в мыслях не было воевать со своим народом и Президентом, уже 21 августа распустили свой ГКЧП и бросились за защитой не к кому-нибудь, а к М.С. Горбачеву в Форос.

¹ К гражданам России // Agitclub.ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/gorby/putch/elzindoc.htm>

² Указ Президента РСФСР от 19.08.1991 г. № 59 // Президент России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/120>

³ Материалы личного архива Оболенского А.М. (3.2–15–3–2).

Однако, из, якобы, изоляции Президент СССР вернулся в Москву уже не с ними, своими подчиненными, а дождался делегации представителей РСФСР, которые и привезли его в столицу в ночь на 22 августа в качестве «своеобразного трофея». Как метко выразился народный депутат РСФСР О.М. Попцов: «Президент... в час своего возвращения... еще не понимал, что... он сходит не по ступеням самолетного трапа, а спускается с Олимпа власти»¹.

Наступило утро 22 августа, и ничто, казалось бы, уже не мешало двум Президентам (РСФСР и СССР), засучив рукава, «вернуть страну к нормальному конституционному развитию»², как призывали в своем воззвании утром 19 августа руководители России. Однако к вечеру выяснилось, что каждый из них, не обращая внимание на предписанные Конституцией и Законами процедуры, принялся назначать каждый своих сторонников на ключевые министерские посты в СССР. Выяснение отношений началось еще ночью, а закончилось утром следующего дня полной отменой Горбачевым своих Указов и формальным назначением им кандидатов, предложенных Б.Н. Ельциным. По свидетельству помощника М.С. Горбачева А.С. Черняева после этого с Ельциным согласовывались все назначения!

Но на этом череда унижений М.С. Горбачева в этот день только началась! Во время встречи с Ельциным он между дел подмахнул записку Г.Э. Бурбулиса с предложением блокировать управление КПСС, опечатать здание ее ЦК. А после обеда вышел на трибуну Верховного Совета РСФСР держать ответ перед Народными депутатами России. Во время этой встречи торжествующий Ельцин глумливо демонстративно, игнорируя робкие возражения Горбачева, подписал Указ о приостановлении деятельности Российской компартии. Завершилось, якобы, «возвращение страны к конституционному развитию» объявлением 24 августа Горбачевым о сложении с себя полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС и призывом к ее ЦК самораспуститься, а рядовым членам создавать новые партии. 25 августа Б.Н. Ельцин завершил разгром КПСС, присвоив своим указом без суда и следствия (!) все ее имущество. Вся эта вакханалия беззакония двух Президентов в период 22–25 августа детально проанализирована с правовых позиций А.В. Островским в его книге: «Глупость или измена. Расследование гибели СССР». Мы же в заключение отметим еще одно вершащее учиненный разгром действие Горбачева. Его консультант Ревенко 24 августа собрал Кабинет Министров СССР и объявил об его роспуске. Сам же Горбачев в тот же день создал не предусмотренный Конституцией СССР новый орган — Комитет по оперативному управлению народным хозяйством страны, возглавить который после беседы с Б.Н. Ельциным предложил Председателю Правительства РСФСР И.С. Силаеву.

Как мы убедились, привезенный российской делегацией в качестве «своеобразного трофея» из Фороса в Москву Президент СССР М.С. Горбачев, послушно выполнив с нарушением Конституции и Законов СССР все требования Б.Н. Ельцина по замене руководителей силовых министерств

¹ Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. С. 895 // Онлайн-библиотека k2x2.info [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.k2x2.info/istorija/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_ssr/index.php.

² К гражданам России // Agitclub.ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/gorby/putch/elzindoc.htm>.

сторонниками Президента России, фактически передав под его контроль управление всей экономикой Союза, самовольно ликвидировал всю исполнительную власть СССР.

Униженно смирившись с разгромом и незаконным запретом партии (КПСС), которую он возглавлял, он превратился в бутафорскую фигуру (или заложника?), прикрывающую, как фиговый листок, факт смены реальной власти в стране.

Да, в СССР еще функционировал конституционный орган представительной высшей власти — Съезд Народных депутатов СССР, формально обладавший всей полнотой власти. Но он уже был лишен структур реализации его решений в практической жизни.

Завершить Государственный переворот, спланированный «междусобойчиком» трех Президентов 30 июля 1991 года, после этого, как говорится, оставалось делом техники...

ПРЕЗЕНТАЦИИ УЧАСТНИКОВ «ТАВРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ»

О МОНОГРАФИИ «ГУБЕРНСКИЕ ПРАВЫЕ (СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО КРЫЛА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ). М., 2022»

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры Отечественной истории
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: Omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: В монографии на основании широкого круга источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, исследуются становление и эволюция правого (консервативного, монархического) крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии от момента его возникновения осенью 1905 г. до фактического прекращения деятельности в конце 1916 г. Рассмотрены формирование, социальный состав и финансирование партийных структур правых, их взаимоотношения с государственными институтами и православной церковью, внутренние конфликты в правом лагере, а также основные направления деятельности монархических партий, включая участие в думских избирательных кампаниях.

Ключевые слова: Российская империя, Владимирская губерния, монархические партии, Союз русского народа, выборы в Государственную Думу, Революция 1905–1907 гг.

На примере губернских монархических организаций Владимирской губернии в монографии¹ рассмотрены становление и эволюция правого (консервативного, монархического) крыла партийной системы России от момента его возникновения осенью 1905 г. до фактического прекращения деятельности в конце 1916 г.

Правые партии Владимирской губернии не часто попадали в поле зрения историков, поэтому работа опирается, в первую очередь, на источники, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Во-первых, это

¹ Омелянчук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. М.: МГПУ, 2022. 444 с.

документы, отложившиеся в федеральных, региональных и даже зарубежных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственных архивах Владимирской (ГАВО) и Тверской областей (ГАТО) и Центральном государственном архиве Украины в г. Киеве (ЦГИАУ).

Во-вторых, в книге использованы материалы периодики различных политических направлений, как центральной, так и региональной. К первой группе относятся «Вече», «Московские ведомости», «Голос Русского» (все — Москва), «Русское знамя», «Вестник Союза русского народа» (все — Петербург). Ко второй — «Владимирец», «Старый Владимирец», «Владимирский край», «Владимирские губернские ведомости», «Владимирские епархиальные ведомости», «Клязьма» (все — Владимир), «Тверская жизнь», «Тверские епархиальные ведомости» (все — Тверь), «Мирный труд» (Харьков) «Ивановский листок» (Иваново-Вознесенск), «Русский народ» (Ярославль), «Ковровские вести» (Ковров), «Тверское Поволжье» (Старица). Кроме того, к исследованию широко привлекались партийная публицистика, дневники и мемуары современников, а также ранее опубликованные документы. Такая широкая источниковая база позволила создать необходимые условия для политически объективного исследования заявленной научной проблемы.

В книге рассмотрены процессы формирования во Владимирской губернии партийных структур правых, как всероссийских (Союз русского народа), так и региональных (Шуйский Союз русских православных людей, Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия и др.), их роль в общероссийском политическом процессе, социальный состав монархических организаций, их финансирование, раскол и внутренние конфликты в правом лагере (раскол на «дубровинцев» и «обновленцев», межличностные конфликты в правых организациях и т.п.), а также основные направления деятельности монархических партий Владимирской губернии (участие в думских избирательных кампаниях, политическая пропаганда, развитие кооперации, культурно-просветительская и организационная работа, благотворительность и т.п.). Также были исследованы взаимоотношения правых организаций с государственными институтами, православной церковью, другими политическими партиями, в первую очередь, с местными отделениями «Союза 17 октября».

Монография может быть интересна не только историкам, но и широкому кругу читателей, интересующихся политической историей России начала XX века, в особенности ее региональным аспектом.

О СБОРНИКЕ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И РЕВОЛЮЦИЯ»

ЛЯНДРЕС СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ,
PhD, профессор факультета истории,
соруководитель программы российских
и восточноевропейских исследований,
Университет Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США;
e-mail: slyandre@nd.edu

БАЖАНОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.),
ИИСН РГПУ имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: dbazhanov@herzen.spb.ru

БОКАРЕВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА,
кандидат исторических наук,
директор по сервису АО «Север телеком»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: arlika@yandex.ru

ГАВРОЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,
ассистент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.)
ИИСН РГПУ имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: gavroevae@herzen.spb.ru

ТРИБУНСКИЙ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела культуры Российского Зарубежья
Дома русского зарубежья имени А. Солженицына,
старший научный сотрудник
Центра изучения истории
территории и населения России ИРИ РАН,
Москва, Россия;
e-mail: pt2140@yandex.ru

Аннотация: Публикация посвящена сборнику, вышедшему в 2022 г. к 60-летию известного петербургского историка доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаева.

Ключевые слова: А.Б. Николаев, Государственная дума, Февральская революция.

Подготовка сборника к юбилею видных ученых — устоявшаяся традиция в отечественной и зарубежной исторической науке. В 2021 г. коллеги и ученики Андрея Борисовича Николаева решили подготовить и опубликовать предлагаемое вниманию читателя научное издание к его 60-летию¹.

¹ Государственная дума и революция: сб. науч. тр. к 60-летию А.Б. Николаева / Редколл.: С.М. Ляндрес (отв. ред.), Д.А. Бажанов, Л.С. Бокарева, Е.С. Гавроева, П.А. Трибунский. Рязань: П.А. Трибунский, 2022. 284 с.

А.Б. Николаев — известный специалист по истории российского парламентаризма начала XX века и истории Февральской революции 1917 года. Ученик О.Н. Знаменского, он продолжил традиции, заложенные ленинградской школой изучения истории Русской революции 1917 года. На сегодняшний день А.Б. Николаев является автором более 300 научных работ, трех монографий и соавтор шести коллективных трудов, посвященных истории Русской революции 1917 г. А.Б. Николаев в соавторстве выступил инициатором изучения думской элиты в России начала XX века и соавтором концепции многолинейного развития российского парламентаризма в России в 1917 году. В своих трудах рассмотрел вопрос о месте и роли IV Государственной думы в событиях Февральской революции 1917 г. Показал, что Государственная дума в лице ее органов сыграла руководящую роль в Февральской революции, а Временный комитет Государственной думы фактически являлся первым временным правительством революционной России, обладавшим к тому же верховной, законодательной, исполнительной и судебной властью. Изучил механизм формирования и функционирования временной власти в феврале 1917 г. и доказал, что она носила думско-советский (дуалистический) характер при главенстве думского элемента над советским. Также внес существенный вклад в изучение думской биографики, опубликовав более 1200 статей (с учетом переизданий), посвященных депутатам Государственных дум Российской империи.

Государственная дума и Февральская революция 1917 года в России, как основные направления исследований А.Б. Николаева, нашли отражение в названии сборника и учитывались при его составлении. В издании была предпринята попытка осветить и биографию А.Б. Николаева, и его вклад как в историческую науку, так и в дело воспитания, просвещения целых поколений ученых и педагогов.

Первый раздел «Ученый, коллега, учитель» включает в себя 8 публикаций о А.Б. Николаеве: о его исследованиях и вкладе в историческую науку, участии как главного редактора в издании целого ряда ежегодных сборников научных трудов, а также освещает его просветительскую деятельность среди студентов. Помимо составителей сборника, авторами этого раздела являются крупнейшие отечественные и зарубежные ученые и в первую очередь известнейший специалист по истории Февральской революции в Петрограде Ц. Хасегава, который дал высокую оценку научным трудам А.Б. Николаева и назвал его без сомнения «самым серьезным исследователем Февральской революции». Две статьи данного раздела посвящены в буквальном смысле подвижнической работе А.Б. Николаева по изданию сборников научных работ «Таврические чтения. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» и «Герценовские чтения. Актуальные проблемы русской истории». Не обошла вниманием редакционная коллегия и его вклад в подготовку будущих педагогов и исследователей в стенах РГПУ им. А.И. Герцена, как, например, его неутомимая деятельность на посту куратора Студенческого научного общества Института истории и социальных наук и издание студенческой газеты «Двадцатый корпус», появление новых значимых для студентов проектов, например, конкурса ОДРИ («Общества друзей русской истории») на лучшую научную работу студентов и аспирантов.

Во втором разделе сборника «Эпоха реформ и революций в России» опубликованы 8 исследовательских статей, тематика которых так или иначе связана с кругом основных научных интересов А.Б. Николаева: история русского

парламентаризма начала XX в., Февральская революция и революционный процесс 1917 г.

В исследовании К.А. Соловьева делается попытка представить «Союз 17 октября» не просто политической партией, а своего рода консолидированным политическим классом, включавшим в себя различные элементы, и тесно связанным с имперской бюрократией. В статье И.К. Кирьянова с неожиданного ракурса рассматриваются дискуссии в Государственной думе, в которых члены парламента инструментально использовали исторический опыт при решении современных проблем. Обращение к истории страны были нередки, а в обсуждении национальных вопросов становились обязательными. В работе А.В. Соколова подробно разбираются и анализируются воспоминания М.С. Грушевского по истории масонской ложи «Великий Восток народов России». Изучение мемуаров позволило автору прийти к выводу о продолжении деятельности ложи в Киеве после Февральской революции и даже попытках влияния братьев на замещение административных должностей в Киеве и в целом в России. Объемная статья С.М. Ляндреса посвящена сложным отношениям председателя Государственной думы М.В. Родзянко и Прогрессивного блока в течение февраля — июня 1916 г. Исследователь показывает, что Родзянко был самостоятельным политиком, умело использовавшим свое положение председателя Государственной думы (аудиенции у царя и председателей правительства) и ведшим независимую и последовательную линию, что нередко противоречило планам Прогрессивного блока и вело к столкновениям с его лидерами. Деятельность правомонархических организаций в период Февральской революции 1917 г. стала предметом исследования Д.И. Стогова. Глубокий идейный и организационный кризис монархического движения накануне свержения царизма стал причиной неспособности правых предложить выход из критической ситуации, в результате чего в последовавших революционных событиях монархисты оказались инертны, что привело к ликвидации черносотенных организаций и аресту их лидеров. В.И. Мусаев подробно разобрал реформирование правоохранительной системы в России в 1917 — начале 1918 гг. Автор показал, как после разгона старорежимной полиции началось формирование общегородской милиции, а параллельно — особой рабочей милиции, подчинявшейся Петросовету. Однако идея большевиков о введении всеобщей милицейской повинности после захвата власти натолкнулась на суровые реалии, приведшие к переходу к кадровой милиции. П.Н. Гордеев в деталях рассмотрел судьбу Придворного (Государственного) оркестра в революционном 1917 году. В статье П.А. Трибунского восстанавливается биография А.М. Беркенгейма в 1917 г., когда аполитичный деятель кооперации оказался вовлеченным в активную политику (Московский Комитет общественных организаций, Демократическое совещание, Предпарламент).

Завершает сборник полный список трудов юбиляра, в который включены как исследовательские статьи, так и его работы в качестве редактора и составителя сборников научных трудов. Ознакомившись с внушительным перечнем научных изысканий А.Б. Николаева, читатель найдет подтверждение феноменальной работоспособности историка.

Редакционная коллегия надеется, что сборник «Государственная дума и революция» будет интересен научной общественности и особенно тем, кто интересуется историей Думской монархии и Февральской революции 1917 года в России.

О КНИГЕ «ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИИ 1996. КАК ИЗБИРАЛИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА¹»

ИСАКОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ,
народный депутат РСФСР (1991–1993),
Председатель Совета Республики ВС РСФСР (1990–1991),
председатель комитета по конституционному
законодательству ВС РСФСР,
член Конституционной комиссии РСФСР,
депутат Государственной Думы ФС РФ первого созыва,
председатель комитета по законодательству,
доктор юридических наук, профессор,
ординарный профессор НИУ ВШЭ,
заслуженный юрист Российской Федерации,
член Союза писателей России,
Москва, Россия.

Аннотация: Публикация посвящена президентским выборам 1996 г. в России. Автор рассматривает актуальные вопросы современной истории Российской Федерации, связанные с процессом становления и развития новой политической системы.

Ключевые слова: президент, выборы 1996 г., политический процесс, Б.Н. Ельцин, Д.А. Медведев.

*«Выборы 1996 года показали, что позволено
все или почти все».*

Петр Авен, банкир, олигарх

Президентские выборы 1996 года, казалось бы, давно ушли вглубь истории. Тем не менее, и сами выборы, и события вокруг них будоражат общественную жизнь, остаются предметом острых дискуссий, которые то затихают, то разгораются с новой силой.

Одни считают, что напористость г-на Чубайса, возглавившего группу олигархов и сделавшего ставку на переизбрание Б.Н. Ельцина, спасла Россию от возвращения к власти коммунистов и гражданской войны. Другие полагают, что именно президентские выборы 1996 года ввергли страну на путь авторитаризма и фальшивых, фальсифицированных выборов, перечеркнули путь к реальной, жизнеспособной демократии.

Свою лепту в политическую интригу внес президент Д.А. Медведев, который 20 февраля 2012 года на встрече с лидерами непарламентских партий заявил: «Вряд ли у кого есть сомнения, кто победил на выборах президента 96-го года. Это не был Борис Николаевич Ельцин». Разумеется, президентская пресс-служба сразу же начала опровергать неосторожное заявление Дмитрия Анатольевича, которого, якобы, «неправильно поняли». А что тут, собственно, можно не понять? Все участники встречи подтверждают: да, сказал. Да и сам Д.А. Медведев от своих слов не отказался.

Даже бегло пролистав эту книгу, читатель, вероятно, будет удивлен, насколько мало все меняется в России. В числе разыгрываемых в 1996 году

¹ Исаков В.Б. Президентские выборы в России: Как избирали Б.Н. Ельцина. М.: Книжный мир, 2022. 334 с.

сценариев — популистские обещания, обманы, подставы, фальсификации, грубое силовое и административное давление на участников выборов. Судорожные поиски «наследника», который подстраховал бы провалившийся режим. На стороне оппозиции — слабость, неорганизованность, неумение договариваться о совместных действиях. Политические традиции, которые на десятилетия закрепились в России. Неужели — навсегда?

Россия, вероятно, приближается к новым президентским выборам, поэтому имеет смысл вспомнить, как проходили президентские выборы в 1996 году. В книге подробно, насколько это было возможно, показано развитие событий на парламентском этаже власти. Автор хотел бы надеяться, что все приведенные в книге факты изложены точно, что же касается выводов, то читателю предстоит сделать их самому.

Был ли у России тогда шанс твердо встать на путь честных выборов, периодической смены власти и политического плюрализма, по которому пошли другие страны, наши бывшие союзники по социалистическому лагерю? Многие считают, что такой шанс был, но мы его упустили. К историческому очерку приложен аналитический материал, в котором известный философ размышляет над президентскими выборами 1996 года в контексте истории современной России.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫСТАВКИ «НИЖЕГОРОДЦЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор Института
международных отношений и мировой истории (ИМОМИ)
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: fseleznev@mail.ru

ЕВДОКИМОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой философии, истории и
теории социальной коммуникации
Высшей школы социальных наук
Нижегородского государственного лингвистического
университета имени Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: Artemius2014@yandex.ru

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежного
регионоведения и локальной истории
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Аннотация: В основу выставки «Нижегородцы и Государственная дума: история и современность» легли материалы одноименной книги, представленной на «Таврических чтениях» в 2021 году. Выставку подготовили авторы монографии: Ф.А. Селезнев, А.А. Сорокин, А.В. Евдокимов. В рамках выставки были представлены копии документов, редкие фото и материалы периодической печати, освещавшие ход выборов в Государственную Думу на территории Нижегородской губернии. Отдельная часть выставки была посвящена становлению и развитию парламентаризма в Нижнем Новгороде и Нижегородской области, начиная с 1991 года и по настоящее время.

Ключевые слова: Государственная дума, Нижегородская губерния, Нижегородская область, Нижний Новгород, российский парламентаризм.

6 декабря 2022 г. в атриуме Таврического дворца состоялась презентация выставки «Нижегородцы и Государственная дума: история и современность». В основу выставки легли материалы одноименной книги, представленной на «Таврических чтениях» в 2021 году¹. Выставку подготовили авторы монографии: Ф.А. Селезнев, А.А. Сорокин, А.В. Евдокимов.

¹ Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В., Сорокин А.А. Нижегородцы и Государственная дума: история и современность. М., 2021. 256 с.

В рамках выставки были представлены копии документов, редкие фото и материалы периодической печати, освещавшие ход выборов в Государственную Думу на территории Нижегородской губернии. В частности, были продемонстрированы фото А.А. Остафьева (председатель Нижегородской уездной земской управы, депутат I Думы, кадет), Н.И. Долгополова (врач, депутат II Думы, эсер), И.Р. Романова (рабочий, депутат II Думы, член РСДРП), М.С. Фокеева (депутат II Думы, эсер), Ф.И. Владимирского (арзамасский священник, депутат II Думы, кадет), А.В. Иконникова (председатель Макарьевской уездной земской управы, депутат II и III Думы, кадет), Г.Р. Килевейна (балахнинский и нижегородский земский деятель, депутат III Думы, кадет), А.Н. Хвостова (нижегородский губернатор в 1910–1912 гг.).

Фотокопии архивных материалов позволили гостям презентации окунуться в атмосферу кухни избирательного процесса начала XX века. Среди указанных документов — список лиц, баллотировавшихся в Городское избирательное собрание Нижнего Новгорода, с указанием набранных ими голосов на выборах в I Государственную думу¹ и заполненные избирательные записки с фамилиями кандидатов². Особый интерес публики вызвало Постановление Нижегородской губернской избирательной комиссии об оставлении жалобы исключенных из числа выборщиков по рабочей курии Сормовского завода Пушкарева и Филиппова без последствий. Суть конфликта была такова: 5 марта 1906 г. мастер сталелитейного цеха Александр Федорович Пушкарев и приемщик материалов в вагоно-классном цехе Лука Григорьевич Филиппов были в числе других избраны уполномоченными от рабочих Сормовского завода. Оба придерживались умеренно-правых взглядов и примыкали к «Союзу 17 октября». Старший фабричный инспектор Нижегородской губернии М.И. Селивановский (сторонник левых) сообщил губернатору К.П. Фредериксу, что Пушкарев и Филиппов не являются рабочими, а «входят в состав заводской администрации». На этом основании оба были исключены из числа выборщиков³.

Посетители выставки смогли ознакомиться с ярким образцом публицистики нижегородского депутата IV Думы П.А. Барача «Политика самоубийства» о противостоянии нижегородского губернатора А.Н. Хвостова и местных земских деятелей из кадетской партии во время предвыборной кампании в IV Думу⁴.

Последний сюжет был ярко проиллюстрирован и другими публикациями из провинциальной монархической печати, в которой приветствовалось устранение от участия в выборах в IV Думу видных деятелей кадетской партии, депутатов III Думы: председателя Макарьевской уездной земской управы А.В. Иконникова и членов Нижегородской губернской земской управы А.А. Савельева и Г.Р. Килевейна за растрату земских средств⁵.

Также на выставке были представлены разнообразные публикации из столичной и провинциальной периодической печати о социально-экономической и общественной жизни в Нижнем Новгороде на рубеже XIX–XX вв.⁶

¹ ЦАНО. Ф. 628. Оп. 654. Д. 10. Л. 5.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Д. 15. ЛЛ. 11, 11 об., 12.

⁴ Барач П.А. Политика самоубийства. СПб., 1913. С. 8–11.

⁵ Кадетское земское хозяйство // Курская быль. 1911. 25 марта; Перед выборами // Курская быль. 1912. 5 апреля.

⁶ Нижний Новгород // Новое время. 1892. 13 сентября [О строительстве моста через Оку в Нижнем Новгороде] // Голос Москвы. 1911. 11 января [Из речи нижегородского губернатора А.Н. Хвостова при вступлении в должность] // Подолянин. 1910. 19 октября; Новая газета // Курская быль. 1911. 24 марта.

Отдельная часть выставки была посвящена становлению и развитию парламентаризма в Нижнем Новгороде и Нижегородской области, начиная с 1991 года и по настоящее время. А.В. Евдокимов на примерах наиболее известных нижегородских депутатов показал их карьерные траектории и достижения. Среди них А.В. Евдокимов особо выделил Бориса Немцова (нижегородский губернатор, депутат Государственной Думы и депутат Совета Федерации), Анатолия Козерадского (председатель Законодательного собрания Нижегородской области, депутат Государственной Думы, член Совета Федерации), Вадима Булавинова (мэр Нижнего Новгорода, депутат Государственной Думы), Михаила Сеславинского (депутат Государственной Думы, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям), Геннадия Ходырева (депутат Государственной Думы, нижегородский губернатор), Алексея Лихачева (депутат Государственной Думы, руководитель госкорпорации «Росатом»).

Как пояснил А.В. Евдокимов, избрание в Государственную Думу Федерального Собрания для абсолютного большинства нижегородских депутатов стало способом вхождения в элиту. Часть депутатов после окончания своих полномочий продолжили свою работу в Совете Федерации или органах законодательной власти субъектов Российской Федерации. Для других законотворческая деятельность стала пропуском в коридоры исполнительной власти: они стали федеральными министрами, заместителями министров или же стали работать в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Остальные реализовались в других сферах, особенно в бизнесе. Таким образом, на современном этапе Государственная Дума представляет собой достаточно эффективный механизм взаимодействия между правящей и региональной элитами, что не было характерно для Государственной Думы дореволюционного периода.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

(на декабрь 2022 г.)

Аксенов Владислав Бэнович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия;

Алмазов Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Мытищи, Россия;

Аронов Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», Орел, Россия;

Аронова Светлана Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, директор департамента международных связей Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;

Бабурин Сергей Николаевич — народный депутат РФ 1990–1993 гг., главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, профессор Московского университета имени С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный академик НАН Киргизской Республики, Иностранный член Академии наук Абхазии, Москва, Россия;

Бажанов Денис Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Бокарева Людмила Сергеевна — кандидат исторических наук, директор по сервису АО «Север Телеком», Санкт-Петербург, Россия;

Гавроева Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Гайда Федор Александрович — доктор исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ, Москва, Россия;

Галена Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, преподаватель русского языка Центра дополнительного образования Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова — филиал ФГБОУ ВО Донской ГАУ, Новочеркасск, Ростовская обл., Россия;

Голицын Юрий Петрович — кандидат исторических наук, руководитель направления по истории финансового рынка ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС», Москва, Россия;

Дёмин Вадим Александрович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Государственной публичной исторической библиотеки России, Москва, Россия;

Добровольский Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия;

Евдокимов Артем Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия;

Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия;

Златина Мария Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Ильин Андрей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Исаков Владимир Борисович — народный депутат РСФСР (1991–1993), Председатель Совета Республики ВС РСФСР (1990–1991), председатель комитета по конституционному законодательству ВС РСФСР, член Конституционной комиссии РСФСР, депутат Государственной Думы ФС РФ первого созыва, председатель комитета по законодательству, доктор юридических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей России, Москва, Россия;

Калашиников Владимир Валерьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Калинина Елена Юрьевна — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Каткова Екатерина Петровна — ассистент Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Кириянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Кобицкий Дмитрий Аркадьевич — Генеральный секретарь — руководитель Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия;

Лавринович Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь;

Лукашевич Дмитрий Александрович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия;

Лукашин Александр Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела использования документов Российского государственного архива социально-политической истории, Москва, Россия;

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Санкт-Петербургского института истории РАН по научной работе, Санкт-Петербург, Россия;

Ляндрес Семен Михайлович — PhD, профессор факультета истории, со-руководитель программы российских и восточноевропейских исследований, Университет Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США;

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Маров Михаил Николаевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС», Санкт-Петербург, Россия;

Моторова Надежда Сергеевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Витебск, Беларусь;

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена, заместитель председателя НМС Центра истории парламентаризма МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Новикова Инна Федоровна — старший преподаватель кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Оболенский Александр Митрофанович — народный депутат СССР, Председатель Комиссии Верховного Совета СССР «По расследованию причин и обстоятельств государственного переворота в СССР», Орел, Россия;

Омельянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Онопко Олег Владимирович — депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Донецкого государственного университета, Донецк, Россия;

Орчакова Лариса Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Пашковский Евгений Александрович — старший преподаватель кафедры политологии Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия;

Пленкин Олег Игоревич — независимый исследователь, Владимир, Россия;

Раскин Давид Иосифович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Руденко Мирослав Владимирович — депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики, старший преподаватель кафедры политологии Донецкого государственного университета, Донецк, Россия;

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Смаль Светлана Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Института истории и социальных наук РГПУ имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета, Рязань, Россия;

Солнышкин Андрей Александрович — лаборант-исследователь, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия;

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Стогов Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Сычев Николай Федорович — аспирант 2-го года обучения Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Тамби Сергей Александрович — соискатель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России, Москва, Россия;

Тарасова Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Тимохина Дарья Аркадьевна — кандидат исторических наук, ответственный редактор Некоммерческого партнерства «Издательское, исследовательское и просветительское содружество „Посев“», Москва, Россия;

Трибунский Павел Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры Российского Зарубежья Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, старший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН, Москва, Россия;

Узлова Ирина Витальевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры Гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета, Ярославль, Россия;

Циунчук Рустем Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань, Россия;

Чехарина Валентина Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, Москва, Россия;

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь;

Ялышев Ренат Амируллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

- АГФ** — Архив Горбачев-фонда;
Архив ДРЗ — Архив Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына;
Би-Би-Си — Британская радиовещательная корпорация (англ. British Broadcasting Corporation, BBC);
ВКГД — Временный комитет Государственной думы;
ВНС — Вестник народной свободы;
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет;
ГАВО — Государственный архив Владимирской области;
ГАКО — Государственный архив Курской области;
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации;
ГАТО — Государственный архив Тверской области;
ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению;
Госсовет — Государственный совет;
ДНР — Донецкая Народная Республика;
ДП ОО — Департамент полиции Особый отдел;
ИИСН — Институт истории и социальных наук;
ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук;
КНПП — Курская народная партия порядка;
МГИМО МИД России — Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
МПА СНГ — Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств;
НАТО — Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organisation);
НМС — Научно-методический совет;
ОВД — Организация Варшавского договора;
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки;
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПНС — Партия народной свободы;
ПСЗ-З — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е;
ПСС — Полное собрание сочинений;
РАН — Российская академия наук;
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив;
РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург;

- РГПУ** — Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;
- РККА** — Рабоче-крестьянская Красная армия;
- РМП** — Русская монархическая партия;
- РНСМА** — Русский народный союз имени Михаила Архангела;
- РО ИРЛИ РАН** — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук;
- РОС** — Русский окраинный союз;
- РСДРП(б)** — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики);
- РСФСР** — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;
- СЗРИ** — Свод законов Российской империи;
- СНК** — Совет Народных Комиссаров;
- СРН** — Союз русского народа;
- СССР** — Союз Советских Социалистических Республик;
- ЦАНО** — Центральный архив Нижегородской области;
- ЦГА Москвы** — Центральный государственный архив Москвы;
- ЦГИА СПб** — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
- ЦГИАУ** — Центральный государственный архив Украины;
- VAR** — Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive.

Таврические чтения 2022

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть вторая

Дизайн обложки *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 134. Подписано в печать: 30.10.2023 г. Бумага офсетная.

Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Объем: 21,18 п.л. Тираж: 100 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 174,

тел.: (812) 685–73–00, 970–35–70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📠: https://vk.com/asterion_izdatelstvo